

ВЕСТНИК

КУРГАНСКОГО № 4 (14)
ГОСУДАРСТВЕННОГО 2008
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ

*«ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ»*

Выпуск 4

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф. **Б.С. Шалютин** - главный редактор

д-р филол. наук **Е.Р. Ратушная**

д-р экон. наук, проф., заслуженный экономист РСФСР **В.М. Семенов**

УДК 30
ББК 6/8
В 38

Вестник Курганского государственного университета. – Серия «Гуманитарные науки». –
Вып. 4. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – 136 с.

ISBN 978-5-86328-935-9

© Курганский
государственный
университет, 2008
© Авторы, 2008

Гришкова
Лиля Владимировна
канд. филол. наук, доц.

КОНЦЕПТ МЕССИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Концепт **мессия** — одна из важнейших констант христианской культуры. По определению Ю.С. Степанова, константа в культуре — это «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время, или некий постоянный принцип культуры» (7,84). Трактовка концепта **мессия** положена в основу типологии христианских культур, предложенной В.С. Непомнящим:

Общеизвестно, что на Западе, у католиков и протестантов, главный церковный праздник — Рождество, а у нас в православии — Пасха. В этом и эксплицировано, как говорят ученые люди, наше глубокое ментальное различие. Нет гнезда выше орлиного, нет праздника выше Рождества — это немецкая поговорка. Почему «нет выше»? Да потому, что Рождество Христово есть Боговоплощение: Бог воочеловечился, говорится в Символе веры. То есть Бог так любит меня, что уподобился мне! Значит... значит, я этого достоин (вспомним рекламные слоганы). Это лестно мне, а главное: стало быть, я имею право осознать себя, человека, точкой отсчета и мерилем всего. Не случайно именно на Западе после Ренессанса родилась, а позднее вошла в силу идея несовершенства мира — причины всех бед и несчастий людей... В конце концов к XX веку окружающий мир был фактически признан чем-то вроде груды строительного материала, из которого мне, человеку, надлежит создать нечто «совершенное», то есть совершенное на мой вкус. Такой земной рай: без «усовершенствования» самого человека — только условий его существования.

Пасха и Воскресение не льстят мне, а призывают стать лучше: «Последуй за Мною, взяв крест». Свой крест, который тебе достался в жизни. Отсчитывай не от себя любимого, а от Бога, от Христа, от идеала, наконец... Короче говоря, в «рождественском» христианстве главное событие — наличный факт уподобления Бога человеку, а в «пасхальном» — призыв Христа к человеку уподобиться Ему, Богу; «отсчет» ведется с противоположных «концов» (6).

При определении самого понятия «концепт» Ю.С. Степанов выделяет две его функции в жизни социума: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный

мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (7, 43).

Исследователи выделяют в структуре концепта ядерную и периферийную зоны. В ядерную зону входят словарные значения той или иной лексики. Периферия включает субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексики, коннотации и ассоциации (5, 30).

При определении ядерной зоны концепта **мессия** нужно учитывать, во-первых, его этимологические характеристики: лексема восходит к древнееврейскому *машиах*, буквально — помазанник; греческий перевод — Христос. Во-вторых (и это главное), в христианской религии мессия — Спаситель, ниспосланный Богом на землю (8, 351).

Толковый словарь английского языка дает практически то же определение:

Messiah — person expected by the Jews to come and set them free; the Saviour, Jesus Christ (11).

При определении периферии полезно обратиться к приведенному ниже комментарию к Новому Завету американского издания Библии на русском языке, в котором говорится о неоднозначности истолкования евангелистами личности Христа. В комментарии также приводятся семь истин, которые лежат в основе четырех Евангелий. Мы остановимся на двух из них. Истина первая:

В каждом из Евангелий открывается одна и та же уникальная Личность. Тот же Иисус у Матфея — Царь, у Марка — Раб, у Луки — Человек и у Иоанна — Бог. Но нигде Он не является чем-то одним, потому что у Матфея Он и Царь, и Раб, и Человек, и Бог. Раб у Марка — также и Царь, и Человек, и Бог. Человек у Луки — одновременно Царь и Раб, и Бог. У Иоанна вечный Сын является и Царем, и Рабом, и Человеком.

Истина седьмая:

Все евангелисты предсказывают Его Второе Пришествие (12, 1086–1087).

Из комментария следует, что каждый евангелист предлагает свою иерархию ипостасей Богочеловека, и поскольку всякий литературный текст оказывается лишь одним из звеньев непрерывающегося социально-литературного дискурса (термин Е.А. Гончаровой), трансформации может подвергаться не только периферийная зона концепта **мессия**, но и его ядро (2, 6–15).

Отсылки к Библии в художественных текстах обычно рассматриваются как интертекстуальные включения. Масштабы интертекстуальности бывают различными и могут колебаться «от реминисценций, аллюзий и цитат до включения целостных больших текстов в виде произведений, принадлежащих перу персонажей: их писем, дневников или написанных ими романов» (1, 80–81).

С другой стороны, Священное Писание относится к так называемым прецедентным текстам, под которыми понимаются явления культуры, «хрестоматийно известные всем (или почти всем) носителям данного языка» (3, 44). Основное свойство любого вида цитирования — это его узнаваемость предполагаемым адресатом (читателем). Узнаваемость прецедентного текста позволяет использовать его элементы (сюжет, образную систему и т.д.) без подчеркивания первоначального авторства.

Таков роман С. Кинга «Зеленая миля» (*The Green Mile*), действие которого происходит в Америке в годы Великой депрессии, о чем свидетельствует уже начало этого произведения:

This happened in 1932, when the state penitentiary

was still in Cold Mountain. And the electric chair was there, too, of course (14, 3).

Место действия – замкнутое пространство блока смертников (E Block). Рассказчик Пол Эджкомб и его сослуживцы нарушают первую заповедь – «не убий»: они приводят в исполнение смертные приговоры:

I presided over seventy-eight executions during my time in Cold Mountain (that's one figure I've never been confused about; I'll remember it on my deathbed) (14, 3).

Завязка (и одновременно загадка) сюжета – появление в блоке смертников Джона Коффи (John Coffey). Американские критики сразу же обратили внимание на начальные буквы его имени, созвучные с именем Христа (Jesus Christ).

«Перемещение центра тяжести из области небесного идеала в координаты земного житья-бытья помогло христианству укрепляться в «дольней» жизни и стать основой мощной европейской цивилизации, – отмечает В.С. Непомнящий. – Но зато осложнялись — чем дальше, тем больше — отношения с «горним», с небесным, с неотступно свойственной человеку тягой к идеальному, вечному». Отсюда, по мнению ученого, – свойственная западной цивилизации «доминанта нарастающего трагизма», приводящая «к скепсису, фатализму, цинизму и прочим разнообразным «цветам зла» вплоть до американских кинобоевиков с разной чертовщиной, которая, помимо прочего, выдает inferнальный ужас перед жизнью...» (6).

Мессия в романе С. Кинга приходит в образе огромного, физически сильного афроамериканца («big boy») с душой потерявшегося ребенка:

He looked like he could have snapped the chains that held him as easily as you might snap the ribbons on a Christmas present, but when you looked in his face, you knew he wasn't going to do anything like that. It wasn't dull... but lost. He kept looking around as if to make out where he was. Maybe even who he was (14, 11).

Пол Эджкомб сравнивает его с библейским Самсоном, у которого отрезали волосы, лишив тем самым его силы. Он не только не осознает, где он, но даже и *кто* он (выделено нами. – Л. Г.):

My first thought was he looked like a black Samson... only after Delilah had shaved him smooth as her faithless little hand and taken all the fun out of him (14, 11).

Последнее замечание рассказчика очень важно, равно как и выделенное ранее автором слово *lost* (потерянный, заблудившийся). Причину этого бессилия и потерянности читателю еще предстоит узнать.

Обвиненный в убийстве, которого он не совершал, Джон Коффи не может (или не хочет) спасти себя, но спасает других.

«I'm rightly tired of the pain I hear and feel, boss. I'm tired of being on the road, lonely as a robin in the rain. Not never having no buddy to go on with or tell me where we's coming from or going to or why. I'm tired of people being ugly to each other. It feels like pieces of glass in my head. I'm tired of all the times I tried to help and couldn't. I'm tired of being in the dark. Mostly it's the pain. There's too much. If I could end it, I would. But I can't» (14, 491).

Джон Коффи хочет уйти из жизни, потому что он устал от человеческой жестокости («I'm tired of people being ugly to each other»), от собственной беспомощности («I'm tired of all the times I tried to help and couldn't»), от непонимания того, зачем пришел он в этот мир («I am in the dark»). Он готов принять казнь как избавление: «There's too much. If I could end it, I would. But I can't».

Голгофа в романе – блок смертников, крест – электрический стул, но это не меняет сути происходящего –

казнь невиновного – убийство. Герой романа, казнивший Мессию, наказан как Агасфер, будучи обреченным на долгую одинокую жизнь в «чужом» пространстве дома для престарелых:

In 1932 John Coffey inoculated me with life. Electrocuted me with life, you might say. I will pass on eventually – of course, I will any illusions of immortality I might have had died with Mr. Jingles – but I will have wished for death long before death finds me (13, 534).

И он вновь и вновь перелистывает страницы своего дневника, где описаны драматические события тех далеких дней:

I look back over these pages, leafing through them with my trembling, spotted hands, and I wonder if there is some meaning here as in those books which are supposed to be uplifting and ennobling. I think back to the sermons of my childhood, booming affirmations in the church of Praise Jesus. The Lord is Mighty, and I recall how the preachers used to say that God's eye is on the sparrow, that He sees and marks even the least of His creations. When I think of Mr. Jingles, and the tiny scraps of wood we found in that hole in the beam, I think that it is so. Yet this same God sacrificed John Coffey, who tried only to do good in his blind way, as savagely as any Old Testament prophet ever sacrificed a defenseless lamb... as Abraham would have sacrificed his own son if actually called upon to do so. I think of John saying that Wharton killed the Detterick twins with their love for each other, and that it happens every day, all over the world. If it happens, God lets it happen, and when we say «I don't understand», God replies, «I don't care» (14, 535).

«Возвышающие и облагораживающие» («uplifting and ennobling») книги, с которыми он сравнивает свои заметки, – жизнеописание Джона Коффи, призванного творить добро («помогать», как он сам говорит) и казненного за чужое преступление – это, конечно же, четыре Евангелия, написанные учениками Христа. Похоже, Пол Эджкомб написал пятое, в котором рассказал о Втором Пришествии. И история повторилась.

Джон Коффи – мессия, но он не Христос («Человек из Галилеи»). Он наделен всеведением пророка, но он не пророчествует, не проповедует и не учит. Он творит добро «вслепую» («in his blind way»). Цитируя булгаковского героя, можно сказать даже, что он «малодушно помышляет о смерти» подобно Пилату, но причина тому – не телесные муки, как у прокуратора, а страдания духа, не выдержавшего тягот земного бытия: он страдает от одиночества и бездомности:

I'm rightly tired of the pain I hear and feel, boss. I'm tired of being on the road, lonely as a robin in the rain. Not never having no buddy to go on with or tell me where we's coming from or going to or why...

Но более всего его ужасает то, что в этом мире любовью можно убить, и когда Пол Эджкомб думает об этом, он начинает сомневаться в высшей справедливости:

I think of John saying that Wharton killed the Detterick twins with their love for each other, and that it happens every day, all over the world. If it happens, God lets it happen, and when we say «I don't understand», God replies, «I don't care».

Ю.Н. Караулов подчеркивает, что введение в дискурс прецедентных текстов «всегда означает выход за рамки обыденности, ординарности в использовании языка, и отсылка к прецедентным текстам ориентирована не на обычную коммуникацию, не на сообщение какой-то информации в первую очередь, но имеет, прежде всего, прагматическую направленность, выявляя глубинные свойства языковой личности, обусловленные либо доминирующими целями, мотивами, установками, либо ситуативными интенциональностями» (4).

Все вышесказанное в полной мере относится и к литературной коммуникации, и вопрос может быть поставлен следующим образом: что призвана дать «обычному, рядовому» человеку встреча с мессией?

История Христа в произведении М. Булгакова «Мастер и Маргарита» представлена как роман в романе. И роман этот не только о Христе, но и о «жестоком пятом прокураторе Иудеи всаднике Понтийском Пилате». Евангельский Пилат – это стереотип человека, который сомневается в существовании Истины:

Сказал Ему тогда Пилат: значит Ты все-таки Царь? Ответил ему Иисус: ты говоришь, что Я царь. Я на то и родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто от истины, слушает Моего голоса.

Говорит Ему Пилат: что есть истина? И сказав это он снова вышел к Иудеям и говорит им: я никакой не нахожу в Нем вины (Иоанн 18: 37–38).

У Марка Пилат принимает решение о казни Иисуса из страха перед толпой:

И Пилат, желая угодить толпе, отпустил им Варавву, и предал Иисуса по бичеванию, на распятие (Марк 15: 15).

У Матфея он при этом еще и умывает руки, снимая с себя вину:

Пилат взял воды, умыл руки перед народом и сказал: невиновен я в крови Праведника Этого, смотрите сами; и весь народ ответил: кровь Его на нас и детях наших (Матфей 27: 24–25).

Трудно сказать, текст какого Евангелия послужил основой для булгаковского романа. Вероятнее всего автор опирался на книги Нового Завета в целом, но в приводимом ниже диалоге Иешуа Га Ноцри и Пилата текст-источником, несомненно, является Евангелие от Иоанна.

Парадокс этой ситуации в том, что Истина стоит перед прокуратором, а он задает ей вопрос о том, что она такое.

– А вот что ты все-таки говорил про храм толпе на базаре?

– Я, ижемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее.

– Зачем же ты, бродяга, на базаре смутил народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина? (13, 18).

У Булгакова Пилат получает на свой абстрактный риторический вопрос весьма конкретный ответ – правду о самом себе: истина в том, что он – больной и одинокий человек:

– Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе даже трудно глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже думать о чем-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет (13, 18).

Измученный побоями Иешуа думает о муках Пилата и сострадает ему.

Повествование и монологическую речь (поучения и проповеди Иисуса) евангельских текстов М. Булгаков заменяет диалогами между язычником и христианином:

– Так ты утверждаешь, что не призвал разрушить...или поджечь, или каким-либо иным способом уничтожить храм? – Я, ижемон, никого не призывал к подобным действиям, повторяю. Разве я похож на слабоум-

ного? – О да, ты не похож на слабоумного, – ответил прокуратор и улыбнулся какой-то страшной улыбкой, – так поклянись, что этого не было.

– Чем хочешь ты, чтобы я поклялся? – спросил, очень оживившись, развязанный.

– Ну, хотя бы жизнью твоею, – ответил прокуратор, – ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это! – Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил, ижемон? – спросил арестант, – если это так, ты очень ошибаешься.

– Я могу перерезать этот волосок.

– И в этом ты ошибаешься, – светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, – согласись, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил? (13, 14).

Пилат предстает перед читателем как авторитарная личность, как человек, привыкший повелевать, казнить и миловать, но Иешуа говорит ему, что «жизнь его скудна», потому что он «окончательно потерял веру в людей». И это он здесь – пленник и раб, он, прокуратор Иудеи. Он не может принять самостоятельного решения, потому что боится доносов первосвященника, гнева кесаря, а еще потому, что никому не доверяет.

В речах его собеседника Иешуа, убежденного в том, что «злых людей нет на свете», находят свое выражение основные ценности и вечные истины Христианства – концепты Веры, Истины, Добра и Любви.

«Обратите внимание: ведь и распятия у нас разные, – пишет В.С. Непомнящий. – На православных распятиях Распятый изображается условно — Его руки словно расплахнуты для объятия, — а на западных — реалистично: тяжело провисшее тело. То есть, если для восточного христианства крест — орудие нашего спасения, то для западного — орудие пытки» (6).

Концепт христианской культуры **мессия** объективируется в образах Джона Коффи и Иешуа Га Ноцри и трансформируется в рамках **модуса художественности**, под которым подразумевается «всеобъемлющая характеристика художественного целого», то есть «тот или иной род целостности, предполагающий не только соответствующий тип героя и ситуации, авторской позиции и читательского восприятия, но и внутренне единую систему ценностей и соответствующую ей поэтику...» (9, 469). Таким образом, в результате взаимодействия двух концептуально различных текстов в каждом из романов возникает нечто третье – «новая значащая структура, которая постулирует иную, отличную систему ценностей» (10, 67).

В герое романа С. Кинга, как отмечают критики, воплощены сразу три евангельских персонажа: он и Пилат, и сотник, и Агасфер. Давно похоронив всех своих друзей и близких, потеряв любимую жену, погибшую в автомобильной катастрофе, он желает смерти, а она не приходит к нему:

We each owe a death, there are no exception, I know that, but sometimes, oh God, the Green Mile is so long (14, 536).

Что же дала встреча с Джоном Коффи Полу Эджкомбу? Итогом его встречи с Мессией и даже всей его последующей долгой жизни становится мысль о том, что «иногда нет абсолютно никакой разницы между спасением и проклятием» («no difference between salvation and damnation») (14, 533).

Пилат Булгакова идет навстречу «распахнутым объятиям», сначала во сне, после казни Иешуа, о которой он хочет забыть:

И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней

вверх прямо к луне. Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того все сложилось прекрасно и неповторимо на прекрасной голубой дороге. Он шел в сопровождении Банги, а рядом с ним шел бродячий философ. Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить другого. Они ни в чем не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. **Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением – ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шел рядом, следовательно, он был жив. И, конечно, совершенно ужасно было даже подумать о том, что такого человека можно казнить. Казни не было! Не было. Вот в чем прелесть этого путешествия по лестнице луны** (13, 251).

Сон прокуратора сбывается через «двенадцать тысяч лун», потому что «за него просил тот, с кем он так стремился разговаривать», и он обретает прощение и желанное общение. Мастер освобождает своего героя:

Он сложил руки рупором и крикнул так, что эхо запырило по безлюдным и безлесым горам:

– Свободен! Свободен! Он ждет тебя!

Горы превратили голос мастера в гром, и этот же гром их разрушил. Проклятые скалистые горы упали (13, 301).

Когда читаешь эти строки булгаковского романа, предвещающие его концовку, невольно вспоминаются другие – из первого Послания апостола Павла к коринфянам: «И если я имею пророчество и постигаю все тайны и все знание, если я имею веру так, чтобы и горы переставить, но любви не имею, – я ничто».

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Флинта; Наука, 2004.
2. Гончарова Е.А. Когнитивно-коммуникативные параметры ситуации порождения, восприятия и интерпретации художественного текста // *Studia Linguistica XVI. Язык. Текст. Культура: Сборник.* – СПб., 1997. – С. 6-15.
3. Караулов Ю. Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах // *Система и функционирование.* – М.: Наука, 1988. – С. 108-116.
4. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М., 1999.
5. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой – М.: Флинта; Наука, 2004.
6. Непомнящий В. Русский человек экзистенциально — самый свободный человек на свете. - *htm*.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. - Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004.
8. Терра-Лексикон: Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Терра, 1998.
9. Тюпа В.И. Художественность // *Введение в литературоведение: Основные понятия и термины: Учебное пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, С.Н. Бройтман и др.; Под ред. Л.В. Чернец.* – М.: Высш. шк.; Издательский центр «Академия», 2000. – С. 463- 471.
10. Щирова Н.А., Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепты, школы: Учебное пособие. – СПб.: Изд. - во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.
11. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*// A.S. Hornby. – Oxford University Press, 1978.

Источники

12. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. – Чикаго, 1990.
13. Булгаков М. Мастер и Маргарита. Театральный роман. Рассказы. – Алма-Ата: Жалын, 1988.
14. King S. *The Green Mile.* – N. Y., 1995.

**Казенас Оксана
Анатольевна**
канд. пед. наук, доц.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ *DIEU* (БОГ)

Задача нашей статьи состоит в том, чтобы выявить особенности французского менталитета, которые нашли свое отражение в народной мудрости и закрепились в пословицах и поговорках французского народа. Для анализа нами были отобраны паремиологические единицы (мы не разграничиваем понятия «пословица» и «поговорка» в данной статье) с компонентом *Dieu*.

Словари синонимов французского языка приводят в качестве синонимов *Dieu* следующие слова:

Dictionnaire de synonymes et mots de sens voisin, 2003: cabire, déité, démon, divinité, esprit, être, génie, héros, idole, immortel, manitou (indien), numen, principe, symbole.

Dictionnaire des synonymes: Allah, alpha et oméga, bleu, cause universelle, Ciel, Créateur, Demiurge, Esprit, Éternel, Être suprême, Grand Architecte, Grand Être, Jahvé, Jéhovah, La Divinité, logos, Notre-Seigneur, Père, Providence, pur esprit, Saint des saints, Sauveur, Seigneur, souverain bien, Tout-Puissant, Très-Haut, Trinité, Verbe.

Le Nouveau Petit Robert, 2002: père, seigneur.

Однако в пословицах французского языка в большинстве случаев актуализируются лишь *Dieu* или *le bon Dieu*, очень редко – *le Dieu tout puissant* и *le Seigneur Dieu*.

В толковых и религиозных словарях французского языка выделяются следующие характеристики Бога: *Le Nouveau Petit Robert, 2002*: Être éternel, unique, tout-puissant et miséricordieux, créateur et juge...

Littre: 1° Nom du principe, unique ou multiple, qui, dans toutes les religions, est placé au-dessus de la nature. 2° L'être infini créateur et conservateur du monde dans la religion chrétienne, et aussi dans le mahométisme, dans le judaïsme...

Le Dictionnaire de Dieu, 2003: ...il est une puissance exigeant la crainte et respect, amour et foi... Qu'on le nomme Seigneur, Tout-Puissant, Très-Haut, il est Créateur, celui qui voit tout, sait tout, dirige les hommes et les nations, et qui, en retour de son amour incommensurable, exige le respect de ses commandements pour le bonheur de tous, ici-bas et dans le monde éternel.

Dictionnaire des monothéismes, 2003: Dieu est vu comme l'Être suprême, transcendant, unique et universel, créateur et auteur de toutes choses... Par la raison on attribue à Dieu les meilleures qualités constatées dans les êtres créés, mais portées au plus haut point de leur perfection... Ces attributs divins sont en nombre infini, et la plupart nous sont inconnaisables. On peut toutefois dire avec certitude: Dieu est saint, beau, fort, éternel, juste, aimant, compatissant...

Dictionnaire des religions et des mouvements

philosophiques associés : Avec une majuscule, Dieu est le nom du dieu unique des religions монотеистов ou des philosophes. Le concept de dieu prend des formes extrêmement variées selon les religions. Leur point commun: Dieu (ou un Dieu) est supérieur à l'homme, plus puissant et complet que lui.

Pour les монотеизмы (judaïsme, christianisme, islam), Dieu représente l'Être suprême, transcendant, unique et créateur du monde. Ses principaux attributs : infinité, omniprésence, omnipotence, omniscience, immuabilité, immatériальность, perfection, universalité, sagesse, justice, bonté... Dieu a établi les lois générales qui gouvernent le monde, mais peut intervenir y en dérogeant par des miracles.

Среди пословиц французского языка с компонентом *Dieu* можно выделить три группы:

1) пословицы о Боге, в которых представлена характеристика Бога, подчеркиваются те или иные его качества;

2) пословицы, отражающие содержание основных христианских заповедей;

3) пословицы, в которых компонент *Dieu* используется для описания различных ситуаций при помощи образа Бога.

Существует большое количество паремий, в которых имплицитно говорится о Боге, о вере и т.д., без применения соответствующих слов, но рассмотрение таких пословиц не входит в задачи нашего исследования.

К пословицам **первого типа** мы относим изречения такого рода, как:

Dieu veut le bon cœur.

Contre Dieu nul ne peut.

Ce que Dieu garde est bien gardé.

Le bon Dieu est meilleur que les saints и др.

В первую очередь среди пословиц этой группы хотелось бы отметить те, в которых Богу приписываются те или иные качества. Чаще всего для этой цели используется атрибутивная конструкция типа *вспомогательный глагол être + именная часть сказуемого*, выраженная прилагательным или существительным:

Dieu est éternel, miséricordieux et bon.

Dieu est le commencement et la fin.

Dieu est le souverain bien.

Более сложные грамматические структуры сохраняют это же значение:

Quand Dieu regarde une cité, c'est une bonne sentinelle.

В пословицах первой группы Богу приписываются такие качества, как:

- доброта: *La bonté de Dieu est insupérable;*

- милосердие: *Dieu est éternel, miséricordieux et bon;*

- справедливость: *Dieu est juste et véritable, et son jugement est équitable.*

Dieu qui est juste payera selon ce que chacun fera (помимо справедливости вторая часть пословицы подчеркивает вездесущный характер Бога);

- всемогущество: *Dieu est tout puissant et partout;*

- совершенство: *Le bon Dieu est meilleur que les saints;*

- вездесущность (вездесущий характер Бога передается в пословицах посредством употребления глаголов *savoir, voir, sonder* и наречия *tout*): *Dieu voit tout.*

Le seigneur Dieu sonde tout.

Dieu sait bien qu'il nous faut.

Кроме того, *Dieu* представлен как Творец, он в основе всего. В основе сотворения мира и рождения человека. Он же определяет и конец всего: мира в целом и жизни человека в каждом конкретном случае:

Dieu est le commencement et la fin.

Кроме этого, *Dieu* осуществляет руководство всем миром:

Dieu régit et gouverne tout.

Dieu стоит во главе всего и всех, ничто и никто не может с ним сравниться, даже святые:

Il n'y a pas de saints qui vaillent le bon Dieu.

Sur Dieu il n'y a autre seigneur, sur toutes les couleurs, le noir est le meilleur.

Il vaut mieux s'adresser à Dieu qu'à ses saints.

Богу подчинены не только святые, но и непосредственно человек. В этих пословицах подчеркивается зависимость судьбы человека от Бога, человек предстает как существо, которое не способно повлиять и изменить свою судьбу:

Ce que Dieu veut, les hommes ne seraient aller contre.

L'homme fait son pouvoir et Dieu son vouloir.

L'homme propose, Dieu dispose.

В большинстве случаев зависимость жизни человека от Бога передается посредством использования глагола *vouloir* и производного от него существительного *la volonté*:

Dieu veut obéissance et non sacrifice.

Les fautes du médecin sont la volonté de Dieu.

С другой стороны, человек не является просто пассивным существом, во всем зависящим от Бога, ему:

Les bêtes n'ont pas d'autre Dieu que les gens.

Отношения Бога к человеку различны. В пословице *Dieu prend aussi bien l'homme sain que le malade* подчеркивается равенство всех людей перед Богом: для него все равны. Но таких пословиц немного. В большинстве пословиц указывается на то, кого Бог поддерживает, к кому относится с уважением и любовью, и наоборот, кто находится в немилости у него.

Одним людям он помогает, покровительствует. Эта категория людей не является гомогенной. К ней относятся дети, бедняки, те, кто трудится, у кого доброе сердце, сумасшедшие, приветливые люди и ... пьяницы:

Au gracieux et au joli, Dieu donne profit

Le vertueux est semblable à Dieu, et le vicieux aux brutes.

Dieu aide à trois sortes de personnes: aux fous, aux enfants et aux ivrognes.

Dieu bénit la main laborieuse.

Dieu envoie toujours son soleil pour sécher la chemise des pauvres.

В немилости у Бога находятся грешники, гордецы, лицемеры, злые и жадные люди. Бог наказывает их, не слышит их молитв, использует их для решения каких-то своих задач:

Dieu résiste aux arrogants et orgueilleux.

Les hypocrites sont proprement les singes de Dieu.

Les méchants sont les bourreaux du seigneur Dieu.

Люди делятся на богатых и бедных. Однако это деление связано не с материальным богатством, а с верой в Бога:

Celui est bien pauvre que Dieu hait, celui est bien riche que Dieu aime.

Поэтому пословица *Dieu envoie toujours son soleil pour sécher la chemise des pauvres* может быть истолкована двояко: в прямом смысле и в переносном, когда бедными будут считаться те люди, которые не верят в Бога, а образ солнца служит для того, чтобы передать просветление, взраумление, наставить на путь истинный неверующих:

Qui n'a Dieu, n'a rien.

В пословицах Бог:

- помогает: *Aide-toi, le bon Dieu t'aidera*. В этой пословице подчеркивается также, что инициативность и человеческая активность имеют большую значимость, чем Божественное провидение.

Le bon Dieu met toujours le remède à côté du mal.

Qui tombe et ne se fait pas mal, Dieu l'aide;

- предостерегает: *Le bon Dieu nous préserve des roches fendues, des eaux dormantes, de la caton chez Jacques et de toutes les vieilles femmes du sentier;*

- охраняет: *Dieu me garde de quatre maisons: de la taverne, du lombard, de l'hôpital et de la prison.*

Dieu nous garde de cinq choses: de salade sans moutarde, de chambrière qui se farde, de valet qui se regarde, d'un pauvre repas qui tarde et d'un coup de hallebarde;

- покровительствует: *A qui Dieu veut aider, nul ne peut nuire ni dommager.*

Quand on fait Dieu maître en sa maison, il conduit le ménage;

- платит: *Dieu paye tout.*

Le bon Dieu a de la monnaie pour payer tout le monde;

- дарует, обеспечивает мир и покой: *Que Dieu nous conserve l'intelligence et la vue.*

Peu, paix et bon lieu sont vrais dons de Dieu;

- заботится обо всех и о каждом: *Chacun pour soi et Dieu pour tous.*

Le bon Dieu a pour chacun une poire.

Человек рождается, женится и умирает по воле Бога:

La mort et la vie, Dieu en dispose.

On se marie et on naît ou le bon Dieu veut.

Бог способен простить все кроме гордыни и спеси:

Le bon Dieu pardonne tout sauf l'orgueil.

L'orgueil mondain Dieu le hait et rabat.

Но вместе с этим в пословицах:

- Бог не всегда оказывается всемогущим: *Quand la poudre a le feu, le bon Dieu n'en pas maître;*

- Бог не всегда добр, он наделен способностью судить и мстить: *Gloire, jugement et vengeance réserve Dieu en sa puissance.*

- Бог наказывает: *Si tu ne veux pas croire au bon Dieu, toi et les tiens seront perdus;*

Как грех расценивается расточительство: *C'est un péché de gaspiller le bien de Dieu, Faut pas gaspiller le bien de Dieu.* В пословице *Gaspiller le pain, c'est gaspiller le bien de Dieu* хлеб ассоциируется с богатством, которое даруется Богом.

Вторую группу составляют пословицы, в содержании которых отражаются некоторые христианские заповеди.

Среди этих пословиц можно выделить несколько логико-семантических групп.

С точки зрения семантики в них говорится о том, что:

1. Бог может быть только один: *On ne peut servir à la fois Dieu et Mammon.*

L'on ne peut bien servir à Dieu et au monde. В этих пословицах нашло отражение евангельское положение: «Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамонне» (Лк 16, 13).

2. Что нужно / не нужно делать: *Il faut servir Dieu avant sa panse.*

Il ne faut pas faire à Dieu barbe de paille.

В приведенных примерах употребляется безличная конструкция *il faut / il ne faut pas*. Но кроме этого в данной группе встречаются конструкции с глаголом в повелительном наклонении: *Espère en Dieu, en chaque lieu.*

Fais ton devoir et laisse faire le bon Dieu.

Но и эти пословицы допускают трансформации с оборотом *il faut* и смысл при этом сохраняется.

Большинство пословиц этого типа носят прескриптивный характер.

3. Самую большую группу составляют пословицы, в содержании которых отражаются причинно-следствен-

ные отношения, которые связаны с определенными условиями. Структуры, используемые для передачи этих отношений, самые разные. Именная группа, заполняющая позицию подлежащего, может быть представлена:

- инфинитивом: *Dieu servir et honorer est régner;*

- придаточным предложением: *Qui vit sans crainte méprise Dieu.*

Qui ne croit pas à la femme ne croit pas en Dieu;

- существительным с определением в виде придаточного предложения: *Une femme qui ne craint pas son mari ne craint pas Dieu;*

- расчлененной конструкцией: *Il ne perd rien qui ne perd Dieu.*

В большинстве случаев причинно-следственные отношения в пословицах этой группы передаются такими грамматическими конструкциями, которые могут быть описаны как *если есть А, то есть В*:

Faire l'aumône, c'est prêter au bon Dieu.

Иногда встречаются фразы с союзом *si*:

Si tu ne veux pas croire au bon Dieu, toi et les tiens seront perdus.

или бессоюзные предложения, которые по семантике передают причинно-следственные отношения между составляющими их частями:

Il ne faut pas toucher à la ronce, sans cela le bon Dieu vous fait mourir immédiatement.

В целом можно выделить следующие христианские заповеди, которые нашли отражение в пословицах и поговорках французского народа:

1) верить нужно только в одного Бога: *Devant toute œuvre et en tout lieu, donne louange à un seul Dieu;*

2) в Бога нужно верить, не забывать его, никогда не поздно начать в него верить:

Lever matin ne vieillit pas, donner aux pauvres n'appauvrit pas, prier Dieu ne tarde pas.

Qui en sa vie Dieu oublie, en sa mort sera mis en oubli;

3) жить нужно в страхе:

Qui vit sans crainte méprise Dieu.

К пословицам **третьего типа**, как было указано выше, мы отнесли изречения, которые служат для описания некоторых ситуаций при помощи образа Бога. Среди них мы выделили:

- пословицы с компонентами *femme / homme, mari* (женщина / мужчина, муж);

- пословицы о семье;

- пословицы, содержащие характеристику человека в его отношении к Богу и окружающему миру.

Пословицы с компонентами *femme / homme, mari* выражают либо положительные, либо отрицательные коннотации в отношении женщины. В одной из пословиц говорится о двойственном характере женщины, что может быть интерпретировано и как ее непостоянство: *La femme est le diable de jour, le bon Dieu la nuit.* С этой целью в пословице используются противопоставления *le diable – le bon Dieu, le jour – la nuit.*

На подобном отношении противопоставления построены пословицы *Bon Dieu dans les rues, c'est le diable à la maison, Bon Dieu du jour, diables de la nuit*, отражающие двойственность человеческой природы в целом.

Женщине отводится роль хранительницы домашнего очага, хозяйки, и в этом смысле она приравнивается Богу в доме: *La femme est le bon Dieu de la maison.*

Наряду с верой в Бога, женщина является одним из условий счастливой жизни: *Pour être heureux, il faut une bonne femme, un bon maître, une bonne terre, de bons souliers, une bonne pipe et le bon Dieu à la fin de la semaine.*

В пословице *Ce que femme veut Dieu le veut* подчеркивается, что женщина обычно достигает своей цели, спо-

собна довести начатое до конца.

Мы уже говорили о том, что человеку предписывается жить в страхе. Это еще раз подчеркивается в отношении к женщине в пословице *Une femme qui ne craint pas son mari ne craint pas Dieu*. Более того, муж представлен в пословице как равное Богу существо, и как человек (мужчина) находится в подчиненном отношении к Богу и живет по его воле, так и женщина зависит от своего мужа.

Но при этом нельзя расценивать женщину лишь как пассивное, подчиненное мужу существо. В пословице *Qui ne croit pas à la femme, ne croit pas en Dieu* вера женщине и вера в Бога становятся синонимичными понятиями.

В большинстве пословиц указывается на то, какой должна быть женщина и каких женщин надобно остерегаться. К последним относятся:

- старуха: *Le bon Dieu nous préserve des roches fendues, des eaux dormantes, de la caton chez Jacques et de toutes les vieilles femmes du sentier*;

- женщина, которая красится: *De trois choses Dieu nous garde : de bœuf salé sans moutarde, de valet qui se regarde et de femme qui se farde*;

- дочь рыжеволосого мужчины: *Dieu te garde de l'enfer et de la fille d'un homme roux*;

- образованная женщина: *Dieu vous garde du soleil pâle le matin et d'une femme qui a étudié le latin*;

- служанка кюре: *Servante de curé et porc de meunier, le bon Dieu te garde d'y toucher*.

Во всех этих пословицах говорится о том, что Бог бережет и охраняет человека от подобных женщин. Это передается посредством использования глаголов *préserver* и *garder*.

Что касается пословиц с компонентом *homme, mari*, то их немного и в них отражается аспект женитьбы: мужчина должен довольствоваться тем, что он имеет и дорожить этим. Как благодать он должен расценивать свою свободу и отсутствие жены: *L'homme quand il n'est pas marié ne sait pas ce que Dieu lui a donné*, не жаловаться на свою судьбу, будучи женатым человеком и имея хорошую жену (однако в пословицах не говорится о том, что значит «хорошая жена»): *L'homme bien marié ne sait pas ce que Dieu lui a donné*.

Среди пословиц с компонентом *Dieu* имеются такие, которые используются для того, чтобы охарактеризовать человека:

- ангельского на вид, но в действительности таковым не являющегося: *On lui donnerait le bon Dieu sans confession*;

- живущего недалеко от церкви, но не являющегося ее поклонником: *Près de l'église et loin de Dieu*. Эта пословица может быть употреблена и в отношении влюбленного человека, которому его возлюбленная не отвечает взаимностью. Кроме того, в этой же пословице прослеживается ирония на нравы духовенства.

В отношении Бога к миру людей хотелось бы отметить пословицу *Les parents sont lieutenants et vice régents de notre seigneur Dieu*, в которой определяется роль родителей. Согласно этой пословице родители являются наставниками своих детей, они обязаны заботиться о них, оберегать и наставлять на путь истинный, как это делает Бог. С другой стороны, содержание пословицы предполагает послушание, родителям со стороны детей, как если бы они находились перед Богом: родители являются Богом для детей.

Таким образом, анализ паремииологических единиц французского языка в значительной степени расширяет и актуализирует содержание концепта *Dieu* во французской культуре.

Список литературы

1. Chavot P. Le Dictionnaire de Dieu. – Paris, Editions de la Martinière, 2003.
2. Dictionnaire des monothéismes. – Paris, Bayard, 2003.
3. Le Nouveau Petit Robert. – Paris, Dictionnaires le Robert, 2002.
4. Littré (www.francois.gannaz.free.fr/Littré)
5. Dictionnaire des synonymes (www.crisco.unicaen.fr)
6. Dictionnaire des religions et des mouvements philosophiques associés (<http://atheisme.free.fr/>)

**Кудрина
Наталья Викторовна
ст. преп.**

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ – НАИМЕНОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Пространство – основная форма бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Одной из существенных категорий пространства является его антропоцентричность, то есть связь с мыслящим субъектом, воспринимающим и осознающим окружающую среду. Художественное пространство представляет собой «модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» (5, 252), поэтому пространственные составляющие художественного текста относительны.

Художественное пространство поэтических текстов Анны Ахматовой четко очерчено и насыщено пластическими образами, что связано со «стимулом точности» в творчестве поэтессы. «Вещные» образы при описании пространства не просто «служат проводником лирической эмоции», а воссоздают облик реальной действительности, передают культурные знаки эпохи и являются частью исторического контекста ахматовской поэзии (4, 73-74).

Для наименования объектов, имеющих разную степень локализации, поэтесса активно включает в тексты своих стихов фразеологизмы (далее – ФЕ) с пространственной семантикой, которые обозначают как реальное, так и ирреальное пространство. Такие ФЕ способствуют «моделированию внепространственных отношений» (5, 258), что связано с выражением в поэтическом тексте «знаками пространственной языковой семантики внепространственных референтов» (6, 195).

Например, насыщена ФЕ с пространственной семантикой элегия «Предыстория» (цикл «Северные элегии»), в которой Анна Ахматова, показывая себя мастером исторического описания, совмещает разные временные и пространственные пласты. В «Предыстории» возникает образ Ф.М. Достоевского, чье творчество А. Ахматова считала пророческим и многое предопределившим в истории «настоящего, не календарного XX века». ФЕ *Россия Достоевского* совмещает в себе временное и пространственное значения. Себя и свое поколение по-

этесса включает в контекст исторического развития России конца XIX века: экономического («Торгуют кабаки, летят пролетки, // <...> Везде танцклассы, вывески меканя...», «Отцы и деды непонятны. Земли // Заложены. И в Бадене – рулетка»); культурного («Темнеет жесткий и прямой *Литейный*, // Еще не опозоренный модерном, // И визави меня живут Некрасов // И Салтыков...»); политического («Страну знобит, а омский каторжанин // Всё понял и на всём поставил крест»). Используя прием умолчания, А. Ахматова не называет больше в «Предыстории» фамилию Достоевского, но использует топонимы, которые манифестируют связанные с Достоевским места: «Пятиэтажные растут громады // В *Гороховой*, у *Знаменья*, под *Смольным*»; «А в *Старой Руссе* пышные канавы // И в садах подгнившие беседки...» - в *Старой Руссе* жил Ф.М. Достоевский в 70-е годы XIX в., там же происходит действие некоторых его романов. Одним из духовных связующих звеньев между лирической героиней Ахматовой и Россией Достоевского становится *Оптина пустынь*, где бывал писатель и где происходит действие ряда глав романа «Братья Карамазовы»: «Не с каждым местом сговориться можно, // Чтобы оно свою открыло тайну // (А в *Оптиной* мне больше не бывать)». В конце элегии, как прообраз будущих массовых казней, возникает *Семеновский плац*, где выносили приговоры, в том числе смертные: «Перо скрипит, и многие страницы // *Семеновским* припахивают *плацем*» (1, I, 946-948).

ФЕ, номинирующие в лирике А. Ахматовой локальные объекты, объединяются в четыре семантические группы: 1) фразеологические топонимы (*Летний сад*, *Смольный собор*, *горд печали и гнева*); 2) ФЕ с обобщенным пространственным значением (*белый свет*, *Божий мир*, *обетованный рай*, *этот свет*); 3) наименования гроба, могилы (*дубовая доска*, *могильный ров*, *последнее жилище*, *сосновая кровать*); 4) наименования ирреального пространства - загробного мира (*бессмертный берег*, *загробный луг*, *летейские поля*, *счастливый берег*, *царство тени*) и рая (*ангельский сад*, *дверь рая*, *отеческий сад*, *Эдемский сад*).

Наиболее многочисленную группу в лирике Ахматовой составляют фразеологические топонимы - сверхсловные наименования реально существующих географических объектов. С помощью единиц данной группы обозначаются те места, где разворачивается поэтическое действие, где поэт посещает вдохновение, где происходят основные события в жизни поэтессы и лирической героини её стихов или важные события в истории России и Европы, нашедшие отражение в лирике Анны Ахматовой.

Фразеологические топонимы в поэзии Ахматовой обозначают объекты, имеющие разную степень локализации: географические объекты (*Царское Село*, *Старая Руса*), локальные объекты (*Марсово поле*, *Литейный проспект*), обширные территории (*приволжские степи*, *енисейские равнины*, *Сибирская Земля*, *Мазурские болота*, *поля Кашмира*).

Ярко представлены в творчестве А. Ахматовой фразеологизмы - наименования географических объектов. По справедливому замечанию Л.Г. Бабенко, «точная пространственная адресация облегчает восприятие текста», настраивает читателя на получение определённой информации о каком-либо географическом объекте, потому что и вне текста топонимы уже содержат информацию о пространстве (3, 185).

Большая часть фразеологических топонимов называет Петербург – Петроград – Ленинград, город, который занимает особое место в истории страны и в жизни А. Ахматовой и является своеобразным феноменом культуры. Анна Ахматова любила Петербург, изучала его архи-

тектуру. Ахматовское видение Петербурга, традиционное для всей русской литературы, идет от Пушкина, но часто лексика и фразеология, которую поэтесса использует для описания города, по трагической эмоциональной окраске близка к восприятию Петербурга Достоевским. Знаковое выражение «Петербург Достоевского» в современной русской культуре перекликается с выражением «Петербург Ахматовой».

Для характеристики города поэтесса чаще всего использует ФЕ, передающие трагическое восприятие города: *город*, *горькой любовью любимый*; *пышный*, *гранитный город славы и беды*; *мрачнейшая из столиц*; *не ставший моей могилой*; *мой грозный* и др. В колористической гамме Петербурга преобладает чёрный, «ночной» цвет (4, 47): атрибутивный компонент *тёмный*, входящий в состав таких ФЕ, как *тёмный город у грозной реки*; *строгий*, *многоводный*, *тёмный город* и др., актуализирует из своего лексического значения семы «лишённый света, погружённый во тьму», «по цвету близкий к чёрному» (9, IV, 351). Например: «Был блаженной моей колыбелью // *Тёмный город у грозной реки* // И торжественной брачной постелью, // Над которой держали венки // Молодые твои серафимы, - // *Город*, *горькой любовью любимый*» (Белая стая, 82); «А не ставший моей могилой, // Ты, гранитный, крошечный, милый, - // Побледнел, помертвел, затих» (Поэма без героя, 317).

Ахматова включает в тексты стихов наименования локальных объектов Петербурга: *Мальтийская капелла*, *Марсово поле*, *Петропавловская крепость*, *Пушкинский дом*, *Семеновский плац*, *Смоленское кладбище*, *Фонтанный дом (дворец)* и др. Например: «Он говорил о лете и о том, // Что быть поэтом женщине – нелепость. // Как я запомнила высокий царский дом // И *Петропавловскую крепость*» (Чётки, 50); «В грозных айсбергах *Марсово поле*, // И *Лебяжья* лежит в хрусталях...» (Тростник, 186) и др.

Названные фразеологические топонимы имеют знаковый характер как в судьбе поэтессы и лирической героини её стихов, так и в истории и культуре России. Вплетаясь в ткань художественного произведения, они пробуждают в сознании читателей многочисленные смысловые, культурно-исторические ассоциации. Это объясняется тем, что данные ФЕ «представляют собой свёрнутый текст, текст в тексте, обладающий потенциалом культурно-исторических знаний, сознательно пробуждаемых автором и создающих ассоциативный пространственно-временной континуум»; они «являются носителями информации о прошлом, знаками определённых культурно-исторических событий» (3, 185-186).

Например, ФЕ *Горячее Поле* в стихотворении «Петербург в 1913 году» (написано в 1961 г.) называет пустырь за Невской заставой, ставший после революции местом расстрела большевиками всех «контрреволюционных элементов» города (2, I, 425): «Паровик идёт до *Скорбящей*, // И гудочек его щемящий // Откликается над Невой. // В чёрном ветре злоба и воля. // Тут уже до *Горячего Поля*, // Вероятно, рукой подать» (Стихи последних лет, 291). В день объявления Советским Союзом войны Финляндии Ахматова написала четверостишие: «Жить – так на воле, // Умирать – так дома. // *Волково Поле*, // Жёлтая солома» (Нечет, 207), где ФЕ *Волково поле* называет Волково кладбище в Петербурге (1, I, 913-914).

Местом особого поэтического вдохновения для Ахматовой был Летний сад, который многократно упоминается в её стихах - фразеологизм *Летний сад* один из наиболее частотных в лирике поэтессы. Например: «Во мне ещё, как песня или горе, // Последняя зима перед войной. // Белее сводов *Смольного собора*, // Таинственной, чем пышный *Летний сад* // Она была» (Белая стая, 97);

«И сада Летнего решётка, // И оснежённый Ленинград // Возникли, словно в книге этой // Из мглы магических зеркал...» (Тростник, 179).

Много фразеологических топонимов, называющих «ахматовские» места Петербурга, включено в многослойную, насыщенную литературными и историко-культурными реминисценциями, ориентированную на мировой культурный текст «Поэму без героя». Например: «Горы пармских фиалок в апреле // И свиданья в *Мальтийской Капелле*, // Как проклятье в твоей груди» (Поэма без героя, 310); «Разлучение наше мнимо - // Я с тобою неразлучима: // Тень моя на стенах твоих, - // Отражение моё в каналах, // Звук шагов в *эритажных залах* // И на гулких сводах мостов. // И на старом *Волковом Поле*, // Где могу я плакать на воле // В гуще новых твоих крестов» (там же, 317).

Несколько фразеологических топонимов в лирике А. Ахматовой называют Царское Село, где прошли детские и юношеские годы Ани Горенко, и его локальные объекты: *пленительный город загадок*, *город парков и зал*, *Русский Трианон*, *город Пушкина*; *Белый зал*, *Камеронова галерея*, *Павловский вокзал*, *Подкапризова дорога*. Например: «Здесь не Темник, не Шуя - // *Город парков и зал*, // Но тебя опишу я, // Как свой Витебск – Шагал» (Царскосельская ода, 281). В значении фразеологизма *Русский Трианон* прослеживается историческая параллель с названием версальского дворца Трианон казнённой королевы Марии Антуанетты (1, III, 481-482).

Художественное пространство стихов Ахматовой не замыкается рамками одного города или страны, в творчестве поэтессы представлены фразеологические топонимы, называющие разные географические объекты. Например: *страна атласных баут* (Поэма без героя, 339) – Италия (*баута* – маска с капюшоном) (2, I, 345); *остров зеленый* (Подорожник, 128) – Англия; *родной чердак* (Поэма без героя, 315) – Англия как родина романтической поэмы; *Венеция Дожей* (Поэма без героя, 307) – Венеция, в отличие от Петербурга – *Северной Венеции*; *железная Суоми* (Бег времени, 246) – Финляндия; *столица королевская* (Подорожник, 129) – Лондон; *родина бессмертных роз*, *родина сухого винограда* (Нечет, 216) – Ташкент; *грозная река* (Белая стая, 82) – Нева и др.

Фразеологические топонимы в творчестве Ахматовой делятся на общеупотребительные названия географических объектов и индивидуально-авторские ФЕ.

Индивидуально-авторские фразеологические топонимы являются своеобразными аналитическими наименованиями географических объектов. В семантической структуре данных ФЕ актуализируются семы, которые содержат указание: а) на то, с чьим именем или с кем связан географический объект (*чудесный город Петров*; *священный град Петра*; *город Пушкина*; *Венеция Дожей*, *воспетый первым поэтом*), – в таких ФЕ в качестве грамматически зависимого компонента обычно выступает имя собственное; б) на чувства автора, связанные с ним (*город печали и гнева*; *город, горькой любовью любимый*; *мой грозный*; *не ставший моей могилой*); в) на характерные признаки топонима (*столица приневская*, *родина бессмертных роз*; *тёмный город у грозной реки*; *город парков и зал*; *остров зеленый* и др.).

Индивидуально-авторские фразеологические топонимы строятся по существующим в языке грамматическим моделям. Чаще всего Ахматова создаёт ФЕ по модели генитивных сочетаний. В состав данных единиц входят фразеобразующие компоненты *город*, реже – *родина* или *страна* в форме номинатива. Будучи грамматически самостоятельными, в семантическом плане компоненты *город*, *родина* и *страна* представляют собой слова с фразеологически связанными значениями при семан-

тически господствующем генитиве. Например: *пышный гранитный город славы и беды*; *пленительный город загадок*; *город парков и зал* и др. В составе некоторых ФЕ генитивный компонент дополнительно распространён определением, с помощью которого конкретизируется образное содержание топонима: *родина бессмертных роз*, *страна атласных баут*, *город пышных смотров* и др.

Большое количество индивидуально-авторских фразеологических топонимов построено по модели сочетания существительного с прилагательным, что позволяет «выразить очень тонкие семантические оттенки, индивидуализировать языковое выражение определённой семантической единицы» (7, 58). Например: *остров зеленый*; *железная Суоми*; *строгий, многоводный, тёмный город* и др.

В качестве фразеобразующего компонента шести ФЕ, построенных по модели «прил. + сущ.», выступает существительное *столица*, из лексического значения которого актуализируется сема «главный город государства» (10, 769): *приневская столица*, *столица распятая*, *королевская столица* и др. ФЕ с компонентом *столица* называют Петербург – Ленинград, исключение составляет ФЕ *королевская столица*, обозначающая Лондон. Опорный компонент названных ФЕ квалифицируется разными определяющими в зависимости от того, какой признак положен в основу наименования: расположение географического объекта (*приневская столица*, *европейская столица*); указание на страшную обстановку 20-40-х годов XX века (*дикая столица*, *одичалая столица*, *распятая столица*); государственное устройство (*королевская столица*). Например: «Не *столицею европейской* // с первым призом за красоту - // Душной ссылкой енисейской, // Пересадкою на Читу, ...// Показался мне город этот // Этой полночью голубой, // Он, воспетый первым поэтом, // Нами грешными – и тобой» (Бег времени, 254-255); «Подымались, как к обедне ранней, // По *столице одичалой* шли, // Там встречались, мёртвых бездыханней...» (Реквием, 197).

Общеупотребительные ФЕ представлены именами собственными: *Баден-Баден*, *Балтийское море*, *Малыхов курган*, *Москва-река*, *Финский залив*, *форт Шаброль*, *Золотоглавая Пальмира*, *Летний сад* и др. Данные топонимы отражают географию важных событий в биографии поэтессы, в истории и культуре России и мира. По словам Л.К. Чуковской, Ахматова «всегда сквозь свои заботы слышит страну и весь мир» (8). Например: «На *Малыховом кургане* // Офицера расстреляли. // Без недели двадцать лет // Он глядел на Божий свет» (Белая стая, 99); «Под густым туманом // Над *Москвой-рекой*, // С батской атаманом // В петельке тугой. // Я была со всеми, // С этими и с теми, // А теперь осталась // Я сама с собой» (Нечет, 228); «На мой вопрос, с священной простотою // Сказал сосед: «Там *Царское Село*, // Оно вчера, как свечка, догорело» // И спрашивать я больше не посмела» (из поэмы «*Русский Трианон*», 178).

Таким образом, фразеологизмы – наименования локальных объектов в лирике Ахматовой носят ярко выраженный индивидуальный характер и выполняют моделирующую текстообразующую функцию. По словам Л.Г. Бабенко, «помещая персонаж в определённую среду, называя и именуя его местопребывание, автор, с одной стороны, осуществляет географическую конкретизацию описываемого события, приближая его к действительности, а также определённым образом характеризует персонаж, предопределяя его характер и дальнейшее развитие сюжета» (3, 185).

Список литературы

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 6 т. / Сост., подгот. текста, коммент. и статья Н.В. Королёвой (т. 1, 2, 4), С.А. Коваленко (т. 3, 5, 6). – М.: Эллис Лак, 1998-2002.
2. Ахматова А. А. Сочинения: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. М.М. Кралина. – М.: Правда, 1990.
3. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
4. Кихней Л. Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. – М.: Диалог МГУ, 1997. – 145 с.
5. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251-292.
6. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Ось-89, 2005. – 560 с.
7. Рыньков Л. Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX века (Послепушкинский период). – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 182 с.
8. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. – М.: Книга, 1989. – 270 с.
9. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереот. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

**Смакотина
Тамара Михайловна**
канд. филол. наук, доц.

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

В процессе означивания явлений окружающего мира языковыми средствами неизбежно присутствие человека. В конкретном высказывании передаётся особый тип смыслов, связанных с личной оценкой и интерпретирующей функцией человека, его когнитивной информированностью, эмоциональной значимостью передаваемой информации. Модусные категории обеспечивают возможность различной интерпретации человеком того или иного концептуального содержания и формирования на этой основе специальных, субъективных смыслов (1, 34). К числу субъективных смыслов относится категория эвиденциальности. Эвиденциальность представляет собой выражаемое языковыми средствами когнитивное состояние говорящего, связанное с получением информации из определённого источника. Это категория коммуникативного плана, маркирующая либо источник информации, либо восприятие этой информации.

Специальный научный текст всегда ориентирован на решение когнитивно-коммуникативной задачи, которую ставит перед собой автор-учёный. Доказательность, аргументированность, стремление к объективности изложения в научном тексте часто требуют обозначения источника исходящей информации. Источники информации могут быть разных типов: говорящий сенсорно воспринимает ситуацию, он узнаёт о ситуации с чужих слов, он приходит к умозаключению о существовании ситуации на основе определённых данных и др. (5, 28). Лингвисты различают прямую эвиденциальность – attested direct

evidence, непрямую вторичную эвиденциальность – reported indirect or second-hand evidence, непрямую выводимую эвиденциальность, основанную на импликации, намёке или источнике, который неизвестен – inferring evidence (3, 72-73).

From this point of view we see that material axiomatics is the independent axiomatic development of some branch of applied axiomatics (ДI, 268) – прямая эвиденциальность.

Many mathematicians now regard any discourse conducted by formal axiomatics as a branch of pure maths (ДI, 146) – сообщаемая эвиденциальность.

There is no documentary evidence that the ancient Egyptians were aware of the Pythagorean theorem (ДI, 167) – непрямая выводимая эвиденциальность

Эвиденциальность является составляющей прагматической установки научного текста, отражающей определённое воздействие автора на читателя. Автор научного произведения помимо развития научной идеи стремится показать достоверность приводимых сведений, убедить читателя в правомерности выводов. Эвиденциальность имеет свой набор языковых средств реализации. Правомерно утверждать, что эвиденциальное значение базируется на лексическом значении слов. Само терминообразующее слово «evidence» и его производные часто присутствуют в английских научных текстах:

This becomes increasingly evident ... ,
There is also considerable evidence that ... ,
The evidence of the latter is ... ,
There is evidence that ... , Experiments record evidence that ... ,

... rigorous proof became evident in ... ,
There is no documentary evidence that ... ,
The widespread usefulness of static theory gives evidence of ... ,

No evidence permits us to estimate

Both of these viewpoints, in effect, argue against gathering evidence. For evidence is a name for information that is potentially capable of making us change our minds. If the researcher is content with his model, evidence is superfluous for him, though it may be very important for any one who wants to utilize the results (ДII, 268).

Но лексика реализуется в определённых синтаксических структурах, которые в научном тексте имеют свою специфику и представляют несомненный интерес. Рассмотрим некоторые синтаксические модели, используемые для выражения значения эвиденциальности в английских научных текстах.

Модель 1 включает сложные предложения, в которых эвиденциальная часть представлена главным предложением, в то время как собственно информативная часть выражена придаточным дополнительным предложением. В главной части подлежащее выражается местоимением или существительным, а сказуемое содержит глагол эвиденциального значения. При этом информативная роль главной части сложного предложения вторична, она сводится к комментарию содержания придаточного предложения. Тем не менее эта вторичная информация важна в коммуникативном отношении. Она указывает на источник информации, отражает отношение говорящего к сообщению с точки зрения его достоверности и значимости и этим усиливает или ослабляет коммуникативную значимость сообщаемого.

Proclus in his summary reported that the three curves were discovered by Menaechmus (ДI, 197).

Intuition tells us that it is simple to compare sizes of geometrical figures by superposability (ДI, 273).

They (the ancient Greeks) believe that the fundamental particles of fire have the shape of tetrahedron (ДI, 91).

Личное местоимение 1-го лица множественного числа, этикетное *we*, в функции подлежащего эвиденциальной части весьма частотно в научных текстах: *we observe, we assume, we see, we have every reason to suspect, we can never be sure, we consider, we infer, we know, we may think, we assert* и т.д.

In taking this approach, we suppose that rules exist for individualization of the points in a moving medium (Д II, 173).

Today we believe, however, that the internal evolution of math science has, in spite of appearance, brought about a closer unity among its different parts (Д II, 28).

Личное местоимение 1-го лица единственного числа встречается редко в научных текстах, преимущественно при выражении личного мнения в связи с конкретным частным явлением. В таких случаях субъективность мнения автора подчёркивается.

I suppose the author wishes to show his originality or independence – possibly up-to-dateness (Д I, 170).

I believe, from my own recollections ..., that the first half-dozen class men in classics or mathematics would have beaten, out of all propotions, the last half-dozen class-men in any trial of physical strength or endurance (K, 190).

Характерной особенностью научных текстов является употребление неопределённого местоимения *one* в функции подлежащего предложений данной модели, что придаёт большую обобщённость эвиденциальной части.

One knows that geometry started far back in antiquity from some very modest beginnings and gradually grew to its present enormous size (Д I, 163).

In analytic geometry one insists that it takes two numbers to locate a point in the plane ... (Д I, 203).

Модель 2 представлена сложноподчинёнными предложениями с придаточным подлежащим в конечной позиции. Эвиденциальное значение содержится в синтаксически главной части предложения и выражено предложением с безличным подлежащим *it*. Главная часть не является семантически законченной и создаёт ожидание продолжения высказывания. Лексема, содержащая идею эвиденциального значения, может быть представлена различными частями речи:

а) прилагательным – *it is clear, it becomes apparent, it is almost obvious, it is very probable, it is probably quite correct; it is conceivable, it is customary*

It is clear that the hypotenuse cannot be measured by a whole number (Д I, 88).

It is almost obvious that the mode is also the mean.... (Д II, 222);

б) существительным с определяющими его лексемами:

It is an observed fact that the proportion of male births is different from S (Д II, 206).

It is a great and common mistake to suppose that high intellectual powers are commonly associated with puny frames and small physical strength (K, 191);

в) глаголом в форме пассивного залога или модальным глаголом с инфинитивом в пассивном залоге: *It is conjectured that..., it is supposed that..., it is generally agreed that ..., it will have been noticed that ..., it has been found that ..., more recently it has been suggested that..., It can hardly be denied that..., it must be remembered that..., it should however be noted that..., it may be said that...*

It was generally thought that reference to physical considerations alone was sufficient to preclude the existence of more than three dimensions (Д I, 216).

... it was realized that one must give up definitions of the kind attempted by Euclid (Д I, 174).

It can be easily seen that it is not the content of a proposition that is important in logic but the form (Д II, 18).

Безличность эвиденциальных структур подчёркивает отстранённость, непричастность автора к реализации содержания придаточной части, выражающей объективную информацию. Значением таких структур является преимущественно выражение всеобщего мнения, известного и общепринятого факта. Возможна ссылка на авторитетные источники в данной области знаний (*It was proved by these mathematicians that ...*), что помогает убедить читателя в достоверности и объективности предлагаемых в научном тексте сведений. Такие структуры способствуют успешной коммуникации и могут рассматриваться как важный коммуникативный ход, направленный на достижение достоверности сообщаемой информации.

Необходимо отметить, что модель сложного предложения с главной частью, выражающей эвиденциальное значение в форме предложения с безличным подлежащим *It*, характеризуется как выразитель эвиденциальности непричастности и относится к периферийным случаям выражения этой категории (3, 73). Наши наблюдения показывают, что в научных текстах она широко представлена. Это вполне соответствует научному стилю изложения.

Модель 3 представлена сложными предложениями, в которых синтаксически главная часть, выражающая эвиденциальное значение, оформляется с помощью структуры *there+be*, так называемых бытийных предложений. Бытийные предложения сообщают о наличии некоторого объекта в конкретном месте в определённый отрезок времени. Спецификой бытийных предложений в микроконтексте анализируемых сложных предложений является существование эвиденциальной идеи без указания конкретного места и времени, об этом свидетельствует отсутствие соответствующих обстоятельств. Эвиденциальная часть информативно недостаточна, она получает семантическую завершенность только в рамках всего сложного предложения, поскольку основная информация содержится в придаточном предложении. Но именно комментирующий обобщающий характер эвиденциальной части усиливает коммуникативную значимость сообщения.

There has been a popular belief that men of great intellectual eminence are usually of feeble constitution and of a dry and cold disposition (K, 191).

There is no doubt that the aptitude of the perturbation was considerably increased by the electrode voltage V (Д II, 176).

...there is no evidence that he or anyone else before Aristotle, attempted to codify the rules of correct inference (Д II, 16).

Модель 4 содержит как простые, так и сложные предложения с парантетическими включениями. Эвиденциальная часть может выражаться парантезой в простом предложении или парантетическим предложением в составе сложного. Парантеза не имеет синтагматических отношений с другими членами предложения. Она может занимать любое положение в составе предложения, её независимый синтаксический статус подкрепляется запятыми, тире, скобками.

а) однословные парантезы эвиденциального значения выражаются, как правило, наречиями: *evidently, apparently, probably, traditionally, unquestionably, obviously, perhaps, undoubtedly, actually, presumably* и др.

The axis of the parabola is, obviously, a line of symmetry;

б) фразовые парантезы весьма разнообразны по составу: *generally speaking, mentioned above, as already observed, as quoted by Simplicius, according to the available literature, now known as coordinate geometry, in my opinion, to my mind, by definition, at least approximately, paradoxically enough, more explicitly*.

These initial statements, according to the Greeks, should be so carefully chosen that their truths were quite acceptable to the reader (ДI, 148).

The assumption as to the possibility of individualizing the points of the medium is equivalent, from the mathematical point of view, to assuming the possibility of introducing Lagrangian coordinates... (ДII, 174);

в) парантетические предложения разнообразны по структуре. У них отсутствуют синтаксические связи с предложениями, в структуру которых они включены, тем не менее они обладают значительным коммуникативным весом. Они представляют собой дополнительные либо комментирующие сообщения, без которых предложение становится коммуникативно и прагматически недостаточным. Структурно парантетические предложения могут быть аналогичны главному предложению, иногда с инверсией сказуемого. Они могут быть построены по модели придаточных предложений разных типов.

Here we have phenomena, argued the social scientists, whose essential nature we do not understand ... (ДII, 220).

...applied economics – as the political economist sees it – has been a type of OR (operation research) all along (ДII, 263).

To what extent does this conception (if Burnisky's hypothesis is correct) brings us nearer to the mastering of this force? (ДI, 241).

Во всех случаях механизм превращения придаточного предложения в парантетическое заключается в постановке его в необычную позицию (2, 143). Оно прерывает линейную структуру включающего предложения, которое является первичным по значению и структурно независимым, в то время как включённая структура приобретает вторичный статус и характеризуется различной степенью самостоятельности. Их коммуникативная значимость заключается в том, что они вводят субъективный план автора в научный текст, непосредственно ориентированы на читателя, выполняя в определённой степени контактоустанавливающую функцию. Они могут служить способом введения чужой речи, цитации, особенно когда цитаты приводятся в качестве аргумента, авторитетного мнения.

Since gravitational radiation is not appreciably absorbed by matter, the authors of this hypothesis maintain, it should have been accumulating since, perhaps, the beginning of time (ДI, 225).

Парантезы в виде ссылок могут создавать ассоциативные связи данного текста с другими ранее написанными, прецедентными текстами, способствуя проявлению интертекстуальности как одного из свойств текста. Парантезы со значением ссылки могут содержать эллипсис подлежащего и глагола-связки, быть выраженными с помощью словосочетания.

Ptolemy, as quoted by Simplicius, said, «It is possible to take only three lines that are mutually perpendicular ...» (ДI, 217). = as it is quoted by Simplicius.

The algebra that entered Europe (via Fibonacci's «Liber abaci» and translations) had retrogressed both in style and in content (ДI, 283).

Модель 5 включает выражение эвиденциальности в рамках типичного для английского языка синтаксического явления – Complex Subject (сложное подлежащее).

Objects are said to be warm, hot, cool, or cold compared with the temperature of the human body (ДII, 144).

Основная информация содержится в частях предложения, грамматически не связанных между собой: Objects ... to be warm. Предикат с эвиденциальным значением, выраженный глаголом речи в форме пассивного залога are said, грамматически согласуется с подлежащим Objects, но ориентирован на воспринимающий

субъект, не упоминаемый в предложении.

О.А. Кобрина характеризует данную структуру как эвиденциальное восприятие, а глаголы, используемые в ней, выражают эвиденциальность, исходящую от воспринимающего лица (4, 255).

В формировании эвиденциального значения в рамках данной структуры помимо глаголов речи могут участвовать глаголы мнения, ментальной деятельности, чувственного восприятия, а также группы to be + прилагательное со значением оценки действия с точки зрения его реальности, достоверности, уверенности – certain, sure, likely, unlikely.

A statement to this effect is well-known in Eulerian hydrodynamics; here it is seen to hold for all homogeneous incompressible bodies (ДII, 163).

This concept was supposed to have originated in antiquity (ДII, 163).

...the context makes it clear, how many derivatives are assumed to exist (ДII, 149).

...some individuals seem to be able to lead relatively non-aggressive lives (K, 162).

He enjoys a more serene life, but it's less likely to be a fruitful one (K, 218).

По нашим наблюдениям подобные предложения весьма частотны в научных текстах. Они совмещают выражение всеобщего мнения, общепринятого факта и, с другой стороны, авторское мнение. Реальная ситуация представлена в данной модели с точки зрения прагматически ориентированного воспринимающего лица. Автор снижает категоричность утверждения, проявляя некоторую дистанцированность, иногда неполную уверенность в истинности события, допускает реализацию другой ситуации.

Всё вышеизложенное даёт представление о существующем разнообразии выражения эвиденциальности в научных текстах на английском языке. Спектр языковых структур, выражающих эвиденциальность, весьма широк. Эвиденциальные структуры вносят свой вклад в осуществление прагматической установки автора научного текста и реализацию определённого воздействия автора на читателя.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: Сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. - СПб.: Тригон, 2005. - С.31-46.
2. Кобрина Н.А., Корнеева Е.А., Оссовская М.И. и др. Грамматика английского языка. Синтаксис. - М.: Просвещение, 1986.
3. Кобрина О.А. Некоторые приёмы композиционных механизмов для расчленения собственно информативной и эвиденциальной частей // Studia Linguistica - Проблемы когнитивной семантики: Сб. статей. - СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. - С.72-77.
4. Кобрина О.А. Возможна ли эвиденциальность восприятия? // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. - СПб.: Тригон, 2005. - С.254-263.
5. Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // Вопросы языкознания. - 2006. - №4. - С.27-45.

Источники и принятые сокращения

- ДI - Дорожкина И.П. Английский язык для студентов-математиков. - М.: Астрель; АСТ, 2001. - 496с.
- ДII - Дорожкина И.П. Английский язык для студентов-математиков и экономистов. Ч. II. - М.: Астрель; АСТ, 2004. - 349 с.
- К - Коваленко П.И. Английский язык для психологов. - Ростов - н/Д.: Феникс, 2002. - 320 с.

**Черницына
Светлана Алексеевна**
канд. пед. наук, доц.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛА ВИЛКИНО ЮРГАМЫШСКОГО РАЙОНА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам диалектологической практики студентов-филологов 2008)

Каждый человек постоянно встречается с географическими названиями. «Невозможно представить себе жизнь современного общества без географических названий, — пишет известный специалист в области топонимики Э. М. Мурзаев. — Они повсеместно и всегда сопровождают наше мышление с раннего детства. Всё на земле имеет свой адрес, и этот адрес начинается с места рождения человека. Родное село, улица, на которой он живёт, город, страна — всё имеет свои имена» (1, 46).

Топонимика — наука, изучающая географические названия. Слово «топонимика» образовано от двух греческих слов: *topos* — место, местность и *онома* — имя. Взгляните на географическую карту — она вся испещрена названиями стран, морей, островов, рек, озёр, городов, сёл. И это только малая часть существующих топонимов. Свои имена имеют и очень мелкие объекты: леса, луга, поля, болота, изгибы и затоны рек, овраги, холмы и ямы, балки, части сёл и деревень. Такие названия, как правило, не зафиксированы в географических справочниках и редко встречаются в письменных документах, их хорошо знают лишь местные жители. В каждом селе можно записать, обычно, десятки таких названий. Изучение названий мелких объектов является предметом микро-топонимики — особого раздела топонимики, делающей пока первые шаги. Исследование микро-топонимики Курганской области является одним из направлений деятельности студентов-филологов в период выездной диалектологической практики.

Деревня Вилкина (в документах названия деревень склоняются) основана в 1750-е годы. «В 1795 году в ней насчитывалось 12 дворов, 37 душ мужского пола и 47 душ женского пола; в 1869 году — 90 дворов, 542 жителя, деревня стоит при пади, называемой Ретущая. На 1 января 1997 в селе Вилкине было 224 двора, 620 жителей» (по данным Юргамышского административного архива).

В 1869 году в деревне построена Николаевская церковь и с 1 января 1897 года деревню Вилкину стали называть селом Вилкино (в документах названия сёл не склоняются). Построенная церковь имела два престола — во имя святителя и чудотворца Николая Мирликийского и во имя святого пророка Ильи. Вилкинцы отмечают престольный праздник — Ильин день (2 августа по новому стилю). В приход церкви входили населённые пункты: село Вилкино, деревни Маяк, Туманова, Черёмная.

Откуда пошло название села? Село стоит при реке Падь, а перед селом в неё впадает речка Маяк. Жители не используют официального названия речек — Маяк называют Тумановской, а Падь — Подредуцкой или Редутской, место слияния речек перед селом именуется *Вилка*. Название села и произошло от этого народного именования: «Так старики сказывали», — уточняют старожилы.

Края села на правом берегу реки: Зелёновка, Самалютский край (в нём стояла церковь) и Подредутский край; на левом берегу — Зарека, за ней — Задняя улица. По решению Вилкинского сельсовета улицы села переименованы: Заречная, Западная (Задняя улица), Победы (Самалютский край), им. Ленина, Хутор — новые дома справа при въезде в село со стороны села Караси.

Интересно происхождение названия улицы Дай-Дай: молодые семьи вселились в новые дома, но вокруг домов не было построек — ни бани, ни конюшни, иногда отсутствовали и заборы. Новосёлы стали просить в колхозе стройматериалы, а у родителей — продукты питания, поэтому и назвали улицу Дай-Дай.

Улица Федюшина — названа в честь Филиппа Ивановича Федюшина, первого председателя колхоза им. Ворошилова.

Перекрёсток дорог называют Крестышами. До Крестышей всегда провожали солдат на войну, а в послевоенные годы — в армию. Верили: если проводить до Крестышей, то солдат вернётся. На Крестышах стояла толстая берёза. Жители с возмущением говорят о тех, кто спилил эту берёзу, видевшую слёзы не одного поколения.

Деревня считалась богатой. Крестьяне изготавливали глиняную посуду, купали зерно, возили его в Шадринск и там продавали.

Сокращение численности населения произошло во время коллективизации и ликвидации кулачества. Это надломило сложившийся веками деревенский уклад. Ещё один удар нанёс деревне бурный рост тяжёлой индустрии в стране, призвавший молодежь в ремесленные училища. А потом началась война. Всё взрослое мужское население ушло на фронт, а вернулись немногие. В деревне остались старики, женщины и дети.

Фамилии коренных жителей: Варлаковы, Дикаревы, Фадюшины — так считают жители, но в начале XX века в селе жили Брызгаловы, Бухаровы, Зайцевы, Звонарёвы, Калгановы, Максимовы, Мякотины, Поповы, Сажаевы, Усовы, Шмаковы, Яковлевы и другие.

Северо-западнее села, у дороги на Туманову, находится Емельяново озерко. Озёра назывались в большинстве случаев по имени и отчеству хозяина. По дороге на деревню Клопову — озерко Мочище. В половодье они соединяются. В Мочище была чистая вода, её пили.

Вокруг села много болот: Свиное (из Фадюгинского бора кабаны переходят в Карасинский бор, а по дороге они делают привал — отсюда название болота), Горбуное (Горбуново), Займище, Камышное, Кривое болотце, Круглое.

Минутное — так называли жители котлован на пастбище вдали от деревни, который образован взрывом, произведённым в середине 1970-х годов. За Минутным болотом находится омут, называемый Бобровой Еланью. Бобры построили елань, но вскоре погибли, елань унесло, а топоним остался.

В окрестностях села несколько логов: Крутой, Мирнов, Мирский, Волчий, Сажаевский.

Вокруг Круглого болота распахана Круглянская степь. Раньше здесь стояли избышки крестьян, рядом — полоски земли для различных крестьянских трудов. Пастбище для скота было на берегу реки Вилка. Сохранилось предание о наименовании покоса Петковское — покос в ни-

зине, назван так потому, что там в зимнюю ночь заблудился и замёрз мастер маслозавода Петков. Закрепились неофициальные названия и многих других пашен: Данилиха – пашни и лес, Подкосовка, Олябовская Стаття – лес и пашня. Почему поле названо статтей? Об этом есть запись в материалах школьного музея. Во второй половине XIX века после межевания на каждого крестьянина приходилось примерно по 15 десятин земли. Многие земли пустовали. Считают, государство выделило Олябовскую оброчную статью, т.е. свободные земли, и на аукционе отдавало в аренду наиболее состоятельным крестьянам на год или на несколько лет с ежегодной уплатой соответствующего налога. С тех пор и хранится в народной памяти этот топоним и географический термин.

Самые дальние пашни на Мурмане – в 9 километрах восточнее деревни, там стояли большой дом, две бани, колодец, кузница, качели для детей. Здесь жили с весны до осени, даже не ездили домой. Топоним *Мурман* явно принесён переселенцами с полярного севера.

Леса в нарезке села имеют неофициальные названия: Варлаковское урочище, Демьянов редник (раньше покосов не было, крестьяне находили поле с хорошей травой и обкашивали его вокруг, как бы помечая свою собственность; Демьянов редник – постоянное место сенокоса Демьяна Брызгалова); Калинин редник, Сажавский колок, Валькин колок (жители рассказывают, что крестьянская девка Валька работала в поле, заболела, пошла домой и родила в колке мёртвого ребёнка – с тех пор колок зовут Валькиным). В этом колке есть Сухой колодец. Крестьяне копали там колодец, но до воды не смогли дойти, поэтому он называется Сухим. За Бухарской дорожкой посажен колок Могилки (люди считают, что там хоронили умерших в голодный год, могил не видно, а топоним сохранился).

В Виличанской нарезке есть поле, называемое Цыганкой потому, что на этом месте останавливался табор цыган.

На юго-западной окраине села в годы войны была большая гора древесных опилок. Со временем она осела, заросла травой, стала малозаметной, но место это долго называли Опил.

К востоку на опушке бора известна живописная поляна Круг. Название связано с тем, что когда-то тракторист опаживал бор в противопожарных целях, сделал на этом месте разворот плугом и пропахал борозду круглой формы. Через несколько лет она заросла травой, а название осталось.

Из села Вилкино дорога ведёт в деревню Черёмную по Белой Глине, небольшой степи, названной так потому, что на ней копали белую глину для побелки домов.

По Тумановской дороге, справа от неё, находятся Моряковские залёжки, на них брали ягоды, слева – Моряковский березник, напротив – Моряковские кустики. Все эти названия связаны с одним человеком, дом которого находился на краю деревни рядом с объектами. Михаил Иванович Варлаков долго служил на флоте, и его звали Моряком, а жену – Морячихой. От этого прозвища и образовались микротопонимы.

От села Вилкино дорога на Маяк проходит по Пеганухиной горе. Рассказывают, что на пашне похоронена пегая лошадь – отсюда и название.

У дороги на деревню Фадюшину возвышается Голая гора. Голая гора распахана, на её вершине ставили триангуляционный знак, копали ямы под столбы, и в одной из них появилась вода. На вершине горы растёт одна берёзка. Рядом – Иванова гора. На её вершине стоит курган («Чудская могила»), а рядом с ним растёт берёза. В селе рассказывают о том, как старовер Иван не

захотел принять православную веру и заживо себя здесь похоронил.

На Савиной горе в 1919 году отступающие белогвардейские части вырыли окопы. Долго местные жители находили в них патроны, а лет 20 назад ещё можно было увидеть там колёса от пушек. О временах Гражданской войны до сих пор напоминает колючая проволока, брошенная в окрестностях деревни и красующаяся на пряслах крестьянских огородов.

Со слов Виктора Егоровича Варлакова, 1931 года рождения, жителя села Вилкино, был записан «Сказ о Девичьем колке» – одно из самых ярких топонимических преданий села.

Есть на полевой дорожке, что ведёт из деревни Вилкиной в Черёмное, лесочек, как у нас их называют – колок. Весёлые берёзы шумят в этом колке весной, летом и осенью. А зимой стоят припавшие и напуганные, как будто вспоминают то, что случилось здесь много-много лет назад. Про этот колок в деревне рассказывают такую быль...

Собрались как-то три подружки из Черёмного в Вилкину на вечерки. Их матерям бы воспротивиться да не отпускать озорных девок, автобусами тогда ещё люди избалованы не были и, случись какая нужда, долго не думали, запрягали лошадей, в лучшем случае (а чаще – палку в руки да и пешком). Так и матери трёх подружек не волновались. Напляшутся девки, к утру дома будут.

Принарядились девушки и отправились. Пока были в деревне да друг ко дружке бегали – собирались, не замечали (или не хотели замечать) легкой позёмки, что мела по улицам, а как вышли за деревню, то припустили бегом. И жарко им было то ли от быстрого бега, то ли от предстоящей встречи с женихами. А когда уже углубились в лес, то возвращаться и вовсе не захотелось, хотя ночь как будто специально подрастеряла все свои звёзды и месяц с неба. Девушки уже поняли, что лёгкая позёмка превратилась в метель с бешено кружащимся снегом. Но, молодежь, молодежь, как порой необдуманны твои поступки!

Подружки всё продолжали идти и идти вперёд. Они шли очень долго, давно уже пора засверкать огонькам Вилкины. Руки и ноги у них сковал мороз, всю их немудрящую одежку продувал ветер. Каждый шаг вперёд давался им всё с большим трудом. Девушки поняли, что заблудились. Описав большой круг, они вышли к лесочку, который давно уже прошли. Сил идти вперёд не было. И решили они зайти в лесок, немного отдохнуть, а потом идти дальше. Зашли в колочек, прижались к молодым берёзкам, и так уютно было за деревьями, где тише выл ветер и не бил в лицо колючий снег, прижались девушки друг к другу и заснули. Навсегда. Метель засыпала их тёплым одеялом, и потерялся их след на земле. Не дождался их ни женихи на вечерке, ни родные матери дома.

Только весной, когда растаял снег, случайный прохожий нашёл их тела. С тех пор этот колок и стали называть «девичий». И стали замечать люди, что по весне распускаются на лесной полянке белые ветреницы, белые, как невестина фата, которой не успели покрыть себя три подружки. А на опушке вырастает дикий чеснок, такой же горький, как горьки слёзы матерей, оплакивающих своих дочерей.

Другим направлением учебной практики студентов-филологов является исследование регионального диалекта – разновидности общенационального языка, ограниченной территорией проживания ее носителей. В современном мире всё меньше остаётся территорий, на которых можно встретить говор в его чистом, первоздан-

ном виде. Не исключение и Курганская область, особенности заселения которой (наличие южного и северного потоков миграции), а также многонациональность обусловили смешение разных типов говоров. Диалектные явления в речи жителей деревни можно назвать остаточными, но тем интереснее для студентов лингвистическая работа по их сбору и классификации.

Жителей села Вилкино зовут величанами. Коллективное прозвище самаляки, т.е. говорящие по-своему.

На территории Юргамышского района преобладает оканье, акающих селений немного – бывшее крепостное село Петровское, деревни Долгая и Елизаветинка, заселённые крестьянами из села Петровского; деревня Чинеевский Участок, заселённая в 1847 году переселенцами из деревни Сорокиной Псковской губернии; «рассейская» деревня Алексеевка, которой уже нет, жители её переселились в сёла Норильное и Гагарье, да село Вилкино – этим оно и отличается от окружающих. Здесь наблюдается неразличение букв О и А в безударном слоге, что характерно и для литературной формы русского языка.

В селе Вилкино были отмечены следующие диалектные черты:

Вокализм

1. Е на месте а между мягкими под ударением: [jéjцы], [п'ёт'] – непоследовательное явление.

2. Е на месте а: [с'эду], [л'эгу]. В этом случае происходит выравнивание по инфинитиву.

3. На месте е (краткое) между мягкими – и: [н'ид'у-л'а], [с'эжит']. Это явление наблюдается также непоследовательно.

4. Переход э в и между мягкими ограничен формообразованием в безударных слогах: [д'ул'и], [разд'ил'э].

Консонантизм

1. Используются заднеязычные взрывные г, г'. Исключения составляют [бóу], [бóуа], [бóуаты], [убóуо], [оусподи], [блабóудбрност'] и производные от них. Фрикативные наблюдаются и в междометиях: [оhó], [аhа].

2. Прогрессивное смягчение между мягкими: [в'ан'к'а], [з'о́к'а].

3. Упрощение групп ст, зд на конце слов перед согласными: [прóпас'], [пóис'], [выјес].

4. Долгие фрикативные ж, ш отвердели полностью: [уеж'ат'], [п'иш'ат']. На стыке морфем это явление наблюдается непоследовательно [објэзчик].

5. На месте ч и щ затвор утратился; ч и щ в говорах мягкие парные: [ш'асы], [ш'о́]; наблюдается долгое ж – [из – дож'а].

6. j в интервокальной позиции выпадает: [зн'ат], [ум'ёт].

7. На конце слов нерегулярное отверждение: [моркóф'] или [моркóф], [сём д'ьн].

8. Замена ф на х: [картóха]

Морфология

1. Стяжение окончаний: [бол'ш'а], [зн'ат].

2. Смешение падежей, особенно Т.п. и Д.п. Дателный и родительный не смешиваются: [у – м'ам'е].

3. Числительные склоняются со стремлением заменить все косвенные падежи винительным: [с – дв'адц'ат' рубл'ами], [бес – п'а́т' с'ём'].

4. В личных местоимениях с предлогами – [у – јéj], [к – јéj] – не происходит чередования j и н.

5. Пропуск согласных букв: [ба́ушка], [зо́у].

6. В глаголах частица – ся сохраняется широко, но не последовательно: [убралбс'а], [мылас'а].

7. Употребление настоящего и простого будущего времени с частицей бы: «Иду бы я по берегу».

Синтаксис

1. Двойное глагольное сказуемое: пойду сяду.

2. Отсутствие указательного слова в придаточных определительных: «Дарю, которого люблю», вместо: «Дарю тому, которого люблю».

В речи жителей села выделено большое количество диалектной лексики. Значение диалектизмов было определено по словарям говоров Сибири, Урала, Зауралья, Алтая, сводного словаря русских народных говоров и академических словарей современного русского языка (3–13).

Диалектизм	Значение
Ограда	двор
Опояска	пояс
Кошева	легкие выездные сани с кузовом для седока, обычно плетеным
Согра	болотистая низина, заросшая лесом
Шипика	шиповник
Лобогрейка	жатка примитивной конструкции
Повинка	недостаток
Самосброска	вид жатки
Шором	устройство из жердей наподобие шалаша для сушки сена
Калбышка	кусочек дерева
Зарод	небольшой стог
Пимы	валенки
Обутки	кожаные башмаки без каблуков, подобие лаптей из кожи
Уволье	пастбище
Балаган	временное жильё в поле на покосе
Оберушник	прокос, полоса, выкошенная в один проход
Приварок	горячие блюда
Урочище	участок, отличающийся растительностью от окружающего
Паровой	лучший
Маломальный	плохонький
Ведренный	ясный, солнечный
Разгрешить	порвать, разругаться
Насидеть	наготовить
Сбедниться	случиться обиде
Нарушить	погубить, уничтожить
Робить	роботать
Управить	закончить
Взамуж	замуж
Самоуком	самоучкой, самостоятельным
Крадче	тайком
Напоследе	под конец
Лякать	говорить

Анализ диалектных особенностей говора села Вилкино позволяет отнести его к смешанному типу с севернорусской основой.

Знакомство студентов с топонимикой и диалектными особенностями родного края позволяет решить немало задач – от практической лингвистической подготовки до выработки устойчивого интереса к проблемам лингвокраеведения и истории своей малой Родины.

Список литературы

1. Мурзаев Э.М. География в названиях. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1982.
 2. Плотников С.В. Знакомые потоки. – Юргамыш, 2001.
 3. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. – Новосибирск, 1997.
 4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955.
 5. Полный словарь сибирского говора: В 3 т. – Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 1993.
 6. Словарь русских говоров Сибири. – Новосибирск: Наука, 1999.
 7. Словарь русских говоров Среднего Урала: В 3 т. – Свердловск, 1981.
 8. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. – СПб., 1999.
 9. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1 – 42. – М–СПб., 1965–2003 (издание продолжается).
 10. Словарь русских говоров Алтая: В 4 т. – Барнаул: Изд-во БГУ, 1999.
 11. Словарь русского языка: В 4 т. – М.: АН СССР, 1981.
 12. Словарь современного русского литературного языка: В 9 т. – М.: Русский язык, 1991–2001 (издание продолжается).
 13. Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. – Шадринск: Изд-во ШГПИ, 1971.
- Информанты:** Варлаков Виктор Егорович (1931 г. р.); Зайцева Нина Тимофеевна (1938 г.р.); Бухаров Степан Петрович (1929 г.р.); Фадюшин Юрий Семенович (1929 г.р.); Варлакова Дарья Ивановна (1924 г.р.).

Васильев Игорь Евгеньевич

д-р филол. наук, проф.

Комаров Константин Маркович, студент

МАЯКОВСКИЙ И РЕМБО (к проблеме типологических схождений)

Тема западных влияний в поэзии Маяковского требует пристального исследовательского взгляда. Маяковский занимает свое место в авангардной художественной парадигме, относится к поэтам, которые резко обновили поэзию формально и содержательно, повернули ее лицом к реальной действительности и модернизировали традиционную поэтику на всех уровнях. Естественно, что подобные творцы-новаторы появлялись и на Западе. Маяковскому были близки такие поэты, как Бодлер, Рембо, Малларме, Верхарн, Уитмен и др.

В данной работе мы проводим сопоставительный анализ творчества Маяковского лишь с творчеством Артюра Рембо. На наш взгляд, эти две фигуры являются наиболее показательными в избранном аспекте исследования. В свое время к теме «Маяковский и Рембо» обращались Н. Харджиев и В. Тренин в книге «Поэтическая культура Маяковского». В ней намечена тема сопостав-

ления Маяковского с «проклятыми поэтами», в частности, с Рембо, кратко охарактеризованы основные линии пересечения Маяковского с французским автором и намечены пути исследования данной темы. Однако сопоставления и наблюдения ученых не получили развития. Наша статья предлагает дальнейшую проработку проблематики схождения и близости творчества Маяковского и Рембо.

Рембо и Маяковский творчески осознавали себя в сходной исторической ситуации. Как и Маяковский, Рембо «творил в момент, когда задача разрушить старый мир до основания во имя совершенно нового общества становилась насущнейшей. В своей сфере, в поэзии, Рембо самозабвенно предался разрушению» (4, 185). Революционные настроения захватили поэтов еще во время учебы: Рембо – в шарлевильском коллеже, Маяковского – в кутаисской гимназии. В юности Рембо и Маяковский заочно читали социалистическую литературу. Творчество Рембо приходится на время активной деятельности Парижской коммуны, сторонником которой являлся поэт. Рембо привело к коммуне, как и Маяковского к большевикам, негативное отношение к современности и устремленность в будущее, жажда пересоздания социальной действительности: «...он был так же открыт поискам неизвестного будущего, так же задорно молод духом, как и многие ... участники и поборники» коммуны (4, 223). Рембо написал ныне утраченный «Проект коммунистической конституции», был вольным пропагандистом коммуны в провинции. Он участвовал в отдельных операциях коммуны, находился под полицейским надзором, некоторое время, как и Маяковский, сидел в тюрьме. Не являясь «поэтом Парижской коммуны» в смысле политической ангажированности, Рембо максимально концентрированно передал настроения художественной интеллигенции коммуны. Рембо пришел к коммуне так же естественно, как Маяковский к Революции, движимый страстной ненавистью к мещанско-обывательскому, буржуазному образу жизни.

Основная лирическая коллизия творчества Маяковского и Рембо совпадает. У обоих поэтов лирический герой предстает как чуткий, внутренне богатый человек, подходящий к миру с гиперболическими мерками и ужасающийся уродствам этого мира, которые зажигают в его душе горячую ненависть к обывателям и жажду тотального обновления мира в идеальном будущем. Безнадежно лирический герой пытается спастись от искаженного мира в любви. У Рембо в «Сестрах милосердия» эта коллизия столкновения героя с миром предстает так: «Мужчина молодой грязь видит и увечье, / уродство мира, содрогаясь, узнает // И в сердце раненый навеки, только встречи / Теперь с сестрою милосердия он ждет» (2, 64). У Маяковского также здоровый и сильный, «красивый двадцатидвухлетний герой» приходит в болезненный уродливый мир и тоже оказывается «ораненным». Познавая мир и дорастая в своем познании до масштабов вселенной, герой Рембо и Маяковского наталкивается на тотальное непонимание и глухоту. Отсюда логично вытекает ненависть к тем, кто не понимает его, кто живет в своем тесном мирке, не интересуясь ничем, что выходит за рамки повседневного существования, – к обывателям.

Обыватели предстают у Рембо и Маяковского в статике и неподвижности, что является знаком их духовного убожества, неспособности к развитию, омертвелости всех чувств. Их застытие в пространстве бездумного потребления выглядит омерзительно. По точному наблюдению Р.С. Спивак, Маяковский «в зарисовках толпы пластически конкретизирует идею нравственной и эстетической

уродливости материального начала бытия, лишенного связи с духовным, враждебного творчеству, потерявшего способность развития ... Пластическую конкретизацию отдельных представителей толпы Маяковский всегда строит на обыгрывании деталей, относящихся к миру потребления, и на постоянной акцентировке в их облике плотского начала» (6, 120), а также, добавим, физиологической тяжести, гротескового ожирения, когда в мясе, туше растворяется и исчезает духовность. Это относится и к стихам Рембо. Мещане Рембо «преувеличенно толсты, тучны, у них округлые бедра, безбрежное брюхо», они «лишены способности передвигаться» (5, 190), несут «завистливую глупость и одышку» (2, 32). Бездвижность обывателей, их сосредоточенность на удовлетворении самых примитивных потребностей выхолащивает в них человеческие черты, в их мире стирается грань между одушевленным и неодушевленным, люди превращаются в вещи, срастаются с ними в уродливо-гротесковое единство: «Они в припадочном соитии привили / К скелетам стульев свой немислимый каркас», — пишет Рембо в стихотворении «Сидящие» (2, 46). В стихотворении «Приседания» враждебный поэту мир характеризуется через неподвижность, косность, статичность. Маяковский в стихотворении «Надоело» создает гротесковый образ ожиревшего обывателя как потерявшего человеческий облик «загадочно» существа: «Глядишь и не знаешь: ест или не ест он. / Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он. / Два аршина безликого розоватого теста: / хоть бы метка была в уголке вышита. / Только колышутся, спадающие на плечи, / мягкие складки лоснящихся щек» (1, 1, 142-143). В «Гимне обеду» этот мотив бездуховного потребления, «жранья» предстает в гротесковых сюрреалистических образах: «Лежи спокойно, безглазый, безухий, / с куском пирога в руке, / а дети твои у тебя на брюхе / будут играть в крокет» (1, 1, 110).

Важнейшим и концептуальным в лирике Рембо является стихотворение «Парижская оргия», где соединяются мотивы горячей ненависти к буржуазии и вера в преобразование и очищение мира. Это стихотворение поражает степенью лирической интенсивности, искренности и напряженности. Как и в «Нате», «Надоело», «Гимне обеду» Маяковского, наибольшую ненависть и отторжение вызывает у Рембо культ бездумного потребления, царящий в современном обществе. Жрущие обыватели вызывают у поэта поток гневных инвектив: «О грязные сердца! О мерзкие утробы! Сильней работайте своим вонючим ртом!» (2, 59). Конфликт «Я - Вы», предельно обостренный и в ранней лирике Маяковского, достигает в этом стихотворении высшего накала: «Поэт вам говорит: Беснуйтесь, подлецы!» (2, 59). Париж предстает в стихотворении как измотанный и опустошенный «шутами, безумцами, сифилитиками, владыками», но он все равно «в Грядущее глядит». Париж в стихотворении — это и царство дикого разврата, которым насквозь пропитан город, сравнивающийся с проституткой: «Разврата ночь пришла, и спазмы этой ночи / Сжимают улицу...». Пропитанность духом разврата характеризует и мир раннего Маяковского: «Лысый фонарь сладострастно снимает / с улицы черный чулок» (1, 1, 68). Вера в очищающую революционную стихию у Рембо сродни вере Маяковского в то, что революция положит конец царству бездумного потребления: «Ешь ананасы, рябчиков жуй / День твой последний приходит буржуй» (1, 1, 169).

Позицию отрицания и возмущения несовершенством мира, выраженную в стихах, Рембо продолжает и в прозаических «Озарениях», где она также выражается в использовании карикатурных, уродливых образов. Особенно показательны в этом смысле стихотворения в про-

зе «Демократия» и «Балаганное представление». Позиция отрицания ведет за собой и нагнетание в «Озарениях» трагических мотивов: в «Тоске» герой говорит о том, что ему не избежать ран, мучений и пыток. В «Жизнях» герой противопоставляет свое беспросветное настоящее, свои страдания счастливому, радостному безоблачному детству и юности. Похожее противопоставление есть и у Маяковского в поэме «Люблю», где детство изображено как время гармонического единения лирического героя с миром. А в поэме «Про это» лирический герой, страдающий от одиночества и безответной любви, только «в детстве на самом дне» находит «десять сносных дней», настоящее же обрекает его на постоянные несчастья.

Самым страшным и глобальным искажением человеческой природы предстает у Рембо и Маяковского война. В стихотворениях Рембо «Воронье», «Зло», «Спящий в ложбине» «война раскрывается в антитезе к природе, как ее враг и разрушитель» (5, 192). Война у Рембо нарушает слитность человека с благодатной природой: «мертвецы в траве» являют жуткий контраст «природе благодатной, что сотворила их» (2, 33). Ужас войны предельно гиперболизируется: Рембо показывает, как безумие войны превращает людей в «дымящиеся груды»; образ груды убитых тел встречается и в «Войне и мире» Маяковского. Антиприродный характер войны предстает и в стихах Маяковского «Война объявлена», «Мама и убитый немцами вечер», в поэме «Война и мир»: «С неба, изодранного о штыков жала, / слезы звезд просеивались, как мука в сите» (1, 1, 91), «весь воздух вымощен громающим под ядрами камнем» (1, 1, 94). Рембо и Маяковский показывают деформирующий облик мира и человека характер кровавой бойни, изображают войну в ужасающих, натуралистических подробностях, подчеркивающих ее неестественность.

Объединяют Рембо и Маяковского и мотивы богоборчества. Бог равнодушен к страданиям человека, холонокровен и жесток. Рембо, предвосхищая Ницше, пишет о том, что религия извратила нормальные человеческие инстинкты и страсти. В антихристианских стихах настойчиво повторяется мотив «исхождения верой, как слюной», подчеркивающий неестественный, нездоровый характер этой «бездарной, нищей веры». В стихотворении «Бедняки в церкви» Христос «наверху мечтает в дымке серой / Вдали от тощих стерв и злобных толстяков» в то время как «проповедь цветет изысканностью речи / И все настойчивей мистическая ложь» (2, 57). В «Облаке» Бог также предстает как скучающий, «в облачный кисель ежедневно обмакивающий раздобревшие глаза», а в это время на земле, в мире лжи, фальши и социального неравенства, страдает одинокий, брошенный на произвол судьбы человек. О Христе герой Рембо говорит грубо, воспринимает его «как бога, ненавидящего человека» и осыпает его за это проклятиями (5, 192). Показательно, что лирический герой Рембо общается с Богом напрямую, ибо посредник — церковь — лжива и продажна. В грубом тоне разговаривает с Богом и Маяковский, даже угрожает ему: «Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою, отсюда и до Аляски». У Рембо в «Вечерней молитве» богоборческие мотивы предстают в форме грубой издевки: «Я в небо писаю, — какая благодать». Издевка здесь проявляется даже на лексическом уровне: слово из церковной лексики «благодать» характеризует физиологический процесс. Этот сонет, как и стихотворение «На короточках», предваряет прием эстетического использования художественного примитива, ставший одним из основных в поэзии русского футуризма, в том числе и у Маяковского. Герой Маяковского в «Облаке» тоже «ерничает», предлагая Богу собрать ему «со всех бульваров красивейших девочек»,

называя Бога «кудластым». Таким образом, антирелигиозные стихи Маяковского и Рембо объединяет стремление к скандальности, эпатажность. У Рембо в стихотворении «Зло» Бог предстает как явление отрицательное: он смеется от удовольствия при виде приносимых ему пышных даров, он равнодушен даже к страданиям самого Иисуса. Атеистическая направленность стихов Рембо и Маяковского становится органическим следствием активного отношения героя к миру. Бог удален от людей, а религия только сковывает их своими сухими, лживыми догматами и канонами. Исследователями подмечено, что Рембо, как и Маяковский, «отвергает и образ благосклонного к человеку божества, и образ коленопреклоненного перед божеством человека. ... При этом он противопоставляет богу не дьявола, покровительствующего человеку, а самого человека, который страдает и восстает против Провидения, заставляющего его страдать» (5, 200). У Маяковского образ Бога-мучителя, великого инквизитора предстает в поэме «Флейта-позвоночник», где Бог предстает главным виновником нечеловеческих мук лирического героя. Однако надо оговориться, что природа атеизма у Рембо и Маяковского различна: Рембо пишет антирелигиозные стихи, в его богоборчестве в целом ведущей тональностью является сатирическая, обличительная, у раннего Маяковского же преобладает пронзительный лиризм, яркая индивидуалистическая окраска бунта против Бога, который не дал лирическому герою счастливой любви. Маяковский восстает не столько против Бога, сколько против мира, в котором Бога нет. Правда, в стихотворении в прозе «Дурная кровь» герой Рембо тоже сводит с Богом «личные счеты», обвиняя его в несовершенстве человеческой природы и «иронически удивляется, почему Христос привил ему рабские чувства вместо того, чтобы дать ему благородство и ощущение свободы» (5, 225). Герой Маяковского в «Облаке в штанах» упрекает Бога за его «издевательство» над человеком, Бог дал человеку тело, но не дал возможности, свободно, без мучений пользоваться им: «Всемогущий, ты выдумал пару рук, / сделал, / что у каждого есть голова, – отчего ты не выдумал, / чтоб было без мук / целовать, целовать, целовать?!» (1, I, 248). Структура обвинений схожа, но Рембо иронизирует, а Маяковский мучительно негодует. Однако эпатажно грубая манера обращения к Богу, бросаемый ему вызов сходны у Рембо и Маяковского по степени поэтической дерзости: «Перья линяющих ангелов бросим любимым на шляпы» (Маяковский). В своих антирелигиозных агитках типа «Ни знахарь, ни бог, ни слуги бога нам не подмога» Маяковский близок Рембо по чисто сатирической антирелигиозной направленности, в ряде таких агиток высмеивается фальшивость церковных культов и обрядов, в неприглядном виде рисуются образы священнослужителей. В целом же в самостоятельных художественных произведениях Богу у Маяковского и Рембо антагонистичен Человек, способный к сильным переживаниям, не довольствующийся удобной и лживой моралью «праведников», мятежный, восставший, бесстрашный и смеющийся над христианской жалостью.

«Цинизм» и грубость лирических героев Маяковского и Рембо в значительной мере являются напускными. С одной стороны, они отвечают стремлению к эпатажу, а с другой, более важной, являются средством защиты от враждебного мира реальности. У раннего Маяковского за маской «грубого гунна» скрывается «бабочка поэтического сердца», чуткого к обиде, ранимая, хрупкая и страдающая душа, по-юношески глубоко пораженная царящей в мире несправедливостью (со всей яркостью это юношеское мировосприятие проявилось в поэме «Люблю»). То же и у Рембо. В стихотворении «Украденное сер-

дце» «воссозданы душевные метания юноши-поэта, который, несмотря на показной цинизм, болезненно реагирует на то, что кажется ему пошлым и мешает разрешению великих вопросов: что делать? как жить?» (4, 221).

При сопоставлении личностей Рембо и Маяковского можно отметить, что оба они были людьми неумной жизненной энергии, сильными и волевыми, но временами склонными к глубокой меланхолии и депрессии. Энергетика их личностей обуславливала их сильное влияние на окружающих людей. Рембо и Маяковский поэзия мыслилась как средство деятельного и решительного преобразования мира, главным в их поэзии было активное, творящее начало. Поэзия Рембо, как и поэзия Маяковского, изначально была новаторской по своему духу и устремлениям.

Похожей была и литературная ситуация, в которой находилась современная Рембо и Маяковскому поэзия. По словам Н.И. Балашова, «Рембо стал крушить французскую поэзию тогда, когда многое в ней пришло в ветхость и созрело для разрушения» (4, 193). Маяковский в начальный, футуристический, период своего творчества пытался создать новую поэзию на останках изжившего себя символизма и безнадежно устаревшей, по мнению футуристов, классики. Рембо противопоставлял изяществу «парнасцев» нарочитую грубость своего языка и образов. Таким образом, сама литературная ситуация предопределила появление Рембо и Маяковского в поэзии. Взгляды юного Рембо на поэзию были созвучны будущей футуристической теории «слова как такового», звучание которого независимо от семантики, самоценно и несет определенный смысловой потенциал. Аполлинер прямо указывал на Рембо как на родоначальника идеи «самовитого слова», отмечая, что этот прием делает синтаксис более емким и гибким, «способствует распространению телеграфного стиля» (4, 265). Рембо, как и футуристы, апеллировал к первобытному способу мышления, в котором отсутствовали или были сильно ослаблены причинно-следственные, рациональные связи: «ультрановатор, он будто ставил на место рассудочных связей особенность, свойственную поэзии, начиная от первого первобытного певца, но обычно не выступавшую самостоятельно – значимость звучания (созвучий, ритмов, интонации)» (4, 194). Отметим, что еще В.Я. Брюсов заявлял, что Рембо «по многим причинам можно назвать первым футуристом» (7, 64).

В поэзии Маяковского и Рембо резко повышается значимость звуковых и метафорических элементов, выражение начинает значительно преобладать над изображением, «возрастает роль прямого, эстетически не опосредованного изображения, иногда в ущерб знаменательности узлов с рассудочно улавливаемым и определяемым смыслом» (4, 195). С поэтами-предшественниками Рембо и Маяковский обращались с грубостью молодого задора (например, требование сбросить Пушкина с «парохода современности» у футуристов), ломая целиком всю старую поэтику и создавая новую «хаотическую» поэтику. У Рембо текст воздействовал не только испытанным оружием поэзии – сочетанием прямого и метафорического смыслов, но отчасти и «замещением прямого смысла пугающей фрагментарной метафоричностью, которая обостряла чувство невозможности второго истолкования и сеяла растерянность у читателя» (4, 202). «Фрагментарная метафоричность» – характерная черта и поэтики раннего Маяковского, во многих его ранних стихах наблюдается механическое сцепление ярких и оригинальных метафор в пеструю лирическую мозаику («Порт», «Уличное» и др.).

И Маяковский, и Рембо стремились сблизить поэзию

с разговорной речью, преодолеть разрыв между книжной и устной речью. Рембо вводит в поэтический язык разговорные обороты, вульгаризмы, диалектные слова, используя прием лексического контраста, смешивает их с научными терминами и искусственно созданными латинизмами, расшатывает ритмическую организацию стихотворного текста. Все это отличает и поэзию Маяковского, язык которой полон разговорной лексикой (перла, торчком, глотка), вульгаризмами (выхаркнула).

Стихи Рембо отличает активность, доходящая до агрессивности. По словам Н.И. Балашова, «поэтическая энергия Рембо ... пошла на то, чтобы породить – на век вперед – поэзию повышенной, эстетически внутренней, разжигаемой планом выражения экспрессии, ... чтобы дать импульс литературным явлениям, в которых, в конце концов, перо могло быть приравнено к штыку» (4, 219). В этом же направлении создания бунтарской поэзии, влияющей на жизнь, работал и Маяковский: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо».

В «Парижской оргии» Рембо «вбирает в себя ненависть каторжников, вопли проклятых, как бы призывая к отмщению» (5, 199). Сходный по эмоциональной интенсивности и гиперболичности призыв к бунту и у Маяковского – в третьей части «Облака в штанах», где он призывает «понедельники и вторники окрасить кровью в праздники», «кастетом кроить миру в черепе». Пафос бунта величав и торжественен, ибо освящен и оправдан великими гуманистическими целями. Бунтарский пафос у Рембо и Маяковского конкретизируется в мотиве насилия, величия террора. У Рембо в «Кузнеце»: «Я весь Париж прошел, таща с собою молот / И что ни улица, то череп им расколот» (2, 13). У Маяковского в «Облаке»: «Выньте, гуляющие, руки из брюк, берите камень, нож или бомбу» (1, 1, 241). Об абсолютном уничтожении старого общества говорит Рембо в одном из последних стихотворений «О, сердце, что для нас...», где энергия бунта и мести «правителям, сенатам, богачам» приобретает вселенские масштабы, обрушивает землю: «Вулканы взорваны! Повержен Океан!» (2, 89). Сквозным в стихотворении является образ «пламени бунта». В последних стихотворениях Рембо призыв к мятежу сменяется призывом к анархическому, нигилистическому бунту, который должен уничтожить не только правящие слои общества, но и всю землю как таковую. В стихотворении «Головокружение» лирический герой Рембо «призывает к сокрушению всякого порядка, к отмщению и террору. Он мечтает здесь о тысячах убийств, о громких воплях бешенства, о простынях крови и огня» (5, 203). Подобный пафос тотального уничтожения всего живого по-своему близок эстетической программе итальянских футуристов, культивировавших войну как «гигиену мира», отзвуки его заметны в творчестве русских футуристов, в том числе и у Маяковского. Призывы к бунту в «Облаке» имеют не только революционный, но и анархический характер, установку на тотальное разрушение.

Одновременно Маяковского и Рембо объединяет стремление к творческому претворению действительности. Поэты сопрягают в ярком, целостном динамическом образе конкретное, бытовое и высокое начало, просвечивающее сквозь него под взглядом художника, «отвоевывают» у обывателя поэтическое. Рембо может написать: «На обуви моей, израненной камнями, / Как струны лиры я натягивал шнуры» (2, 44). Маяковский в стихотворении «А вы могли бы?» одухотворяет бытовые реалии, прозревая «на блюде студня косые скулы океана», в «чешуе жестяной рыбы» – «зовы новых губ». Таким образом, и Маяковский, и Рембо свойственна лирическая интенция преображения реальности силой художественного

воображения и зоркостью поэтического зрения.

Подведем итоги. Творчество Маяковского и Рембо отчетливо коррелирует друг с другом. Оба поэта были яркими новаторами и ниспровергателями отживших поэтических систем. Они наполнили поэзию новым содержанием, пафосом неприятия мира и тотально перестроили поэтику для выражения этого содержания. Они ввели в поэзию грубую действительность, создали с помощью неожиданных гиперболических образов поэта, болеющего за судьбы мира, ведущего человечество к будущему. Они воодушевлялись идеей тотального переустройства мира с помощью активного и действенного поэтического слова. Экспериментируя с ритмикой, метрикой, строфикой, они формировали поэтическое слово самодостаточным, способным полноценно выразить образ лирического героя – яркой индивидуальности, грандиозного Я, свободного в агрессивном разрушении и гармоническом созидании. Они сделали традиционные поэтические абстракции вещественными, плотными, ощутимыми, пульсирующими, широко применяя оригинальные метафоры и поэтику контраста, соединяющую в едином, нерасторжимом образе далекие друг от друга предметы и явления. Наконец, эти поэты близки самой тональностью мироощущения, непосредственностью и остротой восприятия мира, а также особой энергетикой и динамикой его поэтического воплощения. В целом Маяковский и Рембо близки как в наборе ведущих мотивов творчества и обслуживающих их новаторских средств поэтики, так и в характере мировоззрения и индивидуальной смысловой тональности лирического постижения мира в его диалектическом взаимодействии с личностью лирического героя.

Список литературы

1. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 12 т. - М.: Правда, 1978.
2. Рембо Артур. Стихи. - М.: Наука, 1982 (серия «Литературные памятники»).
3. Альфонсов В. Нам слово нужно для жизни. - Л.: Советский писатель, 1983. - 248 с.
4. Балашов Н.И. Рембо и связь двух веков поэзии // Артур Рембо. Стихи. - М.: Наука, 1982. - 496 с. (серия «Литературные памятники»).
5. Обломиевский Д. Французский символизм. - М.: Наука, 1973. - 304 с.
6. Спивак Р.С. Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров. - Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. - 140 с.
7. Харджиев Н.И., Тренин В.В. Поэтическая культура Маяковского. - М.: Искусство, 1970. - 328 с.

**Варламова
Зинаида
Николаевна**
канд. экон. наук, доц.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ЗНАНИЕМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сегодня управление знаниями является предметом разносторонних исследований, входит в практику организаций как принципиально новый вид управленческой деятельности и новая функция управления. Однако к настоящему времени в теории и практике менеджмента не сформировалось четкого и однозначного представления об управлении знаниями в организации. Часто анализ сущностных изменений подменяется изучением внешних признаков либо подобные изменения ассоциируются с ограниченной группой отраслей.

Одна часть руководителей отождествляет управление знаниями с управлением информацией и информационными системами, другая – считает, что управление знаниями требует глубокого понимания того, как работает человеческий разум, поведения людей в процессе общения, а значит, уходит в область межличностного общения, организационного поведения, и *только третья – увязывает со стратегиями бизнеса.*

Мы разделяем точку зрения тех зарубежных и отечественных специалистов, которые область управления знаниями рассматривают как неотъемлемую часть проблематики стратегического менеджмента, менеджмента организационного развития. Необходимости четкой взаимосвязи управления знаниями с ключевыми факторами успеха бизнеса, бизнес-стратегией, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

Представляется, что *управление знаниями следует рассматривать как интегрирующую подсистему системы управления, надсистему, координирующую все компоненты менеджмента организации.* При этом управление знаниями в организации включает: отбор и аккумуляцию значимого для организации знания из внешних источников, создание (генерирование) новых знаний, распространение (передачу, обмен), интеграцию (сведение в единый взаимосвязанный комплекс), хранение знаний, целевое использование (коммерциализацию) новых знаний, трансформацию знаний в ключевые компетенции и динамические способности организации.

Цель управления знаниями в организации заключается в том, чтобы сделать знания основным фактором,

создающим стоимость компании, стратегическим ключевым ресурсом, обеспечивающим рост стоимости компании за счет формирования устойчивого трудновоспроизводимого конкурентного преимущества.

Установленные нами подходы к типологии знаний (1) послужили основой формирования *системы управления знаниями в организации*, в состав которой включены:

- подсистема управления инновациями (управление процессом трансформации знаний в продукты и услуги (объективированное (материализованное) знание));

- подсистема управления бизнес-процессами (процедурное (технологическое) знание, объективированное знание);

- подсистема управления человеческими ресурсами (индивидуальное (субъективное), неявное, скрытое, имплицитное знание);

- подсистема управления информацией (кодифицированное знание).

В целях характеристики системы управления знаниями в организации в соответствии с предложенным концептуальным подходом и очерченными контурами системы как совокупности взаимосвязанных установленных подсистем, оперирующих различными типами знаний, нами разработана система показателей, характеризующих состояние отдельных подсистем управления знаниями.

Автором данной статьи проведено эмпирическое исследование, цель которого заключалась в изучении структуры и содержания процессов управления знаниями в организациях Курганской области, в установлении основных тенденций и проблем управления организационными знаниями.

В качестве инструмента сбора информации использовалось анкетирование организаций. Сбор данных осуществлялся за период 2005-2007 гг. Структура выборки в разрезе видов экономической деятельности отражает структуру регионального промышленного производства, однако несколько смещена в область производства машин, транспортных средств и оборудования. В выборке представлены главным образом крупные и средние предприятия области, преобладают предприятия обрабатывающих производств (93,1% от объема выборки). Акционерными обществами различных видов являются 24 организации (82,8% от общего количества), организационно-правовую форму общества с ограниченной ответственностью имеют 5 представителей выборки (17,2%). Средний размер обследованных организаций, измеряемый численностью персонала, составляет 1295 чел. При этом в составе выборки предприятий с численностью персонала до 100 чел. – 3 (10,3%), от 100 до 300 чел. – 11 (37,9%), от 300 до 500 чел. – 2 (6,9%), от 500 до 1000 чел. – 4 (13,8%), от 1000 до 5000 чел. – 8 (27,6%), свыше 5000 чел. – одно предприятие (3,4%).

При обработке результатов исследования использовался метод кластерного анализа. Кластерный анализ представляет собой набор различных алгоритмов распределения объектов по кластерам и позволяет организовывать наблюдаемые данные в наглядные структуры. Кластерный анализ является описательной процедурой, он не позволяет сделать никаких статистических выводов, но дает возможность изучить структуру совокупности исследуемых объектов.

Кластерный анализ результатов авторского исследования проведен с использованием наиболее часто

применяемой в настоящее время в экономических исследованиях компьютерной программы обработки статистических данных - SPSS (Statistical Package for Social Scientists) (2).

В рамках данного исследования использовался метод иерархической кластеризации, назначение которого состоит в объединении объектов в достаточно большие кластеры, используя некоторую меру сходства или расстояния между объектами.

Обозначим реализованные этапы кластерного анализа.

1. *Выбор переменных-критериев для кластеризации.* Кластеризация осуществлялась по 23 переменным. Переменные-критерии кластеризации, характеризующие состояние отдельных подсистем управления знаниями в организации, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Совокупность показателей-критериев кластеризации в разрезе подсистем управления знаниями в организации

Наименование подсистемы	Показатели
Подсистема управления инновациями	1. Доля новой продукции в выручке, %
	2. Доля новой продукции, отгруженной на экспорт, в общей отгрузке продукции, %
	3. Доля сотрудников подразделений НИОКР в численности персонала, %
	4. Число рацпредложений на 100 сотрудников
	5. Доля затрат на НИОКР в выручке, %
	6. Нематериальные активы на балансе предприятия, тыс. руб.
	7. Инвестиции в нематериальные активы, тыс. руб.
	8. Стоимость патентов и торговых марок, тыс. руб.
	9. Рентабельность продаж, %
Подсистема управления бизнес-процессами	1. Доля автоматизированных рабочих мест, %
	2. Доля оборудования с ЧПУ в общем количестве оборудования, %
Подсистема управления человеческими ресурсами	1. Доля сотрудников с высшим образованием, %
	2. Затраты на обучение и повышение квалификации одного сотрудника, руб.
	3. Средний стаж работы специалистов, лет
	4. Средний стаж работы руководителей, лет
	5. Текучесть кадров специалистов, %
	6. Текучесть кадров руководителей, %
Подсистема управления информацией	1. Доля компьютеризированных рабочих мест руководителей, %
	2. Доля компьютеризированных рабочих мест специалистов, %
	3. Доля руководителей, постоянно работающих в сети Internet, %
	4. Доля специалистов, постоянно работающих в сети Internet, %

Дополнительно в качестве критериев кластеризации использовался показатель среднесписочной численности персонала и переменная, характеризующая вид экономической деятельности.

2. *Выбор способа измерения расстояния между объектами (кластерами).* При обработке результатов исследования использовался квадрат Евклидова расстояния (Squared Euclidean distance), согласно которому

расстояние между объектами равно сумме квадратов разностей между значениями одноименных переменных объектов. Квадрат Евклидова расстояния является оптимальным способом измерения расстояния между кластерами при анализе количественных данных.

Поскольку переменные имеют самые различные шкалы, в целях решения проблемы шкалирования в SPSS используется стандартизация. Нами использовалась нормализация переменных, приводящая все переменные к стандартной Z-шкале (среднее равно 0, стандартное отклонение -1). Нормализованные переменные имеют равные веса.

3. *Формирование кластеров.* При обработке результатов исследования использовался метод слияния. В свою очередь метод слияния предусматривает несколько способов объединения объектов. В качестве способа объединения предприятий в кластеры применялся метод Варда (Ward's method). Метод Варда отличается от всех других методов объединения кластеров тем, что использует методы дисперсионного анализа для оценки расстояний между кластерами. Метод минимизирует сумму квадратов расстояний объектов до центра кластеров для любых двух гипотетических кластеров, которые могут быть сформированы на каждом шаге.

Последовательность слияний представлена в протоколе объединения (табл. 2). В нем указаны стадии объединения, объединяемые кластеры (после объединения кластер принимает минимальный номер из номеров объединяемых кластеров), расстояние между кластерами, которые объединяются на данном шаге, номер стадии, на которой кластеры ранее уже участвовали в объединении; следующая стадия, где произойдет объединение с другим кластером.

Таблица 2

Последовательность слияний

Stage	Cluster Combined		Coefficients	Stage Cluster First Appears		Next Stage
	Cluster 1	Cluster 2		Cluster 1	Cluster 2	
1	12	19	3,191	0	0	9
2	11	16	6,420	0	0	5
3	9	14	12,003	0	0	14
4	27	28	18,112	0	0	15
5	11	25	24,259	2	0	7
6	20	26	31,035	0	0	8
7	11	17	40,234	5	0	10
8	18	20	49,998	0	6	23
9	8	12	59,804	0	1	17
10	11	24	70,618	7	0	17
11	7	13	82,772	0	0	20
12	15	21	95,251	0	0	24
13	5	23	107,818	0	0	15
14	9	29	121,982	3	0	19
15	5	27	137,640	13	4	19
16	1	6	154,138	0	0	20
17	8	11	170,830	9	10	22
18	2	10	192,854	0	0	21
19	5	9	216,379	15	14	22
20	1	7	247,055	16	11	25
21	2	4	279,350	18	0	26
22	5	8	314,423	19	17	23
23	5	18	350,844	22	8	24
24	5	15	393,061	23	12	27
25	1	22	438,256	20	0	26
26	1	2	488,452	25	21	27
27	1	5	563,315	26	24	28
28	1	3	644,000	27	0	0

4. *Определение числа кластеров и интерпретация результатов.* Проблема определения числа полученных в результате анализа однородных групп относится, по мнению специалистов, к числу нерешенных задач кластерного анализа из-за отсутствия подходящей нулевой гипотезы и сложной природы многомерных выборочных распределений. Наиболее часто используются эвристические процедуры, когда желаемое число кластеров и оценка результатов анализа зависят от целей исследования и представлений исследователей о структуре данных. Большое количество кластеров приводит к неоправданному дроблению выборки и затрудняет процесс обработки информации и интерпретации результатов кластеризации объектов.

Оптимальное количество кластеров можно оценить по таблице последовательности слияний. Для этого необходимо проследить динамику увеличения различий по шагам кластеризации и установить шаг, на котором отмечается резкое возрастание различий. Оптимальному числу кластеров соответствует разность между числом объектов и порядковым номером шага, на котором был обнаружен заметный перепад различий.

Так, в нашем случае резкое возрастание различий обнаруживается при переходе от 25 к 26 шагу (см. табл. 2). Следовательно, оптимальное количество кластеров может быть получено на 25 или 26 шаге. Это количество равно численности объектов за минусом номера шага, т.е.: $29-25=4$ или $29-26=3$.

Результатом кластеризации является иерархическое дерево – древовидная диаграмма (дендрограмма кластерных решений) (рис. 1).

Дендрограмма не только позволяет перейти к любому объекту на любом уровне кластеризации, но и дает возможность судить о том, каково расстояние между кластерами или объектами на каждом из уровней. Числа от 0 до 25 являются условной шкалой этих расстояний (0 соответствует минимальному расстоянию на первом этапе, а 25 – максимальному на последнем). На дендрограмме любое решение характеризуется вертикальной линией, число точек пересечения которой с деревом соответствует количеству кластеров. В нашем случае эту линию следует располагать на уровне 20-25, между 25 и 26 шагами кластеризации. А значит, оптимальное количество кластеров равно трем.

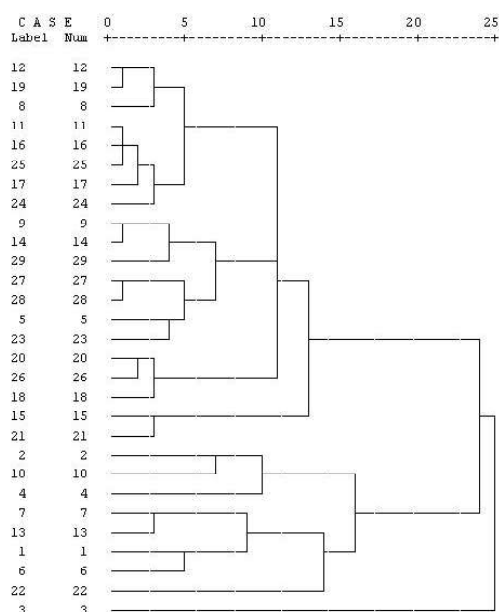

Рис. 1. Дендрограмма кластерных решений

Анализ значимости каждой кластерной переменной проводился с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), результаты которого продемонстрировали достаточно высокий уровень значимости показателей. Критерий однородности дисперсии Левина (Levene Statistic) показал, что дисперсии для каждой из групп статистически достоверно не различаются, следовательно, результаты ANOVA могут быть признаны корректными.

Характеристики предприятий по кластерам представлены данными табл. 3.

Таблица 3

Характеристики предприятий по кластерам

Переменные	В целом по выборке (N=29)	Кластер «А» (N _A =20)	Кластер «В» (N _B =8)	Кластер «С» (N _C =1)
Доля новой продукции в выручке, %	4,60	6,13	4,80	-
Доля новой продукции, отгруженной на экспорт в общей отгрузке продукции, %	0,44	0,95	0,34	-
Доля сотрудников подразделений НИОКР в численности персонала, %	0,94	0,79	1,10	-
Число предложений на 100 сотрудников	4,0	0,2	6,2	-
Доля затрат на НИОКР в выручке, %	0,36	0,38	0,40	-
Нематериальные активы на балансе предприятия, тыс. руб.	325,3	61,5	-	8100,0
Стоимость патентов и торговых марок, тыс. руб.	127,7	14,6	11,4	3319,0
Рентабельность продаж, %	7,35	7,41	6,81	10,82
Доля сотрудников с высшим образованием, %	17,3	19,5	15,9	20,0
Затраты на обучение и повышение квалификации одного сотрудника, руб.	2500	1474	2573	2058
Средний стаж работы специалистов, лет	16	11	19	5
Средний стаж работы руководителей, лет	18	13	21	10
Текущая текучесть кадров специалистов, %	8,5	3,7	11,2	0,7
Текущая текучесть кадров руководителей, %	5,5	3,8	6,4	0,5
Доля компьютеризированных рабочих мест руководителей, %	28	12	32	75
Доля компьютеризированных рабочих мест специалистов, %	57	37	65	50
Доля руководителей, постоянно работающих в сети Internet, %	14	3	16	50
Доля специалистов, постоянно работающих в сети Internet, %	16	10	19	18
Среднесписочная численность персонала, чел.	1295	587	2965	2092
Объем продаж (в расчете на 1 представителя кластера), тыс. руб.	851786	274715	2084438	2532000

Исследование содержания и структуры процессов управления знаниями на основе авторского концептуального подхода к формированию системы управления организационным знанием с использованием методики иерархического кластерного анализа позволило выявить существенные изменения в анализируемых объектах, идентифицировать стратегии управления организационным знанием и модели инновационного поведения организаций (3).

В кластер «А» вошло 67% предприятий выборки. Это наиболее мелкие предприятия исследуемой группы, представляющие главным образом средний бизнес Курганской области. Предприятия данного кластера характеризуются более высокими результатами инновационной деятельности.

В кластер «В» вошли главным образом крупные предприятия - производители машин, оборудования и

транспортных средств. Предприятия кластера «В» имеют некоторое превосходство по показателям доли сотрудников подразделений НИОКР в общей численности персонала, доли затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в выручке от реализации продукции, на предприятиях данной группы существенно выше уровень активности рационализаторской деятельности.

Крупные предприятия несколько уступают предприятиям кластера «А» по показателям стоимости патентов и торговых марок, нематериальных активов, числящихся на балансе предприятия, рентабельности продаж, предпочитают экстенсивный способ решения проблемы повышения квалификации персонала.

Кластер «С» представлен единственным предприятием (назовем его условно предприятие «С»). Данное предприятие характеризуется наиболее высоким уровнем нематериальных активов, числящихся на балансе предприятия, стоимости патентов и торговых марок. Предприятие «С» отличается среди всей совокупности обследованных организаций также существенно более высоким уровнем показателей, характеризующих состояние подсистем управления информацией, человеческими ресурсами. В целом характеризуя деятельность предприятия, представляющего данный кластер, следует сделать вывод о реализации менеджментом модели «открытых инноваций».

Результаты исследования позволяют сделать выводы о более высоком уровне управления знаниями на мелких и средних предприятиях. Эти предприятия более открыты новым знаниям, более адаптивны к требованиям изменения бизнес-моделей, практики управления персоналом в условиях формирования экономики знаний, что и находит отражение в более высоких результатах их инновационной деятельности.

Обобщая, следует отметить, что выборка данного исследования, как отмечалось выше, смещена в сторону средних и крупных предприятий обрабатывающих производств. Наличие в выборке большого количества предприятий малого бизнеса, представителей сферы услуг могло бы привести к идентификации большего количества кластеров.

Широкое представительство в выборке крупных предприятий обрабатывающих производств ограничивает возможности делать выводы в отношении управления знаниями в малом бизнесе, в сфере высоких технологий (большинство высокотехнологичных фирм достаточно малы), в сфере услуг. Однако есть основания полагать, что именно охваченные данным исследованием группы предприятий Курганской области (как и аналогичные группы хозяйствующих субъектов Уральского региона и страны в целом) характеризуются более низкой инновационной восприимчивостью и активностью, а соответственно, требуют большего внимания и более кардинальных преобразований в исследуемой области.

Список литературы

1. Варламова З.Н. Концептуальная модель управления знаниями в организации // Проблемы теории и практики управления. - 2007. - №5. - С. 51-59.
2. Наследов А.Д. SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. - 2-е изд. - СПб.: Питер, 2007. - 416 с.
3. Варламова З.Н. Исследование тенденций и стратегий управления организационным знанием // Вестник университета (Государственный университет управления). - 2008. - №2. - С. 50-58.

**Васильева
Ольга Евгеньевна**
канд. экон. наук, доц.

ИМИДЖЕВАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В настоящее время в России наряду с целым рядом социально-экономических проблем на передний план выходят вопросы, связанные с трансформацией территориально-политического устройства и региональной политикой.

Регионы наделены новыми полномочиями и стали относительно самостоятельными участниками социально-политических процессов. Кроме того, именно властные структуры регионов, в отличие от федеральных государственных органов, работают непосредственно с местным населением и бизнес-сообществом, а также во многих случаях исполняют президентские и правительственные задачи по национальным проектам. В этом контексте имидж региона:

- представляет собой необходимый компонент информационно-политического пространства и эффективный инструмент решения проблем взаимодействия центра и регионов;
- затрагивает вопросы общественной консолидации и государственной интеграции;
- играет существенную роль в повышении инвестиционной привлекательности территории, а значит, и уровня ее социально-экономического развития;
- согласует и координирует интересы и деятельность региональных и государственных органов власти в сферах политики, экономики, культуры, религии, международных отношений.

Таким образом, создание и продвижение позитивного имиджа территории – актуальная и перспективная задача, эффективное решение которой обеспечивает региональную и государственную информационную безопасность, развитие региональных сообществ, общественную консолидацию, государственную интеграцию.

Имидж региона – это целенаправленно создаваемый образ, направленный на позиционирование и обеспечение устойчивого присутствия в информационно-коммуникативном пространстве и формируемый на основе значимых политических, экономических, социокультурных событий, которые происходят в этом регионе.

Имидж региона одновременно фиксирует уже сложившееся в массовом сознании представление о той или иной территории и одновременно является инструментом для формирования этого представления с позиции целевых групп. Поэтому **региональный имидж целесообразно представить как совокупность двух основных блоков – общероссийский имидж региона и внутренний имидж для населения области (табл.1).**

Для закрепления в общественном сознании благоприятного образа Курганской области можно рекомен-

довать следующий набор инструментов (по приоритетности):

1. Учет социально-экономического положения региона, опирающегося на устоявшуюся традицию региональной идентичности.

В качестве основы имиджа Курганской области может быть использовано ее социально-экономическое положение, а именно:

- Курганская область входит в состав территории концентрации полюсов роста (полюсов развития) российской экономики – Уральского федерального округа;
- наша область является ближайшим соседом официальных «региональных столиц» – городов Екатеринбурга, Челябинска и Тюмени;
- уникальное географическое положение Курганской области – в центре России, на границе Европы и Азии.

Все это позволяет использовать силу имиджа соседних территорий (Свердловская область – «Опорный край державы», Челябинская область – новый региональный бренд Аркаим, Тюменская область – нефтяной и газовый край) для усиления имиджа Курганской области по принципу «стен замка». В данном контексте необходимо ограничить или полностью отказаться от представления Курганской области как «Зауралья» во внешнем имидже территории. Необходимо отчетливо акцен-

тироваться на принадлежности к Уралу.

Кроме того, Курганская область - территория, через которую исторически проходили торговые маршруты, связывающие Россию и государства Средней Азии. Сегодня область по-прежнему остается важнейшим транспортным узлом, соединяющим автомобильные и железнодорожные магистрали общероссийского и международного значения на евразийском континенте. Сохранение и усиление этого статуса может быть использовано для перепозиционирования Курганской области из «транзитного терминала» в «ворота в Азию», а в долгосрочной перспективе - в «евроазиатский город».

В этой связи необходимо использовать выбор нашего ближайшего соседа (Свердловской области), в качестве площадки для проведения в 2009 году на ее территории саммита Шанхайской организации сотрудничества. Курганская область должна принять активное участие в его работе.

2. Использование природно-климатических особенностей Курганской области, которые необходимо усилить и транслировать.

На наш взгляд, в настоящее время достаточно односторонне используется рекреационный потенциал территории: озера Медвежье, Горькое, курорт «Сосновая роща» и другие позиционируются как оздоровительные центры. Даже существующая сеть «Курорты Зауралья»

Таблица 1

Структура имиджа региона

	Приоритеты целевых групп	Методы формирования и управления имиджем региона
- Центральное правительство - Финансовая элита	- Справедливость: пространственная организация экономической деятельности, при которой жители всех регионов страны имеют более или менее равные возможности достичь желаемого благосостояния. - Эффективность: рациональное использование производственного потенциала каждого региона в целях общенационального благополучия	- Выражение формальной и реальной лояльности федеральному центру. - Идентичность государственного и регионального политического имиджа и/или имиджа лидера региона. - Исполнение демократических процедур. - Политический транзит
- Инвесторы (промышленники)	- Стабильность власти. - Готовность регионального правительства к экономическому сотрудничеству	Использование факторов уникальности и узнаваемости территории за ее пределами: - региональный бренд в виде товара или услуги, характеризующей регион; - исторические события, произошедшие на территории и имеющие знаковый характер; - уникальные климатические и природные условия, определяющие образ региона
Целевые аудитории	Приоритеты целевых групп	Методы формирования и управления имиджем региона
		Использование набора инструментов по продвижению выбранных региональных особенностей: - осуществление на территории региона крупного проекта – экономического, культурного, политического, промышленного; - проведение выставок; - реализация целевых туристических программ; - визиты официальных делегаций региона в зарубежные государства с целью его презентации; - приглашение представителей других государств на территорию региона в рамках проведения фестивалей культуры; - установление партнерских отношений между муниципалитетами региона и зарубежными городами
- Население региона	- Собственное финансовое, социальное, культурное, религиозное благополучие	- Повышение уровня жизни населения региона. - Увеличение «человеческого капитала». - Формирование среднего класса. - Эффективная территориальная политика, целью которой является сокращение различий в социально-экономическом развитии муниципальных образований региона

потенциально открывает широкие возможности для создания центров экстремального туризма, проведения охотничьих туров и других форм активного и инициативного отдыха. Это позволит расширить и увеличить потенциальные целевые сегменты потребителей природно-климатических свойств территории Курганской области.

3. Наличие историко-культурных традиций Курганской области, тщательно сохраняемых и тиражируемых.

В качестве «якорей» этой имиджевой составляющей могут рассматриваться следующие объекты и события.

Исторические памятники, такие как Чимеевский храм, Далматовский мужской монастырь, Храм Александра Невского — основа формирования представления территории как сакрального места, места проявления воли Бога. На общем фоне возврата и обращения народа к истокам своей духовности такой подход может стать эффективным инструментом создания образа уникальности территории. Кроме того, этот аспект имиджа хорошо коммерциализируем: разработка и реализация программ по развитию этих уникальных объектов путем создания музеев, гостиниц, туристических программ и т.д. обеспечит приток дополнительных доходов в местные бюджеты.

Существенную роль в формировании имиджа региона играет образ его города — центра. Статус Кургана парадоксален, хотя исторически объясним: это «большой малый город». По своим демографическим, социально-структурным и финансово-экономическим параметрам Курган — большой современный город. Но в социально- и культурно-психологическом плане, по своей ментальности Курган — типичный малый город. Такой образ не может не придавать «провинциальности» всей территории. Для перепозиционирования нашего региона из «периферии», «провинции» в одну из столиц Урала могут быть использованы такие элементы культурного пространства, как театральная (Шадринский и Курганский драматические театры, Театр кукол «Гулливер»), художественная (например, сильнейший брэнд Германа Травникова) и музыкальная (целая плеяда певцов и музыкантов Курганской филармонии) среда, персоналии интеллигенции области. В данном случае необходимо использовать силу их имиджа для продвижения региона, используя их социально-психологические и культурные установки для предопределения основных позиций, влияющих на информационную ситуацию и инвестиционный климат инстанций: власти, бизнеса, культурного и творческого сообщества Курганской области и за ее пределами.

Необходимо, чтобы культура вошла в сферу реализации далеко идущих амбиций и власти, и бизнеса, поскольку творческая интеллигенция во многом определяет информационный резонанс и гуманитарную привлекательность региона. Инициатором позитивного сдвига может выступить власть, осознавшая стратегический потенциал культурной компоненты для развития Курганской области и опирающаяся на независимую экспертизу проектов. Одновременно необходимо всячески поддерживать развитие независимых общественных институций в сфере культуры. Обнадеживающим примером является деятельность Фонда филармонической поддержки.

4. Персонификация Курганской области через знаковые фигуры.

В рамках данной компоненты имиджа представляется целесообразным и эффективным использование известности людей, родившихся, проживающих и связавших свою жизнь с Курганской областью для усиления ее положительного имиджа. Работа должна осуществляться в двух направлениях:

1) использование прямых ассоциаций «Имярек —

Курганская область», как это успешно реализовывалось и реализуется в настоящее время. Однако в данном случае персоналия «делится» своей популярностью и известностью с территорией;

2) поэтому наиболее перспективным представляется формирование своеобразной мифологии (в культурологическом смысле) Курганской области как «территории успешных людей», «территории успеха», «территории возможностей».

Володина Елена Васильевна
д-р экон. наук, доц,
Косова Светлана Александровна
канд. экон. наук, доц.,
Васильева Ольга Евгеньевна
канд. экон. наук, доц.

МАРКЕТИНГОВАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Маркетинг региона — это новое понятие в экономическом пространстве России. Её переход от унитарного типа к федеративному устройству изменил модель и содержание государственного управления регионом, обеспечил переход от административных к экономическим методам регулирования хозяйственных процессов. Регион стал субъектом рыночных отношений, характеризующихся прежде всего наличием конкуренции. Основной задачей развития региона в этих условиях становится позиционирование своих возможностей в рамках международного и межрегионального разделения труда, продвижение региональных товаров и услуг и в целом повышение своей привлекательности и конкурентоспособности.

Маркетинг региона является новым концептуальным подходом, позволяющим усилить конкурентные преимущества региона, увеличить его привлекательность и возможности развития, сформировать эффективную региональную политику. Маркетинговая стратегия региона проектируется на перспективу, направлена на достижение долгосрочных конкурентных преимуществ региона и обеспечивает высокий уровень качества жизни населения региона.

Основой для разработки маркетинговой стратегии развития Курганской области стали результаты исследований рыночных возможностей региона, проведенные на кафедре «Экономика и маркетинг» Курганского государственного университета. Осуществленный анализ показал, что Курганская область имеет устойчивую положительную динамику важнейших социально-экономических показателей.

Структура экономики области практически приблизилась к структуре экономически развитых стран. В структуре ВРП производство товаров составляет 40,3%, в том числе

- промышленность – 21,5%;
- сельское и лесное хозяйство – 13,8%;
- строительство – 4,4%.

Доля производства услуг оценивается в 56,5%. Динамично развивается реальный сектор экономики. Темпы роста промышленной продукции в Курганской области в последние годы превышают соответствующий показатель по РФ (108,9 % - по России; 111,4% - по Курганской обл.).

Значительным является вклад Курганской области в общероссийское производство следующей продукции:

- коммунально-строительных машин – 46%;
- пожарных машин – 30%;
- мостовых металлоконструкций – 21%;
- автобусов – 17,5%;
- дорожно-строительной техники – 10%.

Индекс физического объема продукции сельского хозяйства возрос в 2007 г. на 8% по сравнению с 2006 г. и на 107,3% к уровню 2005 г. (по РФ - 106,1%), что свидетельствует о повышении продовольственной безопасности области. Курганская область по темпам роста оборота розничной торговли в Уральском федеральном округе занимает лидирующее положение: УрФО – 119,8%; Курганская обл. – 123,5%.

Позитивные тенденции в отраслях материального производства обеспечили рост качественных показателей уровня жизни населения. Среднедушевой доход на конец 2007 г. составил 8695 руб. (в 1,3 раза выше уровня 2006 г.). Реальные денежные доходы в 2007 г. по сравнению с 2006 г. увеличились на 18,1%, а по сравнению с 2005 г. - на 59,7% (против 120,1% по РФ). В области снижается доля населения с доходами ниже прожиточного минимума: с 24,3% в 2006 г. до 22,4% в 2007 г., в Курганской области сокращается безработица.

Таким образом, динамика основных социально-экономических показателей Курганской области соответствует тенденциям развития экономики Российской Федерации.

Маркетинговая стратегия развития региона базируется на укреплении существующих и создании новых конкурентных преимуществ. При разработке стратегических альтернатив следует учитывать возможное влияние внешней среды на развитие региона. Совершенствование законодательной базы, направленной на поддержку экономического и социального развития субъектов РФ; федеральное финансирование приоритетных национальных проектов; государственная поддержка развития кластеров – это существующие во внешней среде возможности для развития нашего региона. Однако внешняя среда содержит и определенные риски, ограничивающие региональное развитие. Для Курганской области наиболее существенными являются следующие обстоятельства: высокая энергозависимость, недостаточное государственное регулирование продовольственного рынка и незащищенность внутреннего регионального рынка от экспансии импортных потребительских товаров и продовольствия.

Стратегические направления развития региона должны учитывать возможности, предоставляемые внешней средой, и существующие угрозы, а также базироваться на использовании существующих и создании новых конкурентных преимуществ. В ходе исследования были выявлены основные конкурентные преимущества Курганской области:

- высокий удельный вес обрабатывающих произ-

водств (доля трех видов экономической деятельности: производство машин и оборудования, транспортных средств и готовых металлических конструкций составляет более 50% в объеме промышленного производства области);

- рост инновационной активности в регионе (в регионе имеется 15 организаций, выполняющих научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы);
- наличие обширных сельскохозяйственных угодий и благоприятные почвенно-климатические условия для производства сельскохозяйственной и продовольственной продукции;
- наличие природных ресурсов для производства строительных материалов;
- высокий потенциал для развития санаторно-курортного комплекса и оказания оздоровительных услуг;
- выгодное геополитическое положение.

Маркетинговая стратегия развития региона – это одновременно перспектива развития и модель реагирования на изменения внешней среды, в которой развивается регион. Маркетинговая стратегия должна обеспечить привлекательность региона как территории, где комфортно жить и учиться, выгодно вкладывать инвестиции и вести бизнес, перспективно переезжать и развиваться. Основная цель стратегии – создание условий для эффективного использования человеческого потенциала, повышение благосостояния и качества жизни населения. Маркетинговая стратегия развития Курганской области базируется на концепции инновационного развития экономики Российской Федерации.

В процессе исследования рассматривались два альтернативных сценария экономического развития региона:

1. Сценарий «инерционного развития».
2. Сценарий «инновационно-прорывной».

Сценарий «инерционного развития» предусматривает сохранение существующих темпов роста ВРП, промышленного производства, показателей социального развития, эффективности экономики и не предусматривает новых масштабных региональных проектов. Реализация данного сценария не будет способствовать формированию конкурентных преимуществ региона и, следовательно, не обеспечит его привлекательности для инвесторов, населения.

Сценарий «инновационно-прорывной» рассматривается как сценарий активной инновационной экономики, структурных сдвигов в пользу обрабатывающих отраслей и сферы услуг. Этот сценарий в наибольшей степени соответствует условиям глобализации российской экономики.

В качестве перспективной модели развития Курганской области до 2030 г., в рамках указанного сценария рассматривается стратегия индустриально-инновационного развития, базирующаяся на кластерном подходе. Кластер – это концентрация предприятий в границах определенной территории. Преимущество функционирования кластерных фирм обеспечивается их географической близостью, что приводит к более низким издержкам производства за счет использования общей научной и технологической инфраструктуры. Государственные и частные инвестиции, направленные на улучшение условий функционирования кластера, приносят пользу сразу многим фирмам.

Названные преимущества кластерного развития экономики могут быть реализованы на основе кластерной политики, предусматривающей создание и развитие на территории Курганской области следующих кластеров:

- производство инновационной продукции для нефтегазового комплекса;

- производство экологически безопасного продовольствия;
- строительство и производство традиционных и инновационных строительных материалов;
- оказание оздоровительных, санаторно-курортных и туристических услуг.

Основным фактором, обеспечивающим успех и привлекательность региона, повышение его конкурентоспособности в долгосрочной перспективе, является степень цивилизованности рыночных отношений. Достижение названных приоритетов может быть обеспечено на основе реализации такой стратегической альтернативы, как развитие логистического потенциала региона, включающей комплекс принципов, целей, соответствующих экономических, правовых и инвестиционных решений, направленных на развитие экономической среды в регионе и соответствующей рыночной инфраструктуры. Логистический потенциал региона можно рассматривать как совокупность логистических потенциалов отдельных экономических субъектов и логистический потенциал региона в целом.

Анализируя опыт развития логистики в других регионах, можно утверждать, что важнейшим направлением повышения логистического потенциала региона в целом является создание региональных транспортно-логистических центров.

Создание логистического центра (ЛЦ) имеет весьма актуальное значение для нашего региона. В первую очередь речь идет об интеграции производственных систем, о зонах взаимовыгодного товарообмена, на основе которых может реально осуществиться развитие региональной экономической системы. В регионе существуют весомые предпосылки для создания ЛЦ. Во-первых, Курганская область – не только субъект УрФО, но и приграничная территория, через которую осуществляются перевозки российских и международных грузов. Во-вторых, в настоящее время возникла реальная необходимость в эффективной координации возросших на территории региона транспортных потоков, осуществляющих доставку различных грузов потребителям, созданию сферы транспортно-логистических услуг по транспортировке, промежуточному складированию в терминальных комплексах, погрузке / разгрузке, переадресовке, консолидации.

В-третьих, с ростом грузопотоков возникает необходимость не только в оказании коммерческо-деловых услуг (информационных, консалтинговых, маркетинговых), но и в развитии и поддержании в нужном состоянии инфраструктуры транспортной системы Курганской области и соответственно учета грузопотоков (внутренних, экспортно-импортных, транзитных), развивающих или наносящих вред ее техническому состоянию.

Основное предназначение ЛЦ заключается в информационно-аналитическом обеспечении и координации материальных потоков с целью достижения наибольшей эффективности процессов товародвижения на территории региона. Задачи, стоящие перед ЛЦ, заключаются в следующем:

- предоставление органам государственного управления регионом достоверной информации и прогнозов о внутрирегиональных и транспортных грузо- и пассажиропотоках, а также об участниках транспортно-логистической деятельности;
- проведение единой инвестиционной и экономической политики в области транспортно-логистического сервиса, формирование региональной транспортно-логистической инфраструктуры;
- расширение ассортимента и снижение стоимости

предоставляемых логистических услуг населению, хозяйствующим субъектам, государственным и общественным организациям, а также участие в процессе регулирования регионального рынка транспортно-логистического сервиса за счет сертификации, квотирования, лицензирования, таможенных, финансовых и других рычагов воздействия на участников логистических процессов;

- создания интегрированной системы информационно-логистического сопровождения как российских, так и международных грузов, а также развитие внешнеэкономических связей за счет привлечения иностранных инвестиций и партнеров в формируемый региональный ЛЦ и обеспечения высокого уровня транспортно-логистического обслуживания экспортно-импортных торговых операций в соответствии с мировыми стандартами. Для реализации перечисленных задач ЛЦ должен формироваться на базе мультимодального терминального комплекса, что обеспечит интеграцию материальных, информационных, сервисных и финансовых потоков и предоставление участникам экономических отношений набора транспортно-экспедиционных, складских, грузоперерабатывающих, таможенных и сервисных услуг, отвечающих мировым стандартам по производственно-технологическому уровню и комплексности логистического обслуживания.

Развитие логистического потенциала региона также предполагает формирование и развитие логистического потенциала отдельных экономических субъектов, функционирующих на различных региональных рынках. Самым обширным и значимым региональным рынком является продовольственный рынок. Производство сельскохозяйственной продукции, ее переработка и создание продуктов питания, удовлетворяющих требованиям современного потребителя, их упаковка, длительное хранение и своевременная доставка потребителю – это процессы, образующие основу для формирования одного из самых значимых региональных кластеров – производства продовольствия.

Формирование устойчивых конкурентных преимуществ участников названного кластера в условиях глобализации и роста конкурентного давления требует применения новых подходов и моделей развития.

Одним из таких новых подходов является применение концепции логистики и создание различного вида логистических партнерств на базе инновационной логистики. Концепция логистики предусматривает интеграцию всех бизнес-процессов от поставщика ресурсов до розничного торговца в единую ресурсопроводящую систему для достижения высокого качества обслуживания потребителей. Логистика объединяет в единый процесс такие разнообразные виды деятельности, как производство продовольственной продукции, ее упаковка, транспортировка и хранение, управление запасами, информационный обмен и оптимизация цепочки создания стоимости. Благодаря такому сочетанию элементов логистика становится ключевой сферой в достижении конкурентных преимуществ.

Комплекс стратегических маркетинговых альтернатив также включает имиджевую стратегию развития региона, содержащую направления по созданию благоприятного и привлекательного имиджа Курганской области. Для закрепления в общественном сознании благоприятного образа Курганской области можно рекомендовать следующий набор инструментов:

1. Учет социально-экономического положения региона.

В качестве основы имиджа Курганской области мо-

жет быть использовано ее социально-экономическое положение, а именно:

- Курганская область входит в состав территории концентрации полюсов роста (полюсов развития) российской экономики – Уральского федерального округа;

- наша область является ближайшим соседом официальных «региональных столиц» – городов Екатеринбурга, Челябинска и Тюмени;

- уникальное географическое положение Курганской области – в центре России, на границе Европы и Азии. Все это позволяет использовать силу имиджа соседних территорий для усиления имиджа Курганской области по принципу «стен замка». Необходимо отчетливо акцентироваться на принадлежности к Уралу.

Кроме того, Курганская область - территория, через которую исторически проходили торговые маршруты, связывающие Россию и государства Средней Азии. Сегодня область по-прежнему остается важнейшим транспортным узлом, соединяющим автомобильные и железнодорожные магистрали общероссийского и международного значения на евразийском континенте. Сохранение и усиление этого статуса может быть использовано для перепозиционирования Курганской области из «транзитного терминала» в «ворота в Азию», а в долгосрочной перспективе — в «евроазиатский город».

2. Использование природно-климатических особенностей Курганской области, которые необходимо усилить и транслировать.

На наш взгляд, в настоящее время достаточно одно-сторонне используется рекреационный потенциал территории: озера Медвежье, Горькое, курорт «Сосновая роща» и другие позиционируются как оздоровительные центры. Даже существующая сеть «Курорты Зауралья» потенциально открывает широкие возможности для создания центров по предоставлению современных видов оздоровительных услуг, экстремального туризма, проведения охотничьих туров и других форм активного и инициативного отдыха. Это позволит расширить и увеличить потенциальные целевые сегменты потребителей природно-климатических свойств территории Курганской области.

3. Наличие историко-культурных традиций Курганской области, тщательно сохраняемых и тиражируемых.

В качестве «якорей» этой имиджевой составляющей могут рассматриваться следующие объекты и события. Исторические памятники, такие как Чимеевский храм, Далматовский мужской монастырь, Храм Александра Невского. На общем фоне возврата и обращения народа к истокам своей духовности такой подход может стать эффективным инструментом создания образа уникальности территории. Кроме того, этот аспект имиджа хорошо коммерциализируем: разработка и реализация программ по развитию этих уникальных объектов путем создания музеев, гостиниц, туристических программ и т.д. обеспечит приток дополнительных доходов в местные бюджеты.

Реализация рассмотренной маркетинговой стратегии развития региона позволит успешно позиционировать Курганскую область на внутренних и внешних рынках и значительно укрепит и повысит ее конкурентоспособность.

**Зотова
Нина Николаевна**
канд. экон. наук, доц.

АУДИТ И ОЦЕНКА НЕПРЕРЫВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Непрерывность деятельности экономического субъекта предполагает его эффективное функционирование в обозримом будущем. Это возможно только при нахождении предприятия в условиях экономической безопасности, когда отсутствуют угрозы, которые могут привести его к добровольной или принудительной ликвидации.

Понятие «допущения непрерывности деятельности предприятия» изложено в стандартах аудиторской деятельности и предполагает, что предприятие будет продолжать осуществлять свою финансово-хозяйственную деятельность в течение 12 месяцев следующего за отчетным годом и не имеет намерения в ликвидации, прекращении финансово-хозяйственной деятельности или обращении за защитой от кредиторов. Активы и обязательства предприятия учитываются на том основании, что предприятие сможет выполнить свои обязательства и реализовать свои активы в ходе своей деятельности.

Любая организация находится и функционирует в рамках внешней и внутренней сред (рис. 1), которые оказывают непосредственное влияние на непрерывность деятельности предприятия. Они определяют успешность функционирования компании, накладывают определенные ограничения на операционные действия. В какой-то степени каждое действие компании возможно только в том случае, если среда допускает его осуществление.

Рис. 1. Внешняя и внутренняя среда организации

Внешняя среда является источником, питающим организацию ресурсами, необходимыми для поддержания ее внутреннего потенциала на должном уровне. Организация находится в состоянии постоянного обмена с внешней средой, обеспечивая тем самым себе возможность выживания. Но ресурсы внешней среды не безграничны. И на них претендуют многие другие организации, находящиеся в этой же среде. Поэтому всегда существует возможность того, что организация не сможет получить нужные ресурсы из внешней среды. Это может ослабить ее потенциал и привести ко многим негативным для организации последствиям. Задача управления состоит в

обеспечении такого взаимодействия организации со средой, которое позволяло бы ей поддерживать ее потенциал на уровне, необходимом для достижения ее целей, и тем самым давало бы ей возможность выживать в долгосрочной перспективе.

Изучение внутренней среды компании дает руководству возможность оценить внутренние ресурсы и возможности компании. Выявляя сильные и слабые стороны, руководство имеет возможность расширять и укреплять конкурентные преимущества, предупредить возникновение возможных проблем.

Чаще всего к внешним угрозам относятся:

- деятельность недобросовестных конкурентов, направленная на подрыв деловой репутации организации, хищения принадлежащих ей ноу-хау, коммерческой тайны;
- действия рейдерских компаний или отдельных лиц, направленные на перехват управления организации или на захват ее имущества;
- корпоративный шантаж в отношении организации;
- действия физических лиц из личной неприязни к юридическому лицу, его руководителям или сотрудникам, направленные на причинение ущерба материальным ценностям общества или его деловой репутации;
- неправомерные действия работников государственных силовых органов и т.д.;
- снижение деловой активности в стране, уменьшение платежеспособного спроса, которое способствует росту числа банкротств и представляет собой угрозу непрерывности деятельности организации;
- увеличение налоговой нагрузки или ужесточение налогового администрирования может сделать убыточным ранее процветающий бизнес;
- укрепление курса национальной валюты может сделать нерентабельной деятельность отдельных экспортеров;
- ослабление курса национальной валюты может привести к невыгодности импортных операций и снижению платежеспособности организаций, привлекающих валютные обязательства;
- рост процентных ставок может поставить под угрозу деятельность организаций, обремененных значительными обязательствами.

К внутренним угрозам можно отнести:

- неэффективную систему внутреннего контроля;
- нарушения работниками трудовой дисциплины;
- правонарушения работников, направленные на причинение материального ущерба организации или подрыв ее деловой репутации;
- «некачественный» подбор персонала;
- некомпетентное руководство, в частности ошибки в принятии решений по текущей деятельности (нерациональная номенклатура производимой продукции, неэффективные маркетинговые решения, неоправданные расходы, др.), инвестиционной деятельности (неэффективные вложения во внеоборотные активы, нерациональная продажа внеоборотных активов), финансовой деятельности (необоснованная структура финансовых источников, чрезмерное обременение обязательствами);
- недобросовестные действия, связанные с выводом прибыли, активов, необоснованным обременением обязательствами.

В связи с этим необходимо предусмотреть меры обеспечения экономической безопасности предприятия, под которой понимается состояние его защищенности от негативного влияния внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается устойчивая реализация основных коммерческих интересов и целей уставной деятельности.

Поскольку допущение о непрерывности деятельно-

сти является одним из основных принципов подготовки финансовой (бухгалтерской) отчетности, обязанность руководства организации заключается в том, чтобы оценить способность продолжать свою непрерывную деятельность, даже если применимый в данных условиях порядок подготовки финансовой (бухгалтерской) отчетности не предусматривает выраженного в явной форме требования об этом.

Считается аксиомой - если у компании нет рациональной и эффективной системы управления рисками, то она обречена на провал. Поэтому компании, заботящиеся о своем имидже, должны помещать в отчетности сведения, характеризующие состояние дел в этой области.

Оценка организацией допущения непрерывности своей деятельности связана с вынесением в конкретный момент времени профессионального суждения о фактах хозяйственной деятельности, которые являются неопределенными на дату составления финансовой (бухгалтерской) отчетности.

Так, А.Е. Шевелев (1) считает, что на обеспечение непрерывности деятельности с точки зрения бухгалтерского подхода наибольшее влияние оказывают два фактора:

- уровень государственного и общественно-профессионального регулирования бухгалтерского учета;
- уровень управления бухгалтерским учетом на предприятии.

В рыночной экономике с помощью государственного и общественно-профессионального регулирования бухгалтерского учета устанавливаются общие правила ведения бухгалтерского учета в организациях и регламентируется порядок формирования и представления бухгалтерской отчетности.

Положительным результатом повышения уровня государственного и общественно-профессионального регулирования является снижение неопределенности в бухгалтерском учете, которое достигается за счет установления единых принципов и правил ведения бухгалтерского учета и составления отчетности. Однако государственное регулирование не может полностью устранить неопределенность в бухгалтерском учете.

Снижение неопределенности в бухгалтерском учете предприятия также может достигаться за счет рациональной организации учетной работы на предприятии. При этом одной из важнейших задач руководства и бухгалтерской службы становится управление бухгалтерским учетом в целях достижения непрерывности деятельности предприятия.

Сомнение в применимости допущения непрерывности деятельности может возникнуть при рассмотрении финансовой (бухгалтерской) отчетности или при выполнении иных аудиторских процедур. Признаками, на основании которых может возникнуть сомнение в применимости допущения непрерывности деятельности, являются следующие:

а) финансовые признаки:

- отрицательная величина чистых активов или невыполнение установленных требований в отношении чистых активов;
- привлеченные заемные средства, срок возврата которых приближается, при реальном отсутствии перспективы возврата или продления срока займа либо необоснованное использование краткосрочных займов для финансирования долгосрочных активов;
- изменение схемы оплаты товара (выполненных работ, оказанных услуг) поставщикам на условиях коммерческого кредита или рассрочки платежа по сравнению с расчетами по мере поставки товара (выполнения работ, оказания услуг);

- существенное отклонение значений основных коэффициентов, характеризующих финансовое положение аудируемого лица, от нормальных (обычных) значений;
 - неспособность погашать кредиторскую задолженность в надлежащие сроки;
 - неспособность обеспечить финансирование развития деятельности или осуществление других важных инвестиций;
 - значительные убытки от основной деятельности;
 - трудности с соблюдением условий договора о займе;
 - задолженность по выплате или прекращение выплаты дивидендов;
 - экономически нерациональные долговые обязательства;
 - признаки банкротства, установленные законодательством Российской Федерации;
 - б) производственные признаки:
 - увольнение основного управленческого персонала без должной его замены;
 - потеря рынка сбыта, лицензии или основного поставщика;
 - проблемы с трудовыми ресурсами или дефицит значимых средств производства;
 - существенная зависимость от успешного выполнения конкретного проекта;
 - существенный объем продажи сырья и материалов, сравнимый с объемом выручки от реализации продукции (работ, услуг) или превышающий его;
 - в) прочие признаки:
 - несоблюдение требований в отношении формирования уставного капитала аудируемого лица, установленных законодательством Российской Федерации;
 - судебные иски против аудируемого лица, которые находятся в процессе рассмотрения и могут в случае успеха истца завершиться решением суда, не выполнимым для данного лица;
 - внесение изменений в законодательство или изменение политической ситуации.
- Указанный перечень признаков не является окончательным. Кроме того, наличие одного или нескольких признаков не всегда является достаточным доказатель-

ством неприменимости допущения непрерывности деятельности при подготовке финансовой (бухгалтерской) отчетности организации.

Значение перечисленных признаков может снижаться под воздействием других признаков. Например, неспособность организации производить выплаты в обычном порядке может быть ликвидирована при помощи действий его руководства по обеспечению достаточных поступлений денежных средств за счет других источников, например, за счет активов и обязательств, реструктуризации выплат в счет возврата займов или привлечения дополнительных инвестиций. Аналогичным образом потеря основного поставщика может быть компенсирована появлением альтернативного источника поставок.

Вероятность допущения непрерывности деятельности может быть оценена и с использованием аналитических процедур (рис. 2) (2).

Факторами, определяющими вероятность непрерывной деятельности организации, как следует из стандарта аудиторской деятельности, является опыт выгодных операций и свободный доступ к финансовым ресурсам. Исследование упомянутых признаков в экономическом анализе формализуется как анализ финансовой устойчивости организации, цель которого состоит в установлении степени краткосрочной и долговременной платежеспособности организации. Финансовая устойчивость характеризуется определенными пропорциями между отдельными группами активов и пассивов, а также возможностью поступательного развития организации без угроз возникновения кризисных ситуаций. Следовательно, с точки зрения финансовых признаков допущение непрерывности деятельности может быть сформулировано для финансово устойчивой организации. Однако финансовая устойчивость — необходимое, но не достаточное условие непрерывности деятельности.

Необходимо провести комплексную проверку непрерывности деятельности по всем трем направлениям. Как показывает практика, особое значение приобретает оценка рыночной ситуации и оценка системы внутреннего контроля (СВК).

Рис. 2. Схема оценки гипотезы непрерывности деятельности

Эффективность управленческих решений во многом зависит от достоверности бухгалтерской и управленческой отчетности. Искажение данных в отчетности может быть связано с ошибками обработки первичных документов, неверно выстроенными бизнес-процессами предприятия, недобросовестным поведением персонала. Разработка мероприятий по укреплению системы внутреннего контроля позволит обеспечить надежность финансовой информации, а также снизить риски принятия ошибочных решений.

Система внутреннего контроля — это совокупность мер, организованных руководством предприятия и осуществляемых на предприятии с целью наиболее эффективного выполнения всеми работниками своих обязанностей при совершении хозяйственных операций. Внутренний контроль определяет законность этих операций и их экономическую целесообразность для предприятия.

Целями организации системы внутреннего контроля на предприятии являются:

- 1) осуществление упорядоченной и эффективной деятельности предприятия;
- 2) обеспечение соблюдения политики руководства каждым работником предприятия;
- 3) обеспечение сохранности имущества предприятия.

Основу внутреннего контроля экономического субъекта составляют контрольная среда, система бухгалтерского учета и средства контроля.

Составляющие СВК представлены на рисунке 3.

Рис. 3. Состав системы внутреннего контроля

Система бухгалтерского учета - это организованный процесс регистрации хозяйственных операций. Система бухгалтерского учета организации может считаться эффективной, если выполняются следующие требования:

- операции в учете правильно отражены во времени;
- операции в учете зафиксированы в правильных суммах;
- операции правильно отражены на счетах бухгалтерского учета;
- зафиксированы детали операций, имеющих существенное значение для учета и отчетности;
- операции соответствуют нормативным актам и учетной политике, ограничена возможность появления злоупотреблений.

Система бухгалтерского учета является своего рода гарантом обеспечения непрерывности деятельности предприятия.

Основным бухгалтерским элементом, с помощью которого предприятие укрепляет непрерывность деятельности, является его учетная политика.

Согласно ПБУ 1/98 под учетной политикой организации понимается принятая ею совокупность способов ведения бухгалтерского учета - первичного наблюдения, стоимостного измерения, текущей группировки и итогового обобщения фактов хозяйственной деятельности.

Учетная политика - это системообразующий фактор бухгалтерского учета организации, позволяющий принимать во внимание отличительные черты ее финансово-хозяйственной деятельности и сформировать совокупность конкретных форм и методов, направленных на обеспечение решения основной задачи бухгалтерского учета в соответствии с действующим законодательством.

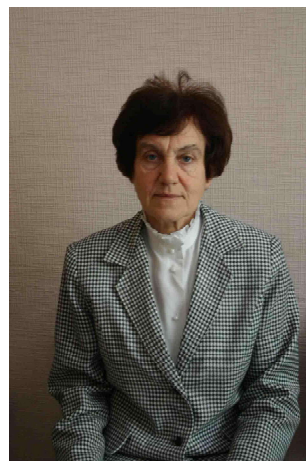
Учетная политика позволяет влиять на величину финансовых результатов предприятия. Возможности моделирования учетной политики многообразны, однако наибольшее влияние на формирование финансовых результатов имеет изменение элементов учетной политики, влияющих на себестоимость, например, такие как методы оценки материально-производственных запасов, методы начисления амортизации, порядок распределения косвенных расходов и др.

С целью повышения эффективности управленческих решений по обеспечению непрерывности деятельности предприятия необходимо использовать в учете различные модели формирования себестоимости.

Таким образом, проведенные исследования показывают, что непрерывность деятельности находится в зависимости от наступления тех или иных событий. Однако наличие данных признаков еще не является достаточным доказательством неприменимости допущения непрерывности деятельности. Для углубленной оценки гипотезы непрерывности деятельности необходимо провести анализ финансовых, производственных и рыночных признаков, оценить СВК предприятия, его учетную политику.

Список литературы

1. Шевелев А.Е. Бухгалтерский учет в системе экономической безопасности предприятия. - М.: Экономист, 2005.
2. Мельник М.В., Когденко В.Г. Экономический анализ в аудите. - М.: Юнити, 2007.

Косова Светлана Александровна
канд. экон. наук, доц.

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ МАРКЕТИНГ-МЕНЕДЖМЕНТА

Маркетинг как функция предприятия отличается особой динамичностью и значимостью для эффективной работы компании на рынке. Для повышения результативности маркетинговой деятельности необходимо учитывать ряд особенностей:

1. Маркетинг — это многоаспектная деятельность, которая затрагивает все стороны функционирования предприятия, уровни стратегических и тактических решений.
2. Стандартные финансовые показатели не позволяют оценить маркетинговую функцию, поскольку формирование результата происходит и в краткосрочном, и в долгосрочном аспекте.
3. Большая часть маркетинговой деятельности носит прогностический характер, так как находится под влиянием недетерминированной внешней среды.
4. Для оценки маркетинговой деятельности используются не только количественные, но и в большей степени качественные показатели.
5. Часто маркетинговая деятельность дает резуль-

тат, который проявляется в других подразделениях.

Максимальный эффект маркетинговой деятельности достигается созданием системы управления маркетингом на предприятии. В связи с этим особую актуальность приобретают современные технологии маркетинг – менеджмента.

В проведенном исследовании систематизированы существующие методики, методы, приемы маркетинг – менеджмента, а также предлагаются авторские разработки, обеспечивающие усиление маркетингового потенциала предприятия на всех уровнях управления маркетингом (рис. 1).

Анализ рыночных возможностей предприятия

Анализ рыночных возможностей осуществляется на основе различных методических процедур, в том числе:

- ситуационного анализа с использованием кабинетных и полевых исследований;
- разработки аналитических карт на базе экспертных оценок;
- сопоставительных матриц;
- построения профилей конкурентных преимуществ;
- позиционирования путем проведения фокус-групп, анкетирования.

Целеполагание

Целеполагание включает разработку целевых показателей маркетинга на:

1. Корпоративном уровне:
 - максимизация акционерной стоимости;
 - рост нематериальных активов.
2. На уровне целевых сегментов:
 - объем продаж;
 - доля рынка.
3. На уровне отдельных инструментов маркетинга:
 - прибыльность и безупречность товара;
 - конкурентоспособность товара;

- рыночная сила марки;
- повторные покупки.

Планирование

Планирование маркетинга осуществляется на уровне стратегических бизнес-единиц (СБЕ), в качестве которых могут выступать товары, товарные линии. Стратегический план маркетинга разрабатывается с использованием матричных моделей генерации стратегий маркетинга. Модель выбирается с учетом жизненного цикла СБЕ, динамики рынка, рыночного статуса СБЕ (модель «Товар - рынок», модель М. Портера, модель Дж. Генерала Электрик Мак Кинзи, модель Shell/ДРМ, Хофера - Шенделя, ADL/LC).

Для выбора оптимальной стратегии из нескольких альтернативных вариантов рекомендуется использовать математико - статистические методы, предлагающие максиминные и минимаксные стратегии.

Данный подход реализован автором для обоснования стратегии инструментального производства ОАО «Курганмашзавод», работающего в части внешних заказов в условиях неопределенности. В связи с этим обстоятельством производимая технологическая оснастка разделена на две группы:

- 1) продукция с устойчивым спросом, изготавливаемая в соответствии с заключенными договорами (низкая зависимость от рыночной конъюнктуры);
- 2) продукция с неустойчивым спросом, на поставки которой в плановом периоде не заключены договоры (абсолютная зависимость от рыночной конъюнктуры)

Выбор стратегии осуществлен по показателю маржинального дохода. Инструментом учета риска является матрица возможных исходов (табл. 1).

Возможные подходы к определению оптимальной стратегии:

1. Критерии Вальда

Рис. 1. Система маркетинг – менеджмента

Таблица 1

Матрица исходов (тыс. руб.)

Стратегия	Величина маржинального дохода в зависимости от колебаний спроса		$L_i = \min CM_{ij}$	W	$\beta_i = \max CM_{ij}$
	Устойчивый спрос	Спрос с учетом неопределенности			
S ₁	381,44	403,67	381,44	381,44	403,67
S ₂	335,16	440,11	335,16		440,11
S ₃	354,55	392,60	354,55		392,60
$\beta_j = \max$					

$$W = \max \min CM_{ij},$$

где CM_{ij} – маржинальный доход, получаемый по i -му варианту стратегии в сочетании с j -м вариантом потребительского спроса. Критерий Вальда (максиминная стратегия) гарантирует получение максимального маржинального дохода в наихудших условиях:

$$W = \max (381,44; 335,16; 354,55) = 381,44.$$

2. Критерий минимакса

$$\beta_i = \min \max CM_{ij}$$

гарантирует наихудший из всех наилучших исходов по каждой стратегии.

$$\beta_i = \min (403,67; 440,11; 392,60) = 392,60.$$

Таким образом, количественная оценка неопределенности и риска при выборе структуры производства позволяет обосновать оптимальное управленческое решение.

Экономической составляющей плана маркетинга является бюджет. При разработке бюджета должны быть учтены приоритетные направления маркетинговой деятельности.

До настоящего времени отсутствует единая точка зрения относительно экономической сущности затрат на маркетинг. По порядку выделения средств, учету их расходования и возмещения затраты на маркетинг относят к текущим затратам. В действительности маркетинговые затраты – это не накладные расходы, а затраты, обеспечивающие реализацию производимых предприятием товаров. Это особого рода затраты, обеспечивающие результат в перспективе. Как правило, результат в маркетинге достигается редко в момент осуществления работ. Обычно эффект достигается через некоторое время после осуществления затрат. Такая ситуация типична для инвестиционной деятельности. Кроме того, отдача от маркетинговых усилий продолжается и в том случае, если финансирование мероприятий прекращено. В этом можно убедиться на примере рекламной кампании.

Автор разделяет позицию отечественных специалистов в области маркетинговых исследований (Б.А. Соловьев, Т.А. Гайдаенко) и считает, что маркетинговые затраты ближе к инвестициям, чем к текущим затратам. Причем это инвестиции в нематериальный капитал, который в условиях рыночной экономики в значительной степени определяет стоимость предприятия (бизнеса).

Особенности экономической сущности затрат на маркетинг необходимо учитывать при планировании для:

- оптимального финансирования маркетинговых программ;

- для оценки эффективности плана маркетинга.

Структура затрат на маркетинг приведена в таблице 2.

Бюджет маркетинга целесообразно дифференцировать по

- товарным группам,
- по целевым рынкам,
- по каналам сбыта.

Основная проблема бюджетирования состоит в отсутствии стандартной методики, пригодной для применения в службе маркетинга.

Предлагаемые теорией методы разработки бюджета маркетинга:

- метод целевой прибыли;
- метод «процента от продаж»;
- метод, основанный на учете наличных средств;
- метод паритета конкурентами;
- метод, основанный на учете целей и задач, исходя из принципа разумной достаточности.

По нашему мнению, бюджет маркетинга следует рассматривать как функцию стратегических и тактических решений топ – менеджеров. Поэтому бюджетирова-

ние должно базироваться на многовариантных прогнозных расчетах.

Таблица 2

Структура затрат на маркетинг

Направления затрат	Содержание затрат
1. Маркетинговые исследования.	Привлечение различных источников информации. Оплата услуг маркетинговых консалтинговых фирм.
2. Разработка новых товаров.	Оплата услуг внешних консультантов, экспертов. Проведение полевых исследований рынка.
3. Распределение.	Исследование рынка.
4. Продвижение.	Затраты на формирование дилерских и дистрибьюторских сетей. Организация фирменной торговли. Сервис. Обучение торгового персонала. Содержание торговых агентов. Содержание торгового персонала. Транспортные расходы.
5. Маркетинговое администрирование.	Проведение рекламных кампаний. Разработка и изготовление рекламной продукции. Оплата услуг рекламных агентств и СМИ. Стимулирование продаж (образцы, купоны, сувениры, премии, скидки). Организация мерчендайзинга. Пропаганда. Директ – мейл. Заработная плата персонала службы маркетинга. Общехозяйственные расходы.

При формировании бюджета, по нашему мнению, целесообразно использовать метод скользящего планирования, при котором детальный бюджет разрабатывается на короткий период времени (квартал, полугодие – в зависимости от динамики рынка), а бюджет – прогноз формируется на следующий за ним период. Это позволяет своевременно вносить коррективы в бюджетный процесс в связи с меняющейся рыночной ситуацией.

Необходимость адекватной реакции на изменение внешней среды требует реализации маркетинговых решений на принципах маркетинг – контроллинга. Маркетинг – контроллинг следует рассматривать как подсистему управления маркетингом, включающую контроль результатов и аудит маркетинговых решений.

При проведении стратегического контроля могут быть использованы различные подходы:

1. Анализ стратегической устойчивости (методика Дж. Дея), позволяющий оценить реализуемую стратегию маркетинга с точки зрения:

- пригодности;
- обоснованности;
- осуществляемости;
- последовательности;
- уязвимости;
- адаптивности;
- финансовой привлекательности.

2. Анализ стратегической уязвимости (методика Ж. Ламбена), основанный на оценке двух факторов:

- риск стратегического выбора;
- контроль над фактором риска со стороны компании.

3. Тест – анализ на стратегическую ориентацию (методика Ф. Котлера), включающий:

- направленность на покупателя;
- маркетинговую интеграцию;
- адекватность маркетинговой информации;
- оперативную эффективность.

4. Оценка стратегической эффективности (методика Г. Асселя) предполагает оценку эффективности маркетинга как результата сложившегося соотношения качества продукции, затрат на ее производство и роста компании.

Оперативный контроль направлен на оценку реального достижения поставленных маркетинговых задач, выявление причин отклонений, их анализ и корректировку.

Основные подконтрольные показатели:

1. Объем и структура продаж (ABC – анализ, прин-

цип «80-20»)

2. Доля рынка (ABC – анализ, XYZ – анализ). Анализ дифференцирован по товарам, сегментам, потребителям.

3. Лояльность потребителей:

- количество постоянных покупателей;
- число новых покупателей;
- уровень проникновения на рынок;
- величина интенсивности потребления;
- число претензий.

4. Маркетинговые затраты.

Анализируются затраты по статьям отчета о прибылях и убытках, по функциональным областям маркетинга, по отдельным маркетинговым направлениям.

5. Прибыльность.

Критериями для оценки маркетинговой прибыльности служат показатели:

- чистая прибыль;
- маржинальный доход;
- рентабельность инвестиций.

6. Коммуникативная эффективность оценивается реакцией потребителей на маркетинговые усилия предприятия:

- познавательная реакция (знания, узнаваемость);
- эмоциональная реакция (учет отношения);
- поведенческая реакция (описание поведения потребителя).

Блок – схема организации оперативного маркетинга – контроллинга представлена на рис. 2.

В основу контроля предлагается положить нормативный метод, в соответствии с которым отклонения менее 3% считаются в пределах нормы и не препятствуют дальнейшей реализации программы маркетинга. Откло-

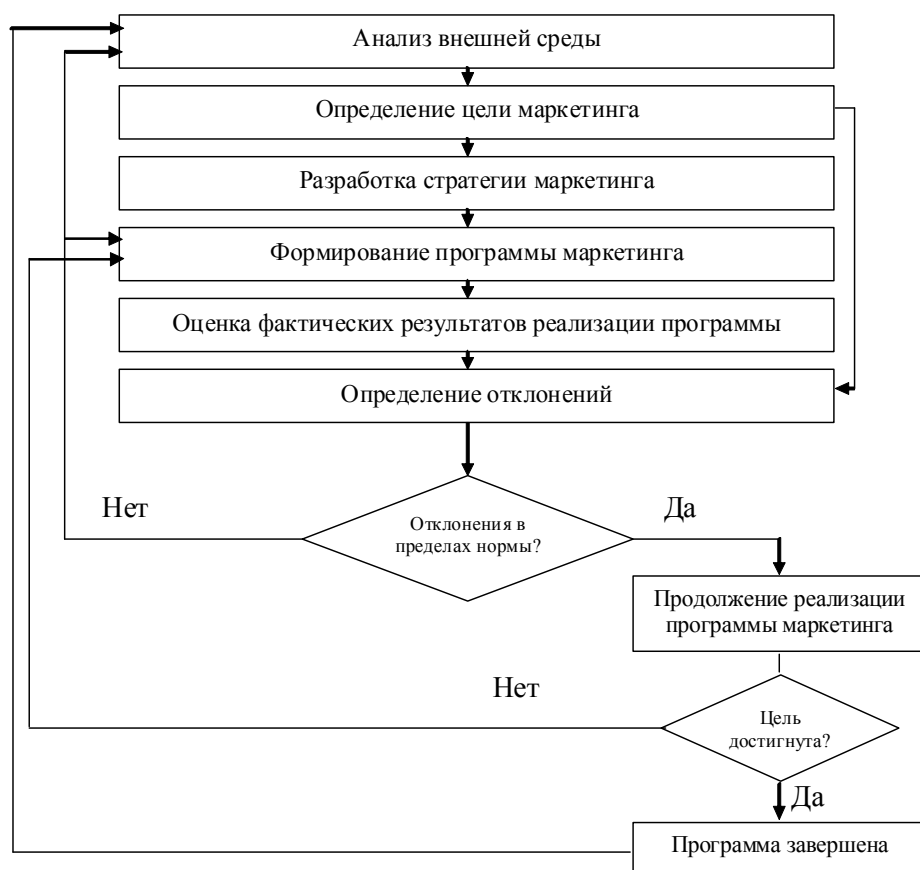

Рис. 2. Блок – схема организации маркетинга - контроллинга

нения, превышающие нормативное значение, свидетельствуют о необходимости поднастройки программы маркетинга.

Широкое использование современных маркетинговых технологий будет способствовать повышению обоснованности стратегических и оперативных решений в области маркетинг – менеджмента предприятия.

Список литературы

1. Анн Х., Багиев Г.Л., Тарасевич В.М. *Маркетинг: Учебник для вузов/ Под общ. ред. Г.Л. Багиева.* – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2005.
2. Анискин Ю.П., Павлова А.М. *Планирование и контроллинг.* – М.: Омега – Л, 2005.
3. Амблер Тим. *Маркетинг и финансовый результат: Новые метрики богатства компании / Пер. с англ.* – М.: Финансы и статистика, 2003.
4. Бурцева Т.А., Сизов В.С., Цень О.А. *Управление маркетингом: Учебное пособие.* – М.: Экономистъ, 2005.
5. Гайдаенко Т.А. *Маркетинговое управление. Полный курс MBA.* – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005.
6. Портер Майкл Э. *Конкуренция/Пер. с англ.* – М.: Издат. дом «Вильямс», 2005.
7. Соловьев Б.А. *Маркетинг.* – М.: ИНФРА – М, 2005.
8. *Экономика предприятия: Учебник для вузов/Под ред. акад. В.М. Семенова.* – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2008.

**Миронова
Валентина Сергеевна**
канд. экон. наук, доц.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИННОВАЦИЙ В РАЗРЕЗЕ КОНЕЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Официальное российское определение понятия «инновация» заимствовано из международных стандартов, известных как «Руководство Осло», разработанных в рамках комитета по научно-технической политике Организации экономического сотрудничества и развития, принятых в 1992 г. В этом документе под инновациями понимается сложная и дифференцированная деятельность со многими взаимодействующими компонентами. Оно применимо к технологическим инновациям и охватывает приобретение оборудования, новых технологий, программных средств, поэтому не может рассматриваться как универсальное определение. Уточнение термина происходит в связи с определением результата инновационной деятельности и его структуризацией.

В отечественной практике инновации рассматривают как результат инновационной деятельности. Наличие дискуссионных вопросов по сущности инновации подтверждает необходимость дальнейших научных исследований в экономической науке. На наш взгляд, при выборе подхода к определению сущности инновации необходимо исходить из группировки товаров в национальной экономике.

Интегрированная система макроэкономического анализа и прогнозирования отраслевого и регионального развития включает в себя межотраслевой баланс для обоснования рационального уровня производства на основе показателей конечной продукции и промежуточных работ. При разработке межотраслевого баланса вы-

деляют промежуточное и конечное потребление. Промежуточное потребление – это потоки средств производства, включающие стоимость износа средств труда, отражаемую амортизационными отчислениями, и затраты предметов труда, а конечное потребление – это потоки конечной продукции, направляемые на личное и общественное потребление, накопление, экспорт. Конечная продукция – это продукция, поступающая из сферы производства в область конечного использования, то есть потребления и накопления (10, 168).

Следовательно, в национальной экономике товары группируются на средства производства, относящиеся к промежуточным продуктам, и потребительские товары, являющиеся конечными продуктами. Исходя из этого мы видим, что инновации тоже необходимо дифференцировать по конечному потреблению. Поэтому выбор научного подхода к выяснению сущности инновации обоснованно падает на объектно-дифференцированный подход в разрезе конечного потребления инноваций.

Сущность объектно-дифференцированного подхода к определению понятия инновации состоит в разделении объекта инновационной деятельности предприятия и выделении инноваций в разрезе их конечного потребления.

Рассмотренные в теории инноватики определения понятия «инновация» в отечественной (объектный подход) и зарубежной практике («Руководство Осло») относятся к оборудованию, материалам и технологии. Следовательно, к инновациям во всем мире относят только средства производства, включающие средства труда и предметы труда, которые принадлежат к товарам производственно-технического назначения. На сегодняшний день вообще отсутствует деление инноваций по конечному потреблению.

Инновация является результатом инновационного процесса. Традиционно инновационный процесс представляется как совокупность следующих последовательных выполняемых этапов:

ФИ – ПИ – ОКР – Ос – ПП – М – С,
где ФИ - фундаментальные исследования;
ПИ - прикладные исследования;
ОКР - опытно-конструкторские работы;
Ос - освоение производства новой продукции;
ПП - промышленное производство новой продукции;
М – маркетинг;
С – сбыт.

В рыночных условиях ситуация кардинально изменилась. Новые формы собственности обусловили появление экономической обособленности интересов разработчиков новшеств и производителей инноваций. Между новшеством и инновацией возник рынок. Если в плановой экономике процесс эволюции НИОКР включал в себя кроме фундаментальных, прикладных исследований, опытно-конструкторских работ еще и диффузию результатов НИОКР, то в рыночной экономике диффузия новшеств происходит в новые рынки и поэтому заменяется на маркетинг и сбыт. В рыночных условиях содержание инновационного процесса изменилось, так как для науки формируется рынок новшеств, а для материального производства – рынок инноваций. Поэтому мы предлагаем дополнить инновационный процесс этапами маркетинга и сбыта новшеств (Мн, Сн) и маркетинга и сбыта инноваций (Ми, Си):

ФИ – ПИ – ОКР – Мн – Сн // Ос – ПП – Ми – Си.

С позиции системного подхода инновационный процесс представляет собой единство этапов, непрерывное, последовательное развитие нового знания в новшестве и инновацию, их коммерциализацию на этапах марке-

тинга и сбыта на рынках новшеств и инноваций с целью повышения конкурентоспособности продукции и увеличения доли рынка, обеспечивает получение экономического эффекта предприятию-производителю в результате получения новой выгоды.

Национальная инновационная система плановой экономики наряду с самостоятельными отраслевыми НИИ и КБ включала еще различные формы интеграции науки и производства, такие как научно-производственные и производственные объединения, временные межведомственные целевые научно-производственные объединения, постоянные и временные межотраслевые научно-технические комплексы и инженерные центры, научно-технические центры и научно-производственные комплексы в производственных объединениях, комплексные бригады, где производство инноваций осуществлялось на основе разработанного новшества по классической схеме. Создание объединений и комплексов было направлено на реализацию результатов НИОКР в народном хозяйстве и благодаря ликвидации организационных и экономических барьеров, уменьшению сроков пролеживания документации и изготовлению опытных образцов, параллельному проведению работ на различных стадиях позволяло в несколько раз сократить затраты времени на внедрение разработок.

В рыночных условиях таких форм интеграции науки с производством нет. Теперь новшества разрабатываются академическими институтами, научно-исследовательскими организациями, вузами, а инновации производятся на предприятиях. Поэтому разработчики новшеств и производители инноваций экономически обособлены, между ними стоит рынок новшеств. Предприятия покупают новшества для производства инноваций на рынке новшеств. Следовательно, инновационный цикл создания новшества товара включает этапы фундаментальных, прикладных исследований, опытно-конструкторских работ, маркетинга и сбыта новшества:

ФИ – ПИ – ОКР – Мн – Сн.

Бывают случаи, когда предприятия самостоятельно разрабатывают для себя новшества, а затем на их основе производят инновации, тогда инновационный цикл развивается по классической схеме. Поэтому возникает необходимость разделения понятий «новшество» и «инновация».

Мы считаем, что новшество является оформленным результатом фундаментальных, прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, поступающим на рынок новшеств для реализации предприятием-производителем инноваций и проходящим стадии маркетинга и сбыта с целью максимизации прибыли организации-разработчика.

Новшество представляет собой интеллектуальный товар в виде открытия, изобретения, нового научного знания, нового явления, полезной модели, промышленного образца.

Инновация производится на предприятии и является результатом освоения, промышленного производства, маркетинга и сбыта новых продуктов на базе купного или самостоятельно разработанного новшества, поэтому ее инновационный цикл включает следующие этапы:

Ос – ПП – Ми – Си.

Для отражения специфики производства и использования инноваций производственно-технического назначения (ПТН) и инновационных потребительских товаров (ИПТ), на наш взгляд, следует рассмотреть их инновационный цикл. Под инновационным циклом понимается период времени от поиска новых идей до их прикладного использования или получения конкретного результата.

Инновационные циклы могут быть различной протяженности в зависимости от того, к какой стадии научно-го поиска обращается потребитель с целью совершенствования способа удовлетворения своей потребности (8, 12). Следовательно, инновационный цикл может охватывать не все этапы, а только некоторые из них. Поэтому по степени полноты следует выделить полный и неполный инновационные циклы. Полный инновационный цикл предприятия, покупающего новшество на рынке, начинается с освоения и включает в себя промышленное производство, маркетинг и сбыт инноваций:

Ос – ПП – Ми – Си,

а при самостоятельной разработке новшества на предприятии:

ПИ – ОКР – Ос – ПП – Ми – Си.

Неполный инновационный цикл связан только с производством и реализацией инноваций и включает в себя следующие этапы:

ПП – Ми – Си.

При этом он может быть разорван и включать не все, а только некоторые из указанных этапов, например, только маркетинг и сбыт или только сбыт. Особенностью инноваций ПТН с полным инновационным циклом выступает вторичное их промышленное использование для производства инноваций ПТН с неполным инновационным циклом. Поэтому мы предлагаем выделить два вида инновационного цикла производства инноваций ПТН: 1) первичный инновационный цикл (полный); 2) вторичный инновационный цикл (неполный).

При первичном инновационном цикле на входе предприятия-производителя находится новшество ПТН, а на выходе – инновации ПТН, предназначенные для предприятий-покупателей, а при вторичном инновационном цикле на входе предприятия-покупателя – инновация ПТН как купной товар, готовый к промышленному использованию, а на выходе – инновации ПТН, предназначенные для предприятий-покупателей.

Инновации ПТН как результат первичного и вторичного инновационного цикла используются в производстве ИПТ. На входе предприятия-производителя при производстве ИПТ с полным инновационным циклом находится новшество потребительского назначения, а на выходе – ИПТ для конечных потребителей. При неполном инновационном цикле на входе предприятия-покупателя находится инновация ПТН как купной товар, готовый к промышленному использованию, а на выходе – ИПТ для конечных потребителей.

Следовательно, вход и выход инновационного цикла инноваций ПТН и ИПТ разный, поэтому понятие инновации в зависимости от конечного потребления меняется.

Мы видим, что в рамках вторичного инновационного цикла инновации ПТН находятся на входе и на выходе предприятия, поэтому второй особенностью инноваций ПТН является то, что они обладают дуальностью (двойственностью). Под дуальностью инноваций ПТН мы понимаем вторичное промышленное использование купных инноваций ПТН на входе предприятия-покупателя для производства инноваций ПТН во вторичном инновационном цикле на его выходе.

Кроме того, мы замечаем, что передача инноваций ПТН с вторичного инновационного цикла на выходе вновь во вторичный инновационный цикл на входе для производства инноваций ПТН происходит бесконечно. Следовательно, третьей особенностью инноваций ПТН, по нашему мнению, выступает бесконечный трансферт этих инноваций.

Таким образом, новыми признаками инноваций по конечному потреблению, которые мы предлагаем ввес-

ти, являются: 1) степень полноты инновационного цикла; 2) дуальность инноваций; 3) бесконечный трансферт инноваций (табл. 1).

Таблица 1

Признаки, отражающие специфические характеристики инноваций по конечному потреблению

Признаки инноваций	Конечное потребление	
	Инновации ПТН	ИПТ
1. Степень полноты инновационного цикла	1.1. Инновации с первичным инновационным циклом. 1.2. Инновации с вторичным инновационным циклом	1.1. ИПТ с полным инновационным циклом. 1.2. ИПТ с неполным инновационным циклом
2. Дуальность инноваций	Есть	Нет
3. Бесконечный трансферт инноваций	Есть	Нет

Для управления инновациями необходима их классификация.

В экономической литературе разработан целый ряд классификаций инноваций. Авторы предлагают различные признаки классификации. Инновации различаются между собой по множеству параметров, разные типы инноваций имеют свои особенности разработки, освоения, производства и сбыта, требуют специфических подходов к управлению.

Особенности инноваций мы связываем с их конечным потреблением, дуальностью инноваций ПТН, степенью их наукоемкости и инновационности, инновационной значимостью для предприятия-покупателя на входе. Поэтому мы предлагаем расширить классификацию инноваций путём введения дополнительных классификационных признаков, позволяющих учесть некоторые особенности инноваций (табл. 2).

Расширенная классификация инноваций по предложенным признакам позволит разработать правильную научную концепцию и рациональные организационно-экономические формы управления инновационной деятельностью на предприятии.

Таблица 2

Предлагаемая классификация инноваций

Признак классификации	Виды инноваций	Отличительные признаки инноваций
1. Дуальность инноваций ПТН	1.1. Инновации ПТН	Есть дуальность
	1.2. ИПТ	Нет дуальности
2. Степень наукоемкости инноваций	2.1. Инновации ПТН	Наукоемкие инновации с удельным весом затрат на покупку патента или разработку новшества свыше 5%
	2.2. ИПТ	Наукоемкая продукция с удельным весом затрат на разработку новшества или покупку патента свыше 2%
3. Уровень инновационности новых продуктов	3.1. Инновации ПТН	Высокоинновационные с уровнем технического эффекта свыше 1,2 и слабоинновационные - до 1,2
	3.2. ИПТ	Высокоинновационные с уровнем технического эффекта свыше 1,3 и слабоинновационные - до 1,3
4. Инновационная значимость инновации для предприятия-покупателя на входе	4.1. Инновации ПТН	1. При производстве инноваций ПТН с вторичным инновационным циклом. 2. При производстве ИПТ с неполным инновационным циклом.
	4.2. ИПТ	Не используются

Список литературы

1. Баяев И.А., Варламова З.Н., Васильева О.Е. и др. Экономика предприятия: Учебник для вузов / Под ред. акад. В.М. Семенова. - 5-е изд. - СПб.: Питер, 2008.
2. Баяев Л.А., Шууров В.Э. Системный подход к определению инноваций // Современные технологии в социально-экономических системах. - Челябинск: ЧГТУ, 1995. - С. 29-31.
3. Винокуров В.И. Основные термины и определения в сфере инноваций // Инновации. - 2005. - №4. - С. 6 - 21.

**Салийчук
Василий Филиппович**
канд. экон. наук, доцент

О ДИНАМИКЕ МНОГОКОЛОННОСТИ ИМПОРТНОГО ТАМОЖЕННОГО ТАРИФА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (В ПОРЯДКЕ ПОСТАНОВКИ)

Таможенный тариф традиционно признается важнейшим инструментом экономического регулирования страновой структуры и объема внешнеторговых операций, динамики и натурально-вещественного состава оборота внешней торговли. Причем в первую очередь это относится к импорту любого государства, включая и Российскую Федерацию.

Современный таможенный тариф нашей страны уже многократно подвергался критическому анализу в различных научных публикациях. С разной степенью аргументированности и справедливости формулировались следующие претензии к его содержанию:

- ориентация таможенного тарифа только на выполнение фискальной функции (при этом таможенный тариф уже не содержал ни одной фискальной пошлины в ее классическом понимании);

- слабая дифференциация ставок ввозных пошлин в рамках принятого пятипроцентного шага (0%, 5%, 10%, 15% и 20%);

- неэффективно выполняется его защитная функция (недостаточен удельный вес заградительных и фискальных пошлин);

- наличие множества ставок, якобы имеющих избыточный уровень защиты внутреннего рынка;

- тариф имеет излишнее количество специфических и комбинированных ставок ввозных таможенных пошлин в ущерб присутствию ставок адвалорных;

- негативно оцениваются низкие средненоминальные и средневзвешенные ставки импортного тарифа России (особенно с учетом вступления нашей страны в структуру Всемирной торговой организации);

- недостаточно выполняется регулирующая функция импортного тарифа по целому ряду товарных групп и отдельных товарных позиций;

- незначительной представляется прямая эскалация ставок ввозных таможенных пошлин с учетом степени обработки многих импортных товаров и др.

Необходимо отметить, что научный анализ любых новых явлений в сфере таможенно-тарифного регулирования возможен при строгом соблюдении следующих исходных принципов исследования:

- принцип разграничения тарифа как нормативного документа и таможенного тарифа как системно-структурированного инструмента государственного экономического регулирования внешней торговли. В первом случае таможенный тариф России действительно представляет собой нормативный документ, утверждаемый Постановлением Правительства Российской Федерации. По сво-

ей структуре он является одноколонным и содержит систему только базовых ставок импортных пошлин на товары, классифицированные с помощью товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (13). Таможенный тариф как инструмент экономического регулирования импорта России имеет значительно более сложную структуру. Во-первых, он включает не только различные группы (колонки) ставок ввозных таможенных пошлин. Ведь импортный тариф нашей страны является как минимум трехколонным, а значит, разновидностью многоколонных тарифов. Кроме того, он содержит и другие инструменты таможенно-тарифного воздействия на динамику и структуру российского импорта: виды таможенных пошлин, тарифные квоты и тарифные контингенты, тарифные льготы, тарифные преференции и т.п. (4, 70-107);

- принцип разграничения таможенной пошлины и таможенного тарифа. Тем более, что их идентификация имеет место как в западной, так и отечественной учебной и научной литературе (5; 14, 693);

- принцип разграничения таможенной пошлины и косвенного налога. Между тем они часто отождествляются и российскими учеными, и авторами иностранных учебников (5; 6). Конечно, для этого имеются определенные основания. Автором, например, выделено 10 признаков сходства между ними. Однако имеются и 11 (одиннадцать) признаков различия между налогом и таможенной пошлиной (6);

- принцип разграничения тарифных льгот и тарифных преференций. К сожалению, источник данной идентификации заложен в тексте Федерального закона РФ «О таможенном тарифе». Причем многочисленные поправки к тексту этого Федерального закона не устранили факт данного отождествления. Следует отметить, что трудности их жесткого разграничения имеют объективный характер. Между тарифными льготами и тарифными преференциями имеется значительное количество признаков сходства. Однако еще больше присутствует признаков различия (2; 3). Важно при этом подчеркнуть, что вопрос о соотношении тарифных льгот и тарифных преференций имеет не только познавательное, то есть чисто академическое значение. Речь идет об эффективности применения в реальной практике двух совершенно различных инструментов таможенно-тарифного регулирования конкретных внешнеторговых операций множества российских импортеров. Причем только один из этих инструментов (тарифная преференция) может применяться в процессе таможенного регулирования тысяч импортных операций с государствами Содружества Независимых Государств, с торговыми партнерами из наименее развитых и развивающихся стран.

Известно, что импортный таможенный тариф России является трехколонным, то есть представляет собой определенную разновидность многоколонных тарифов. Он содержит три специальных колонки (группы) ставок ввозных пошлин: базовые, генеральные (максимальные) и преференциальные. Причем законодатель и Правительство России точно определили порядок применения каждой из указанных групп ставок таможенных пошлин. Наиболее сложными для применения являются преференциальные ставки импортного тарифа России (два общих условия их применения и еще несколько специальных) (2; 3; 4).

Однако такая классическая характеристика современного российского тарифа уже не вполне соответствует реальной деятельности. Скорее сегодня для Российской Федерации это уже только учебная модель. Россия на практике применяет заметно более сложный импор-

тний таможенный тариф, который существенно отличается от прежней трехколонной структуры. Действительность оказалась значительно богаче учебной модели! (7).

Причем все из новых ставок таможенных пошлин, применяемых в последние годы нашей страной, не могут входить ни в одну из ранее указанных колонок. Они не являются по своему содержанию ни базовыми, ни генеральными, ни собственно преференциальными.

В случае введения Правительством России ряда таких ставок прекращается на период их применения действие базовых ставок таможенного тарифа (сезонные, внутриквотные, сверхквотные, временные и др.).

В случае использования ряда других видов ставок их положено применять сверх действующих базовых ставок таможенного тарифа. Речь идет о применении ставок всех разновидностей особых таможенных пошлин (антидемпинговая, компенсационная, специальная).

Итак, новые ставки фактически применялись и применяются, однако не входят ни в одну из трех колонок импортного тарифа Российской Федерации?!

Это возможно только в одном случае. Если эти ставки входят в другие колонки таможенного тарифа. Именно так действует Правительство России, достаточно активно издавая постановления о применении новых видов ставок, которые не относятся к трем традиционным колонкам. Правительство России формирует дополнительные колонки импортного таможенного тарифа. Ставки пошлин, входящие в состав новых колонок, призваны решать специальные задачи таможенно-тарифного регулирования импорта, задачи, которые невозможно эффективно решать с помощью базовых и преференциальных ставок.

При этом отсутствуют основания для применения генеральных ставок ввозных пошлин. Отсюда новые тарифные инструменты существенно отличаются от базовых ставок таможенного тарифа.

Назовем теперь признаки их кардинального различия:

- селективность регулирующего воздействия;
- особые цели;
- ограниченный период использования;
- индивидуальные методы их расчета;

- специальные условия применения;
- дополнительная нормативно-правовая база;
- особые эффекты краткосрочного или долгосрочного характера;
- нестандартные механизмы влияния на величину внутренней цены;
- сочетание с мерами нетарифного воздействия.

Именно их достаточно активное применение за последние 6-8 лет заметно отличает нынешний импортный тариф даже от тарифа, применявшегося не только до 2000 г., но и в начале данного десятилетия.

Какие же тогда конкретные тарифные инструменты дают основания утверждать то, что имеет место постоянное наращивание степени многоколонности российского импортного таможенного тарифа?

К ним можно отнести следующие ставки и виды ввозных таможенных пошлин:

- сезонные (на сахар – сырец, на некоторые виды продукции растениеводства);
- временные ставки ввозных пошлин (период действия – 9 месяцев, применялись более чем на 2000 товарных позиций, в основном по продукции машиностроения);
- внутриквотные ставки ввозных пошлин (на импортное мясо, в рамках введенных Правительством России тарифных квот);
- сверхквотные ставки импортных пошлин (сверх тарифных квот, коэффициент дифференциации доходит до 3-4);
- антидемпинговые пошлины (на основе отдельного расследования);
- специальные таможенные пошлины. Они вводятся на основе особого расследования отдельными постановлениями Правительства Российской Федерации. Причем специальные пошлины могут иметь два варианта применения: в качестве ответной меры или для минимизации экономического ущерба российских производителей при наличии недобросовестной конкуренции зарубежных экспортеров;
- компенсационные таможенные пошлины и их ставки (предварительные или окончательные) (табл. 1).

Безусловно, масштабы применения ставок новых

Таблица 1

Многоколонный импортный таможенный тариф Российской Федерации (2001 – 2008 годы)

Код ТН ВЭД	Наименование товара	Единица измерения	Базовые ставки таможенных пошлин (ТП)	Генеральные (двойные) ставки ТП	Преференциальные ставки ТП	Ставки сезонных ТП	Временные ставки ТП	Внутриквотные ставки ТП	Сверхквотные ставки ТП	Специальные ТП	Компенсационные ТП	Антидемпинговые ТП
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Действующие колонки тарифа (I - II) ¹			I	II	III							
2. Дополнительные колонки импортного тарифа (IV - X) ²						IV	V	VI	VII	VIII	IX	X

Примечания:

1. О структуре действующего трехколонного импортного таможенного тарифа России также см.: Новиков В.Е. Таможенная пошлина как инструмент государственного регулирования экономики: Монография. – М.: РИО РТА, 2006.; Таможенное регулирование внешнеторговых операций: Учебное пособие / Под ред. В.Ф. Салийчука. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004; Таможенное дело: Учебное пособие/ Коллектив авторов; Под ред. В.Ф. Салийчука. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 70-107; Анализ возможных последствий присоединения России к Всемирной торговой организации. Препринт / А.И. Татаркин, Р.С. Гринберг, А.И. Барковский и др. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2005. – С.28-53; Экономические парадоксы или парадоксальная экономика? / Под ред. А.А. Куклина, А.И. Дегтярева. – М.: Экономика, 2005. – С. 324 – 384; Оценка социально-экономических последствий присоединения России к Всемирной торговой организации / Под ред. Р.С. Гринберга и А.И. Татаркина. – М.: Экономика, 2007. – С.108-172.
2. О постановке автором данной проблемы см.: Роль и место таможенной службы Урала в обеспечении экономической безопасности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 27-28 марта 2008 г.) – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2008. – С. 93-96.

колонок тарифа несопоставимы с масштабами использования базовых и преференциальных ставок. Однако именно так оно и должно быть. Перечисленные тарифные инструменты не могут иметь массового применения на единой таможенной территории страны. Это инструменты избирательного (селективного) регулирования импорта отдельных иностранных товаров на таможенную территорию Российской Федерации. Их использование требует более тонкого, дифференцированного подхода для защиты внутреннего рынка России, его конкретных секторов и производителей.

Основные выводы: 1. За последние 6-7 лет заметно изменилась структура российского импортного таможенного тарифа. Его традиционная трехколонная структура – это теперь только учебная модель. Фактически после 2000 г. мы имеем дело с тарифом, содержащим уже 10 (десять) колонок. Даже если все особые таможенные пошлины объединить в одну колонку, то и тогда импортный тариф будет иметь восьмиколонную структуру. Эволюционное развитие импортного таможенного тарифа Российской Федерации происходит посредством увеличения его многоколонности, а значит, наращивания состава инструментов таможенно-тарифного регулирования.

2. Формирование дополнительных 7 (семи) колонок подтверждает усиление селективности (избирательности) таможенно-тарифного регулирования импорта, его объема и натурально-вещественного состава. Представляется, что такая тенденция вполне соответствует принципам Всемирной торговой организации в области таможенно-тарифного регулирования импортных операций.

3. Происходит явное усложнение структуры импортного тарифа страны, его обогащение инструментами, которые вообще не использовались или только эпизодически применялись до 2000 г. Именно поэтому требуется специальный научный анализ опыта их применения, оценка эффективности использования в реальной практике таможенно-тарифного регулирования импортных операций в современной России.

4. Правительство Российской Федерации с помощью дифференциации инструментов импортного таможенного тарифа стремится регулировать не только натурально-вещественную структуру валового внутреннего продукта страны, но и вещественный состав ежегодного прироста его физического объема, а значит, регулирует важнейшие параметры экономического роста современной России, динамику его темпов и непосредственного эффекта (1; 8).

Список литературы

1. Салийчук В.Ф. Экономический рост: теоретические аспекты. Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. – 256 с.
2. Таможенное регулирование внешнеэкономических операций: Учебное пособие / Под ред. В.Ф. Салийчука. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004.
3. Внешняя торговля: таможенные аспекты регулирования: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.Ф. Салийчука. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.
4. Таможенное дело: Учебное пособие/Коллектив авторов; Под ред. В.Ф. Салийчука. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 70-107, 125-154, 240-261.
5. Кругман П.Р., Остфельд М. Международная экономика. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – С. 218.
6. Об авторском подходе к разграничению таможенной пошлины и налога см.: Таможенное дело: Учебное пособие / Под ред. В.Ф. Салийчука. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 87-90, 240-243; Салийчук В.Ф. О соотношении понятий «таможенная пошлина» и «косвенный налог» // В кн.: Организация таможенного дела в Российской Федерации: проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (25-26 октября 2007 г.). – Махачкала: ДГТУ, 2007. – С. 184-187.
7. Об авторской постановке проблемы см.: Салийчук В.Ф. Трехколонный импортный таможенный тариф России: учебная модель или современная реальность // В кн.: Роль и место таможенной службы Урала в обеспечении экономической безопасности.

Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 27-28 марта 2008 г.) – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экон. ун-та, 2008. – С. 93-96.

8. См. также: Салийчук В.Ф. Экономический рост: эволюция современных концепций // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2008. – Вып. 1. – С. 57-71.
9. Новиков В.Е. Таможенная пошлина как инструмент государственного регулирования экономики: Монография. – М.: РИО РТА, 2006. – 244 с.
10. Анализ возможных последствий присоединения России к Всемирной торговой организации. Препринт / А.И. Татаркин. Р.С. Гринберг, А.И. Барковский и др. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. – С. 28-53.
11. Экономические парадоксы или парадоксальная экономика? / Под ред. А.А. Куклина, А.Н. Дегтярева. – М.: Экономика, 2005. – С. 324-384.
12. Оценка социально-экономических последствий присоединения России к Всемирной торговой организации / Под ред. Р.С. Гринберга и А.И. Татаркина. – М.: Экономика, 2007. – С. 108-172.
13. Таможенный тариф Российской Федерации.
14. Курс экономической теории: Учебник. – 5-е изд., исправл., доп. и перераб. – М.: АСА, 2005. – С. 93.

**Семенов
Вячеслав Михайлович
д-р экон. наук, проф.**

КЛАСТЕРЫ В СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Конкурентоспособность региона может быть обеспечена лишь через политику кластерного развития, что позволяет конкурировать на рынке не отдельному предприятию, а региональному промышленному комплексу, который сокращает свои транзакционные издержки благодаря технологической кооперации организаций.

Кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и организации, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга (1).

Кластеры имеют различную форму в зависимости от своей глубины и сложности, но большинство включает в себя: компании «готового продукта» или сервиса; поставщиков специализированных факторов производства, комплектующих изделий, механизмов, сервисных услуг; финансовые институты; фирмы в сопутствующих отраслях. В кластеры часто входят также фирмы, работающие в низовых отраслях (с каналами сбыта или потребителями); производители побочных продуктов; специализированные провайдеры инфраструктуры; правительственные и другие организации, обеспечивающие специальное обучение, образование, поступление информации, проведение исследований и предоставляющие техническую поддержку (такие как университеты, структуры повышения квалификации в свободное время); а также агентства, устанавливающие стандарты. Правительственные структуры, оказывающие существенное влияние на кластер, могут рассматриваться как его часть. И, наконец, многие кластеры включают предпринимательские объединения и другие совместные структуры частного сектора, организации по сотрудничеству, поддерживающие членов кластера.

Почему стратегическое развитие экономики регио-

на следует рассматривать через призму кластеров, а не через более традиционное группирование компаний, отраслей или секторов в производстве или обслуживании? Прежде всего, в силу того, что кластеры лучше согласуются с самим характером конкуренции и источниками достижения конкурентных преимуществ. Кластеры лучше отраслей используют важные связи, взаимодополняемость отраслей, распространение технологии, опыта, информации, маркетинг, а также осознание нужд потребителя, пронизывающее фирмы и отрасли. Такие связи являются основополагающими в конкурентной борьбе, повышении производительности труда и особенно в определении направлений и интенсивности организации нового бизнеса и внедрения инноваций. Большинство участников кластера не конкурируют между собой напрямую, а просто обслуживают разные сегменты отрасли. Однако у них существует много общих потребностей и возможностей, они встречаются много одинаковых ограничений и препятствий на пути повышения производительности. Восприятие группы предприятий и организаций как кластера позволяет выявить благоприятные возможности для координации действий и благотворного взаимного воздействия в сферах общих интересов без угрозы извращения конкуренции или ограничения интенсивности соперничества. Кластер обеспечивает возможность ведения конструктивного и эффективного диалога между родственными компаниями и их поставщиками, с правительством, а также другими вовлеченными институтами (университеты, организации по сотрудничеству, исследовательские лаборатории). Государственные и частные инвестиции, направленные на улучшение условий функционирования кластера, приносят пользу сразу многим фирмам.

В противоположность этому рассмотрение ситуации в стране по отраслям или узким секторам часто сводится к лоббированию интересов в вопросах выделения субсидий или облегчения налогового давления на участвующие компании. Получаемые в результате государственные инвестиции создают лихорадочное «перетекание» выгод в другие отрасли и поэтому могут деформировать рынок. Из-за непосредственной конкуренции большой участник кластера может оказаться в ситуации не более затруднительной, чем изолированная фирма, поскольку в обоих случаях есть возможность использовать внешние ресурсы. Но фирма, входящая в существующий кластер, может столкнуться с более серьезными препятствиями, вызванными осознанием необходимости изменений и инерцией, заставляющей придерживаться устаревших связей, не приносящих больше конкурентных преимуществ.

Концентрация кластеров в территориальном отношении происходит в связи с тем, что близкое расположение способствует появлению многих преимуществ для повышения производительности и инноваций. Снижаются затраты при совершении сделок, упрощается добывание информации и ее обмен, местные организации с большей готовностью реагируют на специализированные потребности кластера, а давление со стороны аналогичных фирм и конкурентное давление становятся острее.

Кластеры в условиях развивающейся экономики не только включают меньше участников, но часто отличаются от них по социальному составу. Многие из них принимают форму структур с сильной иерархией, сетей коммуникаций, окружающих немногочисленные крупные компании, правительственные организации или дистрибьюторов. Коммуникация ограничивается, а связи между существующими фирмами и институтами развиты не очень хорошо. В противоположность этому успешно функциониру-

ющие в развитой экономике кластеры создают очень плотную сеть постоянно развивающихся отношений и связей.

Развитие хорошо функционирующих кластеров является одним из самых существенных шагов на пути к развитой экономике. В развивающейся экономике образование кластеров затруднено низким уровнем образования и низкой квалификацией рабочей силы, устаревшей технологией, нехваткой доступного капитала и слабым развитием общественных институтов.

Недостаточное количество кластеров в развивающихся регионах означает, что они неспособны к участию в конкурентной борьбе, но оно замедляет совершенствование и повышение производительности. Несмотря на то что экспорт в течение некоторого времени может возрастать за счет низкой стоимости рабочей силы и эксплуатации природных ресурсов с применением импортируемой технологии, такой подход является по своей сути ограниченным. Для повышения доходов, заработных плат и уровня жизни необходимо повышать производительность и наукоемкость выпускаемой продукции. Для того чтобы регион смог работать производительнее, чтобы наращивались возможности для совершенствования продукции и технологических процессов и, следовательно, обновления, кластер должен расти. В противном случае ему не удастся противостоять естественному процессу роста локальных издержек, другие регионы с более низкими факторными издержками или предлагающие большие субсидии получают преимущество в данном производстве.

Названные преимущества кластерного развития экономики могут быть реализованы на основе кластерной политики, которая представляет собой преломление промышленной политики в привязке к конкретной территории.

В странах с развитой рыночной экономикой идея кластерной политики активно внедрялась с середины 1990 г. Так, широко известен американский (США) кластер «Силиконовая долина», названная журналистами часть графства Санта-Клара в Центральной Калифорнии, расположенная в 30 км к югу от Сан-Франциско. На территории названного кластера находится более четырех тысяч компьютерных фирм с полумиллионом сотрудников; выпускается треть продукции ракетно- и самолетостроения США, пятая часть полупроводников и шестая часть компьютеров в мире.

В Японии на государственном уровне в 1983 г. был принят закон, утверждающий концепцию технополисов.

Развитие технопарков было определено в три этапа:

а) на первом этапе на основе их генерации создавались исследовательские комплексы, где взаимодействовали образование и наука, промышленность и правительственная поддержка;

б) на втором этапе к комплексам примкнули университеты в г.г. Саппоро и Хоккайдо, обладающие широким спектром информации во многих областях знаний;

в) на третьем этапе к достигнутым результатам добавились направления по охране природы и культуре.

В Дании уже в 1992 г. в кластерах участвовало около 40% всех фирм страны, которые обеспечивали 60% экспорта. Сегодня Дания считается одним из мировых лидеров по кластеризации экономики, здесь функционирует 29 развитых кластеров.

Можно привести аналогичные примеры по Германии, Шотландии, Великобритании и др. странам Запада, где происходит формирование кластеров со своими специфическими особенностями.

Обобщая мировой опыт развитых кластерных систем, можно с уверенностью отметить их эффективность,

способность производить конкурентоспособную продукцию с высокой добавленной стоимостью.

В нашей стране развитие и формирование кластеров находится в начальной стадии. Среди инициаторов можно назвать Ленинградскую, Иркутскую, Архангельскую, Саратовскую, Пермскую области и Краснодарский край; Свердловскую область, в которой формируется машиностроительный кластер на базе предприятий Екатеринбурга: Уралмашзавода, Уралэлектротяжмаша, Машиностроительного завода им. М.И. Калинина, Уральского турбомоторного завода.

При формировании кластерной политики для развивающегося региона, к которым принадлежит Курганская область, необходимо:

- а) базироваться на отраслевых инновационных траекториях развития;
- б) учитывать не только стоимостные оценки составляемых конкурентоспособности предприятий, но и темпы их экономического развития.

Результаты научных зарубежных и отечественных исследований показали различный характер между отраслями в отношении источников инноваций и направлений технологических изменений. Аргументировано выделено 5 технологических траекторий инновационного развития, которые различаются основными источниками инноваций, технологий и менеджментом:

- а) отрасли с доминированием поставщика;
- б) отрасли со значимым эффектом масштаба;
- в) отрасли наукоемких продуктов;
- г) отрасли, основанные на информации;
- д) отрасли, обеспечивающие специализированные поставки.

Экономика Курганской области является многоотраслевой, поэтому задачи и пути реализации инноваци-

онной стратегии должны быть дифференцированы и учитывать отраслевые технологические особенности и доминирующие модели инновационного поведения.

В соответствии с международной классификацией отраслей (фирм) по признаку инновационного поведения предлагаются следующие траектории инновационной стратегии отраслей и предприятий региона:

1. Отрасли с доминированием поставщиков (сельскохозяйственное производство, перерабатывающее производство). Источником технических изменений являются поставщики оборудования и материалов. Главная задача инновационной стратегии – использование технологий, материалов, которые укрепят конкурентные преимущества.

2. В отраслях, для которых характерна экономия на масштабах, технологические изменения генерируются на стадии проектирования и создания сложных производственных систем и продуктов. Задача инновационной стратегии – инновации в продуктах и процессах и распространение лучшей практики в проектировании и производстве на внутрифирменном уровне.

3. В наукоемких отраслях технологические инновации возникают в исследовательских подразделениях и зависят от академических знаний и навыков. Основная задача – мониторинг и использование результатов фундаментальных исследований для развития технологически связанных продуктов и приобретение дополнительных активов для их разработки, а также реструктуризация подразделений и бизнес-единиц в соответствии с открывающимися технологическими и рыночными возможностями.

4. Бизнес, основанный на информационных технологиях. Источниками инноваций являются собственные научно-технические подразделения (программисты, си-

Рис. 1. Схема формирования кластеров

Таблица 1

Взаимосвязь первоэтапных кластерных отраслей Курганской области с инновационными траекториями развития

	Отрасли с доминирующими поставщиками	Отрасли со значительным эффектом масштаба	Отрасли наукоемких продуктов	Отрасли, основанные на информации	Отрасли, обеспечивающие специализированные поставки
Основные продукты (отрасли)	Агропромышленность. Медицина. Экология. Услуги, в т.ч. рекреационные. Машиностроение. Пищевая	Строительство. Лесная и деревоперерабатывающая. Энергообеспечение	Новые материалы	Финансы. Розничная торговля. Издательства. СМИ	Инструменты. Оборудование. Промышленные продукты. Приборостроение
Основные источники технологий	Разработки поставщика. Обучение в процессе производства	Инжиниринг. Проектировщики. Обучение в процессе производства	Фундаментальные исследования	Программные продукты. Системные подразделения. Поставщики	Проектирование. Продвинутые пользователи

стемщики) и поставщики программного обеспечения и компьютерной техники. Основная задача – развитие систем обработки данных, связанных с этим новых услуг.

5. Фирмы – специализированные поставщики. Это, как правило, малые предприятия, поставляющие сложные производственные системы: оборудование, комплектующие, инструмент, программные продукты. Такие фирмы получают преимущества благодаря производственному опыту пользователей, передаваемому в виде информации, являющейся основой для возможных модификаций и улучшений продукта. Основная задача инновационной стратегии – развитие технологий, позволяющих удовлетворить запросы потребителей.

Достаточно сложным является выбор эмпирической базы, характеризующий предложение инновационных проектов. Как показано на предложенной нами схеме (рис.1), такой информацией могут быть выставки проектов и научные разработки академических организаций, вузов и других научных коллективов, включая крупные фирмы и компании.

Рассмотренная технология может считаться несколько упрощенной. Так, в практической действительности предприятия (фирмы, предприятия, компании) могут принадлежать более чем одной траектории.

В таблице 1 представлены возможности первоэтапных кластерных отраслей Курганской области с инновационными траекториями развития, составленные на основе анализа динамики экономических показателей предприятий за последние годы и мнений экспертов.

Определение границ кластеров носит сложный поэтапный характер и включает в себя творческий процесс выявления наиболее важных связей и взаимного дополнения разных отраслей и организаций.

Границы кластера должны окружать все предприятия, отрасли, организации, между которыми существуют сильные связи – горизонтальные, вертикальные или структурные.

Кластерные границы постоянно могут изменяться по мере появления новых фирм и отраслей или их спада. Развитие технологий и рынка порождает новые отрасли, создает новые связи. Свой вклад в смещение границ вносят и законодательные изменения.

Список литературы

1. Портер М. Конкуренция/Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005.

**Чепелюк
Наталья Яковлевна**
канд. экон. наук, доц.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К МЕНЕДЖМЕНТУ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Преобразования и реформы, проводимые в России в отношении бюджетных учреждений социальной сферы, затрагивают не только экономические интересы государства, связанные с повышением эффективности управления государственной и муниципальной собственностью, а также с результативностью бюджетных расходов и с формированием той самой рыночной инфраструктуры, дальнейшее развитие которой позволит сформировать конкуренцию в среде некоммерческих организаций, являющихся основными производителями социально значимых услуг.

Исследование опыта стран с развитой рыночной экономикой (США, Евросоюз) показывает, что некоммерческие организации долгое время считались маргинальными, поскольку основными целями их функционирования провозглашались поддержка и участие в реализации правительственных программ, направленных на решение ограниченного круга социальных задач.

Подобная оценка преобладала не только в среде потребителей социальных услуг, но и в среде экономис-

тов. Однако с некоторых пор применяемые термины в отношении подобных организаций («некоммерческих» или «неприбыльных») стали отражать специфику данных организаций, без учета которой невозможно сформировать систему эффективного менеджмента их деятельности.

Особенностью некоммерческих организаций является именно отсутствие цели получения прибыли, что означает, по сути, невозможность их отнесения к сфере бизнеса.

«Некоммерческое учреждение не поставляет ни товаров, ни услуг; оно также не занимается контролем. Продукцией этого учреждения является «измененный человек» - вылеченный пациент, обучающийся студент или школьник, социально зрелый человек» (1, 11).

Осознание трансформации оценки значимости для национальной экономики некоммерческих организаций привело к изменениям в теоретических и практических подходах к управлению их деятельностью.

Менеджмент традиционно ассоциируется с управлением коммерческой фирмой. В то же время для большинства некоммерческих организаций вопросы управления являются не менее актуальными именно потому, что у них нет «чистой прибыли» в традиционном понимании. Однако поскольку любая некоммерческая организация осуществляет деятельность в условиях выбранной миссии, то в этом случае менеджмент является инструментом ее реализации, так как позволяет сконцентрировать усилия и ресурсы организации на достижении конкретной цели.

Основная часть существующих принципов и инструментов менеджмента предназначена и применяется непосредственно для бизнеса, следовательно, недостаточно учитываются особенности некоммерческих организаций, а именно:

- специфические характеристики некоммерческих организаций или их особые насущные потребности;
- миссии некоммерческих организаций, которые принципиально отличаются от миссии коммерческого сектора;
- результаты деятельности некоммерческих организаций;
- маркетинговые стратегии, разрабатываемые как для продвижения и реализации услуг, так и для привлечения средств, необходимых для финансирования деятельности организации в целом;
- необходимость инноваций и изменений в организациях, которые работают с волонтерами и не используют прямого администрирования;
- специфическая роль правления в некоммерческой организации;
- отношения с множественными клиентскими группами;
- формирование источников финансирования деятельности организации и реализуемых мероприятий.

Формирование системы менеджмента в некоммерческих организациях социальной сферы в первую очередь основывается на учете специфики организационно-правовой формы и вида деятельности (2, 3, 4).

Анализ современной практики деятельности некоммерческих организаций в России и применяемых подходов и инструментов менеджмента показал следующее:

- 1) значительная часть медицинских, образовательных услуг и услуг в сфере культуры и искусства оказывается населению государственными и муниципальными учреждениями, к основным характерным чертам которых могут быть отнесены:
 - наличие статуса юридического лица со всеми выте-

кающими из гражданского законодательства правами и обязанностями;

- некоммерческий тип организации, не ставящей своей целью извлечение прибыли от осуществления своей деятельности, при этом отсутствие цели отнюдь не означает, что некоммерческая организация не может получать прибыль;

- имущество, переданное учредителем для осуществления своей деятельности, находится в учреждении на правах оперативного управления, т.е. предусматривает использование данного имущества для осуществления уставной деятельности, но не позволяет распоряжаться им иным образом;

- право учреждения с согласия учредителя заниматься предпринимательской и иной приносящей доход деятельностью, используя для этого переданное учредителем имущество;

- право собственности учреждения на доходы от самостоятельной деятельности и приобретенные на эти доходы объекты собственности, на созданные учреждением продукты интеллектуальной собственности.

Таким образом, указанные особенности характеризуют определенное положение государственных и муниципальных учреждений в экономических отношениях, подчеркивая достаточно широкие права и не отрицая противоречивость их статуса;

2) независимость учреждений в своей деятельности позволяет сформулировать экономические аспекты автономии, которая состоит в том, что учреждение (без согласования с учредителем) может:

- осуществлять материально-техническое обеспечение и оснащение основной деятельности в соответствии с государственными и муниципальными нормативами в пределах собственных финансовых средств;
- формировать внутреннюю структуру управления, создавать структурные подразделения;
- реализовывать различные виды деятельности;
- распоряжаться доходами, полученными от осуществления самостоятельной деятельности;
- иметь самостоятельный баланс и лицевые счета в органах казначейства;

3) воздействие государства на учреждение ограничено следующими инструментами:

- разработкой общих условий функционирования, включая правовые нормы, отношения собственности, налоговое законодательство;
- объемом выделяемых бюджетных средств в соответствии с государственными стандартами и нормами финансирования социальной сферы; определением основных направлений их использования (бюджетная классификация расходов);

- контролем соблюдения условий лицензирования;

4) миссии некоммерческих организаций носят общий характер и отражают специфику оказываемых услуг;

5) цель управления некоммерческой организацией не учитывает в полной мере новые условия реализации услуг; новыми для некоммерческих организаций становятся задачи повышения конкурентоспособности на основе управления доходами, расходами и качеством предоставляемых населению услуг;

6) традиционными инструментами менеджмента некоммерческой организации являются:

- экономическое планирование в рамках финансового года (в большей степени для последующего бюджетно-сметного финансирования);
- организация бюджетного учета;
- анализ показателей эффективности функционирования организации;

Показатели	Здравоохранение	Образование	Культура
1. Содержание оказываемых услуг	Совокупность социально-экономических и медицинских мероприятий, направленных на сохранение и повышение уровня здоровья отдельного человека и населения в целом	Целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, который предполагает констатацию гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов), удостоверяемых соответствующим документом	Сохранение и использование культурно-исторического наследия, искусство, художественное образование, творческая (художественная) деятельность, исполнительская и концертная деятельность, организация досуга и развлечений, этнографические искусства и ремесла
2. Основные инструменты государственного регулирования деятельности	- утверждение государственных гарантий по обеспечению населения бесплатной медицинской помощью; - лицензирование деятельности лечебно-профилактических учреждений	- установление государственных образовательных стандартов; - лицензирование деятельности образовательных учреждений	- лицензирование отдельных видов деятельности; - регулирование цен на определенные виды услуг учреждений культуры
3. Механизм финансирования отрасли	- смешанное финансирование (бюджет – средства от оказания платных услуг населению - средства страховых компаний)	-бюджетное финансирование на основе государственного заказа и средства населения	- бюджетные средства, средства от оказания платных услуг и добровольные пожертвования физических и юридических лиц
4. Основные типы организаций	Некоммерческие: - государственные и муниципальные учреждения	Некоммерческие: - государственные и муниципальные учреждения	Некоммерческие: - государственные и муниципальные учреждения
5. Миссия некоммерческой организации	Обеспечение населения качественной и доступной медицинской помощью	Оказание качественных образовательных услуг населению	Создание организационных и экономических условий для саморазвития культурной жизни

7) государственные некоммерческие организации не используют современные подходы к управлению деятельностью организации, а именно ориентацию на стоимость компании и ее бизнеса; не нашли применения новые инструменты и технологии менеджмента, такие как:

- территориальный (социальный) маркетинг, включающий анализ и оценку востребованности услуг (как финансируемых за счет бюджета, так и платных) на данном региональном рынке;
- стратегическое планирование деятельности организации;
- анализ чувствительности выбранной стратегии к рискам;
- разработку сбалансированной системы оценочных показателей для контроля качества услуг и рентабельности деятельности;
- совершенствование и реинжиниринг бизнес-процессов, включая при необходимости аутсорсинг;

- мотивацию персонала к повышению качества оказываемых услуг.

Таким образом, выявлены различия в подходах к организации менеджмента как между коммерческими и некоммерческими организациями, так и среди государственных и частных некоммерческих организаций.

Детальное изучение опыта зарубежных некоммерческих организаций по практическому применению самого широкого спектра управленческих технологий позволяет сформулировать общие рекомендации российским некоммерческим организациям, направленные на повышение эффективности деятельности, в ходе реализации которых следует учесть, что:

1) успех управления деятельностью некоммерческой организации в первую очередь зависит от определения ее миссии. Формулировка миссии должна быть практической, очевидной и соответствовать действительной деятельности организации. Причем задача руководителя некоммерческой организации состоит в необходимости

сти преобразовать ее в адекватную деятельность организации. Формулировка миссии должна быть простой и прозрачной. По мере добавления новых задач происходит коррекция и аннулирование старых. В контексте проводимых в настоящее время реформ в российской системе высшего образования (как известно, включающей более 1400 учреждений высшего профессионального образования, из которых государственных вузов более 760, а негосударственных – около 650) представляется любопытным исследование П.Ф. Друкером влияния реформ в американских вузах на неопределенность их миссии (1). Противоречивость целей реформирования оказалась деструктивной по отношению к деятельности части образовательных организаций (колледжи), привела к повышению престижности получения образования за рубежом;

2) для успешного осуществления миссии необходимо наличие трех компонентов: возможности, компетентности, приверженности. Формулировка миссии должна отражать все указанные составляющие, только в этом случае организация достигнет высшей цели и сможет мобилизовать человеческие ресурсы для ее выполнения;

3) систему менеджмента некоммерческой организации следует рассматривать как включающую четыре основные взаимосвязанные подсистемы, каждая из которых требует своих инструментов:

- организационно-административную, отражающую распределение полномочий (прав и обязанностей), фиксируемое в организационных документах (уставах, положениях, должностных инструкциях);

- экономическую, определяемую ресурсным обеспечением деятельности организации;

- информационную, предполагающую формирование и структурирование информации и ее адекватное отражение в документообороте организации;

- кадровую, отражающую множественность человеческих коммуникаций в рамках деятельности организации;

4) успешная деятельность организации возможна только на основе инновационной стратегии. Подобно коммерческой фирме, основывающей свою деятельность на изучении рыночной информации, некоммерческая организация, оказывающая услуги населению, всегда найдет сторонника успешной инновации;

5) приоритетное применение «персонал-ориентированных технологий», что предполагает не только традиционную работу по управлению персоналом, но и рассматривается как система работы по подготовке, подбору и расстановке компетентных работников и специалистов, а также по учету, формированию и развитию мотивации к инициативному, ответственному и эффективному труду.

Список литературы

1. Друкер, Питер Ф. Менеджмент в некоммерческих организациях: принципы и практика/Пер. с англ. – М.: ООО «И.Д.Вильямс», 2007. – 304 с.
2. Захарчук Л.А. Экономика образовательного учреждения: Учебное пособие. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2007. – 104 с.
3. Иванов В.В., Богаченко П.В. Медицинский менеджмент. – М.: ИНФРА – М, 2007. – 256 с.
4. Тульчинский Г.Л., Шекова Е.Л. Менеджмент в сфере культуры: Учебное пособие. – 3-е изд. – СПб.: Изд-во «Лань», 2007. – 528 с.

**Усольцев
Евгений Григорьевич**
канд. техн. наук,
ст. научный сотрудник

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ: КАК ЖЕ ЭТО ПОНИМАТЬ, ...

Известный на западе эксперт менеджмента Карл Вииг, выступая перед Международной трудовой организацией ООН (Швейцария, 1986 г.), употребил внутренне противоречивое словосочетание «управление знаниями», в котором соединены гетерогенные понятия: *знание* как данность, как условие и *инструмент целеполагания* и *управление* как *атрибут целедостижения*. Термин «управление знаниями» нельзя понимать буквально, он имеет лишь контекстуальный смысл. Сам К. Вииг истолковал его неоднозначно: «систематическое формирование, обновление и применение знаний с целью максимизации (?) эффективности (?) предприятий».

Если за область реализации идей «управления знаниями» по Виигу принять глобальную систему деловых предприятий (то есть *общественное производство*, являющееся единственным средством борьбы homo sapiens за своё выживание и развитие), то суть управления знаниями сведётся к «преобразованию знаний в экономические ценности». В столь широкой постановке проблеме раньше К. Виига (1964 г.) сформулировал П. Друкер: он уже тогда призывал теоретиков менеджмента (менеджмейкеров) к действию, обратив их внимание на то, что «настоящей болезнью является отсутствие какой-либо *базы знаний*, необходимой для решения экономических задач в бизнесе» (1). Это давнее и остающееся актуальным высказывание позволяет связать идею К. Виига с неким абстрактным понятием «научоёмкость бизнеса».

Если же сузить проблему и иметь в виду лишь тот элемент общественного производства, который есть автономное предприятие, то суть дела можно свести к постановке и решению задачи о научоёмкости менеджмента. Именно этой точки зрения придерживается автор настоящего рассмотрения, её принятию способствовало то, что в России фактически такую задачу решали уже в первой трети прошлого века несколько научных школ, занимавшихся научной организацией труда (НОТ) и научной организацией управления (НОУ) (2). В ту пору российские учёные активно участвовали в ментальной революции, о которой говорил Ф. Тейлор. Отправным моментом в данной работе явилось признание того, что объектом управления в любом деловом предприятии (бизнес-объекте) являются его производительные силы.

Настоящее рассмотрение примыкает к современным изысканиям, затрагивающим проблемы «управления знаниями». Для большинства российских исследователей «научная концепция *управления знаниями* межпредметна. Она включает различные аспекты управления персоналом, развитием организации, инновационного менеджмента, ресурсной теории, а также использование новых информационных технологий в управле-

нии организациями¹». Такая «концепция» не позволяет практикующим менеджерам ясно понять, о чём думают менеджеры и чего от них следует ожидать. Приходится констатировать, что многие из опубликованных результатов исследований в области управления знаниями начинаются с обсуждений различных классификаций знаний, каждая из которых порождена той или иной управленческой теорией. Разумеется, во всех корректных классификациях должен присутствовать некий общий признак, отражающий существо общественного производства. При этом далеко не во всех исследованиях такой общий признак оказывается предметом поиска и изучения. Типичным образчиком представления результатов исследований в рассматриваемой области можно считать статью Зинаиды Николаевны Варламовой, озаглавленную «Концептуальная модель управления знаниями в организации» (Проблемы теории и практики управления. – 2007. – №1).

Система управления производительными силами бизнес-объекта имеет два входа. Один из них принадлежит предпринимателю, другой вход обслуживает институт менеджеров – наёмных управляющих. Предпринимательская и менеджерская деятельности имеют специфические сверхзадачи.

Автор предположил, что сверхзадачей предпринимателя (бизнесмена) является **приемлемое для него и для общества воспроизводство капитала, инвестированного в бизнес-объект, осуществляемое путём возмездного удовлетворения выявленных или создаваемых самим бизнесменом общественных ожиданий за счёт преобразования знания в экономические ценности**. При этом сверхзадача менеджера вне зависимости от его позиции (статуса) в системе управления бизнес-объектом есть **исполнение задания работодателя с затратами меньшими, чем установил работодатель**.

Несовпадающие сверхзадачи ключевых фигурантов хозяйственно-экономической деятельности естественным образом выявляют две главные области приложения знаний:

1. Товарная продукция, производительные силы бизнес-объекта, конкурентные войны (завоевание клиентуры).

2. Технология использования наличествующих производительных сил бизнес-объекта с целью следования утверждённому производственному расписанию и «первому экономическому закону», по которому все виды экономики сводятся в конечном счёте к экономии времени.

Б. Мильнер, изучавший то, «как знания способствуют развитию бизнеса» (<http://www.mainjob.ru/publications/?view=7076>), видит эти же области приложения знаний и в каждой из них выделяет доминирующую задачу. В технологической области – «повышение эффективности, использование знаний для роста производительности путём увеличения быстродействия или снижения затрат» – это можно считать рефлексией проблемы наукоёмкости менеджмента. В области товарной продукции – «выдвижение инноваций, создание новых продуктов и услуг, новых предприятий и бизнес-процессов» – это есть отражение проблемы наукоёмкости бизнеса.

В успешном бизнес-объекте в каждом из ключевых направлений его хозяйственно-экономической деятельности существуют конкретные стратегические цели. Для их достижения в каждом из направлений выбраны предпочтительные методы и средства, разработана политика в деле достижения цели. Комплекс целевых политик разрабатывается под руководством и при участии предпринимателя для каждого из этапов жизненного цикла бизнес-объекта.

Предполагается, что бизнес-объект в любой момент времени работает в соответствии с производственным расписанием, подчинённым воле предпринимателя (принципала). Согласно расписанию бизнес-объект одновременно исполняет несколько бизнес-проектов и технологических программ. Каждый **Проект** и каждую **Программу** можно вообразить как пирамиду так или иначе обособленных прикладных задач, подлежащих обязательному решению.

Процесс решения прикладной задачи именуется здесь **прикладным процессом**. Осуществляет его команда решателей задачи, которую возглавляет менеджер. Он получает производственное задание от своего шефа-работодателя в виде *прикладных требований*, относящихся к результату и процессу решения прикладной задачи: менеджер организует решение задачи, предъявляет работодателю продукт её решения, отчитывается в исполнении бюджета задачи. Исполняя свою ролевую функцию, менеджер:

- а) проектирует (сам или руководит проектированием) *технологическую оснастку* прикладного процесса;

- б) проецирует *прикладные требования* в плоскости профессиональной деятельности своих агентов, формирует пакет *ролевых требований*;

- в) разрабатывает *ролевые функции* своих агентов (членов его команды) составляет² сценарии исполнения всех и каждой ролевой функции и предъявляет их (сценарии) своим агентам в форме *регламентов* исполнения *ролевого процесса*. Форму представления регламента во всех случаях диктует характер живого труда исполнителя ролевой функции.

По доминирующему характеру живого труда исполнителя ролевые функции подразделяются на три категории: *рутинные, эвристические и служебная обязанность*.

Перечисленное обеспечивает эффективное управление работой команды: создаются условия, когда менеджер оказывается способным быть гарантом должного решения прикладной задачи любой сложности и масштаба.

Решая прикладную задачу, команда менеджера управляет *технологической оснасткой* подобно тому, как экипаж подводной лодки совместными действиями строит боевой маневр своей субмарины. При этом каждый агент менеджера управляет переданной в его распоряжение *ролевой оснасткой*, являющейся неким виртуальным фрагментом технологической оснастки, в данном примере – боевым постом или боевой частью (БЧ).

Технологическая оснастка прикладного процесса в целом есть система, элементами которой являются косные ресурсы и их отношения, создаваемые и поддерживаемые людьми. Если технологическую оснастку представить в виде графа, то его узлы будут обозначать ресурсы, а рёбра (дуги) – *отношения ресурсов*. Проектирование технологической оснастки сводится к оптимальному подбору ресурсов (из инструментария бизнес-объекта) и целесообразному построению *специфических* отношений ресурсов. Эти отношения строятся по канонам технологической и организационной культуры бизнес-объекта, сообразно *прикладным требованиям*, профессионализму команды и её формального лидера.

В процессе проектирования оснастки косные ресурсы (материальные и логические) представлены, как правило, вербальными моделями их собственных функций и свойств, а также моделью субстрата ресурса. В бизнес-объекте эти модели всегда известны, они с приемлемой точностью описывают причинно-следственные отношения *операндов* моделей. В роли операнда оказывается

физический параметр или переменная иной природы, от значения которого/которой зависит результат и/или процесс функционирования ресурса. Все разновидности операндов, встречающиеся в моделях функций и свойств ресурса, сгруппированы автором в нескольких фреймах (3, 67-75). В каждом из фреймов представлены однородные операнды, каждому из них отведён один слот, состоящий из двух «слов». Первое слово содержит наименование операнда, а второе – его значение. Фрейм имеет условное имя (идентификатор), отражающее общий признак, свойственный всем операндам данного фрейма.

Первые слова слотов фреймов, идентифицированных двухбуквенным кодом, обозначают:

во фрейме

ФП – имена (идентификаторы) физических параметров, характеризующих состояние предмета, на который преднамеренно направлено действие ресурса;

МП – идентификаторы модифицируемых параметров субстрата ресурса, значения модифицируемых параметров должны быть заданы до момента пуска ресурса в действие;

ВП – идентификаторы варьируемых параметров субстрата ресурса, значения которых можно менять по ходу функционирования ресурса;

УИ – идентификаторы управляющих импульсов, посредством которых пользователь ресурса (оператор) воздействует на состояние субстрата ресурса;

ОС – идентификаторы наблюдаемых оператором откликов ресурса на состояние внешней и внутренней сред ресурса;

АК – идентификаторы параметров, значения которых меняются во времени независимо от воли оператора. Процедура установления текущего значения таких параметров именуется «аттестацией». В процессе аттестации значения параметров этого рода являются искомыми величинами. В межаттестационный период эти значения обретают статус аттестуемых констант субстрата ресурса.

Если ресурс обладает созидательной функцией, то в его внешней среде найдётся объект (процесс/явление) и могут быть указаны те параметры этого объекта, значения которых зависят от состояния субстрата функционирующего ресурса. Созидательная функция ресурса проявляется в возможности с его помощью целенаправленно влиять на некоторые свойства внешней среды ресурса. Владея моделью созидательной функции ресурса и задавшись параметрами субстрата ресурса, можно восстановить (рассчитать) значения переменных, определяющих состояние того, на что направлено действие ресурса. Формализованная запись такого восстановления будет одновременно служить формой представления самой модели созидательной функции.

$(АК, МП, ВП) \Rightarrow ФП.$ (1)

Модель ресурса как объекта управления есть описание зависимости параметров субстрата ресурса от *управляющих импульсов* оператора (**УИ**). Для передачи последних во внутреннюю среду ресурса в его устройстве предусмотрены *органы управления*. Они являются теми точками, к которым оператор прикладывает свой живой труд (интеллектуальный и/или физический). Модель данного свойства ресурса позволяет прогнозировать состояние субстрата ресурса по известным управляющим воздействиям.

$(УИ, АК) \Rightarrow (МП, ВП).$ (2)

Модель отражательной функции ресурса есть опи-

сание зависимости наблюдаемых откликов (**ОС**) сред (внутренней и внешней) на управляющие воздействия оператора.

$(УИ, АК, МП, ВП, ФП) \Rightarrow ОС.$ (3)

Следует подчеркнуть, что модели (1, 2, 3) характеризуют не ресурс как таковой, но приближённые представления о нём.

Модели собственных функций и свойств ресурса строятся исходя из представлений о так называемых «прямых задачах». Их суть в том, что искомое проявление конкретной функции/свойства ресурса выражается через известные значения остальных операндов модели. Корректно поставленные прямые задачи всегда имеют решение.

Модели собственных функций и свойств ресурсов необходимы для решения «обратных задач», когда заданное и искомое поменяли местами. Существование решения в любой из обратных задач приходится доказывать. Если решение существует, то оно, как правило, оказывается не единственным.

Особое место в практике управления производительными силами, находящимися в распоряжении команды решателей прикладной задачи, занимают две обратные задачи:

$(ФП АК, МП) \Rightarrow ВП.$ (4)

$(АК, МП, ВП) \Rightarrow УИ.$ (5)

Запись (4) следует воспринимать как утверждение, что если априори известен (задан) результат проявления созидательной функции ресурса **ФП** и при этом известны аттестуемые константы **АК**, а также значения модифицируемых параметров ресурса **МП**, то можно определить такие значения варьируемых параметров субстрата ресурса **ВП**, которые отвечают заданным значениям физических параметров. По аналогии с этим запись (5) соответствует утверждению о том, что для заданных параметров субстрата ресурса можно подобрать такие управляющие импульсы, которые приводят субстрат в заданное состояние.

Уже отмечено, что ролевая оснастка, которой управляет решатель прикладной задачи на своём «боевом посту», рассматривается как фрагмент технологической оснастки, то есть как подсистема технологической оснастки. Элементы этой подсистемы можно представить именами ресурсов из числа тех, которые вошли в состав *технологической оснастки*. Нет принципиальных препятствий к тому, чтобы принять ролевую оснастку за некий цельный ресурс, существующий лишь в процессе (и в период) решения прикладной задачи: нет препятствий к тому, чтобы считать ролевую оснастку ресурсом, имеющим *несобственные* функции и свойства, которые могут меняться в зависимости от условий, складывающихся в прикладном процессе. Такой взгляд на ролевую оснастку позволит по аналогии принять, что в совокупности операндов моделей функций и свойств ролевой оснастки будут присутствовать шесть уже поименованных фреймов. Однако принцип формирования этих фреймов иной, что отразилось на условных обозначениях фреймов. Например, фрейм аттестуемых констант обозначен как $\Sigma (АК^*)$. Здесь греческая буква Σ и буквосочетание **АК** указывают на то, что речь идёт о конъюнкции аттестуемых констант моделей функций и свойств ресурсов, включённых в состав *ролевой оснастки*. Звёздочка (*) указывает на то, что в моделях функций и свойств *ролевой оснастки* фигурируют лишь некоторые из аттестуемых констант. Те из констант, которые в условиях данного *ролевого процесса* оказались несущественными, в этом фрейме не представлены, ибо они опущены при компиляции моде-

лей функций и свойств ролевой оснастки. Подобным образом $\Sigma (МП^*)$, $\Sigma (ВП^*)$, $\Sigma (УИ^*)$, $\Sigma (ОС^*)$ и $\Sigma (АК^*)$.

Среди операндов моделей функций и свойств ролевой оснастки появляется новый, дополнительный фрейм, которого нет в моделях собственных функций и свойств ресурсов. Он именуется фреймом *констатируемых параметров (КП)*: в нём представлены те операнды, которые введены в текст моделей ролевой оснастки исключительно для того, чтобы учесть интерференцию рабочих процессов ресурсов при их совместном функционировании в условиях конкретного прикладного процесса.

Фрейм *ФП* в представленных ниже записях не связан напрямую с составом, функциями и свойствами ролевой оснастки. В этом фрейме в подходящих терминах представлены подлежащие исполнению *ролевые требования* к продукту и процедуре решения ролевой задачи.

Таким образом, менеджер, составляющий рабочие задания (регламенты) своим агентам, во все времена по необходимости решал и будет решать в первоочередном порядке две обратные задачи.

$$(\Phi П, \Sigma (АК^*), \Sigma (МП^*), КП) \Rightarrow \Sigma (ВП^*). \quad (6)$$

$$(\Sigma (АК^*), \Sigma (МП^*), \Sigma (ВП^*), КП) \Rightarrow \Sigma (УИ^*). \quad (7)$$

Комплексное решение этих обратных задач является центральным моментом преобразования проектных требований в рабочие задания всем ответственным её решателям. Возвращаясь к образу пирамиды прикладных задач, нужно обратить внимание на задачу, венчающую эту пирамиду, которая в силу своей уникальности получила особое наименование – *метазадача*. На её входе представлены *потребительские требования* (рыночные требования, общественные ожидания) к продукту реализации бизнес-проекта, породившего данную пирамиду, а на выходе – оптимальный план решения остальных задач пирамиды и *прикладные требования* для всех и каждой из этих рядовых прикладных задач. (В скобках можно заметить, что гарантом качества решения метазадачи является *менеджер проекта*). Вслед за менеджером проекта включается в работу менеджер прикладной задачи, он преобразует прикладные требования в пакет ролевых требований, а затем в пакет регламентов, персонализируемых в команде решателей прикладной задачи.

Таким образом, путь от ожиданий потребителя до производственных заданий работников, призванных исполнить эти ожидания, предполагает существование многозвенной цепочки разрешений всевозможных обратных задач. В связи с этим на менеджеров ложится бремя доказывать существование решения каждой обратной задачи, решать её и из множества возможных решений задачи выбирать приемлемое. Часто такой выбор сам сводится к постановке и решению некоторой обратной задачи. Если потребовалось бы кратко изложить специфику профессии менеджера, то можно было бы указать, что большая часть его рабочего времени отдана решению обратных задач.

Основным инструментом их решения является живой интеллектуальный труд менеджера, подчиненный законам логики, в частности, законом дедуктивной логики. В большинстве случаев разрешение обратных задач предшествует принятию всевозможных *управленческих* и/или *проектных* решений. Процесс решения обратной задачи предполагает исчисление высказываний, опирающихся на достоверные знания. Пропозициональное исчисление постулирует определённую структуру потребных знаний, обеспечивающих построение искомого высказывания *М*. Структуру знаний показывает следующая

условная запись:

$$(T, P, A, F) \Rightarrow M, \quad (8)$$

где *T* – буква алфавита языка, средствами которого излагается модель знания;

P – совокупность синтаксических правил, в соответствие с которыми из множества *T* строятся правильные формулы (высказывания);

A – множество правильно построенных формул (высказываний), принимаемых в качестве аксиом или частей исходных посылок;

F – правила вывода, позволяющие из множества *A* получать *новые высказывания* (теоремы) и доказывать их истинность.

Решая обратные задачи, «лицо, принимающее решение», манипулирует на идеальном уровне абстрактными понятиями, принадлежащими тем их группировкам, которые фигурируют в левой части записи (8), а вся масса понятий и их отношений может считаться содержимым некоего «хранилища» моделей знаний. Необходимость иметь такое хранилище возникла у специалистов-управленцев во времена, когда в повседневной хозяйственной практике утвердилась специализация работников, а принцип разделения труда глубоко проник в сознание руководителей хозяйствующих субъектов. Такое хранилище в любой из возможных форм его существования есть отражение миссии бизнес-объекта, состава его производительных сил, корпоративной культуры, а также модели менеджмента, по которой выстроена система управления бизнес-объекта. В хранилище знаний целенаправленно собирается ясно интерпретированная информация о механизме проявления интересующих нас сторон реального мира, представляемая в форме моделей этих самых сторон мира. В данном случае речь идёт о той стороне реального мира, которую принято называть «менеджмент».

Содержимое современного компьютеризированного хранилища – *базы знаний* – обладает свойствами связности и активности (4, 30-34). Развитие этих свойств постепенно приводит к проявлению нового качества, именуемого *искусственный интеллект*. Благодаря ему база знаний способна без участия человека генерировать рефераты на заданную пользователем тему. В общем случае интеллектуальную базу знаний характеризует её структура, объём и специфика представленных в ней знаний (спектр и масса знаний). Может оказаться целесообразным иметь в бизнес-объекте систему баз разных знаний.

Компоненты структуры всякой базы знаний *T* и *P* определяют внутренний язык (*L*) бизнес-объекта ($L = T \& P$), посредством которого существуют *субъект-субъектные* отношения во всём их многообразии, строится система нормативно-технических документов и коммуникативная система хозяйствующего субъекта. Внутренний язык (инфразык) бизнес-объекта базируется на общепринятом языке межличностного общения, в который включены специфические словари, словоформы и синтаксис. Несомненно, что носителями знаний о инфразыке бизнес-объекта являются работники предприятия. Но стремление обеспечить прослеживаемость управленческой деятельности, преемственность профессиональной и корпоративной культуры вынуждает руководство бизнес-объекта сохранять (фиксировать) знания о инфразыке в базе знаний.

Важнейшей компонентой базы знаний бизнес-объекта является генеральное множество правильно построенных формул-посылок (*A*), отражающих свойства внутренней среды хозяйствующего субъекта. В генеральное множество «менеджерской» базы должны войти, как минимум:

– модели функций и свойств, а также модели субстратов ресурсов (материальных и логических), находящихся в хозяйственном ведении высшего руководства бизнес-объекта,

– комплекс актуальных политик, проводимых высшим руководством.

Из важнейших аксиом должны быть в первую очередь определены следующие:

- аксиомы технологического дизайна,
- аксиомы организационного дизайна,
- аксиомы корпоративной культуры.

Правила вывода, позволяющие из множества A получать новые высказывания (теоремы) и доказывать их истинность (F), представлены в базе знаний следующими текстами (вербальными константами):

- стандарты предприятия;
- административные, юридические и этические нормы и правила, в совокупности образующие *Систему процедурного обеспечения управленческой деятельности в бизнес-объекте*;
- основополагающие моменты формирования *Внутреннего рынка труда*;
- принципы построения *Системы непрерывной учёбы персонала*;
- квалификационные требования к работникам основных профессий;
- требования к компетентности менеджеров;
- ключевые положения *Системы внутреннего аудита* в бизнес-объекте;
- организационно-техническая платформа *Системы обеспечения безопасных условий труда*.

Содержимое базы «менеджерских» знаний есть целостный уникальный показатель (индекс) наукоёмкости управленческого труда. Эту характеристику менеджмента бизнес-объекта легко представить в виде какого-либо верифицированного вербального документа, например, справки, отчёта, меморандума или декларации высшего руководства бизнес-объекта. Такого рода документы, характеризующие наукоёмкость менеджмента разных бизнес-объектов, оказываются вполне сопоставимыми, ибо каждый из них содержит описания трёх универсальных компонент L , A и F . Сопоставимость наукоёмкостей управленческой деятельности конкурентов и партнёров оказывается важным обстоятельством при планировании конкурентных войн. Управление знаниями, по К. Вики, сводится к обеспечению той меры наукоёмкости менеджмента, которая заложена в модели, по которой построена система управления хозяйственно-экономической деятельностью бизнес-объекта.

Описанный здесь подход к оценке наукоёмкости вполне применим к свойству, которое можно определить термином «*наукоёмкость бизнеса*». В самом деле бизнесмен ставит и решает свойственные его статусу прикладные задачи. При этом он формирует команды решателей своих задач, в которых сам лидирует, организует и координирует работу членов команд, как правило, наёмных работников. При этом он и его агенты обращаются к специализированной «предпринимательской» базе знаний. Вопрос о *наукоёмкости бизнеса* также сводится к исследованию содержания универсальных компонент L , A и F . При этом наукоёмкость бизнеса может рассматриваться как деловая характеристика предпринимателя, стоящего во главе своего бизнеса. Является очевидным, что база знаний предпринимателя имеет собственную специализацию. Практический интерес представляет также анализ наукоёмкости *технологической и организационной культуры* бизнес-объекта.

Объекты, в отношении которых уже использован тер-

мин «*наукоёмкость*», имеют прямое отношение к производительным силам хозяйствующего субъекта: здесь *наукоёмкость* так или иначе характеризует косную компоненту производительных сил бизнес-объекта. Эти объекты объединяет свойственная им статичность: они медленно изменяются во времени и практически не зависят от текущих хозяйственно-экономических целей бизнес-объекта.

С многочисленными оговорками термин «наукоёмкость» можно использовать в отношении трудового ресурса. Но этот ресурс динамичен и дискретен, каждый работник – индивидуум, способность которого совершать интеллектуальную и физическую работу берёт в аренду первое лицо бизнес-объекта. Трудовой договор (аналог договора аренды) задаёт (объявляет) ту совокупную наукоёмкость ролевых функций работника, которой должна отвечать компетентность претендента на рабочее место. Управление знаниями персонала сводимо к формулированию требований к компетентности работника, предъявляемых ему при приёме на работу, к поддержанию на должном уровне его компетенции и умений в период действия трудового договора, систематического контроля соответствия знаний и мастерства работника предъявляемым квалификационным требованиям (нормам).

Итак, попытка в общих чертах обрисовать индекс наукоёмкости менеджмента нашла здесь некоторое своё завершение. Авторская точка зрения на управление хозяйственно-экономической деятельностью делового предприятия позволяет отчётливо увидеть различие предпринимательских и менеджерских функций. Субъекты этих функций естественным образом придерживаются разных представлений о своём участии в общественном производстве. Ими используются специфические модели тех проявлений реального мира, с которыми им приходится сталкиваться в своей профессиональной работе.

Какие именно из сторон действительности значимы в менеджерской работе – зависит от реализованной в бизнес-объекте модели менеджмента. Если эта модель несовершенна, внутренне противоречива или не представлена вербально, то невозможно обосновать структуру «менеджерской» базы знаний. Поэтому нет возможности даже приступить к продуктивным рассуждениям на тему «управления знаниями», поскольку неизвестно, о каких знаниях надлежит говорить: **нет модели менеджмента – нельзя построить базу знаний**. В данной статье использована авторская модель менеджмента, описана соответствующая этой модели структура базы знаний (3, 5).

Производственники знают, что время, за которое прикладная задача находит своё решение, многократно больше совокупного времени функционирования элементов технологической оснастки (т.н. «машинного времени»). Низкая производительность живого интеллектуального труда менеджеров уже давно вызывает нарекания за «формализм», « волокиту », « бюрократизм » и прочие проявления накладных потерь времени в сфере управления хозяйственно-экономической деятельностью бизнес-объекта.

Проблема проектирования эффективных управленческих решений актуальна во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества, она обнаруживается и в деятельности ООН, и в практике любого микроэкономического бизнес-объекта. Сокращение времени (длительности) решения обратных менеджерских задач является

перспективным способом интенсификации общественного производства во всех его проявлениях. Этот путь откроется в том случае, если менеджер получит в своё распоряжение средство, именуемое «искусственный интеллект», и будет компетентен настолько, чтобы эффективно использовать потенциал искусственного интеллекта. Сегодня квалификация подавляющей части российских менеджеров не позволяет им разглядеть и принять этот вызов постиндустриальной эпохи. Они не подготовлены к практическому осознанию неотвратимости в уже обозримом будущем иметь квалификацию, предполагающую тесное и эффективное взаимодействие менеджера с искусственным интеллектом.

Действующий ныне корпус наёмных управленцев пребывает в дремотном состоянии из-за абстрактности и наукообразия исследований «менеджмейкеров», не имеющих ориентиров в своей деятельности, поскольку в их среде до сих пор нет общепринятого определения самого понятия «менеджмент», нет обобщённой модели менеджмента, которую принимают менеджеры-практики. Уже поздно ставить вопросы о информационных технологиях и в их свете рассматривать эволюцию теории управленческой деятельности. Время требует уже сегодня вплотную заняться проектированием пользовательского интерфейса менеджера и искусственного интеллекта.

Судя по учебникам по менеджменту для вузов, а также по тому, как журнал «Проблемы теории и практики управления» в 2008 г. выстраивает на своих страницах специализированный курс лекций по управлению знаниями, можно заподозрить, что высшая школа не видит угрозы «навсегда отстать» в качестве профессиональной подготовки командиров производства. В вопросах теории управленческой деятельности настало время **не догонять, но бежать наперерез**. Для этого требуется внести (6) решительные изменения в методику и учебные программы простого воспроизводства знаний (то есть профессионального образования менеджеров) и наладить расширенное воспроизводство научных знаний в сфере изучения технологии общественного производства.

Список литературы

1. Друкер П. Ф. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения / Пер. с англ. М. Котельниковой. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002.
2. Корницкий Э. Б. Научный менеджмент: российская история / Э. Б. Корницкий, Г. В. Нинцеева, В. Х. Шетов. - СПб.: Изд-во «Питер», 1999.
3. Усольцев Е. Г. Методические основы менеджмента: об одном подходе к построению обобщённой модели менеджмента: Монография. - Челябинск: Фотохудожник, 2006.
4. Поспелов Г. С. Искусственный интеллект – основа новой информационной технологии. - М.: Наука, 1988 (Серия «Академические чтения»).
5. Усольцев Е. О построении обобщённой модели менеджмента // Проблемы теории и практики управления. - 2006. - №7.
6. Усольцев Е. Чему и как учить менеджеров // Проблемы теории и практики управления. - 2007. - №1.

Примечания

- ¹ Мясоедова Т. Г., Шевченко Р. О. Управление знаниями как функция деятельности организации // Менеджмент в России и за рубежом. - 2007. - №5.
- ² Разрабатывает или возглавляет разработку сценариев. В любом случае менеджер санкционирует исполнение сценариев.

**Алексеев
Валерий Александрович
ст. преп.**

К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ К ИНОВЕРЦАМ В КОРАНИЧЕСКИХ ОТКРОВЕНИЯХ (заметки на полях исламо-христианского диалога)

Место Корана в жизни мусульман исключительно. Она представляет собой для правоверных прямую речь Бога (Аллаха). Такое восприятие наделяет коранические предписания статусом долженствования и обязательно-го исполнения. Прежде всего, это касается вопросов веры и ритуальной практики. Так как Коран позиционирует себя продолжением и венцом предшествовавшей пророческой традиции монотеистического откровения, то в нём весомое место занимает тема соотношения ислама с двумя другими авраамическими религиями (иудаизмом и христианством). В коранической интерпретации ислам принимает пророков-патриархов Ветхого Завета, а также Иисуса Христа за предтеч последнего посланника Аллаха – Мухаммеда. В суре «Аль-Бакара» об этом говорится прямым образом: «Скажите: "Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам и что ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку, Якубу и их потомкам, и в то, что было даровано Мусе и Исе, и в то, что даровал Господь пророкам Своим, не делая различия между ними. Мы предались тому, что было ниспослано, став мусульманами"» (1).

Авторитетнейший свод толкований главной Книги ислама «Свет Священного Корана» (составленный богословами из Центра исламоведческих исследований в Исфахане), разъясняя вышеприведённый аят, замечает, что «все они были Божественными учителями, которые в различные эпохи посвятили свою жизнь делу воспитания людей и наставления их на путь истины» (2). Интересно, что в предшествовавшем аяте Ибрахим (Авраам) упоминается как ханиф – благочестивый человек, исповедующий правильное единобожие (3). Ханифом именуется вначале и будущий пророк ислама (Мухаммед), что принципиально определяет его как приверженца не ветхозаветной или христианской религии, а сохранившейся в Аравии незамутнённой первичной версии единобожия, откровение о которой было некогда ниспослано Ибрахиму. Важность этого обстоятельства объясняется ещё и тем, что Ибрахим (Авраам) выступает родоначальником двух семитских народов: арабов и евреев. Заметим, что формально родовое первенство принадлежит арабам – потомкам Авраама по его сыну Исмаилу. В главе 16 библейской книги «Бытие» излагается история рождения

первопредка арабов от прислужницы Сары (жены Авраама) Агари (в Коране именуемой Хаджар), которая выступала как суррогатная мать не могшей забеременеть престарелой супруги патриарха. Конфликт законной жены и возгордившейся своим положением служанки обернулся изгнанием последней вместе с первенцем Авраама, которому к тому времени был уже дарован законный наследник от Сары – Исаак.

Ветхозаветная история сообщает о двукратном обетовании Бога в отношении Измаила: «Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; ...и Я произведу от него великий народ» (4). А в коранической версии истории жертвоприношения (ключевого эпизода в характеристике веры Ибрахима) место Исаака занимает Измаил, что, вероятно, подчёркивает особую силу преемства в сохранении единобожия именно у потомков этого сына праведного патриарха (5).

Неискажённая вера ханифов стала ядром откровения в Исламе. Можно сказать, что критика иудаизма и христианства осуществляется в Коране с ханифских позиций: «Сказали они: "Будьте иудеями или христианами и пойдёте по стезе истинной". Скажи: «Нет, мы придерживаемся веры Ибрахима, ханифа, *склонившегося к правой вере*»» (6). В том же «Свете Священного Корана» подчёркивается фактическое тождество слов «ханиф» и «мусульманин». Ханифом там именуется сторонник единобожия, отказывающийся поклоняться многим богам и склоняющийся к вере в Единого Бога (7).

Полемический настрой Корана в отношении предшествовавших откровений объясняется, с одной стороны, их искажением в Священных писаниях иудеев и христиан, а с другой, неприятием со стороны этих религиозных общин Аравии откровения, ниспосланного Мухаммеду. В суре «Аль-Имран» это формулируется так: «Поистине, вера Аллаха – ислам, и разошлись во мнениях, выступив друг против друга, те, кому было даровано Писание, после того, как пришло к ним знание. А если кто не верует в знамения Аллаха, то ведь Аллах скор на воздаяние» (8). Угроза отмщения за неприятие истинного и последнего божественного откровения является одной из референных тем Корана. Её кульминацией можно считать таинственные аяты суры «Аль-Мудассир» («Завернувшийся»), описывающие мини-апокалипсис, посылаемый в наказание неверным, отринувшим кораническое откровение. Проречённое там наказание-возмездие необычайно конкретно, в нём описывается казнь в «День великий, трудный, для неверных страха полный» (9). Казнь эту в виде огненного колодца должны осуществить 19 (!) ангелов – стражей ада. Поразительно последующее разъяснение, подчёркивающее сакральную важность этого числового кода: «и число их сделали испытанием для неверных, дабы стало всё ясным для тех, кому даровано Писание, дабы увеличилась вера тех, что уверовали, и дабы не испытывали сомнений люди Писания и мусульмане правоверные, и дабы говорили те, в чьих сердцах недуг сомнения, и неверные: "Что желал сказать Аллах этим числом?" Но ведь Аллах оставляет в заблуждении кого пожелает и ведёт по стезе праведной кого пожелает. И никто не знает числа воинства Господа твоего, кроме Него» (10). На символическую важность числа 19 указывает и авторитетнейший отечественный исламовед В.Д. Ушаков, исследовавший числовые коды сакрального текста исламской традиции (11). К сожалению, число 19 из абстрактно-символического значения перешло в

реальное 11 сентября 2001 года, когда четырьмя группами террористов была осуществлена террористическая атака на важнейшие объекты Соединённых Штатов Америки. Общее число входивших в эти группы фанатиков совпало с апокалипсическим числом 19. Хотя такое совпадение самими террористами, как следовало из последующих разъяснений лидеров «Аль-Каиды», не предусматривалось. По плану организаторов величайшего в новейшей истории мира теракта число смертников, решившихся на эту акцию, должно было составить 20 человек. В июне 2006 года в размещённом в Интернете заявлении «Аль-Каиды» было названо имя двадцатого участника – Фаваза Нашими. В связи с тем, что возглавлявший операцию Мухаммед Атта перенёс её на более ранний срок, сообщалось в этой прокламации «Аль-Каиды», «по воле Аллаха Нашими не стал мучеником вместе с 19 своими братьями» (12). Любопытно, что аль-каидовцы проигнорировали такое казалось бы козырное для них откровение Корана, а может быть, просто не увидели далеко идущих пропагандистских выгод этого совпадения (или же осуществлённого пророчества?).

С позиции неохристианско-буквалистского чтения Корана его текст полон глубоких противоречий. В нём содержатся как пассажи, подстёгивающие к нетерпимости в отношении конкурирующих версий монотеизма, так и аяты, призывающие правоверных относиться к ним, как к братским учениям, в особенности к христианству. Эти зримые неувязки в какой-то степени снимаются, если вспомнить, что Коран ниспосылался Пророку ислама в течение более чем двадцати лет (с 610 по 632 гг.), содержа не только неотменные вечные откровения, но и практические советы по решению актуальных для Мухаммеда и общины его последователей задач. Существует особая отрасль коранических штудий, которая занимается вопросом отменённых самим Кораном божественных повелений, утративших свою актуальность в поздний период ниспослания откровений Пророку ислама.

И мусульманские учёные, толкователи Корана, и европейские исламоведы чётко разделяют суры мекканского и меккинского периодов. В Мекке (до периода хиджры) Пророк и его сторонники были париями в глазах арабов-многобожников. Поэтому совершенно оправдан был поиск союзников для небольшой группы мусульман (впоследствии названных «мухаджирами») среди христианской и иудейской общин Мекки. Мекканские суры полны братских увещаний, указаний на совпадающие стороны откровений, данных Посланнику Аллаха и когда-то полученных древними пророками (13). В суре «Ас-Сафф», относимой к мекканскому периоду, сообщается даже о пророчестве Исы (Иисуса) в отношении грядущего рождения Пророка ислама: «О сыны Исраила, поистине я Посланец Аллаха к вам, подтверждая Тору, что была ниспослана до меня. И приношу вам радостную весть о Посланце, что придёт после меня, имя которому будет Ахмад» (14). Адресация этого отрывка коранического откровения явно была адресована мекканским иудеям и христианам, не принимавшим Мухаммеда за нового пророка, имя которого было однокоренным имени «Ахмад» (со значением «восхваляемый»).

В меккинский период, когда пророк Мухаммед обретает полноту законотворческой и исполнительной власти, ниспосылаемые аяты становятся категоричнее и суровее в отношении людей Писания (христиан и иудеев). В суре «Ат-Тауба» («Покаяние») содержится следующее повеление: «Сражайтесь с теми из людей Писания, кто не верует ни в Аллаха, ни в Судный день, кто не считает запретным то, что запретили Аллах и Его Посланник, кто не следует истинной религии, пока они не станут унижен-

но платить джизью собственноручно» (15). Именно этот аят ввёл практику уплаты мусульманским правителям подушного налога (джизьи) за сохранение жизни проживающими на территории Дар-ал-Ислама иноверцами. Хотя в этом фрагменте Корана не описываются подробно войны, делающие «людей Писания» неверующими в Бога (Аллаха), исламские комментаторы обычно уточняют, что вера иудеев и христиан «проникнута множеством суеверий, не имеющих отношения к религии» (16).

В 624 году происходит решительный разрыв Пророка ислама, бывшего к этому времени уже всесильным правителем Медины, с еврейскими племенами, населявшими город и его окрестности. Именно тогда следует повеление Аллаха, запрещающее всяческие союзы мусульман с их соседями-иноверцами: «О вы, которые уверовали! Не дружите с иудеями и христианами: они дружат между собой. Если же кто-либо из вас дружит с ними, то он сам из них. Воистину, Аллах не ведёт прямым путём нечестивцев» (17). Тот же новейший свод толкований Корана даёт следующее пояснение этому табу на дружеские отношения мусульман с инаковерующими: «Господство и верховенство неверных над мусульманами в области международных отношений является вещью запретной, ибо священный Коран в недвусмысленных выражениях категорически отвергает любую гегемонию в какой бы то ни было форме над мусульманами, пусть даже в лице эксперта, специалиста, дипломата или туриста» (18). Это разъяснение аята из суры «Аль-Маида» («Трапеза»), ниспосланного во вполне конкретных обстоятельствах, возводит запрет на дружеское общение последователей Пророка с иноверными во вневременной императив. Подчеркнём здесь, сколь много зависит в понимании текста Корана от его интерпретации. К примеру, если нынешний иранский режим позиционирует себя в глазах мирового сообщества как непримиримого противника Запада, то предшествовавшее ему правительство С.М. Хатами стремилось строить с неисламским миром вполне мирные и дружественные отношения на принципах диалога. И в этом стремлении к «диалогу цивилизаций» одной из опор было известное указание из суры «Аль-Бакара», легитимирующее веротерпимость: «Нет принуждения в вере. Стала ясной разница между стезей правой и заблуждением. И кто не верует в идолов, а верует в Аллаха, тот держится за крепчайшие узы, коим нет расторжения. Ведь Аллах всеслышащ и всеведущ» (19).

Тафсиры (толкования) Корана приводят специальные разъяснения о «причинах ниспослания» (асбаб ан-нузул) того или иного аята. Вышеприведённый аят (пожалуй, самый важный в обосновании толерантного отношения к иноверцам) был ниспослан Пророку после обращения к нему жителя Медины Абу Хасына, печаловавшегося на то, что двое его сыновей под уговорами купцов-христиан, наезжавших в город, отошли от Ислама. Этот последователь Пророка испрашивал разрешения на то, чтобы силой вернуть их в лоно истиной веры, на что и последовало откровение о недопустимости принудительных мер в вопросе вероисповедания в отношении иноверцев-монотеистов (20).

Конкретика жизни исламской общины в Медине (в особенности соперничество с населявшими её иудейскими племенами) привело к ниспосланию аята суры «Аль-Маида», дифференцировавшего степень толерантности по отношению к иудеям и христианам: «...сильнее всего враждуют с мусульманами иудеи и многобожники, ...ближе всего к дружбе с мусульманами те, что говорят: „Мы христиане“, ибо среди них священники и монахи, и они не возгордились в ослеплении» (21). Последующие аяты ещё более подчёркивают близость христиан к истинной вере,

вспоминая эпизод первой хиджры, когда часть мусульманской общины нашла себе приют и доброе расположение со стороны негуса в Абиссинии. В толкованиях Корана подчёркивается, что иудеи «являются заклятыми недругами мусульман, и их враждебность к ним глубоко уходит в историю». Напротив, христиане, которые также имеют (с точки зрения ислама) вероучительные заблуждения, «более восприимчивы к истине в силу того, что обладают более здравым рассудком» (22). По мнению мусульманских комментаторов, здравостью суждений более всего обладают представители христианской интеллигенции и лица духовного сана.

Завершая эти заметки, не претендующие на полноту охвата темы, можно всё же сказать, что коранические откровения предоставляют возможность для вполне толерантного отношения со стороны мира ислама к представителям иных монотеистических религий, вышедшим из авраамического корня, прежде всего, к христианам. Поиски глубинных оснований исламо-христианского диалога непременно должны приводить к более углублённому анализу сакральных книг той и другой традиции, к необходимости преодолевать однобокие толкования предшествовавших веков, подпиравшие трагические предубеждения, не соответствовавшие духу высоких откровений Библии и Корана.

Список литературы

1. Коран /Пер. Б.Я. Шидфар. - М., 2003. - Сура 2, аят 136.
2. Свет Священного Корана. - Т. 1. - Исфахан, 2002. - С. 296.
3. Ислам: Энциклопедический словарь. - М., 1991. - С. 273.
4. Бытие: 17, 20 и 21, 13; Цит. по изд. Новая толковая Библия. - СПб., 1990. - С. 57, 63.
5. Коран. - М., 2003. - Сура 37, аяты 102 – 107.
6. Коран. - М., 2003. - Сура 2, аят 135.
7. Свет Священного Корана. - Т. 1. - С. 298.
8. Коран. - М., 2003. - Сура 3, аят 19.
9. Коран. - М., 2003. - Сура 74, аяты 9 – 10.
10. Коран. - М., 2003. - Сура 74, аят 31.
11. Ушаков В.Д. Некоторые аспекты перевода Корана на русский язык // Азия и Африка сегодня. - 1996. - № 10. - С. 80.
12. http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/Russian/news/newsid_5103000/5103506/stm.
13. Коран. - М., 2003. - Сура 57, аяты 25-27; Сура 61, аят 14 и т.д.
14. Коран. - М., 2003. - Сура 61, аят 6.
15. Коран /Пер. М.-Н. О. Османова. - М., 1995. - Сура 9, аят 29.
16. Свет Священного Корана. - Т. 4. - Исфахан, 2005. - С. 149.
17. Коран. - М., 1995. - Сура 5, аят 51.
18. Свет Священного Корана. - Т. 3. - Исфахан, 2003. - С. 86 – 87.
19. Коран. - М., 2003. - Сура 2, аят 256.
20. Свет Священного Корана. - Т. 1. - Исфахан, 2002. - С. 594.
21. Коран. - М., 2003. - Сура 5, аят 82.
22. Свет Священного Корана. - Т. 3. - Исфахан, 2003. - С. 127.

**Архипов Борис Владимирович, ст. преп.,
Леготина Наталья Александровна, канд.пед. наук**

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В СТАРШИХ КЛАССАХ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Огромную роль в развитии современного общества играет информация. Все увеличивающиеся ее потоки затрагивают все сферы жизнедеятельности и общества, и человека. Необходимость обретения навыков работы со средствами массовой коммуникации, потребность правильно читать/составлять медиатексты для них становится насущной потребностью для работников самых различных специальностей. Вполне естественно, что школа не может остаться в стороне от процесса информатизации общества. Постепенно начинают сбываться прогнозы футурологов, описывающие изменения, ожидающие нас в информационном обществе. Для того, чтобы не оказаться на обочине общественного развития, человек должен обладать определенными знаниями, умениями работы с СМК и готовностью реализовать эти знания на практике.

В США и Западной Европе такое направление, как медиаобразование официально признано с начала 1970-х гг., когда ЮНЕСКО было сформулировано соответствующее определение. В нашей стране начало активных работ в области медиаобразования относится к 1990-м гг. Несмотря на то, что даже сам термин «медиаобразование» утвердился у нас относительно недавно, к настоящему времени в развитии и изучении данного направления педагогики сделано уже немало. В частности, можно отметить работы таких выдающихся медиапедагогов, как Ю.Н.Усов, А.В.Шариков, А.В.Федоров, А.В.Спичкин и др., а также работу лаборатории ТСО и медиаобразования Института общего среднего образования Российской Академии образования. Взгляды и подходы авторов на осуществление медиаобразования при этом не всегда совпадают.

А. А. Журин, руководитель лаборатории ТСО и медиаобразования приводит следующие подходы к осуществлению медиаобразования, сложившиеся в практике современного российского образования (1):

1 - Медиаобразование как ликвидация компьютерной неграмотности.

2 - Медиаобразование как использование средств массовой информации в качестве средств обучения.

3 - Медиаобразование как изучение школьниками средств массовой информации.

Собственно медиаобразованием может быть назван только третий из названных подходов, а два первых, с некоторыми допущениями, можно назвать его возможными частными проявлениями.

Какими информационными знаниями и умениями должны обладать выпускники школы? Во-первых, они должны уметь находить в СМК информацию по определенной проблематике. Во-вторых, они должны уметь критически оценивать получаемую информацию. В-третьих - было бы неплохо, если бы они умели и сами составлять медиатексты. При этом поиск информации предполагает умение находить и понимать информацию, представленную не только в различных источниках, но и в различных знаковых системах, передаваемую по различным каналам (вербальная/невербальная, аудиальная, визуальная, аудиовизуальная) etc. Критическая оценка предполагает сопоставление данной информации с аналогичной информацией из других источников, определение цели создания/передачи сообщения, выявление и нейтрализацию похв (например, опечатки, оговорки).

Достижению этих целей и служит такое направление педагогики, как медиаобразование. Можно выделить три возможных пути реализации медиаобразования в средней школе. Первый путь - появление в учебном плане соответствующего предмета - при всех выгодах на практике оказывается не реализуемым в связи с заполненностью учебных планов школ. Второй возможный путь - введение факультатива - более практичен, однако им будет охватываться лишь небольшое число учащихся, что не соответствует значимости проблемы. То же самое можно сказать и об элективных курсах, так как в этом случае речь может идти о немногих выбравших данный курс школах. Третья возможность - интеграция медиаобразования с базовыми предметами, уже изучающимися в школе. В этом случае сложность представляет введение в устоявшиеся в той или иной степени курсы новых целей, знаний и умений.

История в этом отношении весьма благодарный предмет. Это связано с двумя ее особенностями: во-первых, огромным объемом внешкольной исторической информации, оказывающей влияние на формирование исторических представлений учащихся, а во-вторых с тем, что работа с медиатекстами во многом перекликается с работой с историческим источником, а данные умения уже и так содержатся в Государственном образовательном стандарте по истории.

Закон «Об образовании» РФ называет следующие цели образования: свободное развитие личности, обеспечение ее самоопределения, создание условий для ее самореализации, формирование человека и гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества. Отсюда следует, что система школьного образования должна адекватно реагировать на происходящие в обществе изменения, то есть подготавливать человека к жизни в условиях наступающего информационного общества. А от ответственного за судьбу своей страны гражданина в условиях демократического общества требуется умение сформировать **свою** точку зрения на основные вопросы жизни своей и общества, противостоять и в то же время уметь извлекать пользу из огромного потока противоречивой информации.

Государственный стандарт общего образования (2) называет следующие направления модернизации образования: направленность на формирование общих учебных умений и навыков, обобщенных способов коммуни-

кативной, практической, творческой деятельности, на получение учащимися опыта этой деятельности; формирование ключевых компетенций - готовности учащихся использовать усвоенные знания, умения и способы деятельности в реальной жизни для решения практических задач; усиление роли дисциплин, обеспечивающих успешную социализацию учащихся, в т.ч. истории.

Государственный образовательный стандарт по истории (3) предполагает проверку следующих умений: высказывать суждение о назначении, ценности источника; характеризовать позиции, взгляды автора (составителя) источника; сравнивать данные различных источников, выявлять их сходство и различия, сравнивать предлагаемые исторические версии и оценки, выявляя сходство и различия; высказывать суждения о подходах (критериях), лежащих в основе отдельных версий и оценок, представленных в учебной и популярной литературе.

Таким образом, требования Закона об образовании и стандартов показывают нам уместность интеграции медиаобразования с базовым историческим. В настоящее время, когда продолжающийся процесс реформирования образования снова привел к возвращению обязательного среднего (одинадцатилетнего) образования и в связи с введением профильного обучения интеграция медиаобразования становится практически реализуемой. Рассмотрим вкратце, каким образом методисты представляли себе взаимодействие школьного исторического образования и одного из наиболее широко распространенных и первоначально не примлемых школой средств массовой коммуникации - кино.

Кинофильмы и кинофрагменты уже давно используются на уроках истории, однако, в основном в качестве иллюстративных материалов либо как источник информации, входя в группу технических средств обучения. Их задачей является повышение эффективности обучения, реализация дидактических принципов наглядности и доступности, развитие воображения учащихся, экономия времени, разнообразие форм проведения занятий (4). В частности, уже в 1916 году в первом сборнике «Вопросы преподавания истории в средней и начальной школе» появилась статья, затрагивающая вопросы использования «исторического кинематографа» в школьном образовании. В ней автор предостерегает против использования на уроках игрового исторического кинематографа (т. е. игровых фильмов на историческую тематику), который «пока что противоречит самой идее и задаче научно-популярного школьного кинематографа...» (5). В «Методике преподавания истории» А. И. Стражева материал, посвященный особенностям работы с экранными пособиями (в том числе и кинофильмами) помещен в главе «Наглядность в преподавании истории». При этом собственно кино посвящено всего несколько строк, в которых подчеркивается его важность в процессе обучения (6). Учебник «Методика преподавания истории в средней школе» 1986 года, также относя кино к средствам наглядности, уделяет методике работы с фильмом большее внимание (7). Причем часть предлагаемых вопросов фактически относится к области медиаобразования, например: «написать краткий пересказ фильма... сравнить содержание фильма и учебника», т. е. речь идет об умениях переводить информацию из одной знаковой системы в другую и сопоставлять информацию, представленную в различных знаковых системах. В 2002 - 2003 годах появился целый ряд новых учебников по методике преподавания истории. С.Т. Студеникин рассматривает кино как часть комплекса ТСО, на который, включая компьютер, отводится всего две страницы. При этом экранные пособия предлагается использовать лишь для ана-

лиза памятников архитектуры (8). Значительно большее внимание уделяется работе с художественным текстом, при чем некоторые приемы возможно использовать и при работе с художественными фильмами (9). А.Т. Степанов вообще не употребляет в своем учебнике аббревиатуру ТСО, хотя посвящает целую главу рассмотрению компьютеров именно в этом качестве. Остальные технические средства обучения им просто не рассматриваются (10). В учебнике Е.Е. Вяземского и О.Ю. Стреловой «Теория и методика преподавания истории» вопросам применения на уроке средств наглядности и ТСО уделяется значительно большее внимание и, несмотря на то, что собственное использование кинофильмов в процессе обучения ими практически не рассматривается, многие приводимые приемы могут быть спроецированы и к кинофрагментам (11). Непосредственно к области медиаобразования может быть отнесена приводимая авторами схема работы с художественными наглядными источниками, включающая помимо описания также и интерпретацию изображения (медиатекста). Описываемый прием стилизации одновременно учит искать, сопоставлять, перекодировать информацию и составлять собственные тексты.

В учебном пособии Г. М. Коджаспировой и К. В. Петрова «Технические средства обучения и методика их использования» (12) рассматриваются следующие дидактические возможности современных ТСО: источник новых знаний, опора для восприятия и усвоения нового материала, пособие для самостоятельной работы, средство иллюстрации, инструктирования, повторения, обобщения и систематизации знаний. Так же разбирается и методика применения различных экранных пособий, в том числе и кинофильмов. При этом речь о работе непосредственно с медиа текстом, как особым видом источника, документа, не идет.

Таким образом мы видим, что, с одной стороны, проблемы взаимодействия кино и школы рассматриваются педагогами на протяжении уже почти ста лет, с другой – несмотря на это, сущность изменения кино в школе за этот период практически не изменилась, оно используется лишь как наглядное пособие. В то же время можно заметить, что у ряда авторов имеются тенденции к расширению роли кино на уроке за счет превращения в объект изучения самого медиа текста. Актуальность данного направления можно подтвердить данными анкетирования, проведенного в семи 10 и 11-х классах пяти школ города Кургана. Из 108 учащихся, принявших участие в анкетировании, на предложение выделить из приведенного списка 3 наиболее значимых для себя источника информации, 99 человек назвали средства массовой коммуникации (пресса, кино, телевидение, интернет), а учебник и слово учителя – по 56 человек. Проведенный опрос показывает, что школа для ученика уже не является не то что единственным, но даже определяющим источником знаний.

Исходя из вышесказанного мы предлагаем следующий вариант реализации медиаобразования, интегрированного с базовым историческим в рамках среднего общего образования. Его содержание должно быть направлено на развитие информационных умений учащихся:

1. Развитие умения находить/выделять информацию по определенной теме из различных источников;
2. Развитие умения сопоставлять информацию, представленную в различных знаковых системах;
3. Выработка умения переводить информацию из одной знаковой системы в другую;
4. Выработка умения формировать из информации, предоставляемой различными источниками, общей,

непротиворечивой картины;

5. Выработка умения выявлять и исправлять в получаемой информации ошибки/опечатки/оговорки (помехи);

6. Умение выявлять цель создания сообщения, (идеологическую базу) и определять его авторство, возможного адресата;

7. Умение определять возможный исторический контекст сообщения.

Рассмотрим вариант работы с художественным фильмом на историческую тему на уроке, взяв в качестве примера кинофильм «Александр Невский» режиссеров С. Эйзенштейна и Д. Васильева, производства киностудии «Мосфильм» 1938 г., продолжительность 103 мин. В настоящее время фильм можно найти на различных типах носителей, что делает возможным его использование практически в любой школе в форматах VHS или DVD. Фильм показывает одно из значимых событий истории нашей страны, точнее, его трактовку, реконструкцию, созданную авторами, на которых оказывалось мощное идеологическое давление.

Продолжительность фильма делает возможным использование на уроке только его фрагментов, либо ознакомление учащихся с фильмом во внеурочное время. Перед показом картины (фрагментов) внимание учащихся должно быть акцентировано не только на том, что составляет ее сюжет, но и на том, как, с какой целью и почему представлено именно так. После демонстрации фильма или его фрагментов для учащихся могут быть предложены следующие вопросы. Какова, на Ваш взгляд, цель создания этого фильма? С каких позиций представлены происходящие события? Какие выразительные средства и с какой целью были использованы авторами фильма? Кто является главным действующим лицом фильма, какому подходу к изучению истории это соответствует? Какие группы населения представлены в фильме, насколько это представление соответствует современным взглядам на социальный состав населения Новгородской республики того периода? Могут ли быть проведены какие-либо исторические аналогии между событиями, о которых идет речь в фильме, и событиями, современными фильму? Существуют ли фактологические несоответствия между образом истории, представленным в фильме, и Вашими знаниями о данном периоде? Если да, то чем они могли быть вызваны? Что мы можем узнать об эпохе создания фильма из анализа его содержания и художественного воплощения? Что бы Вы изменили в фильме и почему, если бы Вам пришлось снимать его сегодня?

Постановка подобных вопросов при использовании фрагментов исторических фильмов заставит учащихся более внимательно и вдумчиво просмотреть фильм, извлечь из него дополнительную информацию не только о самих событиях, которым он посвящен, но и об эпохе его создания, даст представление об основных элементах языка кино, научит критическому восприятию поступающей аудиовизуальной информации, пониманию и выявлению различий между фактом и мнением, оценкой. Часть из приведенных вопросов позволяют использовать данный фильм не только при изучении темы «Борьба Руси с иноземными завоевателями в XIII в.» в 10 классе, но и при рассмотрении советского общества и его культуры в 1930-х гг. на уроках в 11 классе.

Такая работа с киноматериалом позволяет развивать умения критически анализировать, сравнивать, различать факты и мнения, описания и объяснения, определять собственную позицию по отношению к историческим событиям, устанавливать причинно – следственные связи между явлениями, что прямо соотносится с требо-

ваниями стандарта среднего (полного) общего образования по истории (3).

Список литературы

1. Журич А.А. Методологические основания интегрированного медиаобразования. www.belti.msk.ru/edn/stat.htm
2. Государственные образовательные стандарты (федеральный компонент) // Преподавание истории в школе. - 2004. - №5. - С. 33-39.
3. Стандарт среднего (полного) общего образования по истории. // Преподавание истории в школе. - 2004. - №8. - С. 24-30.
4. Кукушин В.С. Дидактика (теория обучения): Учебное пособие. - М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. - С. 181.
5. Уланов В.Я. Возможно и желательно ли теперь вводить в школу исторический кинематограф? // Вопросы преподавания истории в средней и начальной школе. - М.: Книгоиздательство «Наука», 1916. - С. 156 - 162.
6. Стражев А.И. Методика преподавания истории. - М.: Изд-во «Просвещение», 1964. - С. 245 - 265.
7. Методика преподавания истории в средней школе / С.А.Ежова, И.М.Лебедева, А.В.Дружкова и др. - М.: Изд-во «Просвещение», 1986. - С. 139 - 156.
8. Студеникин М.Т. Методика преподавания истории в школе. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. - С. 101 - 103.
9. Там же. - С. 142 - 151.
10. Степанищев А.Т. Методика преподавания и изучения истории: В 2 ч. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. - Ч. 2.
11. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Теория и методика преподавания истории. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. - С. 189 - 205, 225 - 226.
12. Коджаспирова Г.М. Технические средства обучения и методика их использования. - М.: Издательский центр «Академия», 2005. - С. 169 - 182, 203 - 211.

**Бакарджиев
Ян Владимирович**
канд. юр. наук, доц.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СИСТЕМНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Dura lex, sed lex.
Закон суров, но это закон.

Государство способствует распространению влияния права в социальном пространстве, оно обязывает участников общественных отношений действовать по праву, исключать противоправные подходы в достижении общественно значимых результатов. Достижение указанной цели государство осуществляет через одну из основных разновидностей своей политической деятельности – юридическую политику.

Системный характер воздействия и комплексность развития юридической политики предполагают необходимость обеспечения не только юридической, но и фактической возможности реализации принятых политико-правовых установок, создание условий, обеспечивающих их реальное проведение. То есть для осуществления юридической деятельности государству, помимо наличия предусмотренных нормативно-правовым актом правовых средств и юридических механизмов своей реализации, необходимы внешнеобъективированные инструменты и

средства, которые представляют из себя не абстрактное явление – «государство», а уже вполне конкретные его институты – компетентные органы и их должностные лица, составляющие систему и структуру государственного управления (оговоримся, что в рамках данной статьи мы будем рассматривать муниципальную систему управления как часть государственно-управленческой системы).

Юридическая политика не может быть автономной, оторванной от других видов политического воздействия государства. Как право связано с государством, так и юридическая политика связана с государственным управлением. Ведь юридическая политика проводится в жизнь конкретными субъектами государственного регулирования общественными отношениями – органами трех ветвей власти, построенными по иерархическому принципу. При этом они сами находятся в сфере правового регулирования, что объективно устанавливает пределы влияния субъектов правоприменения на право. Это обусловлено, с одной стороны, регулятивным потенциалом самого права, а с другой, – возможностями государства, его структур обеспечить необходимое влияние права в данных социально-экономических и политических условиях, когда государственные институты не могут использовать право в противоречии с его истинным назначением.

Следовательно, юридическая политика должна быть направлена и на институты самого государства, прежде всего, систему государственного управления в юридической сфере. В этом проявляется одна из существенных особенностей юридической политики. Она организует не только «внешние» общественные отношения, но и «внутренние» элементы самого механизма правового регулирования.

Но нужно прояснить один принципиально важный в данной ситуации вопрос: каким образом государство, являясь субъектом формирования юридической политики, может одновременно быть и объектом этого же явления?

Дело в том, что речь идет о разных проявлениях, уровнях государственности, а точнее, государственного властвования и управления, которые следует рассматривать в широком и узком смысле.

В первом случае это различные внешние проявления и формы организации политической государственной власти – сфера взаимосвязанной политико-управленческой деятельности органов государственной власти. Например, П.С. Дагель отмечает, что политика в любой сфере общественной жизни по сути своей есть не что иное, как управление соответствующими общественными процессами (1). Этой же точки зрения придерживается и Я.Ю. Старцев: «Государственная политика в определенной сфере – это система взаимосвязанных, последовательных управленческих воздействий, объединенных единством цели, объекта и принципов деятельности. Государственную политику необходимо рассматривать как один из видов государственно-управленческой деятельности» (2).

Специфика управления как деятельности состоит в целенаправленном воздействии на какой-либо объект. Государственное управление есть целенаправленное воздействие государства, его органов на общество в целом, те или иные его сферы (экономическую, социальную, духовную) на основе познания объективных законов для выполнения стоящих перед обществом задач и функций. В указанном смысле оно означает не только собственно управленческую деятельность государственных органов и их должностных лиц, которая является прерогативой исполнительной ветви власти, но и влияние и воздействие на общественные отношения остальных ветвей власти – законодательной и судебной, а так же контрольно-надзорных органов.

В узком смысле государственное управление можно обозначить понятием «административная власть» и рассматривать как исполнительно-распорядительную деятельность органов исполнительной власти, совокупность их полномочий в различных сферах деятельности, а также связанные с этой деятельностью правоотношения (3). Анализ понятия в данном разрезе предполагает сопоставление с другими видами управления: рутинным управлением, единичными мерами, программным (программно-целевым) и стратегическим управлением.

Таким образом, если субъектом формирования юридической политики является государственная власть как таковая, то объектом выступают правоприменительная деятельность и механизмы управления, а также осуществляющие указанную деятельность органы, организованные по функциональному признаку.

Государственное управление в широком смысле (политическая государственная власть) лежит в основе государственного и политического устройства. Государственное же управление в узком смысле (административная власть) по своей сути технологично и прагматично. Хотя и опирается на государственную власть, но является лишь её инструментом, подчас далеким от принимаемых политических решений. Являясь основным средством проведения политической воли и имея свою логику существования и развития, административная власть обладает некоторыми ресурсами для корректировки политической воли руководства страны (4).

Итак, государство, являясь субъектом процессов формирования нормативного регулирования, с переходом к осуществлению государственного управления общественными процессами, к правоприменительной деятельности превращается в объект юридической политики. Точнее, речь идёт об объекте административной политики как одного из ключевых направлений политики юридической.

Административно-правовая организация управления предполагает:

1. Формирование системы органов исполнительной власти с учётом реальных потребностей различных областей общественной жизни в постоянном упорядочивающем воздействии со стороны государства.
2. Выбор наиболее рациональных организационно-правовых форм реализации исполнительной власти.
3. Внутрисистемное структурирование государственно-управленческого механизма на основе учёта специфических сфер политического воздействия, а также функционирующих в этих сферах организаций (5).

При этом в силу двойственности воздействия юридической политики на деятельность государства и регулирование общественных отношений государственное управление как объект юридической политики также имеет двойственную природу, двойственную направленность – государственное управление в собственно юридической сфере и оптимизация государственного управления в остальных сферах политической деятельности государства правовыми средствами.

Таким образом, административная политика в контексте юридической имеет два аспекта: 1. Организация эффективной правоприменительной деятельности государства как средства обеспечения реализуемости права и самой юридической политики. При этом подразумевается, что такая организация в основном осуществляется политико-правовыми средствами. 2. Обеспечение направленности правоприменительной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в русле общей правовой политики государства.

Первый аспект проявляется в том, что в любой пе-

риод своего развития, при любом политическом режиме власть заинтересована в организации и институционализации своей деятельности, формализации своих внутренних и внешних отношений и эффективной реализации своих политико-правовых решений. Государственная власть может быть слабой или сильной. Но лишённая организованной силы она теряет качество государственной власти, становится неспособной провести волю властвующего субъекта в жизнь, обеспечить законность и правопорядок в обществе. Поэтому часть своей юридической деятельности государство вынуждено сосредоточить на собственной внутренней организации.

Это объясняется сильной зависимостью современного государства от права, которое выступает единственным средством легализации отношений. Право оформляет структуру государства и регулирует внутренние взаимоотношения в государственном механизме и между его основными звеньями. Посредством права закрепляются форма государства, устройство государственного аппарата, компетенция государственных органов и должностных лиц. Право создаёт юридические гарантии против возможной узурпации государственной власти одной из её ветвей. С помощью права определяются место, роль, функции частей государственного механизма, их взаимодействие с другими органами и населением. Упорядочивая внутриорганизационные связи государства, право позволяет обеспечить рациональное устройство структуры государства и органов управления.

Таким образом, государство формируется как система управления, при этом право создаёт юридические предпосылки и гарантии для эффективной работы всех звеньев государственной машины (6).

Это направление выражается в виде нормативно оформленных политико-правовых установок о создании специальных органов и реформировании уже имеющихся государственных институтов, задействованных в осуществлении той или иной области правового регулирования, порядка и процедур создания и выполнения правовых предписаний, критериев оценки эффективности их выполнения, мер и механизмов ответственности.

Во втором аспекте рассматриваемой проблематики речь идет, прежде всего, об обеспечении средствами юридической политики единства целеполагания, общей организации, единой и объективной системы контроля и всестороннего обеспечения исполнения как политических, так и управленческих решений, принимаемых порой разнородными и разноуровневыми органами.

В условиях формирования и проведения в жизнь юридической политики как целостной системы правового регулирования взаимная полнота государственных органов и адекватность государственного управления и его подсистем общественным потребностям должна стать ведущей задачей административной политики. «Поры и раковины в едином массиве государственного управления — не только и не столько недостаток самого управления. Если они не заполнены легальными механизмами, в том числе и механизмами общественного самоуправления, то рано или поздно становятся прибежищем теневой экономики, преступности, коррупции и т. д.» (7).

В заключении можно отметить, что юридическая политика не только использует государственные механизмы для реализации выработанных политико-правовых установок, но при этом с неизбежностью оказывает преобразовательное воздействие правовыми средствами на сами механизмы государства, осуществляет правовое регулирование государственного управления. Юридическая политика «связывает различные стороны деятельности государственно-правовых органов, используя

в основании функционирование права для достижения целей, являющихся в конечном итоге политическими, но основывающимися на праве» (8).

На современном этапе политико-правовых преобразований в России рассмотренному направлению юридической политики следует уделять первостепенное внимание. Эффективное государственное управление является ключевым в осуществлении правоприменительной деятельности, как и в любом другом направлении государственной деятельности.

Примечания

1. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики: Учебное пособие. – Владивосток, 1982. – С.9.
2. Старцев Я.Ю. Система государственного управления: политический анализ. – Екатеринбург, 2001. – С.228.
3. См., например: Осадчая Н.В., Гончар Н.В. Правовая природа терминов «государственное управление» и «исполнительная власть» и их судьба в российском законодательстве // Законодательство и экономика. – 2004. – №5. – С.34-39.
4. См., например: Казанцев Н.М. Публично-правовое регулирование государственной службы. Институционно-функциональный анализ. – М., 1999. Но существует и точка зрения, согласно которой административная власть является составной частью политической власти и не отделима от неё: см., например: Граждан В.В. Может ли государственная власть быть деполитизированной // Власть. – 2000. – №9. – С.45-50; Граждан В.В. Государственная служба как политико-административная власть // Власть. 2001. – №2. – С.22-24.
5. Козлов Ю.М. Административное право в вопросах и ответах: Учебное пособие. – М., 2000. – С.201.
6. См., например: Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – № 4.
7. Петров С.М. Правовое регулирование государственного управления: проблемы и перспективы // Право и жизнь. – 2000. – № 23. – С.9.
8. Рыбаков О.Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 2. – С.14.

**Бочкарева Светлана
Владимировна
аспирант**

ПОСЛОВИЦЫ НАРОДОВ АНГЛИИ И РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ ДВУХ СТРАН (опыт исследования)

Влияние национальной специфики менталитета той или иной лингвокультурной общности (т.е. народа, объединенного языком или культурой) на процессы межкультурного общения велико. Под менталитетом понимают психологический склад ума, особенности мышления и многое другое. «Национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью стереотипов нации» (4,163).

Выявление коммуникативных установок, обуславливающих национальное общение, возможно через изучение и описание коммуникативного поведения. Примерами таких установок являются многие стереотипы, зафиксированные в поговорках и пословицах. «Сборник посло-

виц – свод народной мудрости...это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый, – писал В. И. Даль в предисловии к сборнику пословиц и добавлял. – Что не дошло до народа, не касалось житейя – бытия его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, того и в пословицах нет; что впуталось, добром, либо лихом в быт его, то найдется и в пословице» (3, 16). Пословицы – это портативная мудрость, свод правил жизни.

Многие пословицы и поговорки отражают правила общения, созданные тем или иным народом в процессе его развития. Эти правила выражают сложившиеся в обществе представления о том, как надо вести общение в той или иной коммуникативной ситуации. «Правила, как и законы, имеют общечеловеческий характер и национальную окраску, причём национальная специфика правил общения значительно выше, чем национальная специфика коммуникативных законов» (5, 4).

Данная тема **актуальна**, потому что в настоящее время вырос рейтинг межкультурных связей. А общение на языке предполагает не только умение говорить на нем, но и знание традиций данной страны.

В процессе межкультурного общения легко заметить, что представители разных народов наряду с общими чертами в общении демонстрируют и различия, которые касаются общей манеры поведения, стиля общения и т.д. Причем данные различия могут быть настолько велики, что вызывают у собеседника состояние шока (культурного и коммуникативного). Для полноценного общения очень важно найти с собеседником общие точки зрения, при необходимости уметь поспорить, но главное – подружиться.

На наш взгляд, знание традиций той или иной страны включает в себя и знание народных пословиц. Кроме того, знание пословиц поможет сделать речь «более английской», а **сравнительный анализ пословиц** даст возможность лучше понять различие и сходство двух народов.

ПОСЛОВИЦЫ РОССИИ И АНГЛИИ В ОБОБЩАЮЩЕМ СОПОСТАВЛЕНИИ

Великий испанский драматург Лопе де Вега заметил: «Если сказано хорошо, то не всё ли равно, на каком языке» (1, 95). Это умно и правильно, но только не для исследователя языка, которому вовсе не безразлично, гений какого народа сотворил то или иное изречение.

Какие изменения претерпевает текст после перевода его на другие языки? Интересен эксперимент, проведенный «Неделей» (1, 161-163), позволяющий проследить, как неуклонно, от языка к языку, на всех этапах перевода меняется текст в согласии со строем и традициями каждого языка. Переводчикам был предложен абзац из произведения Н.В. Гоголя: «Она сплетничала и ела варёные бураки по утрам, и отлично ругалась – и при всех этих разнообразных занятиях лицо её ни на минуту не изменяло своего выражения, что обыкновенно могут показывать только женщины». Заключительной фразой эксперимента стало возвращение к языку оригинала. После добросовестных усилий двух десятков переводчиков, пройдя через традиции, законы и характер различных языков, гоголевская фраза трансформировалась в нелепые до смешного строки: «Выпив компот, она выбросила из хижины старьё, а он радостно забил в там-там».

Данное исследование показывает насколько одна и та же фраза может изменить свой характер и смысл из-за своеобразия не только особенностей того или иного языка, но и из-за своеобразия национального менталитета. То есть порой невозможно дать дословный перевод пословицы (высказывания), не потеряв при этом кру-

пицы смысла. Интересное высказывание мы нашли в одной из книг: «Перевод – это обмен жизнями».

Сопоставляя английские и русские пословицы, отражающие каноны культуры общения и «взгляд» пословиц на одно и то же явление. (В работе дан дословный перевод английских пословиц, а для некоторых, отражающих похожие взгляды на то или иное явление, предложен примерный аналог русских пословиц).

1. Отношение к традициям и обычаям предков: Английские пословицы говорят: *Every country has its customs* - *Каждая страна имеет свои обычаи; *Nature will have its course* - *Природа (натура) будет иметь свой собственный курс (всегда – т.е. природа (порода) своё возмёт); *Habit is a second nature* - *Привычка – вторая натура; (или *Custom is a second nature* - *Обычай – вторая натура ≈ *Трясёт козёл бороду, так привык смолоду*; *Throw nature out of the door, it will come back again through the window* - *Выбросите природу (породу) через дверь, она вернётся через окно; *A word spoken in the past recalling* - *Слово, сказанное в прошлом, отзывается ≈ *Как аукнется, так и откликнется*; *Every man has his hobby-horse* - *Каждый человек имеет свой конёк (своё хобби). Но, отдавая дань традициям, англичане говорят: *Custom is the plague of wise man and the idol of fools* - *Привычка – это беда для мудрого человека и идол для дураков; и добавляют: *Habit cures habit* - *Одна привычка излечивает другую.

В России их поддерживают: *Крой новый кафтан, а к старому примеряй*; *Как жили наши деды да прадеды, так и нам жить велели*; *Что город, то норы, что деревня, то обычаи*; *Обычай – не клетка, не переставится*; *Повальный обычай, что царский указ*; *Не нами установлено, не нами и переставится*. Но русские не были бы русскими, если бы не добавили: *На привычку есть отмычка*; *Бык, да и тот отвык*. Проявляя терпимость к обычаям других народов, русская пословица советует: *В каком народе живёшь, того и обычья держись*; или более эмоционально: *Попал в стаю, лай не лай, а хвостом вилай*. *Do at Rome as the Romans do* - *Делай (веди себя) в Риме так, как римляне, - предлагают англичане ≈ *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*.

2. Русский максимализм и английская умеренность, пожалуй, первое и главное отличие менталитета двух народов, определяющее принципы общения в той иной ситуации.

Русский максимализм, русская душа отражены во многих пословицах: *Русский аппетит ничему не претит*; *Заварил кашу – так не жалеи ни молока, ни масла*; *Дратесь насмерть – завоевать бессмертие* (все войны доказали, что русскому бесстрашию нет равных); *Придерживайся середины, держись на перевесе*; *Поругаться – душу отвести, подражаться – сердце повытрясти*; *Не прямота бранится, а задор*; *От избытка уста глаголят*; *Змея кусает не ради сытости, а ради лихости*. Осознавая свою склонность к «перевесу» во всём, русские добавляют: *Первая брань лучше последней, недобранка лучше перебранки*; *Мера – всякому делу вера*; *Гуляй, пляши, да не убей души*; *Стой – не шатайся, ходи – спотыкайся, говори – не заикайся, ври – не завирайся*.

В английских пословицах о душе почти не упоминается (оно и понятно, душа не является полной в плане практических соображений английского разума), но, тем не менее, они отмечают: *A penny soul never came to two pence* - *Грошовая душа никогда не придёт к двум грошам (пенни).

Умеренность, осторожность, уравновешенность, выдержанность: *Temperance is the best medicine* - *Умеренность – лучшее лекарство; англичане не понимают

стремления русских «кидаться» словами, поэтому осуждают: *A wager is a fool argument* - *Когда у дураков нет аргументов, они бьются о заклад; *Slow and steady (slow and sure) wins the race* - *«Медленно» и «постоянно» выигрывают состязание; *Passion will master you, you do not master your passion* - *Страсть (желание) будет твоим хозяином, если ты не станешь хозяином своей страсти; *If you don't like it, you can lump it* - *Если даже тебе не нравится что-то, ты можешь (в состоянии) проглотить это (т.е. нравится, не нравится, а проглотить придётся).

Almost never killed a fly - *Почти никогда не убивало муху ≈ *Catch the bear before you sell his skin* - *Схвати медведя прежде чем продавать его шкуру = *Делить шкуру не убитого медведя*. Отношение англичан к максимализму: *The best is the enemy of the good* - *Лучшее враг хорошего; *Too many cooks spoil the broth* - *Слишком много «готовки» (долгий процесс приготовления) портит бульон; *All covet all loose* - *Всего добиваться, значит, всё потерять ≈ *Много желать, добра не видать*; *Enough is as good as a feast* - *Иметь достаточно – всё равно, что пировать.

Score twice before you cut once - *Посчитай дважды до того, как ты отрежешь один раз (*Second thoughts are the best* – Вторые мысли – лучшие) ≈ *Семь раз отмерь, один раз отрежь*; *Soft answer turneth away wrath* - *Кроткий ответ гонит гнев прочь; *The mouse that has but one hole is quickly taken* - *Попадает только та мышь, у которой одна норка (т.е. нельзя всё ставить на одну карту). (Хотя русские тоже осторожные люди: *Не зная броду, не суйся в воду*).

3. Следующей особенностью, вытекающей из русского максимализма и английской неторопливости, является различие в характере речи двух народов: русское красноречие и лёгкая английская беседа без столкновения взглядов двух собеседников.

Красноречие русских подмечается в пословицах в различных образах, оно очень ярко и красочно, проявляя свои «способности» в полной мере: *Верти языком, что корова*; *Язык до Киева доведёт* (что в Англии абсолютно невозможно); *Языком болезнь входит, а беда выходит*; *Язык наперёд ума рыщет*; *Гол как сокол, а остёр как бритва*; *Красную речь красно и слушать*; *Краткие речи и слушать неча (нечего)*; *Языком кружева плетёт*. Но понимая своё пристрастие к болтливости, пословицы говорят: *Язык мой – враг мой, прежде ума рыщет, беды ищет*; *Красно поле рожью, а речь ложью* (т.е. красноречием); *Во многословии не без пустословия*; *Кто меньше толкует, тот меньше тоскует*; *Слово – серебро, а молчание – золото*; *Доброе молчание лучше худого ворчания*; *Брехать – не пахать, сбрыхнул, да отдохнул*.

Английские традиции предписывают больше слушать, чем говорить. Поэтому пословицы советуют: *Hear much, speak little* - *Слушай больше, говори меньше; русские говорили: *Красна речь слушанием, а беседа смиренном*; *Keep your mouth shut and your ears open* - *Храни свой рот закрытым, а уши открытыми; *A man of words and not of deeds is like a garden full of weeds* - *Человек слов, а не дел – как сад, полный сорняков; *The greatest talkers, the least doers* - *Самые большие болтуны, самые плохие работники; *Better to do well, than to say well* - *Лучше делать хорошо, чем говорить хорошо; *Speech is silver, silence is golden* = рус. Слово – серебро, молчание – золото; *Actions speak louder than words* - *Поступки говорят больше, чем слова; *Ask no questions and you will be told no lies* - *Не задавай вопросов и тебе не нужно будет лгать; *A still tongue makes a wise head* - *Не-

подвижный язык делает голову мудрой. Пословицей стало и шекспировское выражение: *Brevity is the soul of wit* - *Краткость – это душа мудрости; Но в то же время, напоминая о том, что язык может помочь во многих ситуациях (иначе как объяснить блистательные публичные речи), англичане говорят: *A good tongue is a good weapon* - *Хороший язык – это хорошее оружие. Английская литература может поспорить с русской по части количества гениальных произведений, вошедших в сокровищницу мировой литературы (не случайно пословицей стало и высказывание Э. Бульвар – Литтона: *The pen is mightier than the sword* - *Перо сильнее, чем меч).

4. Большая склонность к общению, видимо, и породила такую русскую национальную черту, как желание **сплетничать**. Осуждая это в пословицах, русские, тем не менее, фиксируют этот факт, причём откровенно: *Не всяку думку при людях думай; Свинья скажет борову, а боров всему городу; Сказал красно – по избам пошло; Что знает всё скажет, и чего не знает то скажет*. Поэтому философски замечают: *От языка не уйдёшь; На чужой роток не накинешь платок; но: Собака лает, ветер носит*.

В вопросе по поводу сплетен английские пословицы категоричны: *Who chatters to you, will chatter of you* - *Кто сплетничает с тобой, будет сплетничать о тебе; *A tale-bearer is worse than a thief* - *Сплетник хуже, чем вор; *When three knows it, all know it* - *Когда трое знают это, все знают это; *Gossips and lying go hand in hand* - *Сплетни и ложь идут рука об руку. Поддерживая русских в отношении реакции на сплетни, англичане также философичны: *Barking dogs never bite* - *Лающие собаки никогда не кусают; *The dogs bark, but the caravan goes on* - *Собаки лают, но караван идёт; хотя и отмечают, что *Words cut more than swords* - *Слова ранят больше, чем мечи.

Насчёт любопытства (как причины сплетен) англичане говорят: *Curiosity killed a cat* - *Любопытство убило кошку ≈ Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

А своё желание **поворчать** они одобряют и в пословицах: *A creaking door (gate) hang long* - *Скрипучая дверь (ворота) висит долго. Русские же по этому поводу говорят: *Доброе молчание лучше худого ворчания*.

5. **Хвастовство**: Желание похвастать – это также следствие размаха русской души: *От избытка уста глаголят; Всякий купец свой товар хвалит; От нахвала люди разживаются; Не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати; Сам сделай, сам и похвастай; Живём не пышно, а далеко слышно*. Но русским не свойственно чувство меры, поэтому, осознавая свой грешок, народ добавил и такие изречения, как: *Чем похвалишься, тем и подавишься; Вести пустили, да колокола не отпили; Пустая бочка пуще гремит и т. п.*

Признавая стремление каждого человека похвастаться, английские пословицы говорят: *Each bird loves to hear himself* - *Каждая птица любит послушать себя. Но предостерегают: *Self-praise is no recommendation* - *Самовосхваление – это не рекомендация; *He that is full of himself is very empty* - *Тот, кто полон самим собой, всегда пуст. И, более того, советуют: *Empty vessels make the greatest sound* - *Пустые сосуды производят самый громкий звук; *If you cannot bite, never shows you teeth* - *Если ты не умеешь кусаться, никогда не показывай зубы; *He who says what he likes shall hear what he does not* - *Тот, кто говорит, что ему нравится, обязательно услышит то, что ему не понравится; *Great boast and small roast* - *Великая похвальба и мало жареного (т.е. толку нем); *They that think they know everything know nothing* - *Те, кто думают, что они знают всё, не зна-

ют ничего. Даже говоря о собственном доме, который для них превыше всего, англичане подчёркивают: *A man may love his house without riding on the ridge* - *Человек может любить свой дом и не карабкаться при этом на гору; хотя и добавляют при этом: *Let every man praise the bridge he goes over* - *Пусть каждый хвалит мост, по которому он ходит. Хороша также английская пословица: *Good wine needs no bush* - *Хорошее вино в рекламе не нуждается (хотя последнее слово переводится как «куст», т.е. ничего раздувать не следует). Английское желание хранить молчание, не возвеличивая себя, читается и в пословице: *Good wits jump* - *Хорошие умы прыгают, т.е. великие души и без слов понимают друг друга.

Так же отрицательно англичане относятся к лести: *When flatters meet, the devil goes to dinner* - *Когда встречаются льстецы, дьявол идёт на обед (отдыхает); *He who pleased everybody died before he was born* - *Тот, кто угождает каждому, умер до того, как он был рождён.

6. **Зависть**: Русское желание похвастать в свою очередь породило такую национальную черту, как зависть (словно оборотную сторону медали). *Сосед спать не даёт, хорошо живёт; Много, много, а ещё бы столько; Не то обидно, что вино дорого, а то, что целовальник богатеет; Позавидовал бобыль бесплахотному; Позавидовал плешивый лысому*. В этих пословицах зависть отмечается как национальная черта, но порой и осуждается в форме абсурдности. В английском обществе зависть не принята. К сожалению, удалось найти лишь немного пословиц по этому аспекту. Островитяне говорят: *The grass is greener on the other side* - *Трава (всегда) зеленее на другой стороне (т.е. так только кажется); *Envy shoots at others and wounds herself* - *Зависть стреляет в других и ранит саму себя. Правда, нет места и жалости (в отличие от русских, которые всегда пожалеют того человека, который несчастлив). Хотя в обоих языках мы нашли пословицу: *Better to be envied than pitied* - *Лучше, чтобы тебе завидовали, чем чтобы тебя жалели.

7. **Хлебосольство, приём гостей**: *Рад, не рад, а говори милости просим; Незванный, да желанный; Незванный гость лучше званных двух, а в другой пословице даётся объяснение этому: Незванный гость – лёгок, а званный – тяжёл (на званого всё паси, званный приёма ждёт); Не спрашивают: чей, кто да откуда, а садись обедать; Гости на двор, так и ворота на запор (чтобы их не выпустать)*. Хотя есть и противоположные пословицы: *Не радуйся гостининому приезду, а радуйся отъезду*. Наверное, здесь сказывается осмысление широты русской души, когда все запасы – на стол, а потом «осознание», что ничего уже не осталось: *Гостя потчуй, куда через губу не перенёсёт (т.е. не сможет); При дороге жить – всех не угостить; Кто гостю рад, тот и собачку его накормит*.

Английский культ частной жизни предписывает относиться к гостям как бы по «определённому расписанию», и эта черта фиксируется пословицами: *A constant guest is never welcome* - *Постоянный гость – никогда не желанный; *He who comes uncalled sits unserved* - *Тот, кто приходит незванным, сидит необслуженным; *Love me, love my dog* - *Любишь меня, люби мою собаку. *Two is company, but three is none* - *Два – это компания, но три – это ничего.

Следующая группа пословиц, связанных с гостеприимством, это пословицы о пьянстве и брани. Мы выделяем эту черту как часть культуры общения народа.

Русские о **пьянстве**: *Чарка ума прибавит ума; Че-*

ловека хлеб живит, а вино крепит; Либо три пей, либо трижды три; Конечно есть и пословицы, в которых пьянство осуждается: *Ерофеич часом дружок, а другим – вражок; Пьяный скачет, а проснувшись плачет; Водка не лечит, а калечит; Не то чтобы пить, а с добрыми людьми посидеть (побеседовать)* (то есть в пословице пьянство и осуждается, и оправдывается одновременно).

Отмечается и максимализм русской души: *Одну выпьешь – боишься, другую выпьешь – боишься, а как третью выпивши – уж и не боишься.*

Что касается английских пословиц, они откровенно осуждают пьянство в намёках и советах по этому поводу: *Drunken days have all their tomorrows* - *Дни выпивки все имеют свои завтра (последствия); *Eat at pleasure, drink by measure* - *Ешь с удовольствием, а пей в меру; *Drunkenness reveals what soberness conceal* - *Пьянство обнажает то, что скрывает трезвость = *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.*

8. Интересно проследить и различия в улаживании спорных ситуаций. Русская брань находит отражение в пословицах: *Красна брань дракою; Не выругавшись дела не сделаешь; Брань в бою не болит.* Все иностранцы, отмечая разговорчивость (болтливость) русских во всякого рода застольях, говорят, что часто к ним добавляется и **драка** как решение проблем: *Не всё горлом, ино и руками; Чем ругаться, лучше собраться, да подраться; Поругаться – душу отвести, подраться – сердце по-выветрить.* Есть, конечно, пословицы, в которых драка осуждается: *Языком как хочешь, а рукам воли не давай,* но ей тут же находится объяснение: *Не прямога бранится, а задор.* Русские не допускают компромиссов: *Недруг поддакивает, а друг спорит.*

Англичане же, напротив, когда хотят сгладить какое-либо противоречие, предлагают **компромисс**: *A lean compromise is better than a fat lawsuit* - *Тощий (плохой) компромисс лучше, чем толстое судебное дело. И нет ни одной пословицы, призывающей подраться, чтобы найти истину, как советуют русские. Более того, английские пословицы предостерегают: *Hard words break no bones* - *Тяжёлые слова не ломают костей; *If you swear you catch no fish* - *Если ты бранишься, ты не поймаешь рыбы.

9. Манеры и вежливость: Английские манеры включают в себя и внешность, и одежду, и поведение: *A good face is a letter of recommendation* - *Хорошее лицо – это письмо с рекомендацией; *The face is the index of the heart (mind)* - *Лицо – это индекс (показатель) сердца (разума); но есть и компромисс: *Face may hide a foul heart* - *Лицо может скрыть лживое сердце; *The style is the man* - *Стиль – это человек; *Fine feathers make fine birds* - *Красивые перья делают красивых птиц; *Clothes makes the man* - *Одежда делает человека; *It's not the gay coat that makes the gentleman* - *Не яркое пальто делает джентльмена (имеется ввиду, что не платье, а манеры) ≈ *По платью встречают, по уму провожают.*

Английские манеры – это ещё и выдержанность характера: *Forbearance is no acquaintance* - *Временно смириться – не значит покориться; *Sometimes the best gain is to lose* – Иногда стоит поступиться немногим ради многого. Очень ценится и тактичность: *An ounce of discretion is worth a pound of wit* - *Капля такта дороже потоков (фунтов) острословия.

Вежливость: *A bargain is a bargain* - *Сделка есть сделка ≈ Долг платежом красен; *Punctuality is the politeness of kings* - *Пунктуальность – вежливость королей; *Civility (politeness) costs nothing* - *Вежливость ничего не стоит = Вежливость ничего не стоит, но приносит много; *A civil denied is better than a rude grand*

- *Вежливый отказ лучше, чем грубое согласие.

В русской коммуникативной культуре не принято долго и развернуто извиняться (как, например, в Англии), **формы вежливости в русском общении** кратки. Вежливость в России преимущественно понимается как **отсутствие грубости, некультурности**: *От учтивых слов язык не отсохнет; Встречай не с лестью, а с честью; Доброе слово сказать – посошок в руки дать; Своего спасибо не жалеи, а чужого не жди.* Сюда же можно отнести и пословицы, касающиеся критики собеседника. Конечно, у нас нет учтивых выражений на каждый случай, но: *Без рассуждения не твори осуждения; Чужого не хай, своего не хвали.*

Русская противоречивость, вещая, что «*Великое слово – спасибо*», добавляет: *Скажешь спасибо – так ладно, а нет – и так хорошо; Из спасибо шубы не сошьёшь.*

10. Немаловажную роль в общении занимает **юмор**. В русском языке есть уникальная поговорка, отсутствующая в других языках: «*Смех без причины – признак дурачины*», логику которой не могут понять люди с западным мышлением (у русских наблюдается нечеткое различие между улыбкой и смехом). В русском фольклоре масса поговорок и пословиц, подчёркивающих «двойственность» юмора: *Шутка до добра не доводит; И смех наводит на грех; И смех, и грех; Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним; Шутки, да оглядывайся; Кто шуток не разумеет, с тем не шути; Набьет улыбка оскалину.*

Юмор русских пословиц и в их построении, они ироничны по своей сути. Например: *Что чёрт в болоте сидит? Смолоду привык; Пошёл завтра, а попал вчера.*

Чувство юмора **англичане** также ценят как перво-степенное достоинство человеческого характера: *Many a true words is spoken in a jest* - *Много правдивых слов говорится в шутке; *He is not laughed at that, laughs at himself first* - *Не смеются над тем, кто смеётся над собой сначала; *He laughs best who laughs last* - *Смеётся лучше тот, кто смеётся последним = Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним.

Выводы

Русский **коммуникативный идеал** – это стереотип представлений об идеальном собеседнике, присутствующий в коммуникативном сознании народа. Может быть представлен следующими чертами: **красноречие, гостеприимство, юмор, общительность, максимализм во всем, эмоциональность речи, стремление к неформальному общению, простота в общении, спор «до победы», противоречивость характера и др.**

Под стать русскому менталитету и народные пословицы, в которых отражаются «правила» (русские принципы общения с трудом можно назвать правилами, поскольку они лишь «заявляют» о том или ином принципе, но не призывают его соблюдать: с этим связана **противоречивость выводов**, отражающих одно и то же явление): они всегда **эмоциональны, оригинальны** и по сути, и по форме их построения; очень **красноречивы** и откровенны по содержанию; часто имеют **стихотворный ритм**; они не намекают, но порой сообщают о возможных последствиях (иногда в форме наблюдения), делая **неожиданные выводы**; в них **преобладают простые слова и выражения неформальной лексики**; показывают **размах русской души; большую долю юмора, иронии** в сути и в построении самих пословиц.

Для английского коммуникативного поведения характерны такие доминантные особенности, как **светскость общения, низкий уровень громкости, немногословие, высокий уровень самоконтроля в общении, эмоциональная сдержанность, высокий уровень бытовой**

вежливости, категоричность общения (англичане не любят высказываться определенно, говорить «да» и «нет»), **антиконфликтная ориентация** общения, **большая роль письменного общения** и др.

Английские пословицы представляют собой **констатацию** того или иного правила общения, **которое необходимо соблюдать**; они **выдержаны** по стилю и по содержанию, часто **неэмоциональны**; язык пословиц чаще всего официален, **вежлив**; часто пословицы **намекают** на возможные последствия, предвещая результат, но **не делая прямых выводов**; иногда вывод делается, но в форме правила; часто пословицы **кратки** (но ёмки); они **некатегоричны**, не обвиняют и не осуждают, а лишь констатируют факт или явление.

Общее в культуре общения английского и русского народов – это **отношение к традициям и отношению к этическим нормам общения**, отражённое в пословицах и поговорках.

В.И. Даль писал: «В пословицах можно различить одежду внутреннюю и внешнюю; первая относится к риторике, вторая до грамматики... Грамматика не только могла бы, но и должна бы многому научиться у пословиц» (3, 19). Частое непонимание нами пословиц основано на незнании нами языка, тех простых, сильных и кратких оборотов речи, которые постепенно утрачиваются и вытесняются из письменного языка. Даль в предисловии к своему двухтомнику пословиц отмечал, что знание подобных оборотов в речи необходимо для большей сподручности переводов, для сближения с языками западными. «Кто бы взялся рассмотреть пословицы и поговорки в этом отношении, тот написал бы претолстенную и претолстенную книгу» (3, 17).

Список литературы

1. Вартанян Э. Путешествие в слово. - М.: Сов. Россия, 1975. - 189 с.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. - М.: Русский язык, 1984. - 944 с.
3. Пословицы и поговорки русского народа: Сборник: В 2 т. / В. Даль. - СПб.: «Литера»; «Вуан», 1997.
4. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. - Воронеж, 2001. - 250 с.
5. Стернин И.А. Законы общения. - Воронеж, 1997. - 35 с.

**Бритвина
Ирина Борисовна**
д-р социол. наук, проф.

ДИСПРОПОРЦИИ СФЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И РЫНКА ТРУДА

Будущее Курганской области во многом зависит от уровня профессиональной подготовки молодого поколения в силу ряда причин. Во-первых, осуществить качественный интеллектуальный технологический прорыв в развитии области смогут лишь высококвалифицирован-

ные специалисты. Во-вторых, качество предлагаемой рабочей силы снижается (на рынке труда растет число инвалидов, лиц предпенсионного возраста и длительно (более года) неработающих). Кроме того, довольно велика миграция молодых специалистов в соседние регионы в связи с трудностями трудоустройства на территории нашей области. Диспропорции спроса и предложения кадров на рынках труда и образовательных услуг требуют серьезного изучения и выработки рекомендаций по их устранению.

С целью анализа основных тенденций и факторов, влияющих на процесс трудоустройства молодых специалистов в Кургане, преподаватели кафедры социологии и социальной работы КГУ провели опрос представителей всех сторон рынка труда областного центра. В 2007 г. были опрошены 1304 человека, из них 494 работающих молодых специалиста, 232 работодателя, 497 молодых специалистов, не работающих на момент опроса, 81 молодой специалист, получающий второе высшее образование. При формировании выборочной совокупности использовался метод многоступенчатой стратифицированной выборки.

В процессе сбора информации и анализа были изучены особенности рынка труда. Выяснилось наличие серьезных диспропорций, которые затрудняют трудоустройство молодых специалистов:

1) внутренние диспропорции самого рынка труда, связанные с недостатком одних специалистов и переизбытком других, кроме того, сюда же относится несоответствие квалификации ряда специалистов тем требованиям, которые выдвигают работодатели, итогом этого является повышенная трудовая мобильность агентов этого рынка;

2) диспропорции внутри системы профессионального обучения начального, среднего и высшего уровня, которые связаны с нежеланием или невозможностью считаться с современными реалиями рынка труда;

3) диспропорции между рынком труда и рынком образовательных услуг, перечень и сущность которых были подвергнуты изучению.

С этой целью проанализированы три стороны, вступающие во взаимодействие в момент выхода молодого специалиста на рынок труда. Это сам молодой специалист, профессиональное заведение, где он обучался и получил конкретный набор знаний, умений и навыков, а также конкретный работодатель, являющийся материализованным представителем «рынка труда». Мнение всех трёх агентов рынка труда совпадает по многим вопросам, т.е. наличие диспропорций не выгодно как начинающим работникам, так и работодателям.

Результаты опроса молодых специалистов показали, что указанные противоречия имеют более глубокую природу и связаны не только с объективной ситуацией переизбытка или недостатка специалистов, но и с субъективными характеристиками самих агентов, действующих на рынке труда, с системой подготовки и переподготовки кадров в вузах и сузах.

Однако учебные заведения представлены на рынке труда лишь косвенно, только через уровень подготовки молодых специалистов, через перечень сформированных у них во время учёбы профессиональных умений и навыков. Это напрямую не заинтересовывает вузы и сузы быстро менять подготовку специалистов в зависимости от требований рынка труда. Система их изменений в этом направлении действует очень медленно. На сегодняшний день учебные заведения, занимающиеся профессиональным обучением, в первую очередь пользуются наличием престижных профессий с целью получе-

ния дивидендов от обучения студентов. Однако этот престижный список далеко не совпадает с потребностями рынка труда, т.е. со спросом специальностей, востребованных на сегодняшний день.

С одной стороны, медленно перестраиваясь, учебные заведения рискуют, т.к. приток обучающихся на фоне демографических проблем может оскудеть. Но, с другой стороны, учебным заведениям в некоторой степени выгодны имеющиеся диспропорции на рынке труда, т.к. система «второго высшего» или «дополнительного» образования основана на трудовой мобильности молодых специалистов в силу их неудовлетворённости первой специальностью или трудностями поиска работы в соответствии с дипломом. Система переподготовки даёт определённую прибыль учебным заведениям. Таким образом, у них нет серьёзных причин быстро перестраиваться в этом отношении. И в конечном счёте крайним оказывается молодой специалист, который выходит на рынок труда, не имея востребованной специальности и профессионального опыта в силу того, что вуз в первую очередь направлен на передачу академических знаний.

Очевидно, что обвинять систему профессиональной подготовки в существовании диспропорций между нею и рынком труда не совсем правильно. Сама суть академичности вузовского образования, переориентация на госзаказ, требование работы на перспективу и некоторые другие моменты не позволяют вузам (да это и не надо) быть зеркальным отражением сиюминутных потребностей рынка. Однако и существующая система подготовки специалистов не устраивает ни работодателей, ни самих выпускников. Первые не удовлетворены качеством подготовки молодых агентов рынка труда и испытывают «кадровый голод», а сами молодые специалисты, закончив вуз, тратят время и деньги на получение дополнительного образования с целью устройства на более престижное и доходное место работы.

Исследование показало, что в первую очередь требуется некоторая переориентация вузов в отношении блока конкретных умений и навыков по профессии. Понятно, что опыт приходит во время работы на конкретном предприятии, но видимо в некоторой степени нуждается в изменении существующая система текущих и преддипломных практик. Именно эта система могла бы более чутко реагировать на реалии современного рынка труда.

В отношении работы начального, среднего и высшего звена системы профессиональной подготовки можно сделать следующий вывод: начальное и среднее звено не могут насытить современный рынок работниками определённых видов и уровня квалификации, а высшее звено (вузы), пожиная плоды высокого уровня престижности высшего образования и того, что 17-летние профессионально необученные выпускники средней школы на рынке труда не нужны, перенасыщает рынок труда специалистами с высшим образованием частично невостребованных профессий.

Кроме того, частично не срабатывает система профориентации в школе и система зачисления абитуриентов в вузы. Примерно треть абитуриентов показывают инструментальные, а не ценностные мотивы выбора вуза и специальности (где меньше конкурс, оплата обучения, избежать службы в армии и т.д.). Следствием этого является неудовлетворённость выбором вуза и профессии у каждого пятого студента. Пять лет обучения позволяют несколько исправить это положение, т.к. происходит субъективное проникновение в суть специальности, к старшим курсам несколько повышается заинтересованность в получении качественных знаний. И подавляющее большинство выпускников (75%) хотят трудоустроиться

именно по специальности. Однако удаётся это сделать только половине дипломированных специалистов.

Здесь в процесс начинают вмешиваться реалии рынка труда, которые косвенно детерминированы системой профессионального образования. Невостребованность специальности, трудности поиска рабочего места, низкая предлагаемая зарплата, требования работодателей о наличии опыта по специальности, низкие перспективы карьерного роста приводят к тому, что половина специалистов трудоустраиваются не в соответствии с дипломом вуза. А ведь многие из них обучались за счёт государства, т.е. государственные средства «выброшены на ветер».

Кроме того, вузы поставляют на рынок труда работников, которые практически занимают места, предназначенные для выпускников колледжей, техникумов и ПТУ, т.е. имея высокую квалификацию, дипломированные специалисты работают на должностях низкоквалифицированного труда. Зачем было тратить на их обучение немалые бюджетные средства?

Таким образом, примерно на треть механизмы, обеспечивающие взаимосвязь рынка профессионального образования и рынка труда, оказываются устроенными не эффективно.

Результаты нашего опроса позволяют «нарисовать» *типичную траекторию начала трудового пути молодых специалистов* на рынке труда города Кургана.

1 этап. Учёба в вузе или сузе.

2 этап. Поиск работы, который в среднем продолжается до 6 месяцев. В течение года трудоустраивается подавляющее большинство молодых специалистов. Здесь траектория продвижения на рынок труда раздваивается:

- половина молодых специалистов трудоустраиваются по специальности;
- вторая половина - не по специальности.

3 этап. Этап оценки рабочего места и условий труда, который по-разному протекает у двух групп молодых специалистов:

- неудовлетворённость низкой зарплатой, нехваткой опыта, отсутствие карьерных возможностей приводят к решению о необходимости получения дополнительного образования;
- неудовлетворённость условиями и характеристиками труда вкупе с требованиями работодателя о необходимости базового образования также приводят к решению о необходимости получения дополнительного образования.

4 этап. Получение дополнительного платного образования с целью увеличения возможностей карьерного роста или поиска более доходного рабочего места. В результате половина работающих молодых специалистов намеревается или осуществляет переход на другое рабочее место, как правило, меняя при этом и профессию.

Таким образом, все факторы вкупе приводят к тому, что на рынке труда происходит «пересортировка» молодых специалистов в сторону снижения количества людей, работающих в соответствии с квалификацией, полученной в учебном заведении.

И в этом отношении за последние 5-10 лет ситуация на рынке труда только ухудшается в отношении трудоустройства по ряду специальностей.

Несмотря на то, что половина молодых специалистов не предъявляет завышенных требований к первому рабочему месту, другая половина не согласна с этим мнением. Рост уровня и качества жизни заставляет молодых агентов рынка труда искать более доходное рабочее место с карьерными перспективами. С этой целью мно-

гие молодые специалисты прибегают к такой вынужденной адаптационной стратегии, как **получение дополнительного образования**.

Данной тенденции подвержены как работающие, так и безработные специалисты. Это говорит о том, что и работающие молодые специалисты не удовлетворены условиями своего труда либо перспективами своего карьерного роста.

Но здесь было обнаружено противоречие. Базовое образование, опыт работы, наличие нужных связей и личностные характеристики - вот те факторы, которые влияют на успешность карьеры начинающего работника. Дополнительное образование не вошло ни в тройку, ни в пятёрку лидирующих факторов ни у одной из групп опрошенных (молодые специалисты, работодатели, безработные и студенты-заочники). Однако половина респондентов всё же прибегает к такой стратегии для получения более доходного места работы. И здесь налицо существенное противоречие в мнении и реальном поведении агентов рынка труда.

Все группы опрошенных в одинаковой степени ставят на первое место высокий доход и удовольствие от любимой работы как показатели успешности карьеры. Результаты нашего исследования свидетельствуют, что в условиях современного рынка труда сочетать эти два обстоятельства довольно трудно. Многие вынуждены не только работать не по специальности, но и не в соответствии с уровнем квалификации, не используя по назначению высокий уровень образования, полученный в вузе. Здесь уместно вспомнить, что 7% молодых специалистов, имеющих высшее образование, отнесли себя к категории рабочих.

Можно сделать вывод, что трудоустройство значительного количества молодых агентов рынка труда не по специальности однозначно не выгодно всем участникам этого процесса: как государству, которое тратит значительные средства на подготовку специалистов, так и самим начинающим работникам, т.к. впоследствии они вынуждены получать платное второе образование, отодвигая доходное трудоустройство на несколько лет. Не выгодно это и работодателям, т.к. среди требований к специалисту на 1 место они ставят наличие базового образования, опыта и знаний по профессии.

Таким образом, диспропорции системы профессионального образования и рынка труда продуцируют замкнутый круг проблем, которые взаимно влияют, взаимно продуцируют и взаимно обуславливают степень остроты проявления друг друга. Разрешение этих противоречий должно касаться изменения всех сторон, принимающих участие в этом процессе.

**Зайцева
Любовь Юрьевна**
д-р ист. наук, доц.

ГАРМОНИЯ В ИСТОРИИ, ЕЁ ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ

Парадокс гармонии в истории заключается в её противоречивости, конфликтности, борьбе, в преодолении бед и зла и в неспособности полной победы над ними.

Конфликты, бедствия и зло являются неотъемлемыми компонентами гармонии в истории, как и единство, достижения и гуманизм. Гармония включает в себя баланс противоречий. В этом проявляется вариант гармонии, которая не может являться абсолютом. Не существует абсолютного счастья или несчастья. Временное течение, изменчивость не нарушают гармонии, потому что не пропадают составляющие её крайности и переходные состояния. Творческие люди переживают вдохновение, т.е. гармонию, перерабатывая получаемую информацию о природе и обществе в научные произведения или произведения искусства. Любое обыденное событие, явление, предмет в творческом преломлении приобретают форму воплощённой гармонии: описание боя, изображение кувшина, морская буря. Это означает, что гармония принадлежит объективному миру, лишь передаётся творческими людьми в конкретных образах-воплощениях.

Можно задаться вопросом: может быть гармония – это лишь индивидуальное восприятие, ощущение, а не объективное состояние? Тогда гармония – это способность человеческой психики. В этом случае она носит индивидуальный характер и не может принадлежать истории в целом. Далеко не каждый человек переживает гармонию, но, на наш взгляд, такое переживание всегда вызвано реакцией на внешнее содержание. Как одни люди не слышат, не видят, не обоняют, не чувствуют, так другие не могут ощутить гармонию. И наоборот, есть люди с музыкальным слухом, вокальными данными, художественным вкусом, а также способные пережить гармонию и увидеть её в окружающем мире и обществе. Человеческая способность воспринимать ориентирована на природный или социальный объект, конкретно существующий. Гармония в истории позволяет отождествлять историю с искусством, наделяя её покровительством особой музы Клио.

Что такое гармония? Обычно гармонию отождествляли с какой-либо утопической общественной системой: крестьянская утопия в России сформировалась в идее о Беловодье, пролетарская утопия вылилась в идеи коммунизма. В этих случаях мы говорим об утопическом, идеальном образе, мечте, таком общественном устройстве, которое признавалось отдельными классами наиболее комфортным с точки зрения их социального опыта. Попытки воплощения утопической мечты приводили к разочарованию, поскольку идеальный образ в реаль-

ной обстановке превращался в антиутопию. Это объясняется тем, что воплощение мечты одного класса превращалось в навязывание единственной модели всему обществу, разнообразному, плюралистичному. В результате унификация многоукладной системы разрушала реальную гармонию многообразия, в которой есть место для каждого класса, группы, человека. Гармония может быть одной на всех, если каждый сохраняет в ней своё место, но разрушается, если происходит вытеснение частного интереса. Демократия и частная собственность защищают именно частный интерес, поэтому они прочно вошли в преобладающую общественную систему.

«Сохранение частного интереса» уже звучит как очередная утопия и отрицание вышеназванного содержания общественной гармонии как сочетания противоречий? В данном случае мы говорим о двух типах гармонии:

- гармония в истории как объективное содержание социальной системы, способной к самосохранению, саморазвитию, совершенствованию в условиях борьбы за выживание;
- гармония как индивидуальное восприятие окружающего мира, когда это восприятие соответствует потребностям личности.

Гармония в чём-то индивидуальном восприятии не может быть распространена на каждого, поскольку потребности у людей различаются. Но зато сочетание гармоний каждого в едином мире – это и есть совокупная гармония всех, т.е. гармония в истории.

Мне могут заметить, что редко когда люди ощущают гармонию даже индивидуально. Вместе с тем, каждый человек воплощает свою идеальную модель в жизнь, т.е. объективирует свою утопию. Она, конечно, ничего общего не имеет с идеалом, зато является воплощённой, хотя и извращённой гармонией.

Мы приходим к довольно странному, неожиданному выводу: человек и общество находятся в гармонии, которая извращена, искажена относительно идеального своего образа. Вывод неожиданным кажется только сначала, так как следует не забывать о действующем законе движения к абсолютному через его отрицание. Абсолют в социальном воплощении искажается, поэтому общественная реальность – искажённый идеальный образ.

Так как гармония в реальности – всего лишь искажённый образ желаемого, то человек и не ощущает её. При этом окружающий социум предоставляет место каждому, что свидетельствует об объективно существующей абсолютной гармонии единения всего сущего.

Если бы мир был расколот на свои противоположности, то его существованием была бы непрекращающаяся война, т.е. дисбаланс в сторону деструктивности подрывал бы гармонию. Но необходимо подчеркнуть, что основой гармонии существования является спектр состояний, переходный характер исторических явлений, процессов, которые сглаживают противоположности, превращая даже бурные с точки зрения событий и преобразований эпохи в нейтральные и гармоничные с точки зрения сочетания разнообразия составляющих их элементов.

Почему я отрицаю гармонию однообразия? Потому что гармония господствующего позитива – это утопия, а гармония господствующего негатива – это апокалипсис. То и другое невозможно. В этом суть гармонии истории, она не предполагает конечный исход, как любая эволюция. Можно возразить на это, что в эволюции существуют тупиковые ветви, следовательно, конечность. Но в истории тоже существует конечность этносов, народов, государств, но пока не человечества в целом. Исходя из данного анализа, делаем вывод, что гармония – это эволюция, осуществляющаяся на основании объективно суще-

ствующих законов. Всё в природе гармонично. Это можно сказать и об обществе.

Общество на любом этапе своего развития состоит из тех отношений и структур, которые возможны при данных условиях. Гармония реализуется в определённой возможности воплощения. Сочетание условий и элементов, соответствующих условиям, гармонично. Даже рабство находится в гармонии с эпохой военной демократии и становления государственности древних цивилизаций, а также эпохой великих географических открытий. Этот элемент был необходим в условиях низкой плотности населения, наличия элементарных орудий сельскохозяйственного производства и минимизированного дохода. Только рабство могло удовлетворить потребности в дополнительных рабочих руках, поскольку не требовало значительных расходов, но позволяло использовать достаточно большое количество пленных.

Человечество постоянно стремится к лучшему, но существует только возможное. Существование меняется в соответствии с потребностями человека, что тоже утверждает гармонию в обществе. Даже если полного соответствия не происходит, само приближение к идеалу уже гармонично.

Для многих людей трагедией заканчивается невосприятие гармонии. Это касается традиционалистов, которые отрицают изменчивость. Это может касаться индивидуальностей, которые не в состоянии примириться с консерватизмом системы. Это переживают личности, которые не в состоянии достичь идеала, к которому стремятся. Жить в гармонии означает понимать необходимость и неизбежность баланса, т.е. сменяемость стабильности новациями и постоянство прогресса при недостижимости идеала. Обычно данные выводы делают в более простой форме: нужно принимать мир таким, какой он есть. Я пытаюсь лишь развернуть содержание этой формы. При всей простоте вывода достаточно трудно бывает его признать, когда преобладает конфликт между внутренним миром и внешним окружением. Парадокс гармонии в истории выражается в её превращении в трагедию отдельной личности, народа, государства, в самотриггерах себя. История представляет собой летопись чьих-то трагедий. С другой стороны, она же является летописью чьих-то триумфов. Поэтому сложно принять такой мир, в котором взлёт сменяется падением, триумф – трагедией. Тем более сложно принять это в качестве гармонии. Только позитивный настрой человека способен преодолеть конфликтность гармонии в истории.

Следует выделять несколько значений гармонии в истории:

- гармония баланса противоположностей;
- гармония ощущения комфортности «Я» в окружающем мире;
- гармония соответствия воплощения реальным условиям;
- гармония спектра, т.е. целостность мира и общества в их разнообразии;
- гармония стремления или движения к идеалу.

Если не реализуется какое-либо из значений гармонии, она всё равно сохраняется, так как другие значения имеют место. Например, если в обществе нарушается баланс противоположностей, значит, возникли условия, которые соответствуют дисбалансу. Это названная нами гармония соответствия.

Гармония как форма существования – постоянное значение. Но как ощущение – достаточно кратковременное. С точки зрения воплощения идеала в реальности – недостижима. С точки зрения соответствия принципам развития – закономерна. Гармония, как и все явления в

истории, сочетает в себе, казалось бы, не сочетаемое.

Гармонии свойственны определённые неотъемлемые черты. Для гармонии характерна устойчивость. Она даже в условиях изменчивости своих значений сохраняет стабильность. Не существует ничего устойчивее гармонии. Она извечна. Потому что она всё поглощает в себе. По-видимому, следующей чертой гармонии нужно назвать всеобъемлющий характер. Как любое объективное явление она воспринимается путём ощущения субъективно, кратко временно и фрагментарно. Потому что гармония самоотрицает себя, выражается в таком содержании своих противоречий и конфликтности, что человечество не в состоянии воспринимать её как объективную реальность. Самоотрицание тоже отнесём к чертам гармонии.

Самоотрицание характерно для всякого абсолюта, обычно идеи. Гармония проявляется в самоотрицании, являясь абсолютом объективного мира. Это одна из абсолютных величин, свойственных объективному миру.

**Жайкбаев
Жанбек Садыкович**
канд. юр. наук

СИСТЕМА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чрезвычайная множественность, несогласованность и внутренняя противоречивость сегодняшнего состояния законодательства на федеральном и региональном уровнях порождают вопрос о применимости к законодательству категории «система». Такая постановка проблемы, на наш взгляд, весьма опасна, так как она способна признать легитимным любой произвол законодателя. Конечно, определяющее влияние политики на формирование воли законодателя нельзя не учитывать. В этом смысле законодательство может рассматриваться как система, сознательно создаваемая людьми.

Объективность в систему законодательства должна вносить ориентация законодателя на объективную в своей основе систему права. Познание и использование законодателем в процессе нормотворчества выявленной наукой системы права есть одновременно процесс привнесения объективного начала в строящуюся под влиянием разнообразных, в том числе субъективных, факторов систему законодательства. Именно в этом состоит основной смысл изучения юридической наукой системы права. Этим определяется главная социальная ценность системы права как научной категории (1).

Система законодательства выступает в виде трех основных структур – иерархической («вертикальной»), отраслевой («горизонтальной») и федеративной. Главная особенность последней состоит в том, что она включает в себя совокупность федеральных нормативных правовых актов различной правовой силы, изданных в пределах сферы исключительной компетенции Российской

Федерации и в рамках совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 71 и 72 Конституции РФ), с одной стороны, и совокупность изданных каждым субъектом Российской Федерации законов и подзаконных актов – с другой. В свою очередь, принятые каждым субъектом Российской Федерации нормативные акты, начиная с конституции (устава) и кончая подзаконными актами, образуют построенную в соответствии с иерархической зависимостью подсистему актов данного субъекта.

Неотъемлемой частью комплексного исследования системы любого вида, представляющей собой специфический способ взаимосвязи, взаимодействия образующих ее структурных частей, является анализ внутренней организации данной системы. Как всякая органичная система, законодательство Российской Федерации в целом и каждого ее субъекта в отдельности характеризуется следующими видами связей: генетическими, структурными (связи строения) и функциональными. В литературе нередко все связи, существующие между элементами той или иной связи системы, называют системообразующими. Между тем более точным представляется называть системообразующими лишь генетические и структурные связи. Что касается связей, сложившихся в процессе функционирования данной системы, то их в отличие от системообразующих правильнее называть системоприсвоенными. Системоприсвоенные функциональные связи могут быть подразделены на предметно-функциональные и связи управления. Среди предметно-функциональных связей любых органичных систем принято выявлять отношения координации и субординации. Такие связи имеются и в системе законодательства (2).

По своей природе отношения субординации в значительной мере являются одной из разновидностей основных связей в системе законодательства – иерархической. Наличие иерархически построенной системы правотворческих органов служит тем фактором, который предопределяет возникновение субординационных связей между издаваемыми ими нормативными правовыми актами. Равным образом разная правовая сила федеральных актов, а также актов субъектов Федерации, обуславливающая наличие между ними определенной субординационной зависимости, предопределена существованием Российской Федерации.

Существование связей управления как разновидности системоприсвоенных связей обусловлено, прежде всего, ведущей ролью в системе законодательства Конституции РФ, а также конституций (уставов) субъектов Федерации и законов типа кодекс (Основы). Верховенство Конституции РФ в иерархической цепи нормативных правовых актов определяет возникновение в системе законодательства особого вида связей между актами – отношений соподчиненности, то есть одновременной, на равных основаниях подчиненности многих нормативных правовых актов одному акту. Соподчиненность – это одно из проявлений иерархической связи как главной в системе законодательства. Тем не менее, она обладает спецификой, которая состоит в том, что по своей природе отношения соподчиненности являются своеобразной формой проявления (применительно к законодательству) связей управления системой со стороны ее активного центра (3). Вот почему познание и учет таких связей важны для укрепления законности в сфере как правотворчества, так и правоприменения. Система законодательства может иметь не один, а несколько активных центров. Применительно к системам законодательства субъектов Российской Федерации такими активными центрами являются конституции (уставы) соответствующих субъектов.

Сегодня следует констатировать, что законодатель-

ство субъектов РФ - это реальность, и его следует воспринимать в том виде, в каком оно уже сложилось. За 15 лет правотворчества субъектов РФ их законодательство сформировалось как сложный комплексный правовой институт, имеющий свои особенности правового регулирования, законотворческой процедуры, содержания и учитывающий местные условия. Законодательство субъектов РФ охватывает практически весь спектр ведения субъектов Федерации, позволяет им самостоятельно решать стоящие перед регионами проблемы по преодолению экономического спада, инфляции, безработицы, сохранению окружающей среды, обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина, соблюдению законности и правопорядка и др. Это подтверждается тем большим опытом, накопленным субъектами Российской Федерации в создании самостоятельной системы законодательства.

Следует отметить достаточно высокий уровень внутренней организованности подсистем нормативных правовых актов большинства субъектов Федерации, в том числе по сравнению с организацией федеральной части федеративной структуры законодательства. Во многом это связано с отсутствием полной регламентации в Конституции РФ параметров построения и функционирования иерархической структуры законодательства. В Конституции РФ дается лишь исходная посылка обеспечения верховенства законов (ст. 15 ч.1). Как показывает практика, увеличение в последние годы числа издаваемых законов отнюдь не привело вопреки ожиданию к сокращению числа и удельного веса подзаконных актов любого уровня (начиная с указов и кончая актами ведомств) в иерархической структуре законодательства. Более того, отсутствие в Конституции РФ предметных характеристик законов и отдельных разновидностей подзаконных актов, в том числе указов и правительственных постановлений, порождает нередко весьма существенные противоречия между ними (4).

То, что долгое время не удается претворить в жизнь на федеральном уровне, стало реальностью в целом ряде субъектов Федерации. Во многих из них изданы законы о нормативных правовых актах либо о законах данного субъекта. Так, например, 10 марта 1999 г. был принят Закон Свердловской области «О правовых актах Свердловской области», 8 октября 2004 г. Закон Курганской области «О нормативных правовых актах Курганской области». Все это свидетельствует о том, что стремление субъектов Федерации поднять управляемость в рамках системы своих нормативных правовых актов нередко выше, чем в центре. Регламентированы законами ряда субъектов Федерации и многие другие проблемы законодательного процесса (5).

Можно отметить, что в большинстве субъектов РФ уже сформирован необходимый нормативно-правовой массив, обладающий такими качествами, как взаимосвязанность, целостность, структурированность и иерархичность.

В исследованиях встречаются различные определения массива законодательства субъектов Российской Федерации, утверждается о наличии в субъектах Федерации «системы нормативных правовых актов», «системы законодательства» и даже «правовой системы». Примечательно, что доктринальные конструкции весьма активно используются в законодательстве субъектов Федерации. Так, в Законе Свердловской области «О правовых актах Свердловской области» применяется термин «система законодательства», в Законе Курганской области «О нормативных правовых актах Курганской области» закреплено, что действующие в Курганской области нор-

мативные правовые акты органов государственной власти и высшего должностного лица Курганской области образуют единую систему, основанную на принципе верховенства нормативных правовых актов с большей юридической силой. При этом в законодательстве субъектов Федерации нередко смешиваются понятия «правовая система» и «система нормативных правовых актов».

Анализ показывает, что в субъектах Федерации сложилась определенная совокупность правовых актов, которые отличаются по своей юридической природе. Конституция, устав, закон, постановление, договор, распоряжение и т. д. составляют многообразие правовых актов субъектов Федерации. Вместе с тем, это не просто набор или состав актов. Все они находятся во взаимосвязи между собой, в определенном соподчинении. Правовые акты субъектов Федерации, на наш взгляд, образуют систему, в которой можно выделить следующие уровни: законодательство (Конституция (Устав) и законы субъекта Федерации); договоры и соглашения (международные и национальные); подзаконные правовые акты. В тех субъектах Федерации, где учреждены и действуют конституционные (уставные) суды, общую картину правовых актов дополняют решения данных органов конституционного правосудия. Полагаем, что совокупность правовых актов субъектов Федерации выступает в качестве элемента (подсистемы) единой системы правовых актов субъектов Федерации и может быть обозначена как «система законодательства».

Примечания

1. Поленина С.В. Система законодательства субъектов Российской Федерации //Регионология. - 2000. - № 2. - С. 40.
2. Поленина С.В. Система законодательства субъектов Российской Федерации //Регионология. - 2000. - № 2. - С. 41.
3. В философии под активным центром понимается центр, в котором обычно сосредоточена максимальная активность объекта в его взаимодействии с другими объектами (и средой) (Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. - Л., 1970. - С. 80-85).
4. См., например: Лучин В.О. «Указное право» в России. - М., 1996; Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. - М., 1996.
5. Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации. - М., 1998; Кочетков А.В. Законодательный процесс в субъектах Российской Федерации. - Тамбов, 1999.

**Кишкин
Олег Валерьевич
ст. преп.**

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН (аллюзия в статье 18 Конституции РФ)

В ст. 18 Конституции РФ закреплено: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Установим органы, которые соответствуют перечисленным в статье властям. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Федеральное Собрание является представитель-

ным и законодательным органом Российской Федерации. В республиках, краях, областях, автономных округах, автономной области, в городах федерального значения РФ созданы законодательные учреждения субъектов России. Исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации. В.М. Хвостов обращает внимание на три важнейших вида деятельности государства: законодательную, судебную, правительственную (1). Отчасти создается впечатление: «Нельзя не видеть, что Конституция РФ относит к исполнительной власти только Правительство РФ, а вся нижестоящая часть этой пирамиды вместе с муниципальными структурами оказалась вне конституционного поля» (2). С другой стороны, структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно. Применение законов не сводится к пониманию применения права как «подведение конкретных бытовых отношений под абстрактные нормы права» (3) всеми для «достижения полного соответствия между требованиями норм совершить определенные поступки или воздержаться от их совершения и суммой фактических последовавших действий» (4). По мнению М.Н. Марченко: «Применение – один из важнейших видов государственной деятельности». А.Б. Венгеров пишет, что «применение права можно определить как властную правовую деятельность органов государства (или иных органов по уполномочию государства), а также их должностных лиц, наделенных специальными полномочиями по организации или обеспечению социальной упорядоченности, стабильности в жизни общества, по пресечению правонарушений в этой сфере» (5). В.И. Леушин считает: «Применение права – это властная деятельность компетентных органов и должностных лиц по подготовке и принятию решения по конкретному делу» (6). Из признанных типов применения права (7) в данном конституционном установлении возможно указать на административный тип применения законов, на органы исполнительной власти, подчиненные Правительству РФ, на органы местного самоуправления, наделенные государственными полномочиями. Представляется, что это не уместно, так как в статье речь идет о динамике власти, указанные органы и их должностные лица, «субъекты юридической деятельности» рассматриваются в действии политической власти (8). Следует определить, в чем выражается их причастность к власти. Логично, что в ст.18 Конституции РФ не указано слово «орган». Существует и другая точка зрения: «Очевидно, что в данной статье Конституции недостает слова "органов"» (9). Буквально: «исполнительная власть не может пониматься как система органов государственной власти, призванных осуществлять исполнительную деятельность» (10). Представляется возможным определить легальное основание функционирования органов, существующих в системе осуществления исполнительной власти. В Конституции РФ эти возможности воплощены в виде полномочий, представляющих из себя совокупность прав и обязанностей конкретных органов, должностных лиц, их свобод. Присвоение властных полномочий преследуется по закону (ст. 3, ч. 4 Конституции РФ). Теоретическое осмысление реализации всех подконтрольных Правительству РФ полномочий препятствует выводу «о понимании государственной власти как совокупности полномочий, осуществляемых от имени государства его органами» (11). Феномен юридической свободы проявляется в том, что при передаче полномочий от государственных органов органам местного самоуправления не происходит изменения в подведомственности дел (12). При этом возможно расширение объема «правоспособности» (13) конкретных органов местного

самоуправления, повышая этим их ответственность перед населением, учитывается «функциональный момент» (14). В целом «относительная самостоятельность...» применения властных полномочий к отношениям, возникшим в гражданском обществе, может и должна быть подчинена законным интересам этого общества: правам и свободам человека и гражданина (15).

Список литературы

1. Хвостов В.М. Верховная власть государства // Теория государства и права: Хрестоматия. – М., 1998. – С.343.
2. Бельский К.С. О функциях исполнительной власти // Государство и право. – 1997. – № 3. – С. 14.
3. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 4. – М., 1912. – С.699.
4. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.А. Катаева и В.В. Лазарева. – Уфа, 1994. – С. 374.
5. Марченко М.Н. Теория государства и права. – М., 2002. – С.609.
6. Леушин В.И. Реализация, применение и толкование права // Теория государства и права/Отв. ред. С.Д. Перевалов. – М., 2006. – С. 238.
7. Теория государства и права / Под ред. В. Корельского и В.Д. Перевалова. – М., 1998. – С. 259-260.
8. Беляев В.П. Контроль и надзор в Российском государстве: Монография. – М., 2005. – С. 10.
9. Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 97.
10. Адехин А.П., Кармолицкий А.И., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. – М. – С. 15.
11. Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 98.
12. Ст. 19 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. – 2003. – № 29 (334). – Ст. 1436.
13. Ковачев Д.А. Функция, задачи, компетенция и правоспособность государственного органа // Правоведение. – 1985. – № 4. – С. 44.
14. Любашин В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В. Теория государства и права: Учебное пособие. – Ростов-н/Д., 2002. – С.11, 131.
15. Теория государства и права / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1997. – С.71-81.

**Колесников
Николай Александрович**
ст. преп.

БАЛАНС СИЛ В РАЗВИТИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Развитие международных отношений в Европе принято рассматривать как процесс последовательной смены международных систем, связанных между собой скорее генетически, нежели структурно. При ретроспективном обзоре истории международных отношений обычно выделяют Вестфальскую, Венскую, Версальско-Вашингтонскую и Ялтинско-Потсдамскую системы, каждая из которых представляла собой особый вариант миропорядка, качественно отличающийся от предыдущего. Например, в качестве главных сущностных черт Вестфальской системы можно выделить складывание миропорядка, основанного на принципах национального суверенитета, примата национальных государств, реализующих свои геополитические интересы путем «войны всех против

всех». Такая «анархическая» система руководствовалась принципом стихийного саморегулирования входе ряда вооружённых конфликтов и складывания различных коалиций. Так, в результате ряда крупных военных конфликтов (Война за Испанское наследство 1701-1714 гг., Северная война 1700-1721 гг., Война за Австрийское наследство 1740-1748 гг., Семилетняя война 1756-1763 гг.) чётко определился стабильный круг великих европейских держав (Англия, Франция, Пруссия, Австрийская и Российская империя), который заложил основные параметры европейского баланса сил, сохранявшегося вплоть до середины девятнадцатого века. Венская система представляла собой первую попытку конструирования разумного миропорядка, основанного на принципе баланса сил и призванного поддерживать стабильность в масштабах всей Европы. Одна из характеристик этой системы – создание иерархии более могущественных и слабых государств с отведением каждому из них своей роли в поддержании общеевропейского равновесия. Принцип легитимизации, положенный в основу такого «европейского концерта», был нацелен не только на закрепление господствующей роли великих держав – победителей Наполеона, но и на стабилизацию их внутривнутриполитического положения. Нормы и правила этой системы включали уважение территориального переустройства и взаимные консультации в случае возможного конфликта, грозящего подорвать стабильность системы. Созданный в Вене миропорядок более или менее успешно просуществовал четыре десятилетия, но не смог обеспечить стабильность в Европе, т. к. противоречил тенденции к пробуждению национального самосознания и росту националистических движений в различных уголках Европы. В конце концов «союз монархов против народов» рухнул в середине XIX века, и на его обломках стал выстраиваться новый миропорядок, главную роль в котором пытались играть т.н. «срединные державы» (Германия, Италия), возникшие в центре Европы в результате завершения процесса национальной консолидации. Их появление нарушило равновесие в Европе и привело к поиску новой системы баланса сил на основе складывания военно-политических союзов. Таким образом, разумно организованный миропорядок трансформировался в процесс свободной игры с целью поиска врагов и союзников, т.е. система вернулась в первозданное «анархическое» состояние. Созданная после Первой мировой войны Версальско-Вашингтонская система отношений стала миропорядком, охватывающим не только Европу, но и многие другие регионы земного шара (Африка, Ближний Восток, Дальний Восток и Океания). Тем не менее, в основе её организации можно увидеть родовые черты предыдущей международной системы. Вновь создан элитарный клуб великих держав, возникший в результате разгрома общего врага (кайзеровская Германия и её союзники). Вновь осуществляется территориальный передел в интересах держав – победителей. Опять конструируется система международной безопасности, построенная на иерархии больших и малых держав, обладающих лишь формальным равенством в Лиге Наций. Создание этой структуры, призванной поддерживать всеобщий мир, можно рассматривать как модификацию идеи Священного союза в новых исторических условиях. Принципиальное отличие этой системы от Венской заключается в том, что помимо «включённых в неё» государств в мире появляются «исключённые» из этой системы страны, что создаёт возможность возникновения «антисистем», т.е. потенциально опасных объединений стран – изгоев системы. Единственным смыслом существования таких «антисистем»

будет стратегия расшатывания и разрушения созданного после Первой мировой войны миропорядка. Эта стратегическая задача была успешно выполнена и Версальско-Вашингтонская система смогла просуществовать вдвое меньше, чем её предшественница. При этом вновь наблюдался процесс трансформации организованного миропорядка в свободную игру геополитических интересов враждебно настроенных друг к другу военно-политических альянсов (Англо-французская Антанта, Ось Берлин – Рим – Токио и СССР). Созданная на союзнических конференциях в Ялте и Потсдаме 1945 г. новая послевоенная система международных отношений смогла аккумулировать в себе родовые черты сразу всех своих предшественниц. Её создатели исходили из примата идеи национального суверенитета и территориальной целостности, которые были базовыми при формировании Вестфальской системы. Они стремились вновь обеспечить прочный мир в Европе и создать новую структуру для поддержания «мира во всём мире», ведущую роль в котором вновь получили члены элитарного клуба держав – победительниц «германского фашизма и японского милитаризма». И, наконец, был создан новый, уже глобальный баланс сил на основе организации двух альтернативных систем миропорядка, каждая из которых выступала по отношению к противоположной в роли «антисистемы». Не ушли в прошлое традиция создания военно-политических союзов как гарантов международной стабильности и практика выстраивания чёткого иерархического порядка в распределении места и роли каждого государства в зависимости от его внешнеполитической лояльности, военно-стратегического и экономического потенциала и особенностей геополитического положения. Эта новая система миропорядка смогла, несмотря на многочисленные кризисы и конфликты, обеспечить прочный мир народам Европы на половину столетия. Её кризис и распад обозначился лишь на рубеже XX-го и XXI-го вв., после крушения СССР и мировой социалистической системы. В настоящий момент на обломках биполярного мироустройства идёт процесс выстраивания новой системы, контуры которой полностью неопределены.

Ретроспективный обзор смены международных систем наводит на мысль о повторяемости, цикличности в развитии международных отношений и внутренней глубинной связности этих исторических циклов. Возникает вопрос: действительно ли мы наблюдаем смену различных геополитических эпох, каждая из которых имела свою логику и динамику развития, или же мы имеем дело с развитием одной и той же международной системы, возникшей в конкретных социально-культурных реалиях, а потом последовательно эволюционирующей по мере распространения гегемонии европейских держав в других регионах мира, включая народы и страны этих регионов в свои контуры и подчиняя их логике своего внутреннего развития. Для ответа на этот вопрос нам придётся уточнить само определение понятия международной системы. Международная система – базовое понятие теории международных отношений, разработанное представителями так называемой школы «реальной политики». Признанными авторитетами в этой области являются: Г. Моргентау, Р. Гилпин, М. Каплан, Р. Штраусс-Хюпе, К. Уолтс, Р. Арон. По мнению Р. Арона, международная система представляет собой «ансамбль политических единиц, которые связаны регулярными отношениями и могут все вместе быть вовлечены во всеобщую войну между ними» (1, 72). Р. Гилпин называет международной системой «совокупность политических объектов, взаимодействие которых обеспечивает контроль над их поведе-

нием» (1, 83). Опираясь на эти два различных определения, можно выделить несколько основных признаков международной системы:

- 1) наличие множества участников международных отношений;
- 2) существование постоянных дипломатических связей между ними;
- 3) возможность общесистемных кризисов, выливающих во всеобщую войну;
- 4) стремление к взаимному контролю с целью достижения стабильности международных отношений.

Главным средством достижения такой стабильности является создание баланса сил, т.е. международного равновесия всей системы. Вплоть до Второй мировой войны большинство исследователей рассматривали международную систему как неизменную структуру - её конфигурация определялась конкурентной игрой взаимодействующих между собой независимых субъектов международных отношений. В книге «Война и изменения в мировой политике» Р. Гилпин утверждал, что «фундаментальная природа международных отношений не изменилась на протяжении тысячелетий. Международные отношения продолжают оставаться постоянно повторяющейся борьбой за богатство и власть между независимыми акторами в состоянии анархии. Классическая история Фукида является таким же значимым руководством к поведению государств сегодня, как и тогда, когда она была написана» (2, 73). Тем не менее, в каждый исторический период складывается уникальное соотношение международных сил, т.к. основные характеристики международной системы так или иначе отражают усилия отдельных государств или групп государств, направляемые на трансформацию институтов этой системы для реализации своих интересов. Таким образом, одним из важнейших принципов функционирования международной системы является стремление государств получить контроль над поведением других акторов этой системы. При этом очевидно, что интересы конкретных субъектов этой системы вступают в конфликт друг с другом. Организация международных систем базируется на распределении сил и ресурсов между её акторами. Начиная с древности и вплоть до XX-го века в международной политике, как правило, доминировали великие военные державы. Именно они устанавливали правила международной политической игры, определяли расстановку сил на международной арене, располагали возможностями разрешать споры между малыми государствами или малыми и великими странами на приемлемых для последних условиях. Анализ конфигурации распределения сил показывает нам, кто фактически управляет международной системой и чьим интересам она более всего отвечает. В руках доминирующих в международной иерархии держав сосредотачиваются вопросы организации и контроль за процессами взаимодействия всех участников системы. Эту мысль Р. Арон проиллюстрировал замечанием о том, что «структура международных систем всегда носит олиго-политический характер». (2, 74). В свою очередь Р. Гилпин, рассуждая о формах политического контроля в международных системах, пришёл к выводу, что на протяжении всей истории для международных систем были характерны три типа контроля:

- 1) имперский – одно могущественное государство контролирует поведение остальных более слабых и мелких государств;
- 2) биполярный – две могущественные державы контролируют и регулируют взаимодействие других стран в пределах своих сфер влияния;
- 3) баланс сил – три и более государства контроли-

руют действия друг друга с помощью дипломатических маневров, смены союзов и открытых конфликтов.

Первый тип контроля был наиболее распространен в древности и в истории Средневековья. Второй тип характерен для периода «холодной войны» Новейшего времени. Третья форма контроля получила наибольшее распространение в истории Европы периода развития Вестфальской, Венской и Версальско-Вашингтонской систем. Типологическое сходство этих систем объясняется наличием общей структуры, построенной на принципах баланса сил и наличия международной иерархии, формируемой ведущими державами, определяющими этот баланс. Нарушение равновесия и смена лидеров международной иерархии приводят к кризису существующей системы, в результате чего значительно возрастают потенциальные риски или выгоды всех участников международной системы. Предупреждение потерь или увеличение выгод становятся стимулом для того или иного государства или группы государств, для того чтобы содействовать изменениям параметров системы. Главным механизмом разрешения кризиса международной системы на протяжении всей истории была, как говорил Р. Гилпин, война за гегемонию, т.е. вооруженный конфликт, призванный определить то, какое именно государство или группа государств займёт доминирующее положение в международной системе. Последующий за такой «всеобщей» войной мир характеризуется переустройством всех политических, территориальных и др. основ системы. Таким образом, цикл изменений завершается тем, что гегемонистская война и следующий за ней мир создают новый баланс сил, на основе которого складывается новая иерархия международных отношений. Установленный баланс сил носит не статичный, а динамичный характер, т.к. на уровне межгосударственных отношений происходят постоянные изменения, но благодаря контролю со стороны держав-гегемонов эти изменения не подрывают до определённого момента основ существующей системы. Система сохраняет свои сущностные характеристики до тех пор, пока сохраняется базовый для неё расклад международных сил. Определив таким образом наличие циклической природы эволюции международных отношений, можно условно выделить следующие основные фазы её цикла:

- 1) гегемония одной, двух или более держав, определяющих общее равновесие сил на международной арене;
- 2) нарушение равновесия и обострение борьбы за лидерство в системе;
- 3) общий кризис системы, выливающийся во всеобщую войну;
- 4) послевоенное переустройство и определение нового баланса сил, основанного на стратегических интересах стран – победителей, играющих роль новых лидеров международной системы.

Такая последовательная смена циклов чётко прослеживается в европейской истории путём выявления общеевропейских конфликтов (Тридцатилетняя война, Наполеоновские войны, Первая и Вторая мировые войны) и связанных с ними периодов мирного урегулирования, в ходе которых и определялись контуры очередной международной системы. Однако эта очевидная взаимосвязь только акцентирует вопрос о циклической природе международных отношений, но не объясняет нам внутренних причин, её обуславливающих. Думается, что эта проблема в принципе не решается в рамках теории баланса сил, т.к. она соответствует параметрам закрытой, замкнутой системы, существующей только за счёт перераспределения внутренних потенциалов. В то время

как в реальной исторической действительности европейская система международных отношений на протяжении всего периода существования вышеописанных её состояний представляла собой систему не замкнутую, а открытую, завязанную с целым рядом других регионов мира и стремившуюся к активному их подчинению и включению в контуры своего миропорядка. Эта наметившаяся ещё в XVI веке тенденция к глобализации европейского баланса сил значительно усложняет картину развития международных отношений, требуя пересмотра многих традиционных положений и схем.

Список литературы

1. Баланс сил в международной политике: теория и практика. - М., 1993.
2. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. - М., 1998.
3. Киссинджер Г. Дипломатия. - М., 1997.
4. Нартов Н.А. Геополитика. - М., 1999.
5. Международные отношения: социологические подходы. - М., 1998.
6. Моро-Дефарж Ф. Основные понятия международной политики. - М., 1995.
7. Системная история международных отношений. 1918 - 2000. - М., 2000.

**Красиков
Владимир Иванович
д-р филос. наук, проф.**

КТО И КАК ДЕЛАЕТ СЕГОДНЯ ФИЛОСОФИЮ В РОССИИ?

История философии традиционно имеет дело с мерзкими. Это в известном смысле и оправданно. Во-первых, вклад имярека, в отличие от яркости (харизматичности, эпатажности) его личного воздействия на современников, становится ясен во временной дистанции двух-трех поколений спустя, как утверждает Р. Коллинз. Во-вторых, сколько обид, ревнования и недоброжелательства порождают все подобные расстановки из серии «кто же круче» и «кто же оригинальнее» (научнее, глубокомысленнее и т.п., подставьте по желанию). Существует даже уговор среди некоторой части философских небожителей – не писать (о вкладе и т.п.) при жизни имярека.

Подобное, может быть, и снимает обозначенные трудности, но существенно обедняет и текущую философскую жизнь, и последующую историю философии. В первом смысле она опреснена сциентистским объективизмом (я не обычный человек со страстями и предрассудками, а некий носитель чистого познания), который даже в истории естествознания не соблюдался, расцветаясь яростными личностными конфликтами. Во втором, историко-философском, смысле обращаются в дальнейшем для реконструкции среды философа и его психологического портрета к малодостоверным источникам (воспоминания друзей, родственников, мемориальные интервью и пр.), а не к самим первоисточникам. Но вот показать ныне живущего философа в текущих взаимодействиях и актуальных межпартийных столкновениях, где он сам раскрывается при умелом провоцировании и не связан соображениями гуманистического, политическо-

го и прочих «политесов», – это на деле новое слово в нашем интеллектуальном пространстве.

В этом ключе книга **«Кто сегодня делает философию в России» (Т.1. Составитель А.С. Нилогов. - М.: Поколение, 2007. – 576 с.)** представляет собой настоящий интеллектуальный бестселлер. Она беспрецедентна по заряду энергии, живости, проблемности, конфликтности и потенциальной креативности. Это не умствования очередного историка философии, вольно или невольно входящего в бессмертную роль Прокруста, это сама живая история современной отечественной философии в ее моментальной фиксации. Слово дано самим современным отечественным мыслителям, а вовсе не статусным людям, бонзам философии. Пусть говорят, что хотят – и они говорят, временами хорошо и интересно!

Польза от чтения огромная. Одно дело представлять себе «идеальный мир» предшествующих «философских героев», недоступно-далеких во временной дымке, другое – видеть, слышать, спорить с ныне живущими крайне интересными людьми, способными продуцировать такие идеи, которые заставляют тебя змуриться от интеллектуального удовольствия: «ах, черт, до чего же хорошо, верно и красиво сказано!»

Здесь важны и не собственно какие-то «идеи», информация, раздвигающая ваш интеллектуальный горизонт (для того есть монографии и статьи), а чувство формирующейся профессиональной сопричастности, становящейся отечественной философской идентичности. Верно отмечает А.С. Нилогов – это своего рода обсервационная площадка нашей современной философии, причем в буквальном смысле: наиболее интересные в книге не «манифесты» (этого добра мы начитались всласть), а именно неформальные, провокативные интервью, заставляющие многих распахнуться, и, конечно же, фото имяреков. Потому, зная, что все они наши современники, с которыми мы можем встретиться, запечатлев их разные и интересные лица, мы и создаем «мысленные коалиции» (Р. Коллинз), включая их в свои воображаемые споры и рассуждения. Сравнение, сопоставление, выверка себя со своими современниками, достойными и глупоками философами, формируют важнейшие ментальные условия существования профессионального философского сообщества: представления о значимости и роли философии (мировой и национальной), о назначении и смысле существования философа, о феномене философской популярности («эфемеры» и «посмертники» А. Секацкого), об идентификации основных направлений в современной отечественной философии.

Хотя, с одной стороны, книга является собой некий кадр моментальный философской съемки (и в том ее «объективность»), однако, с другой, представляет собой явно авторский проект со своим стилем и идеологией. Ее личностный профиль явственно проступает во многих особенностях книги. Видна большая предварительная ознакомительная работа, предваряющая составление вопросов «под имярека». Вопросы сильно диверсифицированы в зависимости от дисциплинарной позиции интервьюируемого, от его интеллектуальной биографии, от его заявляемых взглядов. Общее же то, что они составлены так, чтобы как можно более раззадорить, заставить полнее и свободнее раскрыться. Личностная позиция внутренней свободы обнаруживает себя и в подборке персоналий, не стесненной ни узостью дисциплинарных рамок академической философии, ни подобострастием респекта перед философским официозом. Привлекает и увлекает патристический пафос (защита русского языка и русской философии), мессианский задор (гуманитарный «манхэттенский проект» О. Матвейчева) книги.

Сам составитель говорил мне об известной субъективности подборки имяреков (те, кто привлек симпатии) и ее хаотичности (и философы, и психологи, и культурологи, и филологи, и историки и пр.) Субъективный вкус оказался в конечном счете хорошим (т.е. «прогрессивным», нет серости, обскурантизма и догматизма), а известный хаотизм придал крупномасштабность философскому полотну, представив «дисциплинарную» философию в изящной раме околофилософского окружения, которое делает саму картину более рельефной, фактурной. Междисциплинарный фон, background русской философии многое дает к пониманию ее специфики, роли в современном мире и пр.

Книга дает ориентировки, особо полезные для столичных философов, о реальном распределении пространства интеллектуального внимания на столичных подиумах. Так, я думаю, многие откроют для себя новые яркие мыслительные формации А. Ашкерова, Ф. Гиренка, О. Матвейчева, А. Секацкого, В. Савчука, вновь убедятся в основательности интеллектуальных репутаций уже известных мыслителей, которые четче, рельефнее сформулировали свои кредо (Ю. Мамлеев, М. Эпштейн и др.).

Непосредственность и откровенность философского интервьюирования приводит зачастую к неожиданным следствиям в виде обнаружения условности и односторонности наших отечественных «философских легенд». Репутация, созданная «ильенковцами» Д. Дубровскому, рухнула в одночасье и перед нами предстает открытый, креативный, оригинальный мыслитель с широким кругозором. Напротив, интервью А. Зиновьева и А. Пятигорского произвело тягостное впечатление своей натушной скандальностью, голым эпатированием и гулкой пустотой философского содержания. Неприятно поразили приводимые в книге русофобские высказывания М. Мамардашвили (с.218-219), не уместные в устах философа большого интеллектуального калибра.

Обратимся теперь к анализу некоторых характерных групп, которые прорисовываются в массиве из 31 мыслителя современной России, – в поколенном, самокритичном и содержательно измерении.

В книге представлены три поколения отечественных философов. 12 человек – это поколение, родившееся в 20-40 гг. XX века. В этой группе меня привлекли фигуры Д. Дубровского (1929), Ю. Мамлеева (1932) и Ф. Гиренка (1948). 13 человек – люди, родившиеся в 50-60 гг. XX века, среди которых особо выделяются А. Секацкий (1958), М. Эпштейн (1950) и В. Савчук (1954). Наконец, наименее многочисленная группа философов, порадовавшая родителей и остальное человечество своим рождением в 70-80 гг. Из шести человек молодого поколения пока наиболее заметны А. Ашкер (1975) и О. Матвейчев (1970).

Другие три группы прорисовываются по такому весьма условному критерию, как степень саморефлексивности. Он, безусловно, спорен, т.к., с одной стороны, внутреннее сознание своей правоты и суггестия воздействия на читателей и слушателей незаметно могут трансформироваться в безапелляционность; с другой, за яркость и оригинальность часто можно принять намеренную скандальность из серии «шумим, братец». Тем не менее, жанр рецензии предусматривает известный субъективизм. Представленных философов я бы подразделил опять же на три группы: «продуцирующих» свои идеи; «крепких профи», блестяще владеющих словом и вполне успешных, но не отличающихся свежестью идей; многочисленных «последователи» каких-либо направлений.

«Продуцирующие» предстают в двух подгруппах: «эпатанты», весьма амбициозные люди с явно завышенной самооценкой (четверо), и те, кому действительно есть,

что сказать – спокойно, без картинных поз, страшных закатываний глаз и р-р-революционно-метафизических фраз (типа: «убей Другого в себе!»). В отношении первых справедлива характеристика Г.Д. Джемала, определившего этот сорт людей как «очень специфических субъектов в области философии, которые используют философию как трамплин для чисто индивидуалистической самореализации» (с. 228). Восемь человек, вторая группа «продуцирующих», действительно отличимы печатью оригинальности, их интервью захватывают, а идеи запоминаются.

Группа «крепких профи» (человек восемь) представлена не только философами (специалистами по теории познания либо философской онтологии), но и логиками, историками, психологами, литературоведами и даже тремя литераторами. Вот уж кто-кто, а они философию явно «не делают».

Еще в меньшей мере можно сказать это в отношении наиболее многочисленной группы приверженцев (более десяти), многие из которых жизнь положили на служение (переводы, пропаганду и пр.) кумирам. Здесь самые «прогрессивные», т.е. горячие приверженцы постмодерна, аналитической философии, настолько горячие, что и говорят на той самой «вязи», а горизонт их мысли отформатирован и предсказуем. Но есть и «подорожники» с «подорожницами» и даже, что сообщает книге изрядный «демократизм», последователи Н. Федорова и Генона-Дугина (вкуче с неким историософским манифестом последнего).

Таким образом, из рассмотренных мыслителей философию в России «делают» от силы человек 12, немногим более трети. Подобная ситуация возникла из-за явной партийной пристрастности составителей, которая проявлялась и в некоторой назойливости одних и тех же тем и имен. Так, из обилия повторов в вопросах читатель вольно или невольно уясняет:

→ что Федор Иванович, хотя и с игривыми ляганиями («на безрыбье современной русской философии и Гиренок философ» - с. 503), – центральная фигура отечественной прогрессивной философии;

→ что ее эмблемой можно считать «черную кошку», антиязык и уничтожение Другого в себе;

→ что мы все присутствуем на рекогносцировке марш-броска отечественной философии на западные рынки, которые будут завоеваны в кратчайшие исторические сроки, особенно если мы «скинем с себя заспанное одеяло, отбросим подушку, набитую свиным пухом (не кошачьим. – В.К.), очистим свое сознание от философского дежавю!» (с.13).

Как следует из всего сказанного, книга несомненно заслуживает того, чтобы на нее обратили внимание и потратили известную толику времени на знакомство с ней. Она провокативна, ярка и занимательна, чем и отлична от многих скучнейших и вымученных монографий.

МУЖСКОЙ ШОВИНИЗМ И ФЕМИНИЗМ КАК ФОРМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОПРАВДАНИЯ НАСИЛИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ

*Статья подготовлена в рамках выполнения
и при финансовой поддержке
РФФИ грант № 07-06-00067-а*

Карен Хорни как-то весьма остроумно заметила, что «психоаналитическая картина женского развития ... ни на йоту не отличается от типичных представлений мальчиков о девочках» (1, 28). Это удачная метафора для характеристики не только психоаналитических представлений о женщинах, но вообще мужских теоретических представлений. Тому, правда, есть объяснение историко-цивилизационным андроцентризмом: и мальчики, и мужчины социализируются и «очеловечиваются» в патриархальном ментальном контексте, когда ощущения себя «мужчиной» и «человеком» по умолчанию тождественны. Девочка, женщина здесь не могут не быть «мальчиками с отклонениями», «почти тоже людьми», в крайнем случае «Другими».

Но вот девочки стали пытаться думать самостоятельно, критиковать и заявлять о том, что они вовсе не мечтают посвящать всю свою жизнь ублажению мальчиков. Это вызывает подростково-болезненную реакцию мужского шовинизма: «эти дуры должны знать свое место». Справедливости ради следует сказать, что в том же духе подростково-бескомпромиссного противостояния выражают свои открытия и наиболее решительные девочки: «мальчишки все дураки и вообще можно без них обойтись». Но думают и рассуждают при том «как мальчишки», а наиболее умные из них (К. Хорни, Симона де Бовуар) как «их мальчишки» (З. Фрейд, Ж.-П. Сартр).

Когда я сталкиваюсь с выражениями типа «битва полов», «противостояние двух биологических классов в человечестве», я лишь улыбаюсь «красным словцам». Реально силы половой гравитации господствуют, имея, как и в физической природе, преимущественно положительное выражение. Однако имеет место, и это также несомненно, гендерное противостояние: сшибка теоретических представлений о ценности и функциях полов в жизни человечества как выражение охранительной рефлексии мужского сознания и эмансипационной женской рефлексии, представляющей в понятиях трудные и противоречивые процессы «очеловечивания женщины» последних двух столетий.

Аналогия развития человеческого мышления в какой-либо области теоретической деятельности со становлением детского через подростковое во взрослое применялась уже не раз. Используем ее и мы. Детское, или мифологическое, мышление экстраполирует себя, свою душевность на «мир», понимая полученное в итоге как один взаимосвязанный, взаимопереходящий универсум. В отношении понимания «полового состава» мира в детском периоде осмысления гендерной ситуации господствовала экстраполяция мальчишеского самосознания на понимание «мира полов», где девочка, женщина интерпретировалась как вынужденно ухудшенная (задачами биологического воспроизводства) вариация мужской базовой модели. Так продолжалось до новейшего времени, до которого собственно-то и «гендера» не было, а был лишь один пол.

Второго пола как бы и не было – ни в культуре, ни в теоретико-идеологических выражениях. Но вот он появляется, с трудом разлепляя онемевшие от тысячелетнего молчания уста, заявляя о своей непохожести, отдельности, требуя политического и ментального равноправия. Вот тогда и появляется «гендер» – выговоренные, концептуализированные в явности теории представления о реальных социальных статусах, ценностях полов. Из детской фазы «мужского универсализма» гендерное мышление переходит, по диалектическим закономерностям а la Гегель, в подростковую фазу саморасщепления на имманентно конфронтрующие половинки (я – не-я, мы – они, мужчины – женщины). Последние два века дают обильный материал для подтверждения подобного тезиса. Подростковый экстремизм имманентен в развитии мышления как исходная жесткая фиксация отличительности для последующего синтезирования. Именно с этой точки зрения здесь и будут рассматриваться теории мужского шовинизма и радикального феминизма как формы исторического развития мышления: предельного заострения одних естественных черт как «недостатков» и гипертрофии других как «достоинств». Снятие интенсивности враждебности, деконструкция привилегированности позволит перевести богатейший гендерный идентификационный материал, присутствующий в обоих противостоящих лагерях «биологических классов», в более спокойную стадию зрелого синтезирующего мышления, способного дать хотя бы предварительную картину гендера с позиций антропологического подхода.

Традиция мужского шовинизма несравненно древнее, что вполне объяснимо мужским характером господствовавших стилей мышления и ценностей большинства человеческих культур до Нового времени. Женщина «не имела голоса»: своих форм, средств, субъектов выражения. Однако мужской шовинизм до недавнего времени носил фрагментарный и эпизодический характер: что говорить о том, что и так очевидно и ясно – об «ущербности и второсортности» женщин? Потому прямые женоненавистнические сентенции относительно редки: слишком незначительным признавался сам предмет рассуждений. Исключением, наверное, является лишь Македонский собор (585 г.), обсуждавший в числе других вопросов своей повестки дня вопрос о том, является ли женщина человеком. Внимание мужчин-философов к проблеме взаимоотношения полов активизируется лишь в последние два века и то под влиянием феминистской активности, которая вызвала в целом разноречивую реакцию. Ницше, Зиммель, Шпенглер, Дюркгейм, Сартр и другие высказывались в разных местах по этому поводу. Однако в большей степени ясности и систематичности «мужская философская позиция» была изложена, как мне представляется, Фрейдом и Вейнингером. Именно они концептуализировали и теоретизировали настроения и представления мужского шовинизма – по крайней мере, для первой половины XX в. Их теории мужского превосходства и будут основным «эмпирическим объектом» для описания «архетипов» мужского шовинизма.

История феминизма, традиции женского самоосознания своей антропологической специфики, более скромна. Ее зарождение относят к эпохе Просвещения (трактаты Кристины де Пизан и Корнелиуса Агриппы). Потом в контексте европейских революционных событий были произведения Олимпии де Гуж («Декларация прав женщины и гражданки», 1792 г.) и Мэри Уолстоункрафт («О подчинении женщины») и движение суфражисток за избирательные права. Все же подлинное появление рефлексии женского разума связано, как мне представляется, с деятельностью двух теоретиков: Карен Хорни (цикл

работ в 20-30-х гг. XX в.) и Симоны де Бовуар («Второй пол», 1949 г.). Собственно же «спарринг-партнером» для Фрейда и Вейнингера выступают идеи радикального феминизма, который, как и мужской шовинизм, «раздувает» и культивирует особенное, отличное в позициях, что и делает его удобным для уяснения и простоты понимания. Радикальный феминизм – это «теория женская, для женщины и разработана женщинами, базируется на собственном опыте женщин и их восприятии» (2, 188). Речь идет об идеях К. Миллет, Р. Брайдотти, А. Рич, Л. Иригари, С. Файерстоун, Ю. Кристевой и др.

При рассмотрении этого типа экстремистских мировоззрений в глаза бросаются две особенности. Первое – их почти «зеркальная симметричность». Такое впечатление, что говорит один, но двумя различными голосами (из серии «перебранка на кухне»). У них во многом общая, на одних основаниях, спекулятивная метафизика (с переключением соответствующих «+» или «-») и технология аргументации. И действительно, что есть «свой пол» в отдельности, представитель определенного пола знает не понаслышке и исподволь – вся разница «в подаче материала». В основе подобного феномена «зеркальной симметрии» – «роковое», андрогинное единство. Это позволило мне использовать аналогичный способ изложения основных положений «андрогинного полового экстремизма» попарно: как оно у мужских шовинистов и как оно у радикальных феминисток.

Вторая особенность: смысловой фокус конфронтации внутри «рокового единства» – властное позиционирование в основных формах полового взаимодействия: любви, секса, репродукции. Существующая биолого-антропологическая видовая конституция устанавливает парный характер репродукции и ее высочайшую императивность. В то же время императивы к репродукции имеют очень разнящиеся физиологические и психологические основания в телесных структурах мужских и женских организмов, которые порождают весьма разные, трудно соизмеримые стили существования и мышления. Что на самом деле желают и думают «Другие» (мужчины или женщины) представителю определенного пола угадать весьма трудно. Однако удержать партнера противоположного пола жизненно необходимо, поэтому надо поставить его в некую зависимость от себя, иметь рычаги контроля. Главный вопрос всякой политики (в том числе и половой) – вопрос о власти.

Итак, каковы особенности функционирования экстремистской мировоззренческой схемы (раскол – конфронтация – трансцендирование) в отношениях между полами? Рассмотрим ключевые положения «зеркальной симметрии».

Первое из них, которое собственно и рождает экстремистские воззрения относительно полов, это убежденность в «непроходимой космической противоположности между сущностью мужчины и женщины» (3, 279), где «любовь – в своих средствах война, в своей основе смертельная ненависть полов...» (4, 727). Почему так? Что является тому причиной? На сей счет выдвигаются два принципиальных объяснения, которые разработаны и шовинистами, и радикальными феминистками.

Первое объяснение, которое можно квалифицировать как «биологический детерминизм», исходит из тезиса: человечество расколото на два совершенно разных в физиолого-анатомическом отношении «класса», что и определяет существующее положение дел – «анатомия – это судьба» (3. Фрейд).

Застрельщиком биологического детерминизма в объяснении половых ролей «мужчины» и «женщины» выступил 3. Фрейд, определивший его важнейшее, наи-

более обсуждаемое и привлекающее внимание измерение: все дело в сексуально-анатомических различиях и специфике сексуального функционирования. Это породило интенсивное противостояние между мужчинами-теоретиками, с удовольствием принявшими идеи Фрейда, и женщинами-теоретиками, лишь во второй половине XX в. сумевшими внятно сформулировать заслуживающие внимания возражения. Нет смысла убеждать кого-то в особой значимости этого «участка идеологической борьбы» для обоих полов.

Норма сексуальности по Фрейду – мужская, связанная с функционированием пениса, женская сексуальность вторична и подражательна как в индивидуальном развитии (детство), так и в культуре. Наступательность, самодисциплина, рационализм, творчество производны от активно ищущей, вторгающейся роли мужского начала доминирования (покрытия) и садизма.

Половина человечества, полагает Фрейд, недовольна своим полом, испытывая сильнейшее чувство обиды на природную несправедливость и зависть к пенису. Даже материнство есть своего рода сверхкомпенсация женщины в этом «комплексе маскулинности».

Женщина есть сама сексуальность, приложение к мужчине, его секс-функция, но та функция, которая хочет поработить своего создателя. «Половой акт есть высшая сущность женщины, которую она везде хочет осуществить», – присоединяется к Фрейду О. Вейнингер (3, 287). Когда мужчина стал сексуальным, он создал женщину. Женщина в той мере обладает существованием, в какой мужчина – сексуальностью. Женщина хочет, чтобы он всецело превратился в фаллос, поэтому она сводничает. Мужчина создал и создает женщину, пока сохраняет свою сексуальность. Он дал ей сознание, он дает ей и бытие. Не отказываясь от полового акта, он вызывает к жизни женщину. Женщина есть первородный грех мужчины.

Женщина самой «своей фиксированной природой, детерминированной ее несчастливой сексуальной анатомией» (Ж.П. Сартр), обречена более на «растительное существование» (О. Шпенглер), роль «объекта», «материи», связанную с оплодотворяющим господином-фаллосом (О. Вейнингер). Потому мазохизм – изначальная сила в психическом развитии женщины. Все, что нужно ей в половом акте – это быть изнасилованной, что нужно ей в психической жизни – это подвергнуться унижению. Менструация, подпитывая мазохистские фантазии, имеет для женщины большое значение, так же, как и роды. Радости материнства, поскольку они включают в себя опеределенные жертвы и заботу о детях, представляют собой затянувшееся мазохистское удовлетворение. Потому женщины обречены в той или иной степени на фригидность, если при половом акте не чувствуют себя изнасилованными, обиженными или униженными. Отсюда подсознательное стремление к подчинению, зависимости, эмоциональная инфантильность.

Такие уничижительные, шовинистические характеристики не могли не вызвать адекватной негативной реакции у женщин. Ее начало – «бунт на фрейдистском корабле». Карен Хорни, оставаясь еще в целом правоверной фрейдистской, усомнилась в том, что «женщина, физически созданная для специфически женских функций, в психическом отношении детерминирована желанием иметь атрибут другого пола» (1, 220). Скорее сама подобная «психология женщины» – это «отражение мужских желаний и разочарований». Похоже, что именно К. Хорни в серии своих докладов в 20-30 гг. XX в. наметила основные тенденции развития последующих теоретических изысканий в феминизме: антропологические, а не сексуальные детерминанты, порождающие особеннос-

ти мужского и женского бытия; социокультурные факторы, предрасполагающие к женскому мазохизму (прообраз теории патриархата). Но следует сказать о тезисности этих положений, т.к. основной акцент Хорни сделала на «симметричный» ответ Фрейда.

Фрейд утверждает, что женщины – завистливые и неуверенные в себе существа? Так это компенсируется, уравновешивается такими же качествами у мужчин. Мужчины бессознательно чувствуют свою случайность, мимолетность перед репродуктивным величием, настоящим физическим бессмертием женщины. Она приводит примеры «феминного комплекса» у мужчин – зависти к беременности, деторождению, материнству, к женской груди и кормлению грудью. Мужской импульс к творчеству есть сверхкомпенсация ощущения относительной незначительности собственной роли в сотворении живого существа.

Подчиненное положение женщины Хорни объясняет страхами мужчин. Первый из них атавистически-животный, иррациональный, второй – рациональный. Хорни обратила внимание на различие в видовом смысле секса для мужчины и женщины. Для женщины соитие есть потенциальное создание новой жизни, мужчина же наряду с желанием завоевания имеет тайное для себя стремление прекратить существование в акте воссоединения с женщиной (потенциальной матерью). Достижение предельной, видоантропологической цели существования и смерть в победе (генетическая память о самках, убивающих самцов после оплодотворения), в апофеозе. Воля к жизни реагирует тревожностью, страхом перед женщиной на такое подспудное стремление.

Страх рациональный проистекает из осознания чуждости и неконтролируемости желанной сексуальной половины. Она, с одной стороны, всегда потенциально сексуально сильнее мужчины, вампирически его истощая, с другой стороны, сексуальный голод ею не владеет в той же мере, как мужчиной. «Во время полового акта мужчина должен доверять свои гениталии женскому телу ... дарует ей свое семя и воспринимает это как передачу женщине своей жизненной силы, по аналогии с прекращением эрекции после коитуса, которое рассматривается как свидетельство ослабления женщиной» (1, 69). Здесь «другая экономика желания, опрокидывающая линейность проекта, неутолимый голод, ненасытность» (Л. Иригари). С этим мужчина ничего не может поделать, лишь загнать эту другую «экономику желания» в рамки «женской стыдливости», сформировать комплекс вины за «необузданность» и «животность» как превентивные культурные меры, компенсирующие несоизмеримость сексуальных анатомий.

Известно, что большинство женщин менее зависимы от сексуального аппетита, их жизненная энергия в большей степени идет на обеспечение постоянной готовности к репродуктивным процессам (ежемесячные физиологические перестройки организма женщины) и в меньшей мере на сексуальность. У мужчин же львиная доля жизненной энергии, особенно в цветущем возрасте, идет в сексуальность. Мужчина потому жизненно заинтересован поставить женщину в зависимость, т.е. в кондиции «доступности», «пассивности» и «ожидания».

Однако то, что у Хорни более походило на защиту, в 70-90 гг. XX в. приобрело характер мощной феминистской контратаки на мужской биологизаторский шовинизм. Причем дело не ограничилось навешиванием ярлыков о «паталогичности», «глубокой невротизации» мужчин, которые практически все прямые либо потенциальные убийцы и насильники (5).

Были предложены теоретически оригинальные концепции женской биоантропологической специфичности

(Л. Иригари, А. Рич, В. Брайдотти). Рич и Иригари ввели в фокус своей осознанно женской рефлексии (попытка отказа от «мужских терминов») «свою совокупную телесность», а не «волю и сознание» как у мужчин-теоретиков, пытающихся выявить «субъективность». «Я пришла к убеждению, – пишет А. Рич, – что женская биология – диффузность, интенсивная чувствительность, излучаемая клитором, идущая от груди, матки, вагины; менструальный цикл, осуществление жизни, которое может иметь место в женском теле, – имеет гораздо более радикальные последствия, чем мы могли подозревать до сих пор» (6, 179).

Однако этим дело не ограничилось и симметрично мужскому биологизаторскому анализу радикальные феминистки делают сексистские экстраполяции отталкиваясь уже от «своего сексуального инструмента». Если мужчины гордятся своим пенисом, то почему нам не гордиться своим органом, который столь же важен для формирования женского самочувствия, женской субъективности, как «их орган» – для мужчин?

Иригари живописует «фаллоцентризм» современной цивилизации, в которой господствующая, по сути дела единственная, сексуальность формируется соперничающими мужчинами в определении у кого «самый сильный» пенис, у кого «тверже» или даже кто «дальше всех ссыт» (как в состязаниях мальчиков). Вагина, полагает Иригари, воспринималась как «недостаток», «атрофия» пениса, скорее «пристанище» последнего. На деле же именно вагина – исток и тайна более древнего, особого типа сексуальности, «другой экономики желания». Женская сексуальность – «это чрезвычайно древняя цивилизация», «должна иметь другой алфавит, другой язык».

Основная характеристика женского типа сексуальности, как полагает Иригари, – *аутоэротизм*. Мужчине, чтобы коснуться себя, нужен инструмент – рука, женское тело, язык и пр. Женская сексуальность зависит от прикосновения. Женщина касается себя собой, без всякого посредника, до того, как возникает возможность отделить активность от пассивности. Женщина «касается себя» все время, более того, никто не может запретить ей делать это, поскольку ее гениталии – это две губы в постоянном соприкосновении. Потому она в себе – это двое, неразделимые, ласкающие друг друга. Этот аутоэротизм прерывается насильственным вмешательством: грубым разделением губ врывающимся пенисом, вторжением, сбивающим и отстраняющим женщину от такого самодовольствования.

Из столь впечатляющей картины следовали серьезные метафизические выводы: мужчины-то вообще женщинам и не нужны, особенно если усовершенствуется техника «банков спермы». «Не нужны», поскольку их сексуальность не органична, не естественна для женской, деструктивна для нее. Здесь Иригари все же не была «первопроходцем», ибо еще в 1970 году Анна Коедт опубликовала книгу «Миф о вагинальном оргазме», где сделала революционное открытие о том, что источником женского сексуального удовлетворения является клитор, потому для удовлетворения не требуется проникновение пениса. Книга «вызвала большое волнение в некоторых феминистских кругах» (2, 220).

«Политически корректными» были признаны лесбийские отношения, в которых происходит максимизация отрицания мужского подавления. Впрочем, такой гомосексуальный «половой маневр» не нов. Как известно, еще в Древней Греции его уже совершали «философы» и «наиболее продвинутые» женщины с о. Лесбос.

Вернемся все же к описаниям Иригари, тем более, что она пытается концептуализировать то, что действи-

тельно недоступно теоретикам другого пола.

«Фалломорфная» цивилизация конструирует сексуальность, основанную на визуальности:

~ «мужчина любит глазами» и требует от женщины обнажения и определенного поведения, возбуждающего по «сценарию» (сочетание показной стыдливости и провокации);

~ цивилизационно «привилегированный орган» демонстрируется, культивируется, его форма фетишизируется.

Вагине нечего демонстрировать, ей не достает собственной формы, но именно поэтому женщина получает свое аутонаслаждение. Женщина – «ни одно, ни два», ее сексуальный орган, не являющийся одним органом, считается ничем. Это-то и порождает, утверждает Иригари, «более сложную и утонченную», диффузную женскую сексуальность. Сексуальные органы у женщины практически повсюду, она получает наслаждение практически отовсюду. И далее следует вывод: из особой сексуальности следует особое мироощущение (миропонимание), резко отличное от «мужского рационализма». «Поэтому бесполезно ловить женщин в точном определении того, что они подразумевают, заставляя их повторяться, чтобы стало яснее; они уже ускользнули в другое место дискурсивной машинерии отсюда, где вы рассчитывали их накрыть. Они вернулись внутрь себя. Что не следует понимать так, как будто – внутрь вас. Их внутреннее пространство отличается от вашего (мужского. – В.К.), от того, что, как вы полагаете, им свойственно. Внутри себя означает в *интимность того безмолвного, множественного, диффузного касания* (курсив Иригари). Спросите настойчиво, о чем они думают, и они могут ответить лишь: Ни о чем. Обо всем» (7).

Иригари права в том, что биологический детерминизм в «мужском исполнении» действительно выводит большинство качеств, маркированных как «общечеловеческие» – «субъективность», «я» – из своего пола, тела, в узком смысле из специфической половой активности (тестостерона). Мужчина – «соль земли», квинтэссенция человеческого как такового, что выражается в его «воле к ценности», в стремлении к нравственности и смыслу. Вейнингер здесь один из немногих, кто внятно и откровенно сказал то, с чем согласно большинство мужчин-мыслителей, но что выражать столь обнаженно, особенно в последние 100 лет, не принято по мотивам либеральной политкорректности.

Мужчина – субъект рационального мышления и нравственности, женщина же лишена души и умопостигаемого «я» (3, 295). Она глубоко аморальна и как «проститутка», и как «мать» (ей безразлична индивидуальность ее ребенка по нравственной шкале), потому что она находится «по ту сторону», «вне» морали, ее функции глубоко биологичны. Она либо «эmissар полового акта» как проститутка, либо эmissар рода, продолжения любого существования и любой ценой (3, 319).

Но если к женщине неприменимы критерии интеллектуальности и нравственности, то как же объяснить явления добродетели, воздержания и интеллекта среди женщин? Только *мимикрией*, подлаживанием под мужчин. Вторая главная душевная черта женщин после сводничества (стремления завлечь мужчину, связать его чувствами вины и обязательств) – *рецептивность*. Женщины насковзь бессознательно проникаются взглядами и ценностями мужчин. С этим, кстати, соглашаются и радикальные феминистки, говоря о «правилах, встроенных в субъективность женщины, чтобы она стала субъектом, пригодным для восприятия и воспроизведения своей дефективности» (5, 151).

Женщина приобретает «мужскую личину», подделываясь под господствующие стандарты и ценности. Но это не проходит для нее бесследно, поскольку возникает противоречие между «личной», обряженной в ценности и ее животной, иррациональной, внеценностной подлинностью. Ее постигает кара – истерия. «Истерия есть органический кризис органической лживости женщины» (3, 293).

Да, мы истеричны – принимаем спустя десятилетия вызов Вейнингера радикальные феминистки, это есть хорошо. Люси Иригари полагает «истерию» в качестве ключевого концепта, описывающего женскую субъективность «как таковую» в условиях мужского господства. Чувственность, «разлитая» по всему телу, диффузность ощущений порождает децентрированную субъективность. Также эта субъективность несет на себе печать извечного подчинения и активного сопротивления сложившемуся статус кво. Истерия – это активный женский отказ от того, что от нее ожидается, ответ на аннигиляцию ее как активного субъекта. Истерия, проявляемая через эксцесс, это пародия (обман, коварство, женская уловка, двойное дно, флер) на то, что ждет мужская культура. Симулируя выполнение требований, истеричка удовлетворяет свои желания.

Рози Брайдотти находит более нетривиальный термин для описания специфики женской субъективности, принципиально отличной от мужской. Женщина – это *номадическая* (кочевая) субъективность (8), репрезентированная не через волю и мышление, а через телесную структуру (желание + сексуальность в духе Ж. Делеза). Это не одна, «стационарная» сущность, а постоянное движение, пересечение разных женских опытов, «практик», где стабильное, закрепленное – условно. Также транзитивно и пространство отношений женского «я» и «Другого».

Описание мужской субъективности противопоставляется как «образ врага». Отечественная радикальная феминистка Т. А. Клименкова утверждает: «Настоящий мужчина – это патологизированный индивид, который культивирует садомазохистскую порноинтерпретацию половых отношений, агрессивность и насилие, стремится к разрушению закона и создает «горячие точки» на планете. Это существо, «отмеченное печатью постоянного недовольства собой, мужчина должен иметь глубокое, хотя и тщательно скрываемое чувство несамоадекватности ...» (9, 137).

Биологический детерминизм все же методологически неудобная позиция для радикального феминизма: слишком уж очевидны анатомические, «судьбоносные» отличия женщин от мужчин. Слишком очевидно, что «самка» подчинена видовой функции размножения в большей степени. Слишком явственно «бремя, накладываемое на женщину ее репродуктивной функцией» (10). Все это можно оспорить, если перейти на другую методологическую позицию: *анатомия не судьба, женщиной не рождаются, ей становятся* (С. де Бовуар). Все человеческое – социально, конструируется, производится, устанавливается обществом. Радикальный феминизм экстремализовал это положение, отождествив «социальное» с «политическим» (даже «личное – политично!»).

Денатурализация, деобъективация пола, «половых различий» субъективизирует, политизирует отношения между полами. Одновременно это создает благодатную почву для самых смелых проектов преобразований и революций. Если все человеческое имеет преимущественно «социальный характер», даже «политичный», то все оказывается пластичным, лепким, Все можно переделывать: то, что считалось «мужским» или «женским» – это

временные, исторические модальности, которые можно как угодно перекроить – появляется столь необходимая для нонконформистов перспектива. Это наиболее удобная, органичная для радикального феминизма позиция и в 60-70 гг. на нее переходит большинство теоретиков-феминисток. Тем более, что если в антропологических, социобиологических исследованиях, базирующихся на фактичности природных обстоятельств, сильны традиционные маскулинные установки, то в социальных исследованиях эмансипационной ориентации преобладают, начиная с Маркса, отчетливые эгалитаристские настроения.

Переход на позиции «социальной установки» в объяснении истории взаимоотношений мужчин и женщин произошел в форме изменения самого субъекта феминизма. Из «кабинетного» либо «досужего» занятия отдельных, нонконформно настроенных женщин высших и средних классов богатых стран он превратился благодаря женской, протестной составляющей молодежных движений 60-гг. XX в. в самостоятельную субкультуру, состоящую сегодня из целой мозаики многих «женских практик». Из студенческих групп взаимопомощи феминистское движение перешло и в другие социальные слои, пытаясь объединить и диверсифицировать «женский опыт», сформировать женскую коллективную идентичность, «сестринство». В этом явно позитивная роль радикального феминизма, которая собственно и смогла состояться благодаря его радикализму. Привлекает, запоминается, убеждает или отвращает резкая, отчетливая, конфронтующая позиция.

Итак, «поле битвы» между мужскими шовинистами и радикальными феминистками поменялось: с особенностей половой и сексуальной анатомии, «сексуальной экономики» на социально-исторические особенности общественных конструктов, ролей, играемых мужчинами и женщинами. Это сразу обеспечило качественное и количественное превосходство радикального феминизма, тем более при наличии мощных мужских союзников: марксистской традиции и структуралистского движения (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида). На этом поле, безусловно, доминирует радикальный феминизм, т. к. так называемые «мужские исследования» (в теоретическом пространстве концепта «гендера») начались только недавно. Бесспорное завоевание и мощный арсенал теоретических средств, аргументов – создание теории «патриархата». Вместе с тем, при несомненной эвристичности основных положений она «демонизована» радикалистскими настроенными женскими умами, превратившись в очередную «революционную идеологию» (а la марксизм, с похожей же судьбой).

Принципы социальности и историзма человеческих явлений, молчаливо поддерживаемые авторитетом Г. Гегеля, К. Маркса и структурализма, определяют собой основания нового, альтернативного и не менее убедительного мировидения, оспаривающего естественность и неустранимость различий между полами. На них и строится теория патриархата, определенная в своих исходных основаниях Кейт Миллет и активно разрабатываемая ее многочисленными последовательницами.

Гиперсоциализация и политизация – две оси координат теоретического пространства теории патриархата. Различия между мужчинами и женщинами лишь биогенитальны, однако все социокультурные характеристики (в том числе и пресловутый водораздел: агрессивность – пассивность) общественно формируемы по идеологическим интересам власти и выгоды. Ключевые концепты теории патриархата: «гендер» и собственно «патриархат». Половые отношения социально конкретны, историчны,

формируемы, изменяемы, находятся на перекрестии невидимой непрерывной политической борьбы.

Эти смыслы и образуют понятие «гендер» – социальный конструкт, организованная модель отношений между полами в основных сферах общества. Основные ингредиенты гендера имеют бессознательно-принудительный характер «ролей», «стереотипов»: так заведено, так «естественно». Гендер – социально-генетическая программа, социальная «машина» производства смыслов о «женщине» и «мужчине», создана полуосознанно на заре истории, но поддерживается, воспроизводится идеологическими и властными интересами вновь вступающих в жизнь поколений. Концепт «гендера» – прорывное открытие для социологии и антропологии. А вот в отношении концепта «патриархата» это сказать затруднительно из-за его радикальной политизации, которую всерьез разделяют немногие представители «с обеих сторон» – слишком все же велика и величественна соединяющая сила полового притяжения, на коей держится род.

Патриархат определяется К. Миллет как «такой институт, где одна половина населения (женщины) контролируется другой (мужчины) ... означает двойное господство: мужчины – над женщиной, и старших – над младшими» (11, 150). Сам тезис о патриархате не нов, а разработан теоретиками-мужчинами. Одними из первых его ввели в активный интеллектуальный оборот в конце XIX в. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда». У Дюркгейма это положение имеет расплывчатую характеристику разделения «полового труда» и разделения, мы бы сказали, «экзистенциального».

Настоящим отцом патриархатной теории можно считать Ф. Энгельса, который за 27 лет до Дюркгейма уже говорил о генезисном значении разделения труда для появления современной цивилизации. Однако он четко указывает на значимость профессионального разделения в материальной сфере жизни, выдвигает тезис об «историческом поражении женского пола». Речь идет о переходе от присваивающего хозяйства к производящему в форме земледелия и скотоводства, которыми занимался мужчина. Это создало новую собственность и новую стратегическую ситуацию в отношениях между мужчиной и женщиной.

Энгельс, по сути, и сформулировал главные методологические идеи «теории патриархата»: антагонизм и непрерывная социально-историческая борьба между полами. Однако у Энгельса данные идеи периферийны, отражая сопутствующие факторы главных движущих сил истории – развитие материального производства и борьбу общественных классов за собственность и власть. «Теория патриархата» – калька марксистской схемы, где место «общественных классов» занимают «биологические классы». Тот же непримиримый, конфронтующий настрой к «угнетателям и эксплуататорам», требование мести, «крови». Взаимная симпатия левой интеллигенции, марксизма, структурализма и феминизма общеизвестны и имеют вполне явственную мировоззренческую общность.

Без преувеличения можно сказать, что «теория патриархата» – основной символ веры современного радикального феминизма. Мужское угнетение (патриархат) носит тотальный, всепроникающий характер, оно фундаментально антагонистично (все, что кажется не таковым, даже «любовь» – мужской иезуитизм), не реформируемо, только уничтожаемо. Собственный вклад «теории патриархата»: демонстрация того, «где» (везде) и «как» (очень зверски) осуществляется угнетение женщин, со-

здание образа врага-мужчины, врага уже по своей половой принадлежности.

В отношении причин появления патриархата после Энгельса вряд ли что можно добавить, разве что заострить внимание читателей на «способности мужчин к изнасилованию», осознанию своей роли в рождении ребенка и коварному использованию физической слабости женщины во время беременности и грудного кормления – предполагается, что именно в это-то время злодей и захватывает власть.

Собственно структуру патриархатной теории в общем виде можно представить состоящей из двух «блоков»:

- описание и критика существующего положения вещей;

- определение стратегии преодоления («трансцендирования»).

Патриархат покоится на «трех китах»: патриархатном разделении труда (внешняя колонизация), патриархатной социализации и инкультурации (внутренняя колонизация), сексуальной эксплуатации.

Патриархатное разделение труда – это такая система распределения видов деятельности между полами, в которой собственно продуктивная деятельность отводится мужчинам, а деятельность, направленная на поддержание функциональности человеческого организма (так называемая «домашняя работа»), и репродукция – женщинам. Такое разделение представляется «антропоестественным фатумом» женщины даже классикам феминизма. Симона де Бовуар с заметной долей горечи констатировала, что «мужчина в своей продуктивной деятельности трансцендирует свое животное состояние. Женщина – пассивно претерпевает свою биологическую судьбу, ибо рожать и кормить – это не деятельность, это естественная функция» (10, 94-95).

Однако феминистки 60-70 гг. справедливо поставили вопрос о статусе и стоимости домашнего труда женщин. Действительно, хотя он, как правило, не учитывался в теориях классической политэкономии, однако он столь же значим для индивидуального человеческого существования (если не «более»), как и труд, учитываемый через рыночные механизмы. Домашнее хозяйство оказалось «социально недоуверенным», а гигантские потребительские стоимости, производимые в этой сфере, не оцененными.

Только современное развитие сферы домашних услуг дает первое приближенное представление об их реальной стоимости, заниженное, правда, использованием труда иммигрантов и инерцией привычки (сами сделаем). «Брак, – как отмечает Кристина Дельфи, – это трудовой контракт, посредством которого мужчина эксплуатирует женский труд и экономически становится ее хозяином» (2, 206).

Труд женщины не оплачивается и при том она выталкивается из публичной социальной сферы, ее соревновательные шансы на рынке труда с каждым «семейным годом» падают. Экономическая зависимость влечет за собой эмоциональную зависимость. Женщина ограничивается сферами жизни, которые в основном построены на эмоциональных связях: семьей, религией, благотворительностью (1, 148-149).

Семья как удел женщины в патриархатном разделении труда оказывается «основным общественным институтом, где эксплуатируется женский труд, где сексуальная мужская власть выражается в виде насилия и где усваиваются гендерные образцы для подражания» (2, 205). Причем последнее, внутренняя колонизация умов маленьких девочек, оказывается определяющим в воспроизводстве «дефективной» женской субъективности,

мужское дисциплинирование ее духа. Предполагается, что именно в семье формируются нормативные представления о таких качествах женщин, как «низкий интеллектуальный уровень, склонность к чувственному удовлетворению, примитивная, детская эмоциональность, влечение к сексу, самодовольство, притворная беспомощность, мошенничество» (11, 170).

Семья как патриархатный институт более всего подавляет женщину посредством ее принуждения к осуществлению репродуктивной функции. Половая любовь и рождение детей – стержень угнетения женщины. Если многие женщины, услышав такое, скажут, что эти рассуждения абсурдны и, напротив, это смысл «женского счастья», то радикальные феминистки ответят: вот в этом-то и «иезуитизм патриархата», который внутренне оккупировал женское сознание и манипулирует им – они не знают, чего хотят «по истине», а «мы знаем».

Не все, но многие радикальные феминистки, начиная с Бовуар, негативно относятся к беременности, рождению и выращиванию детей как к унижительному и угнетающему виду деятельности, от которого ее надо освободить. Беременность, полагает Суламифь Файерстоун, не является удовлетворяющим и творческим опытом. Это «временная деформация тела индивида ради сохранения вида», рождение ребенка попросту болезненно («как тыкву выкакивать» – сказала ей подруга), а с сопутствующим собственничеством и эмоциональным манипулированием по отношению к ребенку оно психологически вредит как матери, так и ребенку (12, 189).

Социально-экономическое и ментальное всепроникающее давление формируют «порнографическую сексуальность», где женщина – объект, покорная жертва, наслаждающаяся мужским насилием и собственным страданием. Подобные обстоятельства определяют враждебное отношение радикального феминизма к гетеросексуальным связям как к отношениям сексуальной эксплуатации и культивированию лесбиянства в качестве «политически корректного». «Только в системе угнетения, являющегося мужским главенством, угнетатель фактически внедряется в тело угнетенной и колонизирует его ... Проникновение есть акт огромного символического значения, посредством которого угнетатель входит в тело угнетаемой ... функцией и результатом его является наказание и контроль женщины ... каждый акт пенетрации для женщины представляет вторжение, подрывающее ее уверенность и истощающее ее силы ... Мужчины – враги, гетеросексуальные женщины – пособницы врагов» (12). Естественное отношение женщины и мужчины оказалось с точки зрения радикального феминизма лесбийской ориентации «неестественным», это всегда изнасилование, жестокость, в лучшем случае эмоциональная зависимость.

Таковы основные смыслы «описательного» блока патриархатной теории радикального феминизма. Что же предлагается сделать, дабы устранить, изменить, преобразовать, выйти за пределы подобного положения вещей? Или же, говоря философским языком, «каковы направления трансцендирования?» Радикализм потому и называется радикализмом, что дает такую картину мира, такое описание положения дел, которое бесперспективно для реформирования, кропотливого изменения. Свой недостаток терпимости, понимания, выдержки, способности к компромиссам и к совместной работе «они объективируют и концептуализируют» в чертах «злобности, жестокости, коварности» врага, пытаясь лишить его основных гуманистических признаков. Это оправдывает их радикализм, сообщает им высокий смысл «борцов, авангарда нового, защитников». Именно на-

строй на трансцендирование существующего социоисторического порядка является главным, решающим признаком любого вида радикального сознания. Это в равной степени относимо и к мужскому шовинизму, и к радикальному феминизму.

Мужской шовинизм и радикализм собственно и являются в виде резко негативной реакции консервативной части мужчин на феминизм. Если ранее просто отсутствовали поводы для «выговаривания», «все и так было ясно», то при появлении женского эмансипационного движения философы-мужчины, занимающиеся в той или иной степени антропологическими проблемами, не преминули высказать свое, как правило, резко отрицательное, отношение к «неудачным бабенкам» (Ф. Ницше).

«Эмансипация женщины» – это инстинктивная ненависть *неудачной* (курсив Ницше), т. е. неприспособленной к деторождению, женщины к женщине удачной – борьба с мужчиной есть только средство, предлог, тактика» (4, 727).

Феминизм, полагает теоретик мужского шовинизма Отто Вейнингер, – «это скорее эмансипация проститутки, чем эмансипация женщины ... мужественное выступление кокетки в женщине», хотя и «женщины все же люди и к ним следует относиться как к таковым ... мужчины и женщины имеют равные права» (3, 369, 375).

Чего здесь больше: высокомерия, страха, обиды, зависти, непонимания-ненависти? Вероятно, взвесь всех этих ингредиентов такая же, как и в аналогичных высказываниях радикальных феминисток о своих визави. Что-то все же у них фатально не получилось, не случилось человеческого счастья.

Мужской шовинизм, помимо естественной консервативной реакции, предлагает и варианты трансцендирования, наиболее яркий из которых предложил тот же Вейнингер. Вообще он во многом воспроизводит весьма распространенный во второй половине XIX – первой половине XX вв. мессианский утопический архетип, воплощавшийся в широком диапазоне от светских (Маркс) до религиозных (Н. Федоров) версий. Суть его:

▷ установление «конечных целей» мироздания, идеала, «как должно быть»;

▷ констатация вопиющего нарушения ранее установленного идеала;

▷ разработка радикальных стратегий трансцендирования.

Нечто подобное мы можем видеть и у Вейнингера в его версии «трансцендирования женщины» как главного врага не просто мужчины, а всего позитивного строя мироздания, его конечной цели. А «конечной целью является Божество и исчезновение человека в Божестве; целью является точное разграничение между добром и злом, между "нечто" и "ничто"» (3, 382). Женщина лишена разума и души, живет только инстинктами, она олицетворяет собой материю, материальное начало, начало конечности и бренности в противоположность духу и безграничному. Как и Н. Федоров, О. Вейнингер устанавливает метафизическую взаимосвязь между эросом, рождением и смертью. Если разорвать эту роковую связь посредством трансцендирования сексуальности (=женщины), то можно построить новый бессмертный духовный порядок, реализовать «идею человечества» как имманентной части бесконечного Божества. «Смерть будет существовать до тех пор, – вдохновенно пророчествует Вейнингер, – пока женщины будут рожать и правда сойдет не раньше, чем из двух не станет одного, из мужчины и женщины – третье. Самосущее, что не есть ни мужчина, ни женщина» (3, 381).

В существующем половом тандеме животная, материальная сторона – женщина, которая и есть «сексуальность». Именно ее необходимо «очеловечить», что будет одновременно «настоящей эмансипацией». Пути этого:

◆ воздержание для обоих полов, отрицание сексуальности, что освободит женщину от рабской покорности фаллосу;

◆ воспитание женщины следует вырвать из рук женщины, воспитание человечества – из рук матери;

◆ подчинение женщины нравственной идее, идее человечества.

А что предлагают радикальные феминистки? Лишь симметрично «трансцендировать мужчину». Вейнингер все же достаточно кроток в сравнении с наиболее мизогинными феминистками, всерьез рассматривавшими возможность «полного уничтожения мужского рода», что «стало бы желательным последствием улучшения технологии банков сперматозоидов» (2, 196).

Все же справедливости ради следует отметить наличие в радикальном феминизме двух вариантов «трансцендирования мужчины»: «жесткий» («сепаратный») и «мягкий» («андрогинный»).

«Жесткий» вариант включает в себя две стратегии: либо революцию и захват власти в обществе, либо революцию в форме отделения женской сферы существования от мужской. Женщина должна восстать и захватить контроль над средствами естественного воспроизводства: социальными институтами вынашивания и выращивания детей. Женская революция – окончательная человеческая революция, которая покончит с самой психологией власти. Суламифь Файерстоун провозглашает: пока женщины будут рожать – они с неизбежностью будут подавляемы и угнетаемы, потому будущее за внематочным размножением и новыми формами общественной жизни (12, 73, 21, 19). Материнство должно быть искоренено (Дж. Аллен).

Другие радикальные феминистки (А. Рич) не отказываются от материнства, но полагают, что оно должно быть «возрождено» на основе собственно материнских практик, а не мужских описаний и эспектаций. В любом случае мужчина здесь неуместен (развитие технологий искусственного осеменения и клонирования), женщина – девственная мать (Л. Иригари).

«Сепаратизм» означает отделение от мужской культуры и ценностей, формирование «женского производства»: феминистского искусства, духовности, кухни, экологии, репродукции, материнства, гендера и сексуальности. Поскольку же «корни» гендера и ценностей находимы в интимной, сексуальной сфере, то полное и подлинное освобождение от патриархата связано с лесбийской сексуальностью.

Во-первых, это «контролируемая женщиной сексуальность», где она может свободно реализовать все свои потаенные желания.

Однако важнее, и это во-вторых, что лесбийство – основа конституирования нового женского сознания, «сестринства» и преодоления патриархатной сексуальности с ее бинарностью «мужского – женского».

«Феминизм – теория, лесбиянство – практика», это не персональное, а политическое, эмансипационное решение. Гендерные различия, полагает Моника Виттиг, не имеют онтологической реальности и основаны лишь на отношениях власти: господствующая группа (мужчины, белые, богатые) маркирует подчиненную группу (женщины, черные, бедные) для оправдания собственного господства. Единственное средство подрыва принудительной гетеросексуальности – «радикальная лесбиянизация всего мира».

Симптоматично, что хотя мужской шовинизм изначально гораздо раньше, еще в античности («мужская любовь» в классической Греции), открыл для себя (и даже концептуализировал) подобный «половой гомоманевр» высказывания предельного презрения к противоположному полу, однако в дальнейшем он не только не пользовался популярностью в мужской среде, но стал рассматриваться как измена мужественности, дно падения мужчины. Геи самосознают себя и выступают в борьбу за равноправие как маргинализованная часть общества, а не как «альтернатива» или «проект переустройства».

«Мягкий» вариант трансценденции предлагается либеральным и «постструктуралистским» феминизмом. Современный либеральный феминизм не ограничивается идеей равенства. Это означает не что иное, как «подтягивание» женщин к «мужскому стандарту». Влияние радикалов сказалось в том, что и сегодня либералки понимают: инерцию и косность патриархатных структур невозможно преодолеть без их слома, трансценденции. Либералки выступают лишь за «цивилизованные» формы их преодоления и формирование «андрогиного общества», основанного на свободном выборе и самоопределении в семейной жизни и воспитании детей. Для этого необходимо: устранение разделения труда по половому признаку, уничтожение подчеркивания анатомических признаков и различий; профессионализация домашнего труда, его государственная оплата и пенсия (13, 70).

Радикалки-постструктуралистски (Ю. Кристева, Л. Иригари, Э. Сиксу) заявили, что это полумеры, если не будут изменены сами основы. И если фрейдистки ориентированные феминистки полагали, что все дело в сексе, то находящиеся под постмодернистским влиянием феминистки считают, что все дело в языке.

Так Юлия Кристева задается вопросами, которые можно сформулировать следующим образом: «Разница между полами есть и останется, бессмысленно «переворачивать» ситуацию патриархата и заставлять мужчин быть жертвами, но как можно устранить негативные последствия исторических форм закрепления этих различий? Каким образом мы можем сохранить разницу без жертвенности со стороны одного из полов?»

«Женский» постструктурализм полагает, что мужчины контролируют культуру, религию, язык и знания. То, что преподносится как «объективность», в действительности означает субъективное восприятие мужчин и не включает женский опыт. Люди действительно «думают по-мужски», необходимо переопределить реальность с женской точки зрения.

«Женщина не существует» (Лакан), поскольку она не имеет доступа к процессу формирования языка. Женские формы означивания маргинальны, его характеристики: поэтический, мистический, магический, истерический, иррациональный, «безумный» язык. Отсюда почти марксистский тезис: нужно изменить язык через радикальную деконструкцию патриархатного языка и построение нового феминистского дискурса.

Ю. Кристева утверждает - женская способность означивания отлична от мужской: первая - семиотическая, вторая - символическая. Женское тело может выступить основой специфически женственных способов мышления, не прибегающих к логическим формам и бинарным оппозициям «фаллоцентрической» мысли. Эти способы мышления основаны на женском опыте сексуального удовлетворения, рассеянного по всему телу, а потому способного быть источником чистоты опыта и ощущений (Иригари).

Итак, конфликтность и является тем реальным основанием, которое выражают мужской шовинизм и ра-

дикальный феминизм. Ясно, что путь определения «степеней виновности друг друга» или «борьбы» не магистрален в отношении полов, это есть лишь необходимый проясняющий момент. Симона де Бовуар полагает: истина в том, что порочный круг так трудно разорвать, потому что оба пола являются жертвами друг друга и себя. Новое женское бытие, продолжает она, должно быть не просто «равно» мужскому, что просто излишне как самоцель для большинства женщин (хотя и не возбраняется), а *духовно гомологично* ему. В конце концов в обоих полах разыгрывается одна и та же драма плоти и духа, ограниченности и трансценденции, оба терзаемы временем и находясь в ожидании смерти, они все равно сущностно нуждаются друг в друге и могут извлечь из своей свободы равное величие.

Список литературы

1. Хорни К. Самоанализ. Психология женщины. Новые пути в психоанализе. - СПб.: Питер, 2002.
2. Брайсон Валери. Политическая теория феминизма. Введение. - М.: Идея-пресс, 2001.
3. Вейнингер О. Пол и характер. - М.: ТЕПРА, 1992.
4. Ницше Ф. ЕСЕЕ НОМО. Как становятся собой // Соч. в 2 т. - Т.2. - М., 1990.
5. Клименкова Т.А. Философские проблемы неомифизма 70 гг. // Вопросы философии. - 1988. - № 5.
6. Rich A. Of Woman Born. Virago Press. - 1977.
7. Иригари Люси. Пол, который не единичен. <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/ftn1>
8. Braidotti Rosi. Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory. - New York. Columbia University Press, 1994.
9. Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. - М.: Academia, 2001.
10. Симона де Бовуар. Второй пол. Т.1. Факты и мифы. - М.: Прогресс, 1997.
11. Миллет, Кейт. Сексуальная политика // Вопросы философии. - 1994. - № 9.
12. Firestone S. The Dialectic of Sex. London. Women's Press. - 1979.
13. Некрасов С.Н. Феминистский постструктурализм: теория и практика // Философские науки. - 1991. - № 1.

**Миляшкина
Лариса Владимировна
ст. преп.**

НЕСПОСОБНОСТЬ К БЫТИЮ

Светлой и благодарной памяти Залмана Ароновича Атласа, мудрого и справедливого человека, у которого автор многому научился.

Мнимые силы, если люди принимают их за действительные, точно так же мощные, как и действительные.

А.И. Герцен

Бытие неподлинное не отличается по видимости от бытия подлинного. Как быть и как сохранить себя подлинному в окружении неподлинного?

А.Н. Павленко

Здесь вступаю на жгучую почву, но я давно опален и обстрелян. Огня не боюсь.

П.А. Вяземский

В последнее время много говорят о том, что главной болезнью нашего времени является вседозволенность и неспособность к бытию. Думается, что эта болезнь присуща не только нашему времени. Ведь любому обществу, любому человеку приходится жить и развиваться в условиях противоречия между должным и сущим, иначе человек перестал бы быть человеком. Противоречия бывают и очень болезненными, но только преодолевая эти трудности и может формироваться человек. Каждый справляется с этим по-своему, поэтому результаты бывают разные. Уже здесь есть почва для возникновения названной болезни. В наше время эта болезнь становится опасно распространенной. Причину этого московский философ А.Н. Павленко видит в подмене должного псевдо-должным в масштабе всего человечества. В 90-х годах были опубликованы десять его эссе под общим названием «Бытие у своего порога» (14). Работа в целом посвящена проблеме мнимого бытия. Будучи лжебытием, оно, тем не менее, обладает определенной энергией. «А раз есть энергия, значит, с ее использованием может совершаться работа, а у этой работы могут и должны быть результаты» (14, 1993, №1, 43). И «чем искуснее подмена должного, тем плодотворнее ложное бытие» (14, 1993, №3, 45). Постановка вопроса интересная, но, к сожалению, я не могу разделить взгляды исследователя на возникновение и истолкование неподлинного. По его категорическому утверждению, появление псевдобытия обусловлено возникновением цивилизации, развитием науки и техники. Родоначальником всего неподлинного он считает Прометея и заявляет, что «Диавол и Прометей это, по существу, одно и то же» (14, 1993, №3, 29). Я склонна

разделять концепции эзотерических учений. Они признают огромное позитивное значение науки и техники для развития человечества, но говорят о необходимости преодоления их абсолютизации, необходимости диалога между научными и вненаучными знаниями, необходимости соответствия между развитием науки и техники, с одной стороны, и развитием нравственности, с другой, утверждая, что отсутствие такого соответствия порождает чудовища, т.е. псевдобытие. А это опасно, потому что человеку дана значительная свобода, потому что именно человек ответствен за Землю.

Сама я не собираюсь подниматься на абстрактные высоты, а буду говорить о ложном бытии в повседневности. Как в математике есть мнимые числа, как в мифах встречаются химеры, так и в повседневной жизни имеются мнимые люди, люди – призраки, которые создают такие же ситуации, обстоятельства. А эти ситуации в свою очередь оказывают сильное влияние на таких людей, вызывая и усиливая болезнь неспособности к подлинному бытию. Истоки химерического бытия в безответственности. Об этом говорят многие греко-римские мифы. (Здесь и далее термин «миф» употребляется во втором его значении, т.е. как древняя литературная форма, повествование о богах и героях, а в этом значении миф, на мой взгляд, является одним из источников мудрости). Об этом же говорит и художественная литература Нового времени.

Самыми законченными представителями мнимых являются, на мой взгляд, Орас (главный герой одноименного романа Жорж Санд) и Саша Розенцвейг в «Анне – Марии» Эльзы Триоле. Эти два разных типа псевдо-человека, видимо, можно считать классическими. Для Ораса характерен яркий, броский, ошеломительный блеф во всем – в работе, поведении, взаимоотношениях. Его девиз «Ошеломляй и властвуй!» Непостижимое умение создать имидж, за которым ничего нет, кроме помпезности, чванства, бахвальства, гордыни и многоглаголанья. Феерическая псевдодетельность, обаятельная псевдо-эрудированность. Саша Розенцвейг обаятельности, пожалуй, лишен. Он механистично, грубо, напористо пробивается к вершинам власти, сметает на своем пути все, что только может быть препятствием, даже отца, мать, братьев, сестер. Всех их он глубоко презирает и ненавидит именно за нежелание и неумение прорваться к вершинам процветания. Между тем это была очень состоятельная семья.

Человек, как известно, существо тройственное, его сущность включает в себя три аспекта: духовный, психический и физический. Каждая из этих ипостасей (если позволительно такое выражение) живет и развивается по разным законам, и в этом смысле они неслиянны. Тем не менее, они представляют собой единство, единую сущность. Я буду говорить о людях – химерах, имея в виду в основном психическую ипостась. В «Записках из Мёртвого дома» Достоевскому удалось ясно показать, что почти все психические заболевания уходят корнями в распущенность, в попустительство своим низким страстям. Если, например, человек не остановится вовремя в попустительстве своим стремлениям высмеять, подразнить, поддеть, напугать, разозлить или иными образом унижить другого, то эти стремления сначала перейдут в привычку, затем в потребность, которая будет все более разрастаться, разбухать, углубляться, развиваться, пока не превратится в страшное и безобразное зло – садизм. Эта стадия уже неизлечима. Не помогут и самые лучшие лекарства, не поможет и самое искреннее раскаяние – человек погиб. Думаю, что прав и В.Л. Леви: «Всё есть лекарство, и всё есть яд. Дело решает доза». Проявле-

ния тщеславия, некоторая механистичность, всякого рода подшучивания, разные выдумки (ложь) в гомеопатических дозах могут быть весьма полезны, но в больших - они беспощадно разрушительны. И разрушают, прежде всего, единство аспектов (ипостасей) человеческого существа, человек перестаёт быть человеком и превращается в призрак. С другой стороны, Достоевский показывает, что при наличии потребности во внутренней духовной работе, при воспитании в себе высокой ответственности может сойти на нет влияние даже такой тяжелейшей болезни, как эпилепсия (князь Мышкин), может почти нейтрализоваться влияние негативных обстоятельств (например, неблагополучная семья, в которой живет Алеша Карамазов). Позже М. Пришвин писал: «Ссылка на нервы в нравственном мире не принимается во внимание, потому что душа человека должна владеть всякими нервами». Но никак не безнадёжны люди борющиеся, ищущие, пусть и не находящие правильного пути. Только черно-белое мышление типа бердяевского может бросить камень в Ивана Карамазова и уж тем более в Шатова из «Бесов», заявляя, что они являются воплощением зла. Только с позиции невыносимой гордыни можно написать следующее: «Рационально постигнуть в пределах земной жизни, почему был замучен невинный ребенок, невозможно. Самая постановка такого вопроса – атеистична и безбожна» (4, 129). Что ж атеизм тоже нужен был истории и сыграл в ней свою позитивную роль. А.Н. Павленко утверждает: «Псевдобытие зовет всякого, но откликается на его позывы только псевдочеловек» (14, 1993, № 3, 48). Это слишком категорично. Я знала людей, которые весьма активно откликнулись на позывы псевдобытия и вместе с тем тянулись к подлинному, как растения к солнцу, ценили его, старались оберегать. Один из них с проникновенной удивлённостью тянул: «Та-а-ко-ой челове-ек...» Ирина Емельянова права: «Мы живём, пока удивляемся» (10, 139). А пока человек жив, псевдобытию его не одолеть. Не таков ли у Пастернака двоюродный брат доктора Живаго? В самые тяжёлые тёмные времена 30-40 годов, работая в органах госбезопасности, он с несомненным риском для себя оберегал своего мятежного брата, с которым и близок-то никогда не был, которого практически едва знал. Противоречие? Да. Конечно в органах работать не стоило б! (Перефраз. А. Вознесенского «Конечно спать вместе не стоило б!»). Но и чистоплюйствовать тоже вряд ли стоит. Т.Г. Шевченко в стихотворении «Кавказ», обращаясь к чеченцам, восклицает:

У нас святу ю Біблію читає
Святий чернець і науцає,
Що цар якийсь-то свині пас
Да дружню жінку взяв до себе,
А друга вбив. Тепер на небі.
От бачите, які у нас
Сидять на небі (18, 445).

Шевченко не ведаёт, что это не только у нас. В большинстве религий предания, подобные библейскому о царе Давиде, распространены очень широко. И говорят они не о том, что на небе сидят подлецы, а о том, что живой, борющийся, ищущий, страдающий и духовно развивающийся человек не обязательно идеален, но к Истине он так или иначе приходит, а точнее, к тому пониманию истины, которое ему доступно в данную эпоху. Об этом же речь и в евангельской притче о виноградарях (5. Матфея. 20, 1-16). Куда ты пришёл, там ты и находишься, там твоя награда, а как пришёл и когда пришёл – значения не имеет, ибо мошенничество на духовном плане в отличие от плана физического невозможно в принципе. Безнадёжен лишь тот, кто не борется, не ищет. Из-за инертности и равнодушия у него не формируется система знаний, а

без знаний не может быть и мышления. Мысль возникает на основе знания. Но и знание не может быть сколько-нибудь подлинным без его осмысления. Ведь ещё Будда утверждал: «Нет размышления у того, кто не знает; нет знания у того, кто не размышляет. У кого же и размышление и знание, тот действительно готов к Нирване» (9, 372)¹. Псевдолюди вертятся, как белки в колесе, неуклонно деградируя, доходя иногда до искажения даже примитивных своих потребностей, вырождающихся во что-то противоестественное. А.Н. Павленко удачно выбрал для всех эссе в целом эпиграф из Платона: «Всё противоестественное тягостно». Он утверждает, что «Соединение естества с призраком порождает чудовище... Чудовище уже не способно породить естество, зато оно успешно пожирает всё естественное, как Минотавр пожирал несчастных юношей» (14, 52). Что ж... все легенды о вампирах – об этой способности. У Достоевского целая галерея людей-вампиров и способов пожирания. Такие люди опасны, потому что «всем проявлениям жизни свойственна заразительность» (13, 64). Андрей Битов, кажется, впервые обратил внимание на заразительность вампиризма. Один из его героев – Лев Одоевцев, подвергаясь энергетическим нападениям со стороны своего «друга» Митишаты и любовницы Фаины, впоследствии сам начинает вампирить по отношению к любящей его Альбине. Лев не придаёт этому значения. И зря. Избавиться от этой инфекции сравнительно нетрудно. Заметив её в себе, нормальный человек не может не ужаснуться, а ужаснувшись, будет за собой наблюдать, и эта напасть исчезнет, уйдёт. Сложнее одолеть вампиризм по отношению к себе. Во-первых, Павленко прав в том, что «небытие везде и всюду является как очевидное бытие» (14, 35). Их трудно различить, хотя ещё Будда предупреждал: «Очевидное не есть действительное». Развитой человек так или иначе почувствует, как-то схватит, поймёт псевдобытие, и оно не может его не оттолкнуть. Но запутывает другая проблема: человек ищет общения с тобой, нуждаясь, видимо, в твоей помощи... Может пройти много времени, чтобы убедиться: помощь невозможна в принципе.

Физически издевающийся и убивающий людей Чикатило, конечно, отвратителен и опасен, но он во всяком случае всегда идет на риск, его могут поймать, тогда наказание неотвратимо. Садист энергетический почти ничем не рискует, его трудно понять, а разоблачить публично вообще вряд ли возможно. Призраки всегда вызывают у человека страх именно недоказуемостью своего существования, своих проделок. И все же надо научиться их понимать. Кажется, это единственный путь к предотвращению их господства. Слова о господстве – не бред, уж во всяком случае не мой бред. Павленко во весь голос заявил (даже выделил это заявление курсивом): «Сегодня небытие воплотилось и приведено новым человеком к господству» (14, 1995, №2, 35). И разве не это же утверждают С.Н. Паркинсон и Дж.Л. Питер? Эти авторы, видимо, имеют ввиду количественное засилье всякого псевдо в нашем мире. Но Силы Тьмы всегда брали количеством, а Силы Света – качеством. Дело в том, что:

Есть соль Земли,
Есть сор Земли.

Сору много на нашей планете, он затрудняет ее развитие, но отнюдь не определяет. Определяет соль. И спасает землю от гибели. Вот если «уж и соль не солон будет», тогда ничто не поможет (5. Марка. 9, 50). Но соль пока что солон и не бездействует, а это значит, что мни-

¹ В европейски образованном мире нет ни одного понятия, которое подверглось бы столь сильному искажению, как понятие Нирваны. Сам Будда запрещал своим ученикам всякие разговоры о Нирване до третьего посвящения.

мые только по видимости господствуют. Если бы нормальные средние люди научились понимать мнимых, это поставило бы их в очень трудное положение относительно необходимой им энергетической подпитки. Совсем они вряд ли когда-нибудь исчезнут даже в этом случае, но особой опасности представлять не будут. Только вряд ли люди за это возьмутся. Я и свой труд считаю весьма благодарным. Вот, по моим наблюдениям, характерные черты мнимых:

1. Равнодушие, механистичность, безжизненность. Но их оживляет любое поношение другого человека. Чем грязнее хула, тем больше они воодушевляются. Это единственный источник их радости (других мне не удавалось отыскать, хотя старалась).

2. Не переносят (и не прощают) не только восхищения другим человеком, но и просто позитивных отзывов о нем. Сами только хулят и очерняют даже тех, кому многим обязаны, благодарность (искренняя, разумеется) им совершенно чужда.

3. Безудержное бахвальство, безграничное самовосхваление. Не прощают не только критического, но и безразличного отношения к своему бахвальству.

4. Неспособность к творчеству (ни в чем). Злобная зависть и ненависть к творческим способностям других. Однако изображают из себя гениев, прибегая к псевдотворчеству. Но бесспособное безблагодатное творчество родит чудовищ (14, 32)

5. Отсутствие сокровенного. Откуда ему взяться? Из равнодушия к природе, к людям, к культуре... ко всему подлинному? Эти люди страдают каким-то недержанием чувств. Едва только возникло какое-нибудь хоть сколько-нибудь значимое для них чувство, едва произошло подобного рода событие, как они испытывают почти непреодолимую потребность немедленно всё выболтать. Ради этого и на унижение готовы идти. В природе всё зарождается, зреет, созревает. В их душе нечему вызревать. Сокровенному не из чего формироваться.

6. Вампиризм. Физически эти люди бывают разными - здоровыми и больными. Но всем им не хватает определенной психической энергии, энергии положительных эмоций, энергии подлинного бытия. И они способны выхватить её, как лиса сыр у вороны, прямо из-под носа хотя бы чуть-чуть зазевавшегося нормального человека. Это достигается обычно приведением этого человека хотя бы в секундную растерянность (любым способом). Они паразитируют даже на сочувствии к ним же. Недаром все учения и священные писания рекомендуют избавляться от таких людей без промедления, не иметь с ними никакого дела.

7. Все в жизни псевдолюдей направлено на самосохранение, пусть даже и понимаемое в широком смысле. Полное отсутствие потребностей во внутренней работе, отсутствие стремления к развитию, подлинному росту. Хорошо сказал М. Хайдеггер: «Сохранение и возрастание характеризуют неотрывные друг от друга, основные тяготения жизни. Сущность жизни невысказана без желания роста, возрастания. Сохранение жизни всегда слугит возрастанию. Если жизнь ограничивается самосохранением, она деградирует» (16, 154). Даже вершины человеческой мудрости такие люди пытаются освоить опять же в целях самосохранения, но глубоко прав Г.С. Батищев: «Без внутренней работы, без решения своих собственных трудностей и задач развития никакая, даже самая лучшая «духовная пища» не приходит и не поведет за собой того, кто не открывает ее смысловых потенций изнутри себя самого, по логике субъективного самостановления» (7, 1989, №4, 108). Да, человек лишь надевает личину.

В конце 50-х гг. и на протяжении 60-х гг. ушедшего века

выходили в свет книги С.Н. Паркинсона (США), а в 70-х гг. – Л.Дж. Питера (Англия). Оба автора в юмористическом стиле писали об очень серьезных вещах, их работы показывают засилье псевдобытия во многих сферах человеческой деятельности. Но они особо выделяют систему образования, считая, что внутри нее самую зловещую роль в этом плане играет методика преподавания отдельных дисциплин. Основная деятельность этих авторов так или иначе связана с педагогикой, оба работали в школе и в вузе.

Современный мир, заявляют оба автора, опутан разного рода ненужными, совершенно бесполезными схемами, методическими руководствами. Людей, создающих эти схемы, Паркинсон называет опутаистами, утверждая, что система просвещения вырастила самых махровых опутаистов. Причем преподавательская среда почти не одаривает мир этими созданиями. Они зарождаются в недрах методических кабинетов и, как внимательные стервятники, кружат у школ на разной высоте, но с одинаковой любовью к мертвечине. В вальдорфской педагогике встречаются утверждения, что методика преподавания любого предмета нужна лишь на первом этапе работы учителя, как нужно, скажем, обучение чтению по слогам в раннем детском возрасте, а потом эти костыли следует отбросить. Верно ли всё это? На мой взгляд, нет. Вред-то заключается вовсе не в методике как таковой, а вот в этой самой любви к мертвечине. Я убеждена, что без методики обойтись невозможно. Всякий творчески работающий преподаватель взамен то ли устаревшей, то ли изначально мертвой методики неизбежно создаёт свою, даже если он этого и не осознаёт (но гораздо лучше делать это сознательно). И что бы ни говорил Питер, а приводимые им примеры обусловлены именно безжизненностью, равнодушием, тягой к мертвечине. Одна девушка в юности была прилежной и примерной студенткой, педантично выполняла всё, что от нее требовалось: не больше и не меньше, на занятиях и экзаменах тщательно пересказывала учебники и лекции, закончила институт с отличием. В школе у нее тоже все шло гладко, как на бумаге: она неукоснительно придерживалась учебников, методических руководств и разного рода инструкций. Однажды в классе лопнула труба, вода прибывала быстро, была уже по щиколотку, а она не выводила учеников, продолжая урок по всем правилам официальной методики, пока в класс не ворвался возмущенный её поведением директор. В ответ она с достоинством заявила, что не было звонка аварийной сигнализации, а она всегда действует по инструкции (11, 189). Один учитель был принят на работу с годичным испытательным сроком в спецкласс для умственно отсталых детей. Он оказался способным: на итоговых экзаменах по чтению и арифметике многие из его учеников показали лучшие результаты, чем ученики в классах с нормальным умственным развитием, тем не менее он был уволен. Причина увольнения объяснялась в приказе тем, что он грубо пренебрегал нанизыванием бус, изготовлением песочных куличей и иными подобными занятиями, которые предписывались методическим руководством для обучения умственно отсталых детей (11, 234). Ну да, это как та медсестра, которая будит больного со словами: «Проснитесь, Вам пора принять снотворное». Приведу примеры из своей практики. В 70-х – первой половине 80-х гг. псевдобытие у нас особенно рьяно и явно прорывалось к господству, верным признаком чего была неудержимая погоня за количеством и (пока что скрытое) пренебрежение качеством. Чем больше разного рода мероприятий, методических руководств и пр., тем лучше. И хорошо еще, если они не содержали практически никакой информации, хуже было, когда предьявлялось тре-

бование внедрения какого-нибудь опыта, имеющего все признаки сумасшедшего дома.

На одном из министерских совещаний проректоров по учебной работе рекомендовалось внедрение опыта какого-то вуза по воспитанию у студентов круглосуточной любви к труду и эффективному использованию ими своего рабочего времени. Поскольку тогда компьютеров почти не было, текст этого предписания было трудно размножить, наш проректор полтора часа диктовал его кураторам групп во время заседания кураторского методобъединения. В свою очередь кураторы должны были продиктовать основные положения этого документа студентам. Его содержание сводилось к следующему. Проснувшись утром, студент тотчас же должен был обратить внимание на часы, отмечая и записывая в специальную тетрадь, сколько времени у него ушло на вставание с постели, разминку, туалет, умывание, завтрак, одевание и дорогу в институт. По приходе в институт надо отметить, сколько минут ушло на раздевание и проход по коридорам. С момента начала занятий и вплоть до их окончания от подсчетов следовало уклониться, ибо здесь и без нас всё «исчислено, исчислено, взвешено, разделено» (5. Даниила.V, 26, 28).

После окончания занятий рекомендовалось отдохнуть, причем отдых включал в себя проход по коридорам, дорогу домой, обед и не должен был затягиваться более полутора часов. После отдыха студентам категорически рекомендовалось отправляться в институтскую библиотеку, ибо дома многое отвлекает от подготовки к занятиям следующего дня. Куратор тоже обязан был являться в это время в читальный зал с целью проверки наличия там студентов. Сам процесс подготовки строго регламентировался.

В первую очередь и со свежими силами надо приступить к общественно-политическим предметам: истории КПСС, научному коммунизму, марксистско-ленинской философии и политэкономии. На первом плане штудирование и конспектирование работ основоположников вечного учения, затем учебная и научная литература. Когда силы несколько оскудеют, можно переходить к остальным предметам, здесь дело пускалось на самотёк, инструкции не давались. После двух подготовок предписывался активный отдых в спортзале в течение 30-40 минут. По окончании всех подготовок снова подсчёт: сколько на них ушло времени, сколько на дорогу домой и т.д. до отхода ко сну. В конце недели нужно было подвести итоги и сдать тетрадь куратору, а тот был обязан обобщить, сделать выводы о дальнейших стратегиях и записать всё это в Дневник куратора, представлявший собой огромного формата журнал с множеством разделов и подразделов. Идя к своим подопечным первокурсникам на час куратора, чувствовала себя как рыба, вынутая из воды: это невозможно выполнять и нельзя не выполнять, ведь проверяющие обязательно явятся и, наверное, в первую очередь ко мне, ибо во время методического заседания у меня до конца терпения не хватило, я что-то брякнула насчёт сумасшедшего дома. Никто не пришел. Спокойно провела работу, намеченную в своем индивидуальном плане. Проходит вторая неделя - никого. Но Дамоклов меч висит, ведь проректор говорил, что проверка будет непременно. Надо пересилить себя и начинать, надо, но, как назло, разыгралась совесть: сколько энергии заберёт у студентов как выполнение, так и невыполнение этого задания, сколько заберёт раздражительность, неизбежная как при его выполнении, так и при невыполнении. И стыдно, ну невозможно стыдно диктовать всю эту белиберду. Тяну по принципу: лучше умереть завтра, чем сегодня. Третья неделя, четвертая... Тишина. Да будет

век благословен Федор Павлович! Проведя методическое заседание, он забыл дать задание членам ведущих кафедр явиться на кураторские часы, проконтролировать и сделать выводы. С течением времени дело как-то само собой затухло, кураторам только велено было написать краткий отчёт. Ну, это можно... Повезло. Пронесло. Слава Богу. Не раз ещё проносило... Но ведь нашлись рьяные исполнители! Один Орас даже в 90-х годах, когда уже никто ничего подобного не требовал, по инерции продолжал с самодовольным упоением бахвалиться тем, что все студенты готовятся к его предмету только в библиотеке. Он периодически приходил в читальный зал с целью контроля, не принимая во внимание ни популярности ксерокопирования, ни протеста некоторых студентов, заявлявших, что у них хорошая домашняя библиотека, между тем как в читальном зале много помех. К счастью, Орасы барственно ленивы, их исполнительность, обусловленная тщеславием, весьма избирательна.

Когда я начала работать в Курганском пединституте, мне часто приходилось слышать мнение тогдашнего декана нашего факультета З.А. Атласа о том, что самой эффективной формой семинарских и практических занятий является организация системы докладов и их последующего обсуждения. Других форм проведения занятий он, кажется, не признавал. Я не разделяла этого убеждения, но хорошо понимала, чем оно обусловлено. Помнила скучные занятия своего студенчества на младших курсах. Какой-нибудь студент нудно читает вслух источник, преподаватель комментирует, студенты эти комментарии записывают. Другая форма: ответы студентов на поставленные в практикуме вопросы. Но эти вопросы составлялись так, что для ответа на каждый требовалось только пересказать соответствующий параграф учебника, а в лучшем случае опять же пересказать анализ источников по какой-нибудь главе из более-менее доступной монографии. Самостоятельной работе с источниками учили только дипломантов (специализация). На старших курсах практиковались доклады, это уже несколько более живая и серьезная работа, но, как правило, она сопровождалась бездельем и скукой двух третей группы. МГУ тогда считался первым и лучшим вузом страны и был таковым в действительности, во всяком случае в области гуманитарного образования. Что уж говорить о провинциях! В целом положение почти не улучшалось и позже. Как это ни соблазнительно, но свалить всё на отечественную «образованщину» (Солженицын) не удастся. Дело серьезнее. К сожалению, такое положение является пороком всей системы европейского гуманитарного образования. Об этом говорил еще Марк Блок, авторитетный медиевист, много работавший в области методологии истории, основатель широко известного впоследствии журнала «Анналы». Он заявлял, что большинство курсов лекций и все учебники по истории - «вернейшие средства для развития склероза». Даже в специальных работах многих ученых царит школярский дух, авторы слепо следуют за источниками, лишь пересказывая их, между тем как им надо учинять квалифицированный допрос. «Источники говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать».

Именно этому он и учил своих студентов (7). Да только воз и ныне там... Испокоин веков существуют на белом свете сплетни, наговоры, анекдоты, клевета, злорадство по поводу чьих-то ошибок, неурядиц, неудач и т.п. Античные авторы не отделяли овец от козлиц, собирали всё и вводили в свои произведения на равных. Делали они это во имя развлекательности и своего успеха у публики, которая любит бездумно зубоскалить. И это понятно. Почему же большинство антиковедов принимает сплетни, почему происходит что-то вроде бессознательного обоже-

ствления сведений античных авторов? Явление абсурдное. Г.С. Кнабе восхваляет Тацита за его намерение и якобы умение писать «не поддаваясь любви и не зная ненависти». Но можно ли вообще в человеческих делах быть беспристрастным? А история – дело человеческое, если убрать из неё аксиологическую составляющую, то от неё, самой истории то есть, тоже ничего не останется. Беспристрастность часто отождествляют с объективностью, но это совсем не одно и то же. Слепой пересказ источников есть явно необъективное освещение исторической реальности, но он может излагаться беспристрастно. К. Поппер был, наверное, излишне резок и даже предвзят, но его можно понять. «Тот факт, что эта чудовищная система образования не смогла совершенно уничтожить человечество, служит самым лучшим доводом в пользу оптимистического взгляда на человечество и лучше всего доказывает, что люди стойко привязаны к истине, что они самостоятельны, неподатливы и здоровы» (15, II, 177). Попперу была близка система образования в школе Сократа, т.е. в эзотерических школах, но он справедливо считал невозможным её введение в современных условиях и выхода в принципе не видел (15, I, 319-320). Не видела его и я. Но и плыть по течению было нельзя. Да, обстоятельства были тяжелы. Однако я считала, что от обстоятельств зависит многое, но не всё, а примерно половина или чуть больше, остальное – от человека. Поэтому я должна сделать всё, что зависит от меня, а там уже как получится. Жизнь, говорит Ортега, это «свободное бытие внутри данной фатальности» (13, 184). В практиках помещены источники – это главное, а темы и вопросы можно изменить. Изменила я их так, что без изучения источников ответить на них было невозможно. Пересказ самих источников тоже был невозможен. Для первокурсников, вчерашних школьников это была очень трудная работа, древневосточные источники особенно трудны. Но я наращивала трудности постепенно: сначала вводные занятия, в которых анализ источников делался с моей активной помощью, потом «костыли»: давала свои вопросы для «допроса» источников, затем постепенно убирала костыли, приучая студентов к самостоятельному «допросу», далее работа ещё более усложнялась. Такие занятия требуют особой организации, но здесь невозможно её описать. Скажу только, что форма их проведения не была общепринятой. Однажды в коридоре ко мне подошёл декан. «Я собрался к Вам на занятие. Можно?» И, увидев моё замешательство, сразу же: «Хорошо. Я приду в следующий раз». «Да нет, Залман Аронович, идёте сейчас. Изменить я всё равно ничего не смогу...» И приготовилась к разному. Неприятно, конечно, но что поделаешь... Следующие слова Поппера представляются мне очень верными: «Мы должны учиться выполнять свою работу, приносить жертвы во имя этой работы, а не во имя похвалы или во избежание порицания. Тот факт, что мы все нуждаемся в некотором одобрении, надежде, награде и даже порицании, это – совершенно иная тема» (15, I, 320). После занятия должен был состояться его разбор, но декан только удивлённо спросил: «У Вас всегда такие занятия?» «Н-ну... по-разному бывает». «Но ведь такой опыт надо внедрять. Хорошо бы организовать посещение...» О, помоги мне, Господи! Это ведь хуже разнота. Я молчала, потому что была ошарашена и его словами, и его способностью удивляться. Недаром Григорий Нисский (богослов IV века) утверждал: «Лишь удивление постигает нечто». Но нашествие на мои занятия ничего хорошего не сулило. Едва ли мой опыт внедряем. Невозможность этого уходит во вводные занятия: много там гибкого и зыбкого. Позже учёные будут много говорить о том, что в жизни весьма часты ситуа-

ции, когда устойчивые стратегии неоптимальны, а оптимальные неустойчивы (В. Лефевр, В. Ротарь и др.). Но тогда этого и представить было невозможно. В широком ходу тогда было мудрёное словечко «отсебятина». Всё же недели через две я что-то сказала о нежелательности... Выслушал. Помолчал. «Ладно. Пригласим пока парторга, он как будто умный человек». С тогдашним парторгом факультета у меня были хорошие личные отношения. Плохого я от него не ожидала. И тут мне пришлось ещё раз удивиться – не явлению, нет, оно было мне хорошо знакомо, а человеку. Он грубо, высокомерно смял и растоптал всё, не удосуживаясь даже объяснить свою позицию. Залман Аронович возразил ему кратко, но твёрдо. Мне он предложил выступить на Совете с отчётом об организации учебного процесса на практических занятиях. И всё это мудро, человечно, тактично, сдержанно, без тени какой бы то ни было помпезности, как бы мимоходом. Разве можно не испытывать благодарности Судьбе за предоставление возможности работать с таким человеком? А бывший парторг до сих пор объясняется мне в любви и дружеских чувствах. Безответственность по отношению к Слову у таких людей превосходит всё мыслимое.

Да, существует особый мир, огромный мир мертвых схем и основанного на них фанатизма – химерический, призрачный мир. Он могуществен и вездесущ, от него не скрыться, он настигает всюду, предъявляет свои наглые требования и занимается энергетическим грабежом. В мои студенческие годы были у нас на первом курсе две симпатичные личности, искренние, честные, хотя и наивные, они были оскорблены разного рода мертвечиной и в конце концов решили бросить университет. Но химерический мир донимал их везде, хватал за горло и душил, как домовый перед рассветом. Они боролись слишком открыто и, наверное, от этого сломились. Вот тогда, перефразируя слова из оды Шиллера, которые Бетховен поставил эпиграфом к своей 9-й симфонии, я сотворила себе девиз: «Через мартышество к развитию». Конечно, сейчас это звучит смешно, но тогда помогло. В частности, уяснилась проблема приспособляемости. Раньше я твёрдо знала для себя, что совершенно недопустимо беспринципное приспособление, оно должно быть разборчивым в целях и в средствах. Теперь вопрос конкретизировался. Положение вещей на нашей планете таково, что всем приходится действовать в двух мирах, игнорировать невозможно ни один. Оба мира – подлинный и мнимый

**Залман Аронович
Атлас - декан
исторического
факультета**

– призывают человека и предъявляют ему свои требования. Добросовестно выполнять те и другие совершенно невозможно. Значит, надо выбирать. Я навсегда выбрала добросовестность в мире подлинном. Иногда приходилось писать блистательные отчёты о своей псевдодеятельности, которую в конкретных делах старалась не допускать или, по крайней мере, ограничить видимостью. Конечно, здесь есть риск, на каждом шагу тебя подстерегает опасность разоблачения, к которому особенно рьяно рвутся обаятельные псевдоэрудированные Орасы, самые злые пожиратели естественного. К счас-

тью, Орасов в мире не так уж много, гораздо больше обычных формалистов, а они обращают внимание не столько на дела, сколько на бумаги. Хорошо понимаю, что сама постановка этого вопроса и уж тем более моя откровенность может многих шокировать, производить отталкивающее впечатление. Но и не таким, как я, несладко было от этого. Писал же Герцен: «это страшные вещи, многие негодуют за высказывание их, но обманываться ещё страшнее» (8, II, 250). Или Ортега: «Мир как Обман – это самая обескураживающая "реальность..."» (13, 316). Псевдомир – тяжёлая, гнетущая проблема, требующая двустороннего исследования. Меня же интересуют главным образом люди, его создающие. Кто они, что их порождает. Порождает их по всей вероятности несоответствие уровня цивилизационных достижений человечества уровню нравственности. Вопрос этот поднимался ещё апостолом Павлом. Не надо говорить о том, какое огромное значение придавал он вере, жертвам во имя веры, но если «имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а любви не имею, то я – ничто. И если раздам всё имение моё и тело моё отдам на сожжение, а любви не имею – нет мне в том никакой пользы» (5.1.Коринфянам.13, 2-3). Здесь говорится о любви к жизни, ко всему живому, к людям, к Богу. Но не в этом ли и выражается высокий нравственный уровень? Ведь любовь всегда ответственна. Вот перед нами так называемый исламский фундаментализм, порождённый мёртвыми схемами и ими же питающийся. Большинство его приверженцев серьёзно образованны, трудятся в престижных сферах деятельности, их работа интересна, высокооплачиваема. В обыденной жизни это нормальные и даже симпатичные люди. Они имеют многое, в том числе веру, готовность жертвовать во имя веры своим достоянием, здоровьем, жизнью, но... любви не имеют, поэтому нет им в этом никакой пользы. Этот фанатичный мир по видимости развивает колоссальную энергию, сверхактивную деятельность, а по сути представляет собой гигантское беличье колесо, находится в состоянии коллективной белой горячки и стремительно несётся в никуда. Для того, чтобы иметь любовь, надо быть, прежде всего, живым. Недаром в стихотворении Пастернака «Быть знаменитым некрасиво» наставление самому себе о том, как надо жить, заключаются следующим:

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

Что значит здесь «быть живым?» Мне кажется, что это умение жить чувствами, страстями и одновременно быть выше их, «полюбить жизнь прежде смысла её» и в то же время жить осмысленно, целенаправленно, быть человеком нравственным и не сделаться чистоплюем, уметь учитывать желания других, считаться с «установлениями» общества, с его аксиологическими абсолютами (8, 63-70) и при этом «ни единой долькой не отступаться от лица», оставаться самим собой и идти своим путём. «Во всём нужно быть только самим собой, без суесть, без преувеличений – не воздвигая на носу корабля собственной статуи», – говорил Ортега (13, 95). Но именно этого и не могут мнимые. Американский психолог Э. Берн в двух своих работах «Игры, в которые играют люди» и «Люди, которые играют в игры» (1988) рассмотрел, кажется, все возможные способы не быть самим собой. И тогда получается как у одного из героев А. Битова «Всё не со мной... Судьба в отставке. Душа на пенсии. Совесть на приколе. Ум в кладовке» (6, 191).

В повести В. Дудинцева «Не хлебом единым», посвящённой описанию псевдодеятельности академика

Лысенко, есть один странный загадочный пассаж, в смысловом плане как будто не совпадающий с содержанием всей повести. Один из героев размышляет на рыбалке о том, что зло добывается огромных успехов, потому что всегда бьёт людей с высокого берега, но, несмотря на эти успехи, по истечении определённого времени уходит само собой, неожиданно и вдруг исчезает со сцены. В числе его примеров инквизиция, достигшая огромного могущества. «А что получилось в итоге? Что получилось? Никто же инквизиторов не бил, не преследовал. Ручку им целовали! А всё-таки сами вдруг слезли со своего высокого берега и ушли. Вроде как и не было». Ни герой, ни автор не объясняют причин этого явления, оставляя вопрос открытым. Это действительно налимковский вопрос. И всё же... Зло на самом деле всегда или почти всегда бьёт людей с высоты подлинных, нравственных ценностей и убивает при этом сразу двух зайцев: манипулируя подлинными ценностями, оно их искажает, извращает, а людей одурачивает, за счёт чего и наращивает свою силу. Да, с течением времени оно уходит само собой: энергия белой горячки исчерпывается. Но её самоисчезновение вовсе не означает, что с ней не нужно бороться. Ведь и отдельного человека, находящегося в горячке, необходимо обезвредить, изолировать, иначе он может натворить много бед. Конечно, с коллективной горячкой сложнее, она может продолжаться десятилетиями и даже столетиями, если Соль Земли почти исчезнет или будет недостаточно солонна. Вот С.Н. Паркинсон утверждает, что если кто-либо из мнимых оказывается руководителем (я здесь прибегаю к своей, а не к его терминологии), то этот человек в первую очередь будет стараться избавиться от тех, кто выше его по уровню развития, заменять теми, кто ниже его самого. Это неизбежно приведёт коллектив в застойное коматозное состояние, вывести его из которого будет невозможно, оно неизлечимо. Не поможет ни вливание свежих сил, ни приход нового, пусть и сильного руководителя. Исключения чрезвычайно редки (11, 311-315). Возможно, что это так и есть. Только мне думается, что если в коллективе имеется хотя бы одна живая личность, от которой по разным причинам избавиться не удалось, а ей удалось каким-то образом приспособиться и без лишнего шума хорошо делать своё дело, это может спасти от тупика. Нечто подобное можно наблюдать и в масштабах страны. У нас, например, даже в самые застойные годы всегда находились люди, имевшие внутреннюю потребность в подлинной человеческой сопричастности, любившие жизнь, принимавшие обстоятельства, в которых находилась страна. Они вступали в партию и хорошо делали какое-либо дело. Такие люди могли приносить немалую пользу, даже пребывая на партийной работе. Но в ком такой потребности не было, у тех всё низводилось до уровня средств, они паразитировали на бесчеловечной идеологии классовой ненависти, раздуваясь в своём ничтожестве, пожирая энергию естественной добросовестности, естественной любви к труду, к творчеству (О значении сопричастности см. 2, 119-122). Так что если Соль Земли достаточно солонна, то и нет оснований для безнадёжности и утверждений о том, что ныне псевдобытие приведено новым человеком к господству.

Список литературы

1. Батищев Г.С. Философская концепция креативности в наследии С.Л. Рубинштейна//Вопросы философии. -1989. - № 4.
2. Батищев Г.С. Социальные связи человека в культуре//Культура, человек и картина мира. - М., 1987.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
4. Бердяев Н.А. Души русской революции//Литературная учёба 1990. Кн. Вторая.
5. Библия. – М., 1988.

6. Битов А. Жизнь в ветреную погоду. – М., 1999.
7. Блок М. Апология истории. – М., 1979.
8. Герцен А.И. Былое и думы. – Т.1-3. – М., 1967.
9. Дхаммапада. – М., 1991.
10. Емельянова И. Дочери света//Новый мир. – 1990. – № 3.
11. Карнеги Д., Питер Л., Паркинсон С. и др. Ваше преуспевание в ваших руках. – М., 1993.
12. Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. – М., 1982.
13. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. – М., 1991.
14. Павленко Н.А. Бытие у своего порога//Человек. – 1993. – № 1,3,4,5; 1994. – № 1,2,3,4; 1995. – № 2.
15. Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 1-2. – М., 1992.
16. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мёртв»//Вопросы философии. – 1990. – № 7.
17. Шалютин Б.С. Становление свободы: От природного к социокультурному бытию. – Курган, 2002.
18. Шевченко Т.Г. Поезип. Кн. Перша. – Киев, 1989.

Миляшкина Лариса Владимировна
ст. преп.

ТАЛАНТЫ, ПОКЛОННИКИ И НЕСМЕЮЩИЙСЯ СМЕХ

*Если под бездной мы подразумеваем
великую глубину,
то разве же сердце
человеческое не есть бездна?
И что глубже этой бездны?
Или ты не веришь, что в человеке есть бездны
столь глубокие, что они скрыты даже от него
самого, в ком, однако, пребывают?
Августин Блаж*

Первая половина XIX в. была для России особым временем: яркие и разнообразные таланты представляли для общества огромную ценность, тем не менее оно ставило выше таланта достоинство и нравственность. В один голос об этом говорили многие. Когда А. Блок пытался поднять этот вопрос, XX век его уже не понимал. На заре XXI, кажется, перестали понимать и талант. «Сочетание таланта и воли – редкость», – пишет В.А. Кутырев (5, 42). Но это не так. Среди талантливых, конечно, есть всякие. Однако воля к творчеству у большинства есть. Некоторые пасуют перед препятствиями утилитарного, механистического и химерического характера. Но здесь дело не столько в воле, сколько в инстинкте сохранения в себе творческого потенциала. Патриарх теории стресса Ганс Селье утверждал, что борьба подобного рода истощает, пожирает творческие силы и возможности. Он настоятельно советовал избегать этой борьбы, предупреждая: победить вы, может быть, и сможете, но это будет Пиррова победа (11, 76; 90; 109). Так было всегда, но не из-за безволия талантливых, а из-за наличия псевдобытия, которого не избежала ни одна эпоха. В наше время его засилье перешло границы. Но вернемся к общественному мнению первой половины XIX в. «Самые высокие дарования, которые даются нам от Бога, не всегда могут быть мерилем внутреннего достоинства человека». «Натура все-таки выше художества» (3, 220; 297). Это Вяземский. Тогдашнее общество разделяло такого рода утверждения. Справедливо ли это? Думаю, что да. В любые времена таланты и гении удивляли, конечно, всё же необычным явлением они не были. А вот гармонические личности появляются далеко не во все времена и они – диво. Такие могут быть знаменитыми и не очень, уровень их одаренности может быть разным, но их реальная повседневная жизнь со всеми своими мелочами всегда соответствует высшим нравственным критериям. Это не то что нелегко, это почти невозможно, недостижимо. Я не назвала бы первую половину XIX в. особым временем,

если бы дело было только в высказываниях, подобных Вяземскому, если бы в это время не существовало личностей, которые могли бы быть мерилом внутреннего достоинства для современников. Такие личности были. Они известны. Их все знают, но проходят мимо этого феномена. Современники их выделяли, даже любили, однако не щадили. Приблизительно и грубо говоря (а иначе объяснить невозможно) жили они примерно с таким ощущением: это моя судьба, другой все равно не будет, хоть и об стену бейся, значит, и перерастать себя нужно, исходя из своей судьбы, а не из чьей-то, иными словами, зависть была им чужда. Зависть проявляется в стремлении урвать для себя всё, даже то, что урвать невозможно, то, что идет и дается изнутри, чего ни силой вырвать, ни украть нельзя. А раз нельзя, то надо унижить, втоптать, тогда и сам будешь казаться выше. Именно казаться, да и то только в мире мнимых. Сознательно унижая других, человек не может не унижить себя – это невозможно. Батюшков прав: «... ибо делай, что хочешь, а людей уважать надобно. Кто презирает их, тот себя презирает» (1, 391). Стремление унижать было совершенно чуждо В.А. Жуковскому и Н.М. Карамзину. Своим достоинством они тоже не поступались никогда и ни перед кем. Зато всегда испытывали радость духовно здорового человека, когда соприкасались с чем-то прекрасным, с тем, что выше, сильнее их самих. Восхищенно наблюдали они, как стремительно растет талант Пушкина, оберегали его, ненавязчиво помогали. Их жизнь – непрерывное самовоспитание, непрерывный духовный рост. Да, гармоничным человеком можно стать, совершенным – никогда, дурак тот, кто к этому стремится – ничерта не смыслит он в бесконечности. Вот отзыв одного из современников:

Подобной жизни нам пример в Карамзине.
Всего прекрасного она была зеркало,
И на Земле она созрела для небес,
И каждый день её имел свой смысл и вес.
Любил, как божий дар, он мир и бытие.

А далее о Жуковском:

Так светел духом был, так чист
Любви и теплоты так много было в нем,
Что все вокруг него добром благоухало.
Душой Жуковский был близнец Карамзина.
Была и старость их цветущая весна.

У Карамзина было несколько странное (очень мне близкое) отношение к противоречию между идеалом и действительностью, утопией и жизненной реальностью. Преломление идеального в плотном мире имеет в себе что-то трагическое и это трагическое от понимания ускользает; что-то чувствуется, что-то смутно брезжит, но уловить невозможно, объяснить – тем более. Может быть, поэтому Карамзин, никогда не бывший сторонником террора, любил... Робеспьера, этого «сентиментального тигра», по выражению Пушкина. Николай Тургенев свидетельствует, что при известии о казни лидера якобинцев у Карамзина на глазах выступили слезы, что своего отношения Карамзин не изменил: он и в старости продолжал отзываться о Робеспьере с почтением, восхищался его личной жизнью. Лотман объясняет это так. Тургенев оценивал политическую программу и историческую роль Робеспьера. «Карамзин видел пред собой человека, его жесты и позу. Это совершенно иной тип знания, личный и интимный, который в принципе противоположен традиционно-историческому» (6, 124). Наверное. Только есть здесь еще что-то. Идеальная республика Платона, идеальная личная власть в «Цитадели» А. Сент-Экзюпери, их вторжение в нашу многогрешную реальность... Карамзин считал Республику вообще, Римскую в частности, чем-то близким к идеалу. «Но Республика без добродетели и

геройской любви к отечеству есть неодоушевленный труп». «Без высокой добродетели Республика стоять не может. Вот почему монархическое правление гораздо счастливее и надежнее: оно не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой Республики падают» (Цит. по 6, 126; 279). Этим он объяснял свою монархическую позицию.

На вершине своей писательской славы и авторитета Карамзин вдруг сделал в свой жизни крутой поворот и всерьез занялся историей. Все удивлялись его огромной воле и работоспособности, тому, что он так быстро и так успешно освоил новую профессию. Вышли в свет восемь томов «Истории государства российского», изложенной с несколько необычной монархической позиции. Историк работает над девятым: деятельность Ивана Грозного. Одно дело понаслышке знать о жестокостях и изуверстве, совсем другое – работать в архивах с подлинными документами, вникать во всё глубоко и рассматривать широко. Эта работа неожиданно привела к тяжелому душевному кризису. Раньше Карамзину казалось, что он в целом, пусть и не до конца, но понимал смысл истории. Теперь он ничего не понимал. Пусть этот смысл скрыт от человека Провидением, но должна же быть какая-то опора... Он смутно прозревал её в личности, в ценности её развития, поведения. Он и раньше обращал на это внимание, но с другой стороны, со стороны этической, религиозно-нравственной. Под влиянием изучения римской истории считал, что личность всегда должна приноситься в жертву интересам общества, государства. Теперь возникли и усилились сомнения, образовывался какой-то тупик. Позже, написав 12 томов «Истории», он взорвёт этот тупик настойчивым намерением перейти на дипломатическую службу. А пока живет в Петербурге, в близком ему доме Муравьевых и продолжает работать. Здесь у «беспокойного Никиты» собирались молодежь, с которой Карамзин был гораздо более близок, чем со своими старыми друзьями (поэтом И.И. Дмитриевым и др.) Особенно дороги ему были Николай Тургенев, Вяземский, братья Муравьевы, Пушкин. Началась критика «Истории». Некоторые возражения (в беседах) последовали со стороны российского монарха, который монархистом не был... Никита Муравьев принес Карамзину свою работу и почтительно попросил разрешения опубликовать это «опровержение». Карамзин, разумеется, согласился, критику он считал явлением естественным. Но в записях для себя Никита вежливым не был. На полях книг Карамзина встречаются пометки типа: «Дурак!» «Так глупо, что нет и возражений!» и т.п. (12, 105-109). Но это для себя, может быть, мысли момента, переходящие. Другие возражали в спорах, часто бурных, переходящих иногда в обвинения. Карамзин был терпим, считал, что молодежи свойственна односторонность, которая со временем пройдет, поэтому боль и обиду от несправедливых обвинений он скрывал. Конечно, нам кажутся странными, если не смешными, эти споры, эти наивные противопоставления: «Республика» – «Монархия», но за нашими плечами огромный и жестокий опыт XX века с его разного рода республиками и союзами республик. При этом позиция Карамзина, начиная с XIX в., считалась реакционной. Но какую республику защищали его оппоненты? Взгляды Пушкина и Вяземского недостаточно ясны (думаю, что они не были толком ясны и для них самих). Что касается Никиты Муравьева, то о них можно судить по его конституционным проектам, по его отношению к самому кардинальному вопросу того времени – вопросу освобождения крестьян. В первоначальной редакции этих проектов крестьяне освобождались без земли, во второй редакции – наделялись двумя десятинами *на двор*, т.е. на

всю семью. В это же время вырабатывался и правительственный проект, возглавляемый А.А. Аракчеевым. В нем крестьяне наделялись землей из расчета две десятины на *душу*. Подобного рода факты широко приводил в своих трудах М.Н. Покровский, доказывая олигархический характер декабристского движения (8). Впоследствии эти факты не упоминались, видимо, из-за их противоречия известной работе В.И. Ленина. В целом Покровский едва ли был прав, декабристское движение было неоднородным, но несомненно в нем имела довольно сильная олигархическая струя, представляемая такими людьми, как Н.М. Муравьев, П.И. Пестель и др. На Аракчеева, кстати сказать, уже и тогда возводилось много напраслины. Некоторые факты приводятся Вяземским. Например, Александр в последние годы царствования изъездил едва ли не всю Россию. Губернаторы изошрялись сделать дороги нормальными для проезда, население насильственно сгонялось для их ремонта. Народ же «приписывал все эти невзгоды Аракчееву, который тут ни душой, ни телом не был виноват. Но в этом отношении Аракчеев пользовался большой популярностью: он был козлом отпущения на каждый черный день» (3, 394). Пушкин тоже хотел разобраться. В апреле 1834 г. он сообщал жене о смерти Аракчеева. «Об этом во всей России жалею я один – не удалось мне с ним свидеться и наговориться» (9, 52). Впрочем, его интересовал не столько Аракчеев, сколько Александр. Пушкин, кажется, сожалел о своих прежних выходках. Об этом свидетельствует его вымышленный разговор с Александром (черновая рукопись). «Признайтесь, – говорит Пушкину Александр, – Вы всегда надеялись на мое великодушие». «Это не было бы оскорбительно Вашему Величеству... Я всегда почитал и почитаю Вас, как лучшего из европейских нынешних властителей...» (10, III, 416-414). Это очень интересный, но совершенно особый вопрос. Необходимо вернуться к Карамзину. Бурными спорами дело не ограничилось, появились и начали распространяться пародии, едкие эпиграммы, это уже касалось достоинства. Последовал немедленный разрыв, который очень тяжело переживали обе стороны. Уже после смерти Карамзина Пушкин в письме к Вяземскому вспоминал: «Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об том хладнокровно вспомнить» (7, I, 246-247). После выхода в свет девятого тома отношение к Карамзину изменяется. Рылеев даже называет его «наш Тацит». Но взаимопонимания уже не восстановить...

Карамзин и особенно Жуковский всегда помогали людям, используя все имеющиеся возможности. Общеизвестно, как много сделал Жуковский для облегчения положения декабристов, для освобождения Герцена из ссылки, а Т. Шевченко от крепостной зависимости. Именно он отвозил за границу для лечения талантливого, но уже сумасшедшего друга своего Батюшкова, изрядно намучившись с ним в пути. Он был другом Николая Тургенева, довольно активного декабриста, уехавшего в 1824 г. за границу и приговоренного заочно к вечной каторге. Говорит о его немалом мужестве и достоинстве то, что Жуковский регулярно переписывался с этим «государственным преступником». Николай I был недоволен, но не препятствовал – Жуковского уважали обе стороны. Тургенев тянуло в Россию. Он надеялся на помилование или оправдательный приговор, поскольку в самом восстании он не участвовал, заявлял о готовности жить в ссылке и, наверное, переоценивал возможности своего друга. Жуковский в обстановке ориентировался хорошо, но попытался прозондировать почву, спросил царя о возможности Тургеневу вернуться в Россию. Тот ответил:

«Если спрашиваешь меня как императора, скажу: нужно. Если спрашиваешь меня как частного человека, скажу: лучше ему не возвращаться». Тургенев поселился в Англии, климат там очень сырой, он заболел ревматизмом. Ему хотелось солнца, света, куда-нибудь в Швейцарию, во Францию, но он опасался преследования со стороны российских посольств. Могущественная Англия преследования иностранцев у себя не допускала. Жуковский обратился к Николаю, тот заявил, что не намерен начинать преследований. Жуковский не успокоился: русские посольства по собственной инициативе могут начать это дело. Видимо, Николай дал соответствующие указания - Тургенев до конца жизни пребывал в теплых странах и никто его не тревожил. Но иногда царю не удавалось скрыть недовольства. Известен его жесткий вопрос: «А за тебя кто поручится?» и последовавшая затем неявка на занятия с наследником престола... Жизнь Карамзина и Жуковского ставила перед Россией проблему достоинства личности. Карамзин, кажется, сознательно культивировал в себе это качество, настойчиво заявлял (преимущественно в письмах), что, позволяя унижать себя, человек тем самым совершает преступление перед собой, своими близкими и своей страной. Был убежден, что за свою личность он в ответе перед Россией не меньше, чем за свои произведения, свою деятельность. Достоинство проявляется не только в отношениях с властью, но в любых поступках. Карамзин высоко ценил дружбу. В 25 лет он мечтал о сообществе или кружке «деятельных людей, одаренных истинными способностями... с чувством своего достоинства, но без всякой надменности, свойственной лишь низким душам, - которые трудились бы... не ради собственной славы, но из благородной и бескорыстной любви к добру... если бы сия любезнейшая мечта моя когда-нибудь превратилась в существенность...» (Московский журнал 1791. №11). Мечта в целом не осуществилась, но сам он твердо стоял на этой позиции всю жизнь. Когда семья Плещеевых, с которой он был дружен, запуталась в долгах, он отправился в Симбирск, продал братьям свою часть имения за 16 тыс. рублей и немедленно вручил эти деньги (практически все свое состояние) Плещеевым. Материальное положение Плещеевых было тяжелым. Долг они ему так никогда и не вернули, а он об этом ни разу не вспомнил. Отношения с матерью семейства Настасьей Ивановной, тонкие и нежные, носили особый характер, но не имели эротического оттенка, она была старше его на 12 лет. Такие отношения Карамзин очень ценил в принципе, они были связаны с проблемой достоинства. В его время в российском обществе переплетались взгляды и моральные нормы Петровской эпохи и эпохи Просвещения. Поклонники старины отрицали за женщиной право на любовь по своему выбору, сторонники просвещения такое право признавали. В тогдашних условиях это означало, что женщина может и должна реализовывать свою свободу именно в любви, любовь и семья таким образом являются единственным ее предназначением. Невелик выбор, но хуже другое: как бы в противопоставление средним векам в женщине видели прежде всего женщину, т.е. ее тело. Отношение к телу, конечно, тоже может быть разным: от восхищения и воспевания физической красоты до примитивного стремления к «обладанию». Карамзин считал, что в каждом человеке нужно прежде всего видеть человека, а потом уже мужчину или женщину, что любовь должна включать в себя дружбу: именно дружба как высшее единение освящает узы брака. Дружба уравнивает мужчину и женщину не только в любви, но и в нравственной сфере вообще. Как высокая дружба строилась его отношения со второй женой Екатериной Андреевной в их мно-

голетнем и многодетном браке. Поклонники Карамзина разделяли его взгляды, но Карамзин «жил, как писал, писал, как жил» (Батюшков), а им это не удавалось.

Е.М. Хитрово известна в связи со своими талантливыми друзьями. Но она и сама была человеком незаурядным. Ее первый муж граф Ф.И. Тизенгаузен погиб в 1805 г. в битве под Аустерлицем. В 1811 г. она вторично вышла замуж за генерал-майора Н.Ф. Хитрово, красивого и статного, но больного человека. Их, видимо, соединила общность взглядов и интересов, взаимная симпатия. В 1815 г. Н.Ф. Хитрово получил назначение на должность русского поверенного в делах во Флоренции. Здесь его жена часто посещает тосканскую королеву, использует свои визиты для помощи русским художникам в деле сбыта их картин на Западе и получении заказов. Через нее, например, тосканская королева предложила А.П. Брюллову сделать портреты королевской фамилии. Но ни Крым, ни Италия не смогли излечить больные легкие ее мужа, в 1919 г. он умер. Почти семь лет живет она за границей – во Флоренции, Неаполе, Вене, везде пользуется уважением. В 1926 г. возвращается в Россию, живет в семье своей младшей дочери Дарьи (Долли). Ее зять граф К.Л. Фикельмон, австрийский посол в России, человек широко образованный, автор нескольких книг по вопросам тогдашней политики и дипломатии, относится к ней с большим уважением. Она – частый гость в австрийском посольстве, участвует во многих мероприятиях, появляется на вечерах, балах, получает разнообразную информацию о политических и культурных событиях в Европе. Завязывается ее дружба с Пушкиным, Баратынским, Вяземским и другими писателями. И именно здесь она оказывается осмеянной, засмеянной, задраженной до безобразия. Вот письмо Пушкина к Вяземскому (март 1830 г.): «Если ты можешь влюбить в себя Элизу, то сделай мне эту божескую милость. Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку... а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефрейхи» (7, 282). А ей он пишет: «Я по горло сыт Москвой с ее татарским убожеством!... Ваши письма – единственный луч, проникающий ко мне из Европы!» Неприятная двойственность. Чем она вызвана? Бахвальством своими «успехами», стремлением унижить, чтобы эти успехи подчеркнуть. Ведь речь в его письме идет даже не о проявлении эротических чувств, а об эротических *притязаниях*. Но даже если бы они и были (что невероятно), их очень легко было бы пресечь, вовсе и не обращаясь за помощью к Вяземскому. Пентефрейхой дело не ограничивается, появляются другие прозвища – Эрминия, Фелида (старые гетеры, жаждущие любви молодых мужчин), Афродита Гробоная, Лиза Голенькая. Друзья приходят на помощь, изошряются. Вяземский подогревает, разжигает, уличает Пушкина в лицемерии. «Скажи Пушкину, что он плут. Тебе говорит о своей досаде, жалуется на Эрминию, а сам к ней пишет... Я на днях видел у неё письмо от него. Не прочел, но прочел на лице ее, что она довольна», – писал он жене. По Петербургу ходила эпиграмма Пушкина

Лиза в городе жила с дочкой Долинькой,

Лиза в городе слыла Лизой Голенькой.

И т.д. Она носила декольтированные платья, их носили все. Может быть, под 40 и за 40 и не стоило бы... но такой ли уж это грех? Эпиграмма Баратынского не просто зла, она убийственна не в переносном, а в прямом смысле слова.

Фелида с каждою зимою,

Зимою новою своей,

Пугает большей наготою

Своих старушечьих плечей.

И, Афродита Гробовая,
Подходит словно к ложу сна,
За ризой ризу опуская,
К одру последнему она.

Здесь выражено отношение к человеку только как к телу, человек оценивается только по признакам пола. Тело еще не пришло в негодность для жизни, «хватило бы, еще на три – четыре вдовства» (Вяземский), но потеряло свою притягательность, не вызывает вожделений, значит, нечего и церемониться – в утиль. Может быть, это и оправдано в эротических отношениях... но им-то, друзьям, что за дело? Может быть, она проституткой какой-нибудь была? Боже упаси. Этого никто из них никогда не говорил, и мысль такая не могла придти никому из них в голову. Тогда зачем же это злое поношение? Александр Блок прав: страшно жить в обществе, которое поставило талант и гибкость ума выше нравственной чистоты и честности. Сами-то они как будто не ставили... Тогда откуда же всё это? Вот откуда. Пушкин пишет Вяземскому: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы; он и мал, и мерзок – не так, как вы – иначе» (7, I, 237). Здесь просматриваются два негативных момента – стремление уйти от ответственности и гордыня. Пушкин свое величие осознавал, себя к великим причислял и в этом был прав. Однако с величием ответственность возрастает и не только профессиональная, но и нравственная. О, конечно, это трудно, невероятно трудно: ведь гению приходится пребывать в двух разных мирах, это очень большая нагрузка на нервную систему, на психику. Да только где же легче? На вершине власти соответствовать еще труднее... Недаром все мудрецы мира не устают повторять: кому много дано, с того много и спросится. А если гений сам способен опошлять, унижать, причинять страдание, то чего же удивляться черни? И гордыня: мы-де не такие, как все, у нас и мерзость как бы не мерзость. Нет уж, мерзость она и есть мерзость, кто бы ее ни совершал, великий или малый. Пушкин сам ведь писал о Екатерине II. Должное он ей воздал, но и спуска не дал. Ее политика, ее деятельность в целом отвечали интересам России, ее и сейчас называют Екатериной Великой. Сама она была широко образованна, очень умна, талантлива, к тому же красива, обаятельна, мягка и тактична в обращении, но ее эротические непотребства, особенно в конце царствования, перечеркнули почти всё... Кому много дано, с того много и спросится. Гордыня идет от неосознания человеком несовершенства своей природы. «Человек – это звучит гордо!» Хорошо сказано, да только перед кем в самом деле гордиться-то... уж не перед обезьянами ли? Понимание своего несовершенства нелегко совместить с чувством собственного достоинства, но это необходимо.

Друзья бывают у Е.М. Хитрово дома, часто посещают ее салон, пользуются разного рода помощью. «В 3 месяца книжку, нет, книжищу выдадим с помощью божией и Лизы Голенькой», – сообщает Пушкин Вяземскому (7, I, 309). И т.д. Ну а что же она сама? Почему допускала? Не знать она не могла. Если даже мать Пушкина называла ее в письмах Эрминией (4, II, 418), то дело зашло далеко. Понимала человеческие слабости и прощала их? С пониманием и знанием таких слабостей жить нелегко. Но что значит прощать? На мой взгляд, это означает не иметь зла и не мстить ни в действиях, ни в мыслях, а вовсе не означает попустительства оскорблениям. Если тебя поносят и осмеивают – непосредственно или за спиной, а ты продолжаешь общаться и даже заверять в своей друж-

бе, то это не прощение, а какая-то тамасическая инерция недостойности. Такое «прощение» никакой пользы прощаемым не приносит, наоборот, провоцирует и разнуздывает.

Из них из всех долгая жизнь выпала одному только Вяземскому. С годами многое в нем переплавилось и очистилось. Поздний Вяземский гораздо интереснее и глубже раннего. Вот что он пишет в это время о Е.М. Хитрово: «В летописях петербургского общежития имя её осталось так же *незаменимо*, как и *привлекательно* в течение многих лет. Утра ее (впрочем, продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмон, неизгладимо врезаны в память тех, которые имели счастье в них участвовать». Далее Вяземский говорит, что участники получали самую разнообразную и актуальную информацию по всем вопросам русской и европейской жизни, информацию, которая русской цензурой в печать не пропусклась. «А что всего лучше, эта всемирная изустная разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин. Подобных издателей не скоро найдешь. А какая непринужденность, терпимость, вежливая и *себя и других уважающая* свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах!... В числе сердечных качеств, отличавших Елизавету Михайловну Хитрову, едва ли не первое место должно занять, что она была неизменный, твердый, безусловный друг друзей своих. Друзей своих любить не мудрено; но в ней *дружба возвышалась до степени доблести*. Где и когда нужно было, она за них ратовала, отстаивала их, не жалея себя, не опасаясь за себя неблагоприятных последствий». Смерть Е.М. Хитрово Вяземский переживал тяжело: «не стало у меня внимательной, доброй приятельницы; *вырвано главное звено, которым держалась золотая цепь, связывающая* сочувственный и дружеский кружок...» (курсив везде мой. – Л.М.) (3, 437-438). Ни слова о прегрешениях этого кружка, о своей и его тяжелой вине по отношению к этому человеку. Но так, наверное, и лучше: чище и яснее образ. Хорошо. Только что же дошло до потомков? Недавно при упоминании о ней бывший вузовский литературовед произнес: «А-а-а... старая кошка, безнадежно влюбленная в Пушкина». Что уж говорить о школьниках... Всё это приносит вред не только памяти Е.М. Хитрово и др., но и самим потомкам: накопление в обществе несмеющегося смеха способствует формированию Дантесов. Что, собственно, такое Дантес? Крайнее выражение отношения к человеку как к телу, безразлично к кому: мужчине, женщине, гению, дураку, красивому, уродливому. Крайний цинизм, примитивный эгоизм: я, моё, мне, меня, со мной, для меня. Жажда побед, унижающих другого, стремление к хуле, очернению, непреодолимая тяга к несмеющемуся смеху. Физическая суть такого рода людей может быть разной, но психическая и духовная ипостаси повреждены непременно. Несмеющегося смеха было очень много в тогдашней среде. Вот что рассказывает, например, Вяземский о гусарской юности Н.Ф. Хитрово. Был он изрядный волокита. Если не удавалось ему достичь успеха, то в отмщение непокорившейся красавице он ставил свою карету напротив ее дома на всю ночь. В обществе начинались толки и сплетни. Ему этого хватало: важна не столько победа, сколько слава о ней. Но однажды его товарищ увидел, как он прячет в сумку элегии Парни. Хитрово взмолился: «Ради Бога, молчи и не губи меня. Товарищи в полку любят меня потому, что считают меня служакой и гулякой, и чуть ли не безграмотным. Как скоро проведаету они, что занимаюсь чтением французских книг, я человек пропащий, и мне в полку житья не будет» (3, 436-437). По каким-то причинам Хитрово вынуж-

ден был приспосабливаться к моральному кодексу гусарских полков (Чаадаев, видимо, тоже). Но были в этой среде «шалости» и гораздо скабрее. Вяземский говорит, что в печати невозможно представить эти проказы «в их буквальной наготы» (3, 430). О забавных и одновременно преступных шуточках свидетельствует пушкинская «Метель». Всё это что-то большее, чем маргинальная сторона культуры. Дантесам не надо приспосабливаться к моральному кодексу гусарских и кавалергардских полков, это их стихия, в ней их честь, успех, престиж и т.д., вне ее они ничто. Известно, что Пушкин был некрасив. «Невозможно быть более некрасивым – это смесь наружности обезьяны и тигра», – писала в дневнике графиня Д. Фикельмон (4, II, 437). Рядом с женой «его уродливость еще более поразительна, но когда он говорит, забываешь о том, чего ему не достаёт, чтобы быть красивым. Его разговор так интересен, сверкающий умом, без всякого педантизма». Дантесы видят только смесь наружности обезьяны и тигра. Юная, необыкновенно красивая жена Пушкина веселилась на балах от души и без всякого кокетства. Дантесу невыносимо: какая-то жалкая померь обезьяны с тигром обладает этой жемчужиной, а он, статный красавец, блестящий кавалергардский офицер, не может этого добиться. Красотка недотрогу из себя разыгрывает. А эта обезьяна еще и взъерепенилась! Прочитать немедленно! Анонимные пасквилы – это ведь те же романтические шуточки. Шалости. Женитьба на Е. Гончаровой сюда же относится. Екатерина красива, очень похожа на Наталью, чего-то в ней, правда, недостает, жизненности что-ли... но выйти в свет с ней не стыдно. Чем и в чем она может ему помешать? В дожуанских шалостях? Пусть только попробует! А пока... Ох, как можно позабавиться! (Извращенно). Заодно и общество одурачить. С точки зрения Дантеса, все это – необыкновенно изобретательная комедия. Гордиться можно. Не только до гения Пушкина, но ему и до самой Натальи Николаевны нет дела. Любви такие люди не знают. «В этих нет ни удивления, ни мощи» (Ригведа. VII. 61, 5). На этом фоне вызывает недоумение позиция большинства друзей Пушкина: они отказываются верить в то, что Дантес и после женитьбы на Гончаровой продолжал нагло ухаживать за Н.Н. Пушкиной, а когда приходилось в этом убеждаться, становились в тупик: такого просто не может быть! Наивность культурной элиты или игра в наивность? Наверное, прав М.М. Бахтин: ни одна культура не может осознать себя вполне.

Академик Н.Н. Моисеев давно говорил, что в целях преодоления планетарного кризиса необходимо прежде всего мобилизовать нравственный потенциал прошлого. Он прав. В прошлом много добра и света. Но они завалены инфекционным мусором – несмеющимся смехом. Геракл вычистил Авгиевы конюшни. Сципион и Цезарь пытались очистить от скверны могущество, власть; Карамзин и Жуковский – любовь, дружбу, личное достоинство. А. Блок поставил вопрос об очищении таланта, ибо «талант – обязанность, а не право» (2, 95). Нам нужно попытаться очистить прошлое от пошлости несмеющегося смеха.

Трижды прав Н.Н. Моисеев: нравственного потенциала прошлого нам уже недостаточно.

Но без него и шагу не сделать.

Список литературы

1. Батюшков К.Н. Избранные сочинения. – М., 1986.
2. Блок А.А. Дневник. – М., 1989.
3. Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. – М., 1988.
4. Друзья Пушкина: В 2 т. – М., 1984.
5. Кутырев В.А. Алгебра, убивающая гармонию // Человек. – 1991. – № 3.
6. Лотман Ю.М. Сочинение Карамзина. – М., 1987.

7. Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. – М., 1982.

8. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. – Ч. II. – М., 1920.

9. Пушкин А.С. Письма к жене. – М., 1986.

10. Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. – М., 1985.

11. Селье Г. Стресс без дистресса. – М., 1982.

12. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. – М., 1983.

**Савелова
Евгения Валерьевна**
канд. культурологии, доц.

МИФ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ: КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Формирование культурно-семиотической парадигмы интерпретации мифа берет свое начало с периода становления философского знания о культуре как самостоятельной многомерной intersubъективной реальности, «универсума непроявленных жизненных смыслов» (Э. Гуссерль), рождающихся и получающих воплощение в знаково-символической форме. Понимаемая как универсум человеческого, культура выступает условием бытия для человека, смыкается с фундаментальными сферами бытия и экзистенциальности, переводя экзистенциальное переживание в культурный символ. Пространство ее существования есть пространство культурных смыслов, получивших семиотическое воплощение в форме знака или текста и ориентированных на коммуникацию с Другим (Другими).

Начиная с XVIII века, исследовательское внимание сосредотачивается на проблемах культуры, ее генезисе, структуре, функциях, ее компонентах и способах связи между ними. В этом контексте в сферу философских, исторических, лингвистических, психологических и культурологических размышлений попадает миф, обретая методологический статус сразу для нескольких концептуальных полей в исследовании культуры. С развитием методологии науки, с построением эволюционных схем всемирно-исторического процесса мифотворчество начинает рассматриваться как древний примитивный этап развития общества и духовной культуры, который впоследствии закономерно переживается.

Особое место в интерпретации мифа принадлежит Дж. Вико, который одним из первых обратил внимание на то, что своеобразие мифологии связано с неразвитыми и специфическими формами мышления, сравнимыми с детской психологией. Возвращая мифу культурный статус, Дж. Вико характеризует его как особую, «поэтическую» форму постижения мира, сходную с детским восприятием. Мифы были основой человеческой культуры, способом мышления первых народов, еще не владеющих истинной «философской мудростью» и поэтому свободных в воображении и фантазии, в соединении форм, свойств и понятий воспринимаемых вещей (1, 89, 132–133).

В XIX – начале XX века научный интерес к социокультуре

турной проблематике мифа и механизмам его действия значительно возрастает, а концептуальное поле базовых категорий, принципов и представлений философии мифологии, методологических установок конкретно-научного изучения мифа приобретает новые смысловые векторы. Массовое привлечение этнографического материала расширяет представление о «географии» и «хронологии» мифа: в орбиту научного исследования входят первобытная, германская, славянская мифологии, а также мифы примитивных народов Америки, Африки, Австралии, Полинезии и др. Внимание ученых-этнографов, лингвистов, историков привлекает своеобразие «примитивного» *мифологического сознания*, проявляющегося в тех сферах культуры, которые формируются на ранних этапах человеческой истории (Э.Б. Тайлор, Д.Д. Фрезер, Э.С. Хартланд, Э. Кроули, Л.Я. Штернберг и др.).

Представителями отечественной и немецкой «мифологических» школ (И.И. Срезневский, Ф.И. Буслаев, К.Д. Кавелин, А. Кун, В. Шварц, М. Мюллер и др.) миф интерпретируется как неотъемлемый компонент народной культуры, ее психологии, верований, быта и социальных отношений, отождествляется с формами коллективного народного творчества, с обрядами и обычаями. Для этого круга исследователей характерна общая идея об изначальном эмоциональном характере мифа, неразличимости в нем рационального и чувственно-образного начала. Судьба мифа, изменение его как формы определяется историческим изживанием, преодолением, слиянием мифологических и фольклорных форм, при этом сохраняются наиболее устойчивые формулировки и образы в поздних культурных и литературных формах.

Своеобразные концепции мифа в лингвопоэтическом и лингвопсихологическом ракурсе были разработаны А.Н. Афанасьевым и А.А. Потебней. Именно в их интерпретации впервые звучит мысль о мифе как одной из культурных форм, порожденных языком и имеющих непреходящую ценность в процессе развития и языка, и культуры, и человеческого сознания.

Но в целом, несмотря на значительное расширение сферы действия мифа (историко-культурный, фольклорный, ритуальный, поэтический, лингвистический и др. аспекты), классический рационализм по-прежнему считает миф ошибочным, пред-научным объяснением явлений, свойственным «примитивному сознанию дикаря» (2, 129–130), при недостаточных средствах и возможностях для истинного познания. Мифотворчество в трактовке рационализма Нового времени носит квазилогический, ассоциативный характер, порождающие его причины сводятся к рационально постигаемым; за мифом закрепляется место формального компонента в устойчивой традиции.

Маркируя в XX веке вступление культуры в эпоху «вторичной мифологизации», миф не просто подтверждает свою историко-культурную значимость, но обнаруживает универсальность в процессе возникновения, становления и трансляции многообразных социокультурных реалий.

Важнейшую роль в интерпретации мифа как универсального феномена человеческого сознания и культуры сыграли разработки в области психологии и психоанализа (И.Ф. Гербарт, В. Вундт, Л. Леви-Брюль, З. Фрейд, К.-Г. Юнг, К. Абрахам и др.). Ставя развитие и изменение мифа в зависимость от особенностей человеческой психики, исследователи находят новые, порой противоположные грани истолкования взаимосвязи и взаимообусловленности человека и культуры, человека и мифа, мифа и культуры.

Исследуя аффективные состояния и сновидения, З. Фрейд считает миф «памятью рода», особым спосо-

бом кодирования фундаментальных для человечества проявлений сферы бессознательного (3, 348–349). Миф индивидуального сознания определяется глубинными бессознательными психологическими мотивами, фиксирует в «скрытой» форме общий исток всех индивидуальных и общечеловеческих проблем, выполняет компенсаторную функцию при запрете желаний и влечений. Миф об Эдипе, по З. Фрейду, является универсальной формой, в которой заключено содержание всех желаемых асоциальных и аморальных действий. Однажды возникнув в истории культуры, мифы постоянно воспроизводятся каждым новым поколением людей и каждым человеком, так как проблемы их психической жизни остаются примерно одними и теми же. В мифах хранится обобщенная история психической жизни человечества, история становления культуры как социального механизма подавления и компенсации инстинктов и влечений, поэтому так часто можно найти параллели между ними и фантазиями и снами душевнобольных, свободных от «насилия» культурных норм и табу.

Как и З. Фрейд, К.-Г. Юнг признает связь мифологии и бессознательного, но понимает ее иначе. Согласно его концепции, мифы и сновидения являются проекциями существующей в человеческой психике матрицы архетипов – структур бессознательного, благодаря которым образуются мысли и чувства всего человечества. Коллективное бессознательное имеет надиндивидуальный, трансперсональный характер, а его осознание предполагает сложную историко-культурную, десимволизирующую процедуру. Мифотворчество имеет теснейшую связь со структурами коллективного бессознательного, это особый этап в истории человеческого сознания и культуры. Как пишет К.-Г. Юнг, «коллективное бессознательное, видимо, состоит... из чего-то вроде мифологических мотивов и образов; поэтому мифы народов являются непосредственными проявлениями коллективного бессознательного. Вся мифология – это как бы своего рода проекция коллективного бессознательного» (4, 126).

Но миф – не застывшая форма: каждое индивидуальное сознание творит свой миф, наполняя универсальные архетипы индивидуальным, эмпирическим содержанием. Таким образом, собственное мифотворчество оценивается К.-Г. Юнгом как путь к интеграции личности, достижению личностной целостности и неповторимости. Миф становится способом освоения не повторяющегося, не всеобщего, а единичного, уникального.

Представители психологической школы смогли вывести анализ мифа на новый уровень: обращение к сфере мышления, к глубинам индивидуальной психики, к сфере бессознательного позволило найти там определенные социокультурные основания для актуализации механизмов мифологического смыслообразования в современной культуре.

В пределах философской парадигмы неклассики строит свою символическую концепцию культуры и мифа Э. Кассирер. По нашему убеждению, именно в исследованиях Э. Кассирера наиболее полно и последовательно выстраивается культурно-семиотическая модель мифа, в которой, с одной стороны, акцентируется внимание на решении проблемы культурного статуса мифа, а с другой стороны, определяются способы и механизмы семиотической репрезентации его смыслов.

Согласно Э. Кассиреру, между человеком и реальностью всегда находится мир производных его сознания, объективность же задается не предметами и объектами внешнего мира, а создается активной деятельностью сознания. Поэтому проблема культуры сводится всецело к отысканию формообразующего принципа (в концепции

Э. Кассирера это символизация) и специфики его проявления в различных формах культурного бытия. «Человек живет... не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта» (5, 471).

Кассирер строит теорию мифа как необходимой функции постижения мира, сознательно абстрагируясь от реального содержания предметного мира в мифологической обработке. Миф предстает в его интерпретации как независимый от непосредственного отношения к внешнему миру способ символизации, символической объективации глубинных принципов сознания. Миф – замкнутая, самодовлеющая, самодостаточная система, целостность, закономерный момент жизни сознания как целого, единая структура духа. Главный формообразующий принцип мифа – «закон сгущения или совпадения соотносимых звеньев в мифологическом мышлении», т.е. в мифе все бытие сплавляется в конкретно-образных частностях в единое целое. Как отмечает Э. Кассирер, миф «скатывает все, к чему он прикасается, словно в единую недифференцированную массу» (6, 80). Отношения, устанавливаемые мифом, устроены так, что благодаря им включенные в них звенья оказываются не только объединенными идеальной взаимосвязью, но и становятся тождественными. «Что бы ни «соприкасалось» друг с другом в мифологическом смысле – понимается ли это соприкосновение как пространственное или временное совпадение, или же какое-либо, пусть даже отдаленное сходство, или принадлежность к тому же «классу» или «роду» – оно перестает быть разнородным и разнообразным: оно приобретает субстанциальное единство сущности» (6, 78).

Э. Кассирер подробно останавливается на логике развертывания мифологического образа и его дальнейшем развитии в новых мотивах и персонажах. Отдельные ступени развития мифа, некоторые его духовные особенности и основные черты не просто следуют одна за другой, а зачастую противостоят друг другу, не только развиваются и дополняются, а порой отрицаются, более того – просто уничтожаются. Такого рода «диалектика мифа» проявляется не только в динамике содержания мифологического сознания, но и господствует в его «внутренней форме», определяя и логику, и функции своеобразного мифологического творчества и смыслообразования.

Э. Кассирер отмечает изначальную противоречивость человеческого бытия, определившую и амбивалентность культуры: стремление к постоянству и к свободной деятельности. Мифологическое бытие, по его определению, является консервативным, константным, отражающим нормативное начало человеческого бытия. Как и все символические формы, миф характеризует основную смылосозидающую, конституирующую функцию сознания, однако стремление к упорядоченности постепенно приводит к тому, что в рамках мифологического мироуствования не остается пространства для свободы, миф замещается более динамичными формами – наукой, искусством и др. Однако, по убеждению Э. Кассирера, ни одна из основных форм духовной культуры не может быть свободной от мифа, ни одна не обладает «изначально самостоятельным бытием и собственным четко очерченным силуэтом; напротив, каждая из них предстает перед нами словно в одеянии и обличье какой-либо из мифологических фигур» (6, 8).

Таким образом, как отмечает Э. Кассирер, «мы не можем полностью подавить миф или изгнать его из нашей жизни – он всегда появляется в новом обличье», в

качестве «снятого момента». Это объясняется особенностями гетерогенного мышления современного человека: его сознание включает самые разные пласты, в том числе и архаические, мифологические. И поскольку миф отвечает глубинным устремлениям и желаниям человеческого сознания и создается коллективным бессознательным, то именно к нему и апеллирует, например, идеология. Стремясь актуализировать лишь одну сторону мифологического сознания – организующе-нормативную, идеология формирует функциональный миф, позволяет через упорядочение картины мира упорядочить действия людей.

Схожие аспекты проявления мифа в пространстве культуры анализирует уже в середине XX века Я.Э. Голосовкер, но он приходит к иным выводам о природе мифологического мира и судьбе мифотворчества. Я.Э. Голосовкер считает, что «инстинкт постоянства» реализуется в нормативности культуры; потребность же в свободной деятельности осуществляется с помощью воображения как свободы познания и творчества. Именно в мифе, в отличие от Э. Кассирера, Я.Э. Голосовкер находит наиболее полное проявление особого творческого, «имажинативного» мышления. Мифологическое мышление – «мышление под господством воображения» (7, 11, 138), творческая деятельность, имеющая свой разум и «логику чудесного», отличную от формальной логики здравого смысла. Отстаивая мысль о креативности как сущностной характеристике мифа, Я.Э. Голосовкер утверждает, что мифологическое мышление, построенное по законам высшего типа мыслительной деятельности, существует вечно, так как вечно проявление человеческого духа и высших творческих сил. С помощью фантазии «воображение изобрело миф: мир, в котором были скрыты истины, невыразимые по обычному мыслью-словом» (7, 154).

В рамках семиотики культуры Ю.М. Лотман определяет миф как феномен сознания, порождающий специфические повествовательные тексты. Их особенность в принципиальной монолингвистичности: «предметы этого мира описываются через такой же мир, построенный таким же образом» (8, 59), в отличие от дескриптивных, полилингвистических текстов, описывающих объекты мира с помощью иной, абстрактной системы описания, метаязыка, не принадлежащего языку описываемых объектов. Иными словами, в семиотике мифа Ю.М. Лотмана понимание дескриптивных текстов определяется через понимание перевода с языка объектов на метаязык, а понимание мифологических текстов связано с пониманием трансформации самих объектов. То есть, будучи принципиально антизнаковым, мифомышление не делает различия между знаком и реальностью, более того, из этого следует, что если мифологическое наименование тождественно объекту, то переименование способно изменить сам объект.

Мир объектов сквозь призму мифологического, «одноразового» сознания видится как нерасчленимый на признаки (но не на части), не имеющий логической иерархии (но ценностно иерархичный), однократный (но объединяющий различные предметы в одно интегрированное целое). Таким образом, «в мифологическом мире имеет место достаточно специфический тип семиозиса, который сводится в общем к процессу номинации: знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени» (Пример: Иван – человек и Иван-Человек) (8, 61).

Как отмечает Ю.М. Лотман, отождествление названия и называемого определяет представление о неконвенциональном характере собственных имен, об их онтологической сущности, поэтому мифологический слой

естественного языка включает в себя систему собственных имен в качестве первичного, наиболее устойчивого и неизменяемого ядра. Кроме собственных имен, в мифологический пласт входят другие естественные, не-знаковые элементы, например, звукоподражания, формы экспрессивной лексики, детские слова, формы клича и отгона животных и т.д.

В условиях немифологического сознания мифологический текст порождает метафорические конструкции, что приводит в конечном счете к резкому росту «гибкости языка» и тем самым создает условия для постепенной трансформации мифа в поэзию. Однако Ю.М. Лотман вовсе не разделяет традиционного представления о поступательном движении человеческой культуры от мифопоэтического этапа к логико-научному. По размышлению Ю.М. Лотмана, необходимо признать тот факт, что человеческое сознание принципиально гетерогенно, т.е. «сохраняет в себе определенные пласты, изоморфные мифологическому языку». С момента возникновения культуры в ней существуют и совмещаются противоположно организованные структуры и элементы разнородных типов мышления, поэтому «речь может идти лишь о доминировании определенных культурных моделей или о субъективной ориентации на них культуры как целого» (8, 68, 76).

Таким образом, реконструкция основных черт культурно-семиотической парадигмы интерпретации мифа позволяет сделать следующие выводы:

- миф признается имманентным культуре, трактуется как ключевой момент, всеобщее основание культуры, ее универсальный феномен, оказавший фундаментальное воздействие на все сферы бытия человека в историко-культурном процессе;

- миф определяется как первоисточник и первоэтап бытия человека и культуры, в котором берет свое начало генезис всех основных культурных форм; они либо возникают и развиваются с мифом в общем взаимопроницаемом пространстве вплоть до обособления, либо, преодолевая миф, сохраняют в своем составе рудиментарные мифологические компоненты;

- полисемия понятия «миф» порождает крайнюю концептуальную неоднородность, поэтому, обращаясь к тем или иным социокультурным реалиям, исследователи стремятся проанализировать их с позиции нового, порой парадоксального проявления мифологической доминанты, тем самым расширяя представления о социокультурных границах мифологической ситуации;

- разнородность и противоречивость в исследовательских интерпретациях приводит к констатации факта внутренней амбивалентности мифа по целому ряду признаков: историчность/внеисторичность, коллективность/индивидуальность, креативность/нормативность, знаковость/не-знаковость, логичность/алогичность, архаичность/современность и т.п.;

- основное внимание исследователей привлекает определение специфики разнообразных способов и форм репрезентации мифологических смыслов: эмоционально-чувственные образы и представления, верования, ритуалы, обряды, обычаи, фольклорные и этнокультурные формы народного творчества, нормы и традиции, языковые и поэтические единицы, свойства и структуры сознания, мыслительные операции, различные проявления деятельности психики, архетипы, символы, знаки, тексты и др.

Список литературы

1. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. – М.: Киев: Рефл-бук, ИСА, 1994.
2. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989.

3. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. «Я» и «Оно» (Труды разных лет): В 2 кн. – Тбилиси: Мерани, 1991. – Кн. 1.
4. Юнг К.-Г. Проблема души // Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс-Универс, 1994.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998.
6. Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. – М.: СПб.: Университетская книга, 2002. – Т. 2. Мифологическое мышление (1925).
7. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1986.
8. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры.

**Синченко Георгий
Чонгарович**
д-р филос. наук, проф.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЗАРЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Почерпнутые из немногих источников крайне интересные сведения потребовали суммирования в статье, несмотря на то, что несколько отрывочная фактография служит слабой защитой от вольностей в интерпретации.

Эта эпоха была оригинальной и творческой, сама не сознавая того.
Б. Рассел. История западной философии

Социологическое направление философии науки считает критическим фактором становления последней возникшие в первой половине XIX в. исследовательские университеты¹ как форму ее профессионализации. Проницательный по отношению к современной «большой науке» этот институционалистский взгляд, продли мы его в прошлое, превратится в анахронизм и близоруко заскользит по силуэту научной революции XVII в., однако неожиданно вновь обретет зоркость на рубеже XI–XII столетий.

В качестве религии откровения христианство исходит из сосредоточенности истины в священном тексте, который надо истолковать. В качестве авраамистской религии оно разделяет ветхозаветную уверенность в том, что «тварный мир исходно словесен, ибо сотворен по слову Божию» (1, 18). Следовательно, все сущее предстает символическим планом выражения замысла и воли Творца, тем самым также оказываясь своего рода книгой. Предначертанность и в то же время сокровенность смысла определяют концепцию познания как образования, а образования — как общения с Отцом и Учителем. «Если в Новое время ученый — тот, кто исследует, то ученый в Средние века — тот, кто знает об истинном знании. И потому не ученый, а ученый человек» (2, 12).

Говоря современным языком, средневековое познание структурируется в субъектно-субъектном формате, где

сакральный диалог человека с Всевышним опосредствуется социальным аспектом общения мастера с подмастерьем, магистра со школяром согласно максиме *docende discere* (уча учиться). Поэтому «не наука формирует школу, а школа всем своим существом, именем и каждой буквой своего имени лепит науку» (2, 12), «наука и ученость произошли от учения, а не наоборот» (3, 135).

Как в капле воды, отмеченная особенность отражается в юриспруденции. Каноническая четырехзвенная композиция средневекового университета (высшие богословский, юридический, медицинский факультеты и низший факультет свободных искусств, он же, позднее, философский) складывалась не одно столетие. История Парижского университета уходит в XII в., между тем как его теологический факультет был открыт (сначала в качестве самостоятельной школы) королевским духовником Робертом Сорбоном в 1253 г. Хотя Англия обзавелась юридическими факультетами в Оксфорде и Кембридже предположительно не ранее того же XIII в., в 1144 или 1149 г. в Кентерберии и Оксфорд перебрался читать право Вакарий², получивший образование в Болонье, университет которой начался с юридических студий. Поскольку же Болонский университет — один из старейших, если не старейший, постольку не исключено, что историю вузовских курсов лекций открывает правоведение. Однако дело не столько в том, что первая университетская наука — это, возможно, наука права, сколько в том, что юридическая наука — исконно университетская, входящая неотъемлемой частью в средневековый комплекс образовательно-познавательных практик.

Достоинно внимания, что само название «университет» было почерпнуто из лексики римского права³ и приспособлено к обстоятельствам времени. Средневековая Европа являла собой этнически, политически и юридически пеструю картину. Элементы клановости архаичного права, не допускавшего равноправия чужаков с членами общины и предполагавшего производность правосубъектности индивидуума от его принадлежности к коллективу, помещали приезжих молодых людей в ущемленное положение. Так, в Болонье местный делец мог обратиться имущественный иск на любого соотечественника своего должника. Защищаясь от подобных угроз, студенты спланировали в землячества по географическому и этническому признаку, а землячества объединялись в корпорации (*universitas*) с правами юридического лица. Студенческая гильдия «получила от города Болоньи хартию, которая позволяла ей заключать договоры с профессорами, регулировать аренду студенческого жилья, определять преподаваемые курсы и охватываемый ими материал, устанавливать длину лекций и количество камикулов, регулировать цены на аренду и продажу книг. Преподаватели получали плату непосредственно от студентов на уроках» (3, 128).

Как видим, первоначально Болонский университет — организация студентов, созданная для защиты их интересов. Этот специфический студенческий цех (может быть, даже «профсоюз») на принципах представительной демократии формировал генеральный совет — орган самоуправления и ведомственного нормотворчества, который обладал гражданской и уголовной юрисдикцией над своими членами, ведал вопросами избрания ректора⁴, благонравия и дисциплины⁵. Приведем резюме Ф. Паульсена: «Название *universitas* обозначает университет как корпорацию, название *studium* — как учебное учреждение с универсальной программой, термин *studium privilegiatum*, освященная школа, подчеркивает те преимущества и льготы, которыми они пользуются» (цит. по: 2, 37).

Столкнувшись с корпоративно организованными

школярами, преподаватели учредили собственную ассоциацию, присуждавшую докторскую степень (фактически эквивалентную *licentia docendi*, т. е. праву чтения лекций) и таким образом проводившую кадровую политику. На этом полномочия профессуры не останавливались. Император Фридрих Барбаросса в 1158 г. дал Болонской школе привилегию, в силу которой обучающиеся в ней иностранцы подсудны профессорам, а не общим судам (чем по крайней мере частично ставится под сомнение тезис о юрисдикционной автономии студенческой гильдии)⁶. Решения по важнейшим вопросам университетской жизни голосовались совместно студентами и преподавателями.

Со временем города, в чьем экономическом благополучии доходы, вызванные притоком студентов, играли большую роль, перехватили у *universitas* экономический рычаг власти: профессура стала получать плату из городской казны, со своей стороны клятвенно обещая не уезжать из города. Впрочем, прямое студенческое финансирование образовательных услуг не исчезло полностью и имело продолжение в должностях экстраординарных (внештатных) доцента и профессора⁷, что практиковалось и в высших учебных заведениях царской России.

В контроле над университетами участвовала еще одна сила — церковь, заинтересованная «в наличии в собственной иерархии образованных людей, причем не только богословов, высокие социальные позиции которых закреплялись соответствующими университетскими лицензиями и дипломами и которые своей деятельностью были способны утверждать и отстаивать габитус власти» (5, 186-187). Поэтому она проявила себя доброжелательным патроном, охотно давала университетам статуты и привилегии и довольствовалась номинальной административной властью. «Наука парижских школ, — говорил в 1225 г. Папа Александр IV, — это для святой церкви словно древо жизни в земном раю, словно сияющий светильник в доме Господнем» (цит. по: 6, 300). Благоклонность понтификов политически предопределила расцвет университетской науки: «С того момента, когда в 1215 году Парижский университет получил от папского престола письменную хартию, в европейской цивилизации стало одним измерением больше: отныне университеты начали существовать как относительно автономные культурные центры, целиком погруженные в поиски знаний» (7, 150).

Проуниверситетская линия римского епископата не всегда обеспечивала комфортные условия для свободного развития именно юриспруденции. Известны соответствующие запреты, порой касавшиеся не только духовенства, но и мирян (буллы 1220 и 1259 гг., приостановившие преподавание римского права в Париже). Объяснение можно искать в светском духе гражданского права, однако наверняка не обходилось без конкретных политических мотивов, нюансы которых непросто разглядеть в толще веков.

В целях полноты картины добавим, что университетам покровительствовали светские князья. Они также нуждались в «юристах, врачах и переводчиках, способных не только толковать законы и составлять королевские эдикты и уложения, но и представлявших собой формирующуюся чиновничью элиту, противостоящую, в свою очередь, аристократическим фамилиям, которые порой были не менее сильны, чем сам король» (5, 187).

В запутанной и помноженной на борьбу гвельфов с гибеллинами (сторонников Папы Римского с партией германского императора) политико-идеологической и экономической конъюнктуре сложились две модели: болонская («университет студентов») и парижская («универси-

тет преподавателей»). В последней профессора и студенты входили в общую организацию и подчинялись единому управлению. Внушительный ряд старейших школ от Падуи до Кракова приняли парижскую систему организации и администрирования, но болонскую учебную программу и методы.

Чему и как учили будущих юристов в Болонье и по ее примеру? И что не менее важно: почему болонский подход получил такое распространение, став первым научно-юридическим исследовательским проектом в послеполитической Европе?

Прямое отношение к поставленным вопросам имеет упомянутая выше раздробленность. В политико-правовой сфере она характеризовалась множественностью юрисдикций при отсутствии четких границ между ними, переплетением судебной и административной власти, конкуренцией традиционного «вещного» правосудия с насаждаемым профессиональным; в целом — партикуляризмом распыленного правового пространства, где волны областных и племенных обыкновений (кутюмов) захлестывали как друг друга, так и берега римского права. Достаточно вообразить себя в роли судьи, который должен судить каждого по его праву (т. н. система личных прав, издревле принятая у германских народов) и рассматривает дело, где на сторонах истца и ответчика сошлись представители разных правопорядков, чтобы осознать собственно практическую неизбежность решительных перемен.

Но история поставила проблему много шире. Прогресс сельского хозяйства подтолкнул урбанизацию, рост городов оживил коммерцию и ремесла и готовил королям естественного союзника в деле централизации, началось образование европейских наций. Эти процессы, внушительные сами по себе, стимулировались духовной санкцией. Затянувшееся ожидание конца света перешло в свою противоположность. Бренн мир был ревальвирован, его обустройство признано богоугодным и, по мнению церкви, требующим пастырского водительства с ее стороны. Тем самым рациональность как принцип конституирования отношений человека с конечным, а отчасти и бесконечным, получила мировоззренческую легитимацию. В свою очередь потребность в эффективной организации общественной жизни вывела на орбиту насущных интересов право. По словам И. А. Ильина, после первых веков морального максимализма и мечтательного утопизма Христова вера сумела реалистически переоценить положение дел и помогла понять, что «*право есть начало мира*» (8, 248).

Разумеется, право в том состоянии, в котором оно вступило во второе тысячелетие по христианскому летоисчислению, для новой высокой роли не годилось, что не ускользнуло от современников. Южнофранцузский трактат «Извлечения Петра», принадлежащий неизвестному автору второй половины XI в., гласит: «Если окажутся в праве положения, вышедшие из употребления, отмененные или противоречащие справедливости, то да позволено будет нам попираť их ногами. И, наоборот, да будет сообщено Вам, Одило, именитый господин города Валанса, все, что может быть заново открыто, или что нерушимо сохраняется, с тою целью, чтобы в разбирательствах Вашего трибунала и изъяснениях Ваших актов не оказалось чего-либо несправедливого или вызывающего на спор» (цит. по: 9, 25).

Пафос справедливости ясен. Чтобы разобраться, где она «нерушимо сохраняется» и «может быть заново открыта», надо принять во внимание, что прокатившиеся по Западной Европе катастрофы не уничтожили преемственной связи с античностью. В частности, перерыв

постепенности не был радикальным в правовой регуляции. Римское право до известной степени пережило варварские нашествия на Аппенины и удержало позиции в ряде бывших провинций, таких, как Галлия. Империя франков делилась по р. Луаре на этнические и одновременно правовые сегменты: страну писаного, т. е. римского, права (галло-романский Юг) и страну обычного права (франкский Север). Время от времени выходили сборники варваризованного римского права. Повсюду признавалось, что «*Ecclesia vivit lege Romana* (церковь живет по римскому закону)». Вскоре после того, как в 533 г. по распоряжению Юстиниана был составлен свод римского права, Италия ненадолго вошла в Восточную Римскую империю, и этот колоссальный документ, правда, не в полном объеме, действовал и находился в информационном горизонте западноевропейских юристов. Около 1012 г. епископ Вормсский Бурхард предпринял обширную кодификацию церковных норм, в конце века по его стопам последовал епископ Шартрский Ивон.

Юридическая ученость также не исчезла. При соборах и монастырях возникали школы свободных (благородных) искусств, в преподавание одного из которых, риторики, «вводили обыкновенно некоторый эридикский элемент - т. н. *genus judiciale*, т. е. судебное красноречие, для которого неизбежно было знакомство хотя бы с самыми общими началами права. И действительно, от этого периода (IX-XI вв. - Г. С.) на всем его протяжении до нас дошли многочисленные свидетельства того, что известное знакомство с «*leges romaneae*» являлось обычным элементом общего образования» (10, 189). Существовала и юридическая специализация, в том числе целые школы права в Риме, Павии, Равенне, Орлеане. «Неосомненно, — утверждает В. Моддерман, — что расцвету римской юриспруденции в Болонье предшествовало процветание лангобардского правоведения» (11, 15). В том же ключе высказывается П. Г. Виноградов: «...могучее и влиятельное возрождение юридического анализа в Болонье было явлением, возникшим на почве одновременного роста идей и потребностей в различных местностях наиболее цивилизованных стран Европы» (10, 27). Далее, «были болонские юристы до Ирнерия, в частности Пепо, "яркий сияющий свет Болоньи", возникающий возможно в 1065 и наверняка в 1076 г. ...» (12, 199) (цит. по: 3, 555). В Рим повышать юридическую квалификацию отпирался, прежде чем начать свои болонские лекции, упомянутый Ирнерий, на чем настояла маркграфиня Тосканская Матильда, решившая создать у себя центр романистики в противовес Равенне.

Следовательно, университетская юриспруденция рождалась из лона поврежденной, но не угасшей традиции, определенной профессиональной осведомленности и живых умственных исканий в ответ на запросы практики. Продвижение вглубь ментальных истоков средневековой науки права выводит на еще одну, *last but not least*, предпосылку — своеобразную историческую самоидентификацию. Люди Средневековья не знали, что они живут в Средние века⁸, и не читали наших учебников, согласно которым свержение наемником Одоакром малолетнего Ромула-Августула в 476 г. н. э. знаменует развязку истории Древнего мира. При коронации в 800-м г. Карл I (Великий) именовался титулом, содержащим слова «император, правящий Римской империей»; удачливый захватчик огромных пространств от Рима до современных Нидерландов и Чехии Оттон I назвал свое государство «Священной римской империей» (962 г.) — жест, видимо, полуинстинктивный-полуидеологический, весьма симптоматичный и, вероятно, менее манерный, чем романские реминисценции «Третьего рейха».

Последующие саксонские императоры то и дело называли христианских цезарей «святейшими предшественниками», а теологи вместе с легистами обосновывали привлекательную для своих повелителей доктрину, проводя через нее мысль, «что, ввиду подчинения римского христианства папе, все народы подчинены римскому императору и вместе с тем *римскому праву*» (11, 31). И коль скоро римская эпоха «продолжалась» в скипетре и тиаре Папы, в мече и короне германского императора, это право выглядело не памятником, а действующей системой: «Ирнерий, Плацентин, Ацо, Аккурсий рассуждали так, как будто император Юстиниан еще владел Италией и процессы разбирались в его судах» (9, 35).

Восприятие римского права в качестве преимущественной зоны поиска справедливости утвердилось еще в предуниверситетский период: «Юристы привыкали одну систему восполнять другою, причем наибольшее значение в смысле такого восполнения принадлежало римскому праву, как наиболее разработанному: в юриспруденции Павийской школы рано образовалось убеждение, что для пополнения лангобардского права следует обращаться к римскому, что римское право есть общее право, *lex generalis omnium*» (10, 191).

В то же время систематизаторы-священники не выделяли собственно юридических регулятивов из общей массы церковных уложений, литургических и религиозно-этических правил (3, 146), а светские ученые мужи не блистали систематичностью, показывая вместо нее склонность к субъективизму. По оценке И. А. Покровского, они пользовались римским правом лишь в качестве материала при разрешении спорных вопросов жизни наряду с прочими источниками, предаваясь импровизациям на тему *aequitas* (справедливости). «На этой почве развивалось, конечно, известное правовое творчество, но в то же время и известная субъективность при решении судебных дел, которая легко могла перейти в судебский произвол. С другой стороны, это искание справедливости юристами до-Болонской эпохи, вследствие неполного знакомства их с творениями классических юристов, приводило их часто к решениям недостаточно продуманным, скороспелым» (10, 194).

Таким образом, платформа для науки была. Но до науки еще оставался предметно-методологический рынок, совершить который выпало Ирнерию (Гварнерию) и его школе.

Во второй половине XI в. в фокус внимания попали Дигесты (Пандекты) — тот самый компонент *Corpus juris civilis* (как позднее назовут Юстинианов свод), который ранее фактически вышел из употребления⁹. Сто пятьдесят тысяч строк тщательно отобранных отрывков из тридцати девяти юристов II в. до н. э. — III в. н. э., представлявших пятисотлетнюю традицию римского права, послужили богатой пищей для ума и преобразили мировоззрение.

«Силу можно употребить для отражения силы», «в сомнительных вопросах следует предпочитать более благоприятное толкование», «законы написаны для бодрствующих»... Афористичные положения пятидесятой и других книг Дигест смотрятся магическими кристаллами юридической мудрости древних. Разве в первом изречении не схвачена суть необходимой обороны, а во втором — презумпции невиновности? Разве третье не выступает метаюридическим предвосхищением диалектики права и правосознания? Между тем первая цитированная фраза была высказана по конкретному случаю защиты земельной собственности от захвата, вторая имела в виду выгодные условия для наследников, а третья предназначалась кредитору, который подал иск на несправедливого должника после того, как другие заимодавцы

успели присвоить все его имущество в погашение долга.

Римские преторы и юрисконсульты рассуждали ситуативно, индуктивно, прагматично. Стояния высокие абстракций, они искали «подходящие условия для решения спорных случаев не на основе заранее и четко заданных принципов, а во взаимодействии со сторонами, которые затем подчинялись этим условиям» (14, 257). Отсюда — сентенции: «Норма — это нечто, кратко излагающее суть дела», «Не на основании общего правила должно устанавливаться конкретное правомочие, но на основании конкретных правомочий создается общее правило» (Павел); «Все определения в гражданском праве опасны, ибо они всегда могут быть искажены» (Яволин). Как результат — «студентам-юристам в Европе сегодня... с трудом верится, что оригиналы были до такой степени казуистичны и нетеоретичны» (3, 132-133).

С другой стороны, разбирая споры в разногласии правовых устоев, римляне были, так сказать, спонтанными компаративистами и восприняли диалектический метод греческой философии, что даже при олимпийском равнодушии к отвлеченной проблематике выводило на обобщения, вынуждало к систематизации, оттачивало аргументацию, развивало органы творческого обращения с наличным юридическим материалом в разнообразных жизненных ситуациях: разум, здравомыслие, чувство справедливости. Из того, что теоретический аспект естественно-правовой установки римского мышления оказался, вернее всего, нечаянным отблеском его практицизма, никак не следует, что теоретического отблеска не было: Колумб также нашел не то, что искал, и все же Америка открыта. Поэтому можно сказать, что средневековая ученость не поняла учености древней, но намного ли хуже альтернативная интерпретация: римские магистраты и адвокаты прошли мимо того, что через увеличительное стекло своих ожиданий обнаружили в их достижениях болонские юристы? А обнаружили они — в Дигестах, прежде всего — *ratio scripta*, писанный разум, тонко разработанную дедуктивную систему, которая опирается на универсальные справедливые принципы. Точнее, система формировалась в ходе ее поиска, просто средневековые умы, «когда высказывали оригинальные мысли, старались это скрыть» (15, 402).

Именно в таком ключе и начиналась университетская юриспруденция, когда в 1088 г. Ирнерий приступил к лекциям по римскому праву. Легенда кладет в основу этого события трудности уяснения библейского стиха «Не две ли малые птицы продаются за ассарий?» (Матф. 10, 29), по поводу которого некий теолог обратился за консультацией к Ирнерию, знатоку и преподавателю грамматики и риторики. Якобы последний погрузился в латинскую юридическую литературу, где часто встречалось послужившее камнем преткновения существительное «*as*»¹⁰. По другим данным, Ирнерий уже был юристом и не заложил новую школу, а придал энергичный толчок имевшейся, где до него преподавал Пепо. В любом случае, Ирнерий вззошел на кафедру читать право.

Лекция, дословно — чтение, им и была: чтением Дигест, за которыми студенты следили по своим копиям. До Гутенберга оставались еще столетия, книги стоили дорого, тем более фолиант из нескольких тысяч страниц. Поэтому рукописи обычно арендовались, а у кого пустовал карман, тем приходилось заполнять память и заучивать наизусть. Декламация сопровождалась разъяснениями — глоссами (отсюда наименование «глоссаторы»). Слушатели записывали их на свободных участках пергамента, а поскольку манускрипты переходили из рук в руки, глоссы накапливались, постепенно приобретая вес наряду с оригиналом (отдаленная историческая парал-

лель — «Философия права» Гегеля: собственно говоря, запись его лекционного курса). Итак, студенческий конспект — это прообраз учебника и монографии.

Сохранилось вступительное слово к лекции Одофреда (XIII в.): «Первое, я дам вам краткое содержание каждого из титулов (композиционный блок книг Дигест. - Г.С.), прежде чем перейду к самому тексту. Второе, я как можно лучше, яснее и подробнее поставлю примеры отдельных законов. Третье, я кратко повторю текст с намерением поправить его. Четвертое, я кратко повторю содержание примеров. Пятое, я разрешу противоречия, добавив общие принципы, обычно именуемые "brocardica", и разделения между тонкими и полезными проблемами вместе с их решениями, насколько позволит мне Божественное Провидение» (цит. по: 3, 133-134).

Обособившись от первоисточника, глоссы также стали источником, со временем и их начали глоссировать. Аккурсий в XIII в. выпустил сборник избранных глосс Болонской школы («Glossa Ordinaria»), получивший вместе с теоретическим практическое значение: суды обращались к нему наравне с законом. Вслед за глоссами пришла очередь казусов (вымышленных трудных случаев), брокард (компиляция юридических норм), сумм (обзоров отдельных частей Свода гражданского права). Рассказывают, что лекции Ацо (первая треть XIII в.), чьи глоссы и суммы пользовались непрерываемой репутацией¹¹, собирали до десяти тысяч слушателей, так что читать приходилось на площади. Впрочем, эта поразжающая воображение картина вызывает доверие не у всех историков.

Вакарий выступил с «Книгой для бедных студентов» — конспективным изложением материала, рассчитанным на таких школяров, которые не имели ни средств для покупки дорогих рукописей, ни сил для кропотливого их анализа. Похоже, перед нами протоформа учебного пособия, от которой исторические нити тянутся также к «шпаргалке», изготовленной рукой профессионала. Хотя произведения этого жанра заполнили всемирную паутину и полки книжных магазинов буквально вчера, не стоит думать, будто инициатива Вакария томила в бездействии, пока предпринимательский дух наших дней не поставил ее на широкую ногу. Некто, пожелавший остаться инкогнито под сокращением «А. И. М-ч» (Максимович?), в 1913 г. опубликовал «Конспект русского уголовного процесса. Составлен по учебнику Викторского, согласно последней Университетской программе», содержание которого рубрицировано по пронумерованным экзаменационным билетам. Подобрать аналоги этого факта не представляет большого труда (16, 148).

Популярностью пользовалась оригинальнейшая, с нашей точки зрения, разновидность казусов — «процессы Сатаны». В этом богословско-юридическом сюжете дьявол перед трибуналом Христа ссылается на факт грехопадения и вчиняет серию исков, направленных на истребование человека в ад. К несчастью истца, судья благоволяет ответчику, а искусно защищающая его интересы Дева Мария выигрывает один эпизод за другим. Окончательное поражение жалобщику наносит решающий довод Богородицы: Христос претерпел наказание за человеческий род и удовлетворил справедливость своей добровольной жертвой. О таком сочинении, приписываемом Бартолу (XIV в.) и дошедшем в немецком переводе под заглавием «Велиал», П. Г. Виноградов замечает: «Приведены различные виды тяжб и процессуальных средств, очевидно с намерением познакомить новичка с техническими терминами и такими основными процессуальными формами, как вызов в суд, неявка, ссылка на справедливость, иск о собственности, защите

владений, возражение и встречное возражение, отвод, изложение иска, обман и т. д.» (9, 85).

В университеты быстро попала выполненная к 1140 г. болонским монахом Грацианом систематизация церковного права, и «вскоре глоссы, комментарии, трактаты и монографии по нему появились в изобилии» (3, 199). Начиная с Папы-реформатора Григория VII (XI в.), римская курия активно занималась нормотворчеством, продукты которого (декреты) официально направлялись в научные центры для интерпретации и обобщения. В итоге сложился массив канонического права, а в номенклатуре ученых степеней и званий появился новый пункт — «доктор обоих прав» (т. е. римского и канонического).

Возвращаясь к методикам обучения, нельзя обойти излюбленную форму средневековой интеллектуальной жизни — диспуты. Уже на лекциях использовались *quaestiones* — разновидность глоссы, в которой то или иное положение ставилось на кон запутанной проблемы. В диспуте проблематизация достигала предельного накала и персонифицировалась. Магистр формулировал тезис, бакалавр защищал его, а оппонировали студенты или сам руководитель, который мог в любой момент внести изменения в процедуру. Таков учебный диспут. Следующая ступень — диспут габилитационный, предстоявший претенденту на степень доктора либо магистру при переходе в другой университет. В Сорбонне докторский экзамен, венчавший десятилетний курс обучения богословию, представлял собой непрерывную дискуссию с шести утра до шести вечера. Все это время экзаменуемый без еды и питья отбивался от двадцати критиков, сменявшихся каждые полчаса.

Со временем нравы смягчились. Титульный лист второй диссертации Канта извещал: «Новое освещение первых принципов метафизического познания, каковое сочинение магистр Иммануил Кант из Кенигсберга с разрешения высокого философского факультета будет защищать в публичной дискуссии в философской аудитории 27 сентября 1755 года от 8 до 12 часов утра на предмет принятия его в число членов означенного факультета...» (цит. по: 17, 30). В наши дни защита докторской также обыкновенно укладывается в три-четыре часа.

Следы габилитационного диспута сохранились в современной процедуре публичной защиты диссертационной работы, однако совершенно стерлась из памяти самая экстравагантная форма средневековой дискуссии. *Disputatio quodlibetaria* — диспут о чем угодно — проводился раз в год в период Рождественского или Великого поста и длился две недели. Заранее назначенный магистр факультета свободных искусств мог наметить области для обсуждения, а оппоненты (другие магистры его факультета) за два дня до начала дискуссии должны были сообщить ему свои тезисы, чем заканчивалась предсказуемость. В присутствии ректора, декана, магистров высших факультетов, бакалавров и школяров (другие занятия прерывались) проходил затяжной вербальный турнир, по завершении официальной части которого молодежь могла задавать шуточные вопросы, чем и пользовалась, спрашивая, например, о верности проституток. Демонстрация быстрой реакции, эрудиции, логико-риторической техники очень высоко котирувалась. «Кводлибетарная традиция охранялась тщательно как гербовый, фамильный знак этой удивительно словоохотливой эпохи. Любой мало-мальски неуважительный отзыв о кводлибетарии университет отвергал решительнейше» (2, 47).

Юриспруденция участвовала, но не главенствовала на диспуте о чем угодно. Тем не менее, чтобы попасть на университетский диспут, надо быть своей, и университет-

ская юриспруденция уже другая.

Профессорская кафедра Ирнерия обернулась студенческой скамьей в школе Ульпиана, Павла и их коллег. Юридическая мысль нашла свой «вечно охраняемый» предмет в письменных источниках, исполнилась позитивностью на фоне уверенности в фундаментальном единстве текстуальной формы и разумного содержания римского права. «Болонская школа требовала, чтобы судья, отказавшись от своих субъективных представлений о справедливости, держался положительных норм закона, т. е. *Corpus Juris Civilis*. Уже Ирнерий провозгласил, что в случае конфликта между *jus* и *aequitas* разрешение его принадлежит только законодательной власти... поставление во главу угла всей юриспруденции позитивного римского права, в особенности Дигест, и углубление юридической мысли путем тщательнейшего изучения источников и дало господство Болонской школе. Скоро должно было обнаружиться, что решения римских юристов, истолкованные болонцами, лучше удовлетворяют потребностям развивающегося торгового оборота, чем свободные, “из себя” взятые решения юристов других школ. Мало-по-малу создавалось убеждение, что истинное и полное знание можно получить только в Болонье» (10, 194-195).

Изображать рецепцию триумфальным шествием римского права по Европе было бы грубым заблуждением. Как выражение развитого товарно-денежного оборота оно рядом своих институтов опережало эпоху, как право рабовладельческого общества, также не совсем приходилось ей впору. Где-то жмушая, где-то, напротив, слишком просторная одежда, романистика не всем пришлось по нраву: больше всего крестьянам; отчасти, ввиду своего унитаристски-монархического характера, знати, особенно в державшейся несколько на отшибе островной Англии. По контрасту, державная идеология подкупала королей, а цивилистичность вполне устраивала бюргеров, поскольку «при обширных сношениях, при цветущей торговле оказались неудовлетворительными как германское народное право, так и право лангобардское; социальные отношения нуждались в гораздо более развитом гражданском праве, чем то, которое могло быть найдено в этих источниках» (11, 22).

Причина осложнений не всегда лежала в разрывах между общественными потребностями и теоретическими схемами. Было вполне в духе глоссаторов извлечь из старинных статутах и выложить прямо перед богатыми ломбардцами доказательство того, что они обязаны платить дань «римскому» императору Фридриху. Однако не Якоб, не Уго и не Бартол надолго закрепили за собой, что усилить эксплуатацию крестьян можно путем обременения повинностями прекария — безвозмездного, по римским понятиям, держания земли. В верхах классовой пирамиды дошли до этого своим умом за века до появления «бартолистов».

В то же время верно, что болонский темперамент чреват обскурантизмом «юриспруденции понятий», и кризис доктрины еще наступит¹²; но все же, по большому счету, романизация стихийного правосознания — шаг вперед. Первые поколения *doctores* сохраняют способность «понимающего ощущения» (О. Шпенглер) под налетом парадигмальных пристрастий. Вспомним многозначительный «школьный анекдот». Однажды Фридрих I (Барбаросса) ехал верхом, имея Булгара по правую руку и Мартина по левую. Когда император спросил, является ли он по праву господином всего, чем владеют его подданные, одному Булгару хватило смелости на реплику, что император есть господин только в политическом смысле, но не как собственник (10, 36-37)¹³. Соль исто-

рии в том, что Булгар и Мартин, оба последователи Ирнерия, находились в ожесточенном идейном соперничестве, причем «легистом», против ожидания, был не Мартин, а Булгар. Что это: легенда, миф или все-таки следствие восприятия нормативистски ориентированным правосознанием комплекса *гибких* средств искания справедливости?

Правоведение разработало метод «открытия заново» — *схоластический* метод, разумеется, коль скоро речь идет о средневековой *σχολή*¹⁴. Поверхностно мы видим схоластику такой, какой ее осветили первые рассветные лучи Просвещения перед взором Р. Декарта и Ф. Бэкона — «бесплодной монахиной», мертвенной паутиной пустых умствований. Негативное отношение к схоластике как таковой традиционно окрашивало в мрачные тона оценку ее влияния на юриспруденцию. По показательному выражению В. Ф. Залеского, последнюю «угнетало применение ложной схоластической методы, мешавшее живым струям проникнуть извне в область науки права» (18, 161). Литература изобилует примерами филологических и логических курьезов схоластической романистики. Например, из запрещения разрабатывать камень в каменоломне без предоплаты владельцу выводилось право адвоката требовать гонорар вперед, это еще не самое «изумляющее своею странностью» (Залеский) умозаключение.

От подобных множественных частных никуда не уйти, однако осмыслить их можно только в составе целого. До «мемориальной фазы» схоластика знала и зарю, и зенит. В зените же, как указывал еще современник только что цитированного автора П. Г. Виноградов, она служила «великим орудием научного прогресса, посредством которого формальная и универсальная логика анализирует понятия и строит силлогизмы. При помощи подобных приемов недостаточным и отрывочным классическим текстам сообщалась поразительная логическая стройность: это был своего рода шедевр искусства, в создании которого юристы приняли особо значительное участие» (10, 33).

Века высокого Средневековья посреди изобилия веры остро ощущали дефицит понимания. «*Credo ut intelligam* (верю, чтобы понимать)», — сформулировал свое кредо Ансельм из Аосты, выступивший с онтологическим доказательством бытия Бога; «Ученики мои требовали от меня человеческих и философских доводов и того, что может быть понято, а не только высказано» (19, 274), — поведал в «Истории моих бедствий» выдающийся схоласт (включая в эту характеристику также буквальный смысл «выдающийся преподаватель») Петр Абеляр. Оба, и не они одни — и схоласты, и диалектики, ибо если схоластика есть привлечение к религиозной догматике доводов разума, то диалектика служит его методом. С данной точки зрения схоластика — это диалектика Средних веков. Диалектика в средневековой трактовке — это вышедшая из античной диалектики, пропитанная грамматикой и риторикой логика в качестве доказательного мышления посредством вскрытия и устранения противоречий. Добавляя сюда текстологический вектор христианского мирозерцания, подводим итог: схоластика в методологическом ракурсе является логикой в функции диалектического анализа авторитетных текстов.

Объективно логизация расшатывала веру, тем более, если понимать под подследней религию стихийной привычки и невежественного чувства. Субъективно же схоласты укрепляли богочеловеческую связь, утверждая своими приемами экзегезы (толкования) способность разумной твари приблизиться к истинномыслию Творца сквозь речевые замутнения и смысловые лакуны мира

книги и Книги как Мира. «Христианские истины не ставились под вопрос: просто теперь их можно было подвергнуть анализу», — отмечает Р. Тарнас (7, 150); в проекции на право то же самое можно повторить о «римских истинах». В этой фундаментальной установке глоссаторы-юристы и философы-схоласты полностью совпадали, особенно с учетом того, что справедливость априорно понималась как имманентная сторона Божества. Они по существу идентичны также в логических операциях членений, различений, проблематизаций, поиска максим (предельно общих посылок) и извлечения следствий. Ангельский доктор Фома Аквинат (XIII в.) ставит вопрос о нападении демонов, делит его на пять частей, формулирует тезис с антитезисом, строит из каждого дедукции, для ослабления противоречий вводит чуть ли не юридически значимые дистинкции (нападение и повеление о нападении), беспрестанно ссылается на Ветхий Завет, апостольские послания, святоотеческую литературу, упоминает глоссы между строк Священного Писания (20, 86-99)... Словом, все та же технология логической интерпретации.

Встречаются расхождения. Чистый диалектик Абельяр в «Да и Нет» может развести руками перед самыми одиозными несовместимостями разных мест из Библии. «Ясно чувствуется, что он влюблен в самый процесс диспута» (15, 409), — со свойственной ему колкостью заключает Б. Рассел. Право же «существует, чтобы осуществляться» (Р. фон Иеринг), поэтому роскошь бессрочного откладывания проверки неподатливой гипотезы не для юристов, и они вырабатывают алгоритм идентификации самого правильного из конкурирующих солидных мнений. Но это объяснимые частности, которым довлеет общность: единство призвания; гомогенность речесмысловых механизмов и структур иерархизации (диалектику называли служанкой теологии, римское право — служанкой церковного); корневое родство диалектики как интеллектуальной стратегии с академическим диспутом и судебным разбирательством; одинаковость образовательного фундамента; конгенитальность, обмен идеями в рамках интернационального ученого братства и его «политического колледжа» (Р. Кларк), университета. Поэтому глоссаторство — схоластическая юриспруденция в той же мере, в какой схоластика — философское глоссаторство. Они представляют собой две ветви диалектической (логической) герменевтики, растущие из триединого ствола: онтологии сакрального слова, методологии рациональной аргументации, практики учения-учительства. И зазеленели ветви этого дерева тогда, когда питательные соки учения и изучения начали циркулировать по единому контуру *universitas*.

Даже жизненно, педагогическим стержнем своих биографий, Первый глоссатор и Первый диалектик эпохи сродни друг другу вопреки социальному контрасту. Обласканный властью Ирнерий сделал громкую карьеру профессора и судьи — неуживчивого, гонимого гордеца Абельяра вынудили собственной рукой бросить в огонь лучшую из сочиненных им книг. Параллельно: оба окончили школы благородных искусств и преподавали в них, вокруг магистра Ирнерия образовался университет, а магистр Петр на протяжении своей полукочевой жизни открывал школы не раз. На месте одной, собравшей учеников на холме св. Женевиевы в столичном предместье, затем раскинулся Латинский квартал — резиденция университета города Парижа. Оба мастера чтимы благодаря тому, что учились, и славны тем, чему и как учили — учили читать, пробираясь через разночтения текстов-слов к членораздельной связности смысла текста.

«...На Западе идея, всюду кидаясь, вступаясь за все нужды человека, алкая счастья во всех его видах, основала власть на принципе права» (21, 153). Это строки П.Я. Чаадаева, объявленного сумасшедшим из-за того, что он «не научился любить свою родину с закрытыми глазами», как не умели любить с закрытыми глазами теологическую и юридическую догматику Абельяр с Ирнерием. Ввиду же того, что в средневековой духовной оптике истинное право требовало мастерства прочтения, правовой принцип сопрягался с университетским. А в университете сегодняшний профессор — это вчерашний студент официально и вечный неофициально. И так как в том цивилизационном хронотопе, который нас интересует, Бог любит закон¹⁵, для завершенности «правообраза» мира не хватает единственного штриха — Вечного Наставника за школьной партой. Кажется, наши запросы слишком амбициозны, но нет: «Наставляя нас собственным примером, Бог пожелал воссесть в двенадцатилетнем возрасте среди учителей и спрашивать, скорее являя нам образ учащегося в вопрошании, чем образ учащего в высказывании, хотя он обладал полной и совершенной божественной мудростью» (цит. по: 2, 306) (Абельяр). Подходя к делу логически (с поправкой на колорит времени, пожалуй, лучше сказать: диалектически), завершим риторическим вопросом: могло ли быть иначе в университете учености Средних веков — средневековом Университете.

Список литературы

1. Григорьев А. А. Дискурс как видение и дискурс как слышание // Человек. — 2003. — № 6.
2. Рабинович В. Л. Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. — М., 1991.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — 2-е изд. — М., 1998.
4. <http://www.ox.ac.uk>.
5. Душин О. Э. Университеты и власть: от Средних веков к современности // Образование и насилие. — СПб., 2004.
6. Жильсон Э. Философия в средние века. — М., 2004.
7. Тарнас Р. История западного мышления. — М., 1995.
8. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Путь к очевидности. — М., 1993.
9. Виноградов П. Г. Римское право в средневековой Европе. — М., 1910.
10. Покровский И. А. История римского права. — 4-е изд. — М., 1917.
11. Моддерман В. Рецепция римского права. — СПб., 1888.
12. Haskins C. The Renaissance of the Twelfth Century. — Cambridge, Mass., 1927.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. — 1. Гештальт и действительность. — М., 1993.
14. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. — М., 1989.
15. Рассел Б. История западной философии. — Новосибирск, 1997.
16. Зубкова Л. Г., Сивова С. А. О российской дореволюционной юридической учебной литературе // Государство и право. — 1993. — № 12.
17. Гулыга А. В. Кант. — 3-е изд. — М., 1994.
18. Залеский В. Ф. Лекции истории философии права. — Казань, 1902.
19. Абельяр П. История моих бедствий // Августин Аврелий. Исповедь: Абельяр П. История моих бедствий. — М., 1992.
20. Фома Аквинский. О нападении демонов // Человек. — 1999.
21. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. — 2-е изд. — М., 1989.

Примечания

¹ В отличие от «обучающих» и «предпринимательских» университетов, «исследовательские» характеризуются наибольшей интенсивностью научной деятельности и ее интеграции с собственным образованием.

² Существует гипотеза, что с этого момента и начинается Оксфордский университет, однако его Интернет-сайт сообщает, что «точная дата основания неизвестна, но в какой-то форме преподавание велось в Оксфорде в 1096 г. и получило быстрое развитие с 1167 г., когда король Генрих II запретил английским студентам учиться в Париже» (4).

³ Термин «*universitas*» (досл. — совокупность, целое) понимался римлянами как юридическая единица с признаками юридического лица.

⁴ В литературе отмечается, что этот пост мог занять и кто-то из

числа учащихся. Правда, мы не можем сказать, относится это ко всем университетам или только к некоторым, и каким именно.

⁵ Например, лектор штрафовался за нарушение расписания или когда курс лекций не был дочитан к концу семестра.

⁶ Шестью годами ранее в Ронкальских постановлениях Фридрих издал закон о правах университетов.

⁷ Так, И. Кант получил назначение на должность ординарного профессора логики и метафизики Кенигсбергского университета только в возрасте почти сорока шести лет, уже будучи известным всей образованной Германии.

⁸ Согласно язвительному критику классической историографии О. Шпенглеру выражение «Средние века» было впервые употреблено в 1667 г. профессором Горном в Лейдене или в 1685 г. профессором Целлариумом в Галле (13, 152).

⁹ Предание гласит, что единственная копия хранилась в библиотеке г. Амальфи, откуда была изъята покорившими его пизанцами.

¹⁰ As (асс, у Матфея в русском переводе — ассарий) — древнеримская медная монета.

¹¹ Без знания его «Summa Azonis» не всюду можно было получить должность судьи.

¹² «Вместо того, чтобы заняться практическими вопросами, писатели... вдавались в такие поразительные мелочи, что учителя проводили по два месяца над заголовком одного титула, в течение года едва справлялись с пятью местами Пандект и употребляли на введение к Институциям от пяти до семи лет. Все утопало в настоящем потоке бесплодных контраверз...», — подытоживает схоластику постлютеров XV-XVI вв. Моддерман (11, 91).

¹³ Любопытно, что в награду за свою дипломатичность Мартин получил коня.

¹⁴ Исторически семантика этого греческого существительного развернулась в веер значений. Некоторые из них: досуг, промедление, занятие на досуге, ученая беседа, умственный труд, упражнение, учебное занятие, сочинение, лекция, трактат, школа.

¹⁵ «Бог сам — закон, и потому закон дорог ему», — провозглашает идеология григорианской реформы; Бог сам — закон, — подтверждает Саксонское зеркало (XIII в.).

**Степанова
Инга Николаевна**
д-р филос. наук, проф.

АРХЕТИП «ЧЕЛОВЕК-ДРОБЬ» В МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В истории философии существовало две «линии» в понимании человека в аспекте соотношения целого и части: согласно одной, человек представляет собой целостное, интегративное существо, а согласно другой, человек является раздробленным, расщепленным, дезинтегрированным. Представления о целостном человеке доминировали в период классической философии, а представления о раздробленном человеке — в неклассической.

К. Юнг среди архетипов, которые оказывают наибольшее частое влияние, выделял «тень». Этот архетип характеризует раздробленного человека, у которого негативные свойства «имеют эмоциональную природу, обладают частичной автономией и, соответственно, качеством навязчивости или, лучше сказать, одержимости. ...оказывают чрезвычайно упорное сопротивление моральному контролю и оказываются почти недоступными для воздействия» (1, 156). Эти негативные черты представляют проекцию человека, кажущуюся для Я другим человеком. «Результат проекции, — считает Юнг, — изоляция субъекта от его окружения, поскольку вместо подлинной связи со средой отныне существует лишь иллюзорная связь. Про-

екции заменяют реальный мир репродукцией собственного неизвестного лица субъекта. ...Чем больше проекция втискивается между субъектом и окружением, тем труднее это видеть сквозь собственные иллюзии, что же в действительности происходит» (1, 157). По сути дела здесь идет речь о понимании человека как дробы, где числителем является его Я, а знаменателем — проекция человека. Чем больше проекций создает человек-индивид, тем более раздробленным он является.

В истории философии архетип «человек-дробь» был весьма распространенным. Известны оценки роли этого феномена в творчестве Ж.-Ж. Руссо. Так, Ю.М. Лотман считал, что «проблема человека-дробы — одна из основных в системе Просвещения — очень существенна и для его частной руссоистской подсистемы» (2, 544). Понимание Руссо человека-дробы связано с его отрицанием культуры. Критикуя культуру за искусственность, рассудочность и разделение труда, создающее условия для неравенства людей, Руссо считал, что от природы человек является целостным, не испорченным разделением и специализацией труда, а в культуре он утрачивает свою целостность, становится раздробленным, частью общества. Руссо пишет в работе «Эмил»: «Естественный человек есть все для себя; он — нумерическая единица, абсолютная целостность, не имеющая отношения ни к чему, кроме как к себе самому и себе подобным. Человек гражданского общества есть лишь дробная часть, которая зависит от знаменателя и ценность которой находится в отношении к целому, каковым в этом случае является социальное тело» (3, 45).

С.И. Гессен комментирует эту идею Руссо следующим образом: «Из целостного, всесторонне развитого существа человек становится дробью человека — его 1/20-й или 1/40-й, в зависимости от числа различных профессий, на которые, в силу разделения труда, распался некогда единый и цельный труд первобытного человека. Став своей собственной дробью, человек перестал понимать другого человека: интересы профессии заслонили перед ним интересы человеческие» (3, 45).

У Л.Н.Толстого проблема раздробленного человека формулируется как вопрос: «Зачем я живу?» Поскольку опытные науки утверждают, что человек есть «частица бесконечного», умозрительные науки — человек есть «часть человечества», а философия — человек есть часть сущности, то Толстой отвергает возможности науки и философии ответить на вопрос: что такое жизнь и для чего человек живет. По его мнению, «смысл жизни нашей, единственный, разумный и радостный — в том, чтобы служить и чувствовать себя служащими делу Божию, установлению Царства Его» (4, 50). Тем самым только религиозное служение Богу и обеспечивает, по Толстому, полноту и целостность жизни человека.

Рассматривая человека как дробь, философ считал его числителем «любовь человека к другому», а знаменателем — «любовь к себе». Чем больше «любовь к себе» (эгоизм), тем меньше дробь, а чем больше «любовь человека к другому» (альтруизм), тем больше дробь. В отрыве от «блага животной личности» и возникающем в связи с этим «благоволении ко всем людям» Толстой усматривал подлинное благо жизни человека. «В этом неперестающем расширении пределов области любви, — разъясняет он, — составляющем сущность рождения духовного существа, и заключается сущность истинной жизни человека в этом мире» (4, 42).

Г. Плеснер рассматривал человека как дробь в аспекте двойственности его природы. По его мнению, человек находится как бы «по одну и другую сторону дробы, как душа и тело и как психофизическое единство этих

сфер» (5, 147). Как живое существо человек имеет тело, связывающее его с внешним миром, но себе самому он дан «в качестве внутреннего мира», души и духа. В отличие от животного, которое является центричным, находится в центре окружающего его мира, человек вечно пребывает в поисках своего места в мире и объективно, и субъективно является эксцентричным существом. Сама эксцентричность выступает мерой человеческого в человеке. Чем меньше центричность человека, связанная с его телом, тем больше значимость его Я и наоборот. Двойственность человека, который живет телом и тем, что в теле (душа и дух), и составляет, по Плеснеру, сущность человека.

Н.А. Бердяев критиковал понимание человека как дробности. «Личность совсем не есть часть природы и общества, - писал он в своей работе «Проблема человека», - и не может быть мыслима как часть в отношении к какому-либо целому. ...личность совсем не есть часть общества. Наоборот, общество есть часть личности, лишь социальная ее сторона. Личность не есть также часть мира, космоса, наоборот, космос есть часть личности. ...Человек есть микрокосмос. Личность есть целое, она не может быть частью. Это основное определение личности» (6, 89). Эта же мысль повторена философом в работе «Смысл творчества»: «Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться, им познаваться и постигаться потому только, что в человеке есть весь состав вселенной, все ее силы и качества, что человек – не дробная часть вселенной, а цельная малая вселенная» (7, 29). Бердяев видел парадоксальность человека в том, что человек как «дробная часть природы ... осмелилась восстать против природы и предъявить свои права на иное происхождение и иное назначение» (7, 31).

В работах многих философов проблема человека-дробности выступает как проблема нарциссизма. В словарях наиболее распространенным значением нарциссизма считается самовлюбленность, любая форма любви к себе. В истории философии имеется три подхода к пониманию нарциссизма. Наиболее ранний принадлежит М. Штирнеру, которого называют «апостолом эгоизма». В его философии выделяют «два главных положения: "Я создает мир" - основной тезис теоретической философии Штирнера, и "Я создает ценности" - основной тезис его практической философии» (8, 78). Первый тезис восходит к идее И. Фихте «Я есть все», который у Штирнера модифицируется в тезис «Я есмь все».

В философии Штирнера Я есть единственная реальность, все остальное является продуктом творчества волевых устремлений Я. «Я один реален, - утверждает философ. - Итак, Я смотрю на мир, как на то, что он для меня представляет, как на Мою собственность: Я все отношу к Моему "Я"» (8, 43). Но Я у Штирнера не есть самосознание, мышление всего человечества, как у Фихте, метафизика которого является рационалистической, а волевые устремления каждого человека-индивида, который «должен лишь решиться стать самодержавным Я, распоряжающимся и творящим по своему благоусмотрению» (8, 43-44). Мышление, идеи представляют собой лишь свойство Я, Мою собственность. Скорее всего, эту позицию можно охарактеризовать как иррационалистический солипсизм.

В отличие от многих представителей субъективного идеализма, которые стремились отгородиться от позиции солипсизма, Штирнер защищает ее весьма последовательно. Все религиозные феномены, понятия морали, истины, объекты, другие индивиды, отношения превращаются им в продукты духовного творчества Я, которое он именует Единственным. Познание есть самопознание, имеющее инструментальный и прагматический характер.

«Ты один истина, - признает он, - или, точнее, Ты больше, чем истина, которая ничто перед Тобою. ...Ты подходишь к мыслям и представлениям, как и к явлениям внешнего мира, с одной целью, а именно, чтобы сделать их "съедобными", "удобоваримыми", "удобоусвояемыми", чтобы присвоить и усвоить их Себе; Ты хочешь овладеть ими, подчинить их себе, стать их владыкой, хозяином, собственником» (8, 46). Эти идеи о полезности как критерии истины позже разрабатывал американский прагматизм. Мышление является у Штирнера не познавательным феноменом, ибо он объявляет слова, идеи, истины фантомами, иллюзиями, призраками, а конструктивистским, как у И. Канта. Но если Кант признавал объективное существование субстанции, то Штирнер считает весь мир субъективной реальностью, создаваемой Я.

Идея Штирнера «Я создает ценности» реализовалась в его этической доктрине. В отношении общезначимых ценностей Штирнер выступает как нигилист, что сближает его с Ф. Ницше. «Я не буду, - заявляет Штирнер, - более отшатываться ни перед одной мыслью, какой бы "дерзкой" или "дьявольской" она ни казалась, ибо в моей власти положить ей конец, как только она начнет угрожать сделаться для меня неудобной или неудовлетворительной; Я не отшатнусь также ни перед каким поступком, на том только основании, что он отмечен духом безбожия, безнравственности, беззакония» (8, 47).

Мир Единственного представляет собой закрытый, монадный мир, где все превращается в объекты использования, потребления Я. Иначе говоря, это мир эгоиста. Сам Штирнер определяет эгоиста как «человека, который служит своим личным интересам, вместо того, чтобы жертвовать ими на пользу духа, жить для идеи» (8, 59). В других эгоист видит свою собственность, объекты, которыми Я интересуется или не интересуется. «На каждого человека, - пишет философ, - Я смотрю как на мою собственность; в этом он не отличается для Меня от других существ... Я никого не уважаю, для Меня нет никаких «уважаемых личностей»... Я не желаю ничего, признавать или уважать в Тебе, ни собственника, ни босяка, ни даже *î ôî ñî ðæî äæä. ð ææäð Тобою пользоваться, потреблять Тебя*» (8, 60). Даже любовь к другому человеку не делает того субъектом, он остается «лишь пищей Моей страсти», предметом удовлетворения потребностей Я. Единственный не знает никакой «заповеди любви».

Для Единственного нет ничего святого. Он не признает суверенитета других личностей и их идей, поэтому беззастенчиво присваивает чужие идеи, объявляя их своей собственностью. Он не знает границ должного и недолжного и с легкостью перешагивает их, утверждая, что для эгоиста нет никаких нравственных преград, нет греха. К числу позитивных для Единственного ценностей Штирнер относит абсолютную свободу, творчество, самобытность, неповторимость, индивидуализм и эгоизм. Для Единственного не существует ни прошлого, ни будущего, но лишь одно настоящее, в котором Я усматривает только наслаждение, что сближает позицию Штирнера с концепцией гедонизма и утилитаризма, разработанной И. Бентамом. «Пользоваться жизнью, - утверждает он, - а, следовательно, и Собою, жизнь имущим – значит "потреблять", "пожирать" ее и Себя. "Наслаждение" жизнью есть "трата" жизни» (8, 75-76).

Штирнер критикует принципы гуманизма, согласно которому человек является высшей ценностью как субъект свободного выбора добра и блага для других, как субъект нравственного самосовершенствования. Он отрицает назначение, призвание человека, ссылаясь на то, что «ни одна овца, ни одна собака не старается стать "настоящей" овцой, "настоящей" собакой; ни одному жи-

вотному "сущность его" не представляется его "задачей"» (8, 59).

Но этот аргумент означает, что он не видит сущностного различия между человеком и животным. Он подчеркивает, что главным сущностным определением Я выступает потребление, главными потребностями - витальные потребности, главными ценностями - витальные ценности. Данные идеи, разбросанные в разных местах его работы о Единственном, свидетельствуют о том, что субъективизм и психологизм уживаются в его учении с натурализмом в понимании человека. Принципу гуманизма Штирнер воинственно противопоставляет принцип эгоизма: «"Принцип за принцип"! Требование за требование! Я выставляю против Тебя принцип эгоизма. Я хочу быть только Я; Я презираю природу, людей и их законы, человеческое общество и его любовь, и прерываю с ним всякие отношения общего характера, даже связь на почве языка» (8, 75).

Давая общую оценку антропологии и этики Штирнера, М.А. Курчинский утверждал: «Эгоизм, служение религии эгоизма – вот сущность всего учения Штирнера. ... Для него... эгоизм был исходным и конечным пунктом, основным мотивом и конечной целью всякого человеческого существования» (8, 79, 81). Крайний радикализм и нигилизм идей Штирнера по отношению к ценностям традиционного общества прекрасно вписывался в настроения оппозиционных кругов накануне немецкой буржуазной революции 1848 года.

Эгоизм Штирнер понимал как синоним себялюбия. Если рассматривать модель человека-дуби применительно к учению Штирнера, то числителем ее будет являться общественный эгоизм (государственный, классовый, профессиональный и т.д.), а знаменателем личный эгоизм. Абсолютизация личного эгоизма в учении Штирнера привела его на позиции индивидуалистического анархизма. В литературе индивидуализм выступает в виде двух течений: один покоится на доктрине права, другой – на доктрине силы (8, 220). К последнему течению относятся учения софистов, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Л. Фейербаха, Е. Дюринга, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. В этом ряду находится и учение Штирнера, которого многие признают предшественником Ницше.

Действительно, и тот, и другой защищали позиции нигилизма и индивидуализма, культ воли. Но идеалом Ницше является избранный, сверхчеловек, аристократ духа, представитель лучшей человеческой природы, а идеалом Штирнера - каждый человек, который захочет стать эгоистом. Общественным идеалом Ницше был аристократический режим, а общественным идеалом Штирнера – анархическое общество, состоящее из автономных эгоистов.

Второй подход к пониманию нарциссизма разрабатывал З. Фрейд. Он рассматривал любовь к себе и любовь к другим как две альтернативы и полагал, что себялюбие свидетельствует о психической патологии индивида и его неспособности любить других. Архетип человека-дуби в рамках учения Фрейда о либидо означал, что числителем является любовь к другим, а знаменателем – любовь к себе. «Следовательно, - оценивал позицию Фрейда Э. Фромм, - любовь и любовь к себе взаимно исключаются в том смысле, что чем больше первая, тем меньше вторая. Если любить себя – плохо, то отсюда следует, что не любить себя – добродетельно» (9, 36).

Проблему нарциссизма Фрейд исследовал в работах «К теории полового влечения» и «Введение в психоанализ». Автором термина «нарциссизм» является английский ученый Х. Эллис. Фрейд заимствует этот термин у П. Некке, он считает нарциссизм «либидозным допол-

нением к эгоизму инстинкта самосохранения, известную долю которого с полным правом предполагают у каждого живого существа» (10, 129). По его мнению, существует два вида психической энергии – «я-либидо» и «объект-либидо». В детстве ребенку присущ первичный нарциссизм (автоэротизм), что обусловлено его «переживаниями, связанными с удовлетворением основных потребностей Я», и подтверждается хорошим отношением нежных родителей к своим детям и выбором ребенка в качестве первых сексуальных объектов матери или тех лиц, которые ухаживают за ним. Позже от «я-либидо» отделяется «объект-либидо», и объект-либидо может вновь вернуться в Я. Данные идеи Фрейд подтверждал путем анализа явлений влюбленности, заболеваний, сна. Вторичный нарциссизм взрослого человека Фрейд считал патогенным процессом.

Я-либидо, по его мнению, неполностью уходит на привязанность к объекту, а превращается в идеал «Я»: «Нарциссизм оказывается перенесенным на это идеальное "Я", которое, подобно инфантильному, обладает всеми ценными совершенствами» (10, 147). Этот идеал Я оказывается возмещением «утраченного нарциссизма детства, когда он сам был собственным идеалом». К образованию идеала «Я» индивида побуждает критика его родителями, воспитателями, окружающими, общественным мнением.

Таким образом, развитие «Я», по Фрейду, связано с отходом от первичного нарциссизма детства посредством перемещения либидо на идеал «Я» (навязанный обществом или культурой), а также на объекты. Влюбленность превращает объект в сексуальный идеал, вступающий в отношения взаимопомощи с Я-идеалом (если «Я» не хватает для достижения своего идеала, то на помощь приходит объект, обладающий недостающими «Я» качествами), чем достигается удовлетворение. Выбор объекта осуществляется по двум путям: «Или по *нарциссическому типу*, когда на место собственного "Я" выступает возможно более похожий на него объект, или по *типу опоры*, когда лица, ставшие дорогими благодаря удовлетворению других жизненных потребностей, выбираются и объектами либидо» (10, 634).

В отношении соотношения «Я-либидо» и эгоизма Фрейд полагает, что индивид может быть эгоистом как при сильных либидозных привязанностях к объектам, так и при доминировании «Я-либидо» (10, 626). Так что Фромм скорее всего не совсем верно истолковывает позицию Фрейда. Если индивид оказывается неспособным перенести «Я-либидо» на объект, у него сохраняется нарциссическая идентификация и возникают нарциссические заболевания. Если фрейдовское понимание нарциссизма истолковать с помощью термина «человек-дуби», то числителем ее можно считать «объект-либидо», а знаменателем «Я-либидо», отношение между которыми таково, что чем больше второе, тем меньше первое и в целом дуби. Особенностью взглядов Фрейда является то, что он рассматривал проблему нарциссизма на основе теории либидо. Более верно, чем Фромм, оценивал взгляды Фрейда Н.А. Бердяев. «Известно, - считал он, - что для Фрейда "я" делает себе объектом *libido*. Это есть нарциссизм, который... ставит глубокую проблему. Нарциссизм есть раздвоение, поэтому "я" для самого себя становится объектом, т.е. объективируется. "Я" для самого себя принадлежит к объективированному миру. Преодоление нарциссизма в том, чтобы "я" искало отражения в другом "я", а не в самом себе. ...У Фрейда глубочайший инстинкт "я" есть инстинкт смерти, потому что он не знает тайны общения, тайны выхода "я" в "ты" и в "мы"» (11, 277).

Третий подход к пониманию нарциссизма был вы-

ражен Фроммом, который, наоборот, считал, что любовь к себе и любовь к другим не исключают друг друга, что подтверждается библейской заповедью «возлюби ближнего как самого себя» и неделимостью чувства любви между «я» и другими: «Если индивид в состоянии любить созидательно, он любит также и себя; если он любит только других, он не может любить вообще» (9, 37). Фромм полагал ошибочным отождествление понятий «любовь к себе» и «эгоизм», поскольку стремление эгоистического человека «побольше урвать у жизни удовольствия» свидетельствует о том, что себя он любит «слишком слабо», является «пустым и фрустрированным». Чрезмерную заботливость незгоистичной матери по отношению к своему ребенку он рассматривает как свидетельство того, что «она вынуждена компенсировать отсутствие у нее способности вообще любить его» (9, 38).

Любовь к себе может проявляться в жестах, поведении, ценностях, оценках, мотивах, а любовь к своему телу - в форме любования собой в зеркале. Е.К. Краснухина обращает внимание на то, что существуют «две оптики, два вида зрения»: через оконное стекло человек видит предметы, относящиеся к «сфере не-Я», а через зеркальное стекло образ, который «уже нельзя однозначно отнести к внешнему миру не-Я», свое второе Я, что свидетельствует о раздвоении Я и порождает проблему соотношения между Я как оригиналом и Я как копией (12, 8). Она подчеркивает, что «метафора зеркала весьма репрезентативна для философского мышления. О зеркальном характере Я, идентичности, самости писали Лейбниц и Франк, Кули и Мид, Маркс и Фрейд, Лакан и Бодрийяр» (12, 11). Действительно, эта метафора возникает еще в античной философии, где из образа «зеркала» появилось понятие «эйдос» у Платона. Позже «зеркало» фигурирует в патристике у Августина, который писал о видении Бога в своем Я: «Мы видим, конечно, "сейчас в зеркале нечто загадочное", а не "лицом к лицу", и поэтому пока я странствую вдали от Тебя, я ближе к себе, чем к Тебе» (13, 131). В средневековой схоластике «природа понималась как зеркало, в котором человек может созерцать образ божий» (14, 54, 59). В философии Возрождения у Парацельса душа человека трактовалась как зеркало небесного свода.

Г. Лейбниц характеризовал монады как живые зеркала Вселенной, а монады разумной души человека еще и как образ Божий. В.А. Синкевич называет рассуждения Лейбница «отрефлексированной мистической мифологией» и считает их предпосылками материализма Д. Дидро, Л. Фейербаха, К. Маркса и гегелевского учения о сущности. «Л. Фейербах, - пишет он, - стал широко использовать термины: "зеркальное" отражение, отчуждение, самоотчуждение, раздвоение, удвоение...» (15). Ж. Лакан полагал, что «в любом нарциссическом отношении Я действительно выступает как другое, а другое как Я» (16, 141). Суть зеркального отражения заключается в том, что оно показывает человеку его изображение через призму его желаний, оценок, ценностей. Поэтому Я в качестве Другого, находящегося в зеркале, выполняет роль носителя определенных смыслов. Эти смыслы индивидуальны, принадлежат мне, но они испытали воздействие ценностей, которые существуют в обществе и культуре, вследствие чего они являются вместе с тем интерсубъективными.

Означает ли это, что человек всегда видит в зеркале именно себя? Нет, он может не опознать себя, не признать себя, считать свой зеркальный образ не Другим Я, а Чужим. Зеркальная форма инобытия Я вступает с реальным Я в самые различные отношения. Ф. Ницше рассуждает о сне Заратустры, в котором тому приснился ребенок, принесший ему зеркало: «"О Заратустра, - сказал

мне ребенок, - посмотри на себя в зеркале!" Посмотрев в зеркало, я вскрикнул, и сердце мое содрогнулось: ибо не себя увидел я в нем, а рожу дьявола и язвительную усмешку его» (17, 58). Для Заратустры отличие своего Я в зеркале от Я в действительности имело символический смысл искажения его учения, его зеркальное Я являлось носителем не принадлежащих ему смыслов.

Метафора «зеркала», поскольку Я и Я как Другой не совпадают, позволяет представить человека как дробь, числитель которой есть Я реальное, а знаменатель Я зеркальное. Р. Бернс, опираясь на концепцию символического интеракционизма Кули и Мида, выделял в своей Я-концепции три вида Я: реальное Я, зеркальное Я (представления об индивиде значимых других) и идеальное Я (установки индивида о значимых других и о том, каким он хотел бы быть) (18). Здесь зеркальное Я представляет образ Я в сознании других, мнение которых для Я является предпочтительным. Бернс показал, что Я-концепция реализуется в воспитании и образовании, в отношениях между учителем и учеником, каждый из которых в своем внутреннем мире создает идеальную модель другого и ведет себя в соответствии с этой моделью. Таким образом, зеркальное отражение Я неоднозначно для реального Я. Он может увидеть в нем и свою собственную копию, и Чужого.

Поскольку зеркало удваивает любой предмет, в том числе смотрящего в него человека, то появляется понятие двойника. Идея «двойника» человека широко распространена в мифологическом сознании разных народов (в Древней Греции, Древнем Египте, у скифов, славян, в Древнем Китае и т.д.). Например, «Дянь-му... в китайской мифологии богиня молний. Изображается в разноцветном... платье, с двумя зеркалами, которые она держит в поднятых над головой руках. Стоя на облаке, она то сближает, то разводит зеркала, от чего получается молния... Считалось, что Дянь-му освещает молнией сердца грешников, которых должен наказать бог грома (Лэй-гун), поэтому ее нередко называют Зеркалом бога грома» (19, 418).

Архетип «Нарцисс» использовался в древнегреческом эпосе, в мифе о Нарциссе. Сюжет его прост. Нимфа Эхо полюбила прекрасного юношу, но он отверг ее любовь, как и многих других нимф, за что его покарала богиня Афродита. Однажды Нарцисс захотел напиться воды в ручье с чистой и прозрачной водой и вдруг увидел свое изображение. «В изумлении смотрит он на свое отражение в воде, и сильная любовь овладевает им. Полными любви глазами смотрит он на свое изображение в воде, он манит его, зовет, простирает к нему руки. Наклоняется Нарцисс к зеркалу вод, чтобы поцеловать отражение, но целует только студеную, прозрачную воду ручья» (20, 40). Нарцисс перестал есть и пить и все любовался своим образом, пока однажды к нему не пришла страшная мысль: «О, горе! Я боюсь, не полюбил ли я самого себя! Ведь ты - я сам! Я люблю самого себя» (20, 40). Так и умер Нарцисс, не будучи способен оторваться от своего отражения. «С того момента, - пишет Е.К. Краснухина, - как Нарцисс в зеркале вод узнает самого себя, его знак, образ, представление превращается из идеала в материализованную копию. Так упраздняется дистанция между реальностью и ее отражением, обозначением. Происходит воссоединение того, что должно оставаться разделенным. ...Теперь два образа отражаются друг в друге и невозможно провести между ними различие реальности и ее знака» (12, 15). Происходит семиотизация реальности и материализация зеркального образа.

Л.В. Стародубцева выделяет две трактовки мифа о Нарциссе. Одна (от Овидия до Фрейда и философов XX

века) рассматривает Нарцисса как самовлюбленного юношу, замороженного собственным отражением. Другая (в гностицизме и христианском мистицизме) характеризует Нарцисса как мудреца, познавшего самого себя. Первую трактовку она называет взглядом «на» себя (Нарцисс любит «кажимость», тень, иллюзию, отражение), а вторую – взглядом «насквозь», представляющим взгляд «внутрь» самого себя (Нарцисс «прозревает в своем отражении то подлинное "бессмертное" бытие, по отношению к которому он сам – всего лишь "кажимость", смертный человек» (21, 41)). В напоминании о предсказании Тиресия родителям Нарцисса, что их ребенок проживет до старости, *«если никогда не увидит своего лица»*, она усматривает социокультурный запрет на знание самого себя и наказание, которое свидетельствует о трех путях самопознания: эллинском (награда смертью), библейском (награда верой) и древнеиндийском (награда просветлением и нирваной) (21, 44).

Стародубцева характеризует множество символических значений и смыслов образа Нарцисса в философии и разрабатывает мнемоническую (самопознание как припоминание) интерпретацию данного мифа. Нам представляется более приемлемой первая трактовка мифа о Нарциссе, ибо в свете архетипа «человек-дробь» нарциссизм можно объяснить как раздвоение Я Нарцисса на реальное Я и отражающееся Я и возникновение двойника. При этом первое будет являться числителем дроби, а второе – ее знаменателем. Чем более значимым является отображающееся Я как идеал, тем менее значимым является реальное Я, с чем связаны различные фрустрации индивида.

«Мифологические корни зеркала, - пишет В.А. Синкевич, - как принципа жизнедеятельности, принципа организации бытия, отражены во множестве примет, гаданий, верований. ...Неудивительно частое употребление зеркал в сказочной культуре, которая по происхождению имеет мифологический характер. ...Из сказок данная тема в Новое и Новейшее время переходит в фантастику» (15). Так, архетип «Тень», описанный Юнгом, был широко распространен в героических древних мифах. Дж. Л. Хендерсон, описывая различные мифы, считал, что «это ... находится с Тенью в конфликте, который д-р Юнг назвал однажды "битвой за освобождение"». В борьбе первобытного человека за обретение сознания этот конфликт выражался в противоборстве архетипического героя с космическими силами зла в облике драконов и других чудовищ. ...Битва героя с драконом – более активный вид этого мифа, отчетливее показывающий архетипическую тему триумфа эго над регрессивными тенденциями (22, 117-119).

Идея нарциссизма разрабатывалась и в русском фольклоре. Например, в поговорках признается возможность самолюбования: «Всяк сам себе дороже», «Всяк сам себе – загляденье», «Всякая жаба себя хвалит», «Всякому своя хужоба не кажется», «На чужой горбок не насмеюся, на свой горбок не наглажуся», «Никто про себя худа не скажет», «Свое мило, хоть и гнило», «Свой глаз – алмаз, чужой – стеклышко», «Свой глаз лучше чужого нахвалу», «Все равны бобы, один я соболик», «Никто мне не указ» (23, 154-157).

В фольклоре тщеславие, спесь и похвальба всячески осуждаются и подчеркивается несоответствие реальных качеств человека и его претензий: «Вздулся волдырь (пузырь), да и лопнул», «Ворона в павлиньих перьях», «Выше носа плюнешь, себя заплюнешь», «Гроша не стоит, а глядит рублем», «Досталось свинье на небо взглянуть», «Зазнался, что вошь в коросте», «И велика барыня, а в алтарь не лезь», «Как ни дуйся лягушка, а до вода

далеко», «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней», «На грош амуниции, а на рубль амбиции», «Не дуйся коровка, не быть бычком», «Не подымай носу, спотыкнешься», «Не смейся, квас, не лучше нас», «Не хвались сам, а жди, когда люди похвалят», «Сколько бы утка ни бодрилась, а гусем не быть», «Умной спеси не бывает», «Хвалилась редька: я с медом добра», «Хорошо поет – где-то сядет» (23, 157-160). Наоборот, положительно оцениваются терпение, скромность, самокритичность.

В Библии образ «зеркала» употребляется в разных значениях. Например, в Новом Завете, в посланиях к коринфянам апостола Павла речь идет о том, что человек видит Бога в повседневной жизни «как бы сквозь *тусклое* стекло», а не «лицем к лицу» (1 Кор. 13:12). В посланиях апостола Иакова человек, не исполняющий слово Божие, сравнивается с человеком, который рассматривает себя в зеркале и не узнает (Посл. Иаков.1:23). Образ «зеркала» используется здесь для понимания противоречий души человека и его поведения.

В православии зеркалами для человека были Библия, писания отцов церкви, иконы и молитвы человека. Иоанн Лествичник писал: «Молитва... есть... зеркало духовного возрастания», а архангел Гавриил изображался «с фонарем, внутри которого горит свеча, в правой руке и с зеркалом из ясписа, в левой (символы сокрытых до времен исполнения судеб Божих, которые постигаются теми, кто смотрит в зеркало слова Божия и своей совести» (15).

Таким образом, архетип «человек-дробь» в прямой форме или в модифицированных образах «Тень», «Нарцисс», зеркальное Я, отраженное Я, Двойник был широко распространен в истории культуры. «Нарцисса, - пишет Стародубцева, - любили живописцы и скульпторы. ...Но все же больше, нежели живописно-пластическим, повезло интерпретациям концептуальным. И их было немало – философских, поэтических, психологических, религиозно-мистических. Одних привлекал в Нарциссе мотив *удвоений, близнецов и двойников*. Иных – мотив *отражений и зеркал, взаимопересвечивания реальности иллюзорной и подлинной, образа и первообраза*. Третьи искали здесь проявление вечной темы *"познания самого себя"* и видели в Нарциссе намек на игру *"я" и "не-я"*. Четвертых интересовала в мифе проблема самоидентификации... Конечно же, не было недостатка в психоаналитических концепциях неудовлетворенной страсти» (21, 46).

Эти образы представляли собой раздробленного человека. Подходы к исследованию данного феномена были разнообразными, но так или иначе с разных сторон рассматривалась проблема человека, утратившего целостность. Поэтому две «линии» в понимании человека, о которых речь шла в начале статьи, представляют два лика человека – утратившего целостность и приобретшего эту целостность. «На самом деле, потеряв опору, дробный, "атомизированный", он (человек. – И.С.), - писали А.А. Горелов и Т.А. Горелова, - не может сохранить свою эгоцентрическую неделимость. Распад продолжается теперь уже внутри личности, вынося на поверхность безобразные осколки агрессивности и отвлеченных от духа рассудка и чувственности» (24, 39). «Раздробленный» человек представляет диагноз болезни современного человека, так что вопрос о том, как можно вернуть человеку целостность, является чрезвычайно важным, ибо только целостный, гармоничный человек может обеспечить на земле мир, отсутствие войн, агрессии, социальной несправедливости.

Список литературы

1. Юнг К.Г. Агон: феноменология самости // К.Г.Юнг. Сознание и бессознательное. – СПб., 1997.

2. Лотман М.Ю. Руссо и русская культура XVIII - начала XIX века // Ж.-Ж. Руссо. Тракаты. – М., 1969.
3. Цит. по: Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М., 1995.
4. Толстой Л.Н. Христианская этика. – Екатеринбург, 1994.
5. Цит. по: Философская антропология. – М., 2005.
6. Бердяев Н.А. Проблема человека (К построению христианской антропологии) // Ступени. – 1991. – №1.
7. Бердяев Н.А. Человек. Микрокосм и макрокосм // Феномен человека: Антология. – М., 1993.
8. Курчинский М.А. Апостол эгоизма: Макс Штирнер и его философия анархии. Критический очерк. – М., 2007.
9. Фромм Э. Искусство любви. – Минск, 1990.
10. Фрейд З. Основной инстинкт. – М., 1997.
11. Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Н.А. Бердяев. Философия свободного духа. – М., 1994.
12. Краснухина Е.К. Нарциссизм желания, или метафора зеркала в философии <http://www.wantropology.ru>
13. Августин Аврелий. Исповедь // Августин Аврелий. Исповедь: Абеляр П. История моих бедствий. – М., 1992.
14. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972.
15. Синкевич В.А. Феномен зеркала в истории культуры: философское эссе <http://www.philosophy.ru/library/mirror/17.htm>
16. Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. – М., 1999.
17. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ф. Ницше. Сочинения в 2 т. Т.2. – М., 1990.
18. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1986.
19. Мифы народов мира: Энциклопедия. Т.1. – М., 1987.
20. Легенды и мифы Древней Греции. – Ростов-н/Д., 1998.
21. Стародубцева Л.В. Философский нарциссизм и припоминание // Вопросы философии. – 2001. – №11.
22. Юнг К.Г. Человек и его символы. – М., 1997.
23. Пословицы. Поговорки. Загадки. – М., 1986.
24. Горелов А.А., Горелова Т.А. «Расщепленный» человек и идея всеединства // Человек. – 2004. – №5.

**Прокопьева
Марина Юрьевна
соискатель**

НИЧТО ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Большая дерзость притязать на то,
чтоб что-то значить, превратиться в ничто.
Гете. Фауст*

Проблема бытия является центральной философской проблемой, актуальность которой обусловлена попыткой найти ответ на многие мировоззренческие вопросы современности. Но понятие «бытие» неотступно предполагает рассмотрение понятий «небытие» и «ничто». А. Кожев утверждает, что «Бытие есть, а Ничто нет; но ... есть различие между Ничто и бытием, и это различие в некоторой мере имеет то же основание, что и Бытие, поскольку без него, без этого различия между Бытием и Ничто, не было бы самого Бытия» (1, 38).

Наше внимание будет обращено к понятиям «бытие – небытие – ничто – нечто». Бытие означает существование, бытие в мире, данное бытие. Отрицательная частица «не» в «небытие» акцентирует внимание на противоположном значении не существование, не данность, нет чего-либо/кого-либо. Но если нет чего-либо, то это что-то сначала рождается в воображении, мыслях, а затем уже

становится этим чем-то, наполняясь предметным бытием, т.е. бытие, таким образом, рождается из небытия.

Самый простой пример можно найти в Библии. Впервые понятие «ничто» появляется во второй Маккавейской книге: «Умоляю тебя, дитя мое, посмотри на небо и землю и, видя все, что на них, познай, что все сотворил Бог из ничего и что так произошел и род человеческий» (2 Макк., 7:28). Бог творит мир не из какой-то материи, а создается нечто совершенно новое, чего еще никогда не было. Бог создал мир через «слово Божие», при этом Бог дает начало всему чистым актом воли, велением блага и творит из *ничего*. Видимо, сначала у Бога возникла *мысль* создания, а затем, не найдя ничего другого, он и создал из *ничего*.

В истории философии существовало немало учений, которые утверждали небытие и ничто как основу чего-то, основание бытия. Как мы уже говорили, частица не/ни придает рассматриваемому понятию отрицательное значение. Необходимо оговориться: ничто и небытие являются разными аспектами отрицания бытия. Всякое сущее есть единство бытия и сущности, «ничто» есть отрицание определенности, сущности, т.е. тут уместно употребить «нечто», а небытие есть отрицание существования, отрицание процесса перехода в иное бытийное наличие.

Исходя из этого, можно говорить о бытии прошлого, бытии настоящего, бытии будущего, но бытия прошлого уже нет, а бытия будущего еще нет, существует только бытие настоящего, бытие же прошлого и будущего – плод нашего воображения, значит, это небытие. Простой пример: в сказке о Красной Шапочке волк съедает Красную Шапочку (уже нет – не существует), затем дровосеки спасают ее, она снова воскресает (уже есть – существует). По мнению М.С.Кагана, «бытием обладает только "сегодня" – "вчера" существует лишь в памяти, а "завтра" – в воображении, то есть не обладают подлинным бытием, которое есть бытие сущего» (2, 56), следовательно, наше воображение может творить небытие. Небытие, ничто, по словам Г.В.Ф. Гегеля, «это абстракция, которую мысль считает сущностью, которая целиком превратилась в вещь» (3, 183), небытие становится реальностью, но реальностью не бытийной, а небытийной, или виртуальной. У данного ничто нет формы на какое-то продолжение времени, но есть «абсолютная бесконечность..., абсолютная вечность..., абсолютная всеобъемлемость...»; у него нет причины и следствия, но есть абсолютное в своей всеобщности причинение и в своей всеобъемлемости следствие» (4, 56). Материальные вещи и тела становятся здесь ненужными и являются действительными ничто, которое живет в ситуациях и вне их не существует.

Немецкий мистик Экхарт способом познания ничто как первоосновы бытия называет отрешенность. Его отрешенность можно назвать и отрешенностью от наличного бытия современного человека, который находится в виртуальном бытии. «Отрешенность же настолько близка к "ничто", – утверждает Экхарт, – что нет ничего достаточно тонкого, чтобы найти в нем место для себя, кроме Бога. Он так прост и так тонок, что находит Себе место только в отрешенном сердце. Воспринято и постигнуто может быть воспринимаемое только особым способом воспринимающего, так же, как все познаваемое постигается и понимается в зависимости от состояния того, кто это познает, а не таким, каково оно, взятое само по себе. ...Отрешенность же так близко соприкасается с "ничто", что между ней и "ничто" не остается больше никакой разницы» (5, 71). Отрешенность Экхарта можно назвать состоянием «виртуального бытия», в котором человек видит только себя в том мире, в котором он существует «здесь и

сейчас» и «нет никого радостнее того человека, что пребывает в величайшей отрешенности. Всякая телесная и плотская радость приносит духовный вред, ибо плоть жаждет вновь духа, и дух жаждет вновь плоти» (5, 79).

В состоянии отрешенности, по мнению Экхарта, человек достигает «дна» бытия, т.е. ничто, и оно понимается им как настроение «высшей радости», по которому можно судить о состоянии единения человека с Богом. Подлинное же постижение Бога есть постижение абсолютного ничто. Здесь прослеживается логическая связь с идеей нирваны, где ничто порождает внутреннюю свободу человека. Оно освобождает мир человека от сущего. Перед лицом открывшегося человеку ничто его бытие оказывается «пустым» или (что то же самое) «освобожденным» и потому делается очевидной свобода человека. Близкое этому пониманию связи ничто и свободы дает Н.А. Бердяев: «Бог сотворил мир из ничего. Но также можно сказать, что Бог сотворил мир из свободы. В основе творения должна лежать бездонная свобода, которая была уже до миротворения заключена в ничто, без нее творение не нужно Богу» (6, 115). «Один учитель, - пишет Экхарт, - Авиценна по имени, говорит: дух, который пребывает отрешенным, настолько высок, что все, что он видит - правда, и все, что он желает, дается ему, и когда он повелевает, тогда надо ему быть послушным. Поистине, знайте это, пребывающий в своей отрешенности дух привлекает к себе Бога» (5, 70).

Немецкий мистик говорит о пробуждении внутреннего человека, освободившегося от всякой мысли, образа и страха перед ничто-небытием. Он представляет собой личное человеческое достижение и утверждает возможность богопознания в моменте тождества субъекта, объекта и акта действия. Человек же, находящийся в виртуальной реальности, становится «освобожденным» от «внешнего» бытия и обретает свободу, но эта свобода губит в нем все духовные качества и часто является источником зла.

Рассмотрим две стороны понятия «ничто» в понимании Г.В.Ф. Гегеля. Категория «ничто» является важным объектом исследования в его работе «Наука логики», в которой она отождествляется философом с «бытием». При этом он имеет в виду «чистое бытие», не имеющее никакого содержания, а являющееся неопределенным, непосредственным, равным себе «пустым мышлением», которое на деле есть «ничто»: «Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же» (7, 140). Все, что является внутренним содержанием сознания, есть бытие, которое не может существовать без определенности, но в то же время бытие есть нечто неопределенное и эту неопределенность можно назвать ничто. Следовательно, существует ничто, но только если само бытие есть ничто. Оба эти понятия при диалектическом понимании их соотношения выступают как противоположности и, переходя друг в друга, являются моментами становления. «Их истина, - утверждает Гегель, - следовательно, это движение непосредственного исчезновения одного в другом: становление» (7, 140). В становлении они становятся различными, но в то же время и растворяются одно в другом, «каждое из них непосредственно исчезает в своей противоположности» (7, 140, 141).

По Гегелю, идея абсолютного тождества бытия и ничто представляет определение обыденного сознания или метафизического рассудка, который рассматривает эти понятия как пустые абстракции. Таким образом, здесь речь идет «об абстрактном, непосредственном отрицании, о ничто, взятом чисто само по себе, о безотносительном отрицании» (7, 141). В бытии же, по Гегелю, содержится соотношение с бытием; оно и то, и другое;

бытие и его отрицание, выраженные в «одном, ничто, как оно есть в становлении» (7, 141).

Итак, у Гегеля мы встречаем две трактовки «ничто»: 1) как пустой абстракции, ничего не обозначающей в метафизическом мышлении: «Ничто, чистое ничто; оно простое равенство с самим собою, совершенная пустота, отсутствие определений и содержания; неразличенность в самом себе» (7, 141), которое можно назвать символом гибели, окончанием жизни, так как то, что постоянно не рождается вновь, не развивается, а умирает; 2) как категории диалектики, ибо оно находится в отношениях тождества и различия с бытием и отношение их в диалектическом мышлении приводит к возникновению становления: «Становление означает, что ничто не остается ничем, а переходит в свое иное, в бытие» (7, 142), т.е. положительного ничто, которое выступает началом жизни. Таким образом, отрицательное ничто Гегеля как и ничто виртуального бытия живет только в определенной ситуации и не стремится оформиться в нечто, так как является только «зародышем» бытия, не способным к саморазвитию, творчеству.

А.И. Селиванов трактует ничто «как исчезновение внешнего бытия для конкретного нечего при прекращении (до начала) его бытия в смысле, схожем с экзистенциальным» (4, 60). По мнению В.А. Кутырева, виртуальным, или небытийным, начинают называть все относящееся к духу, душе, психике, сознанию (нечто), а виртуальное состояние «теснит его (человека) Бытие в сторону Ничто в буквальном смысле данного слова, ибо человек как чистое сознание теряет индивидуальность и теряется в океане информации» (8, 23). То есть не только виртуальная реальность, но и поток нахлынувшей на нас информации тянет человека к ничто. Информация становится в настоящее время нашим повседневным знанием, которое мы черпаем в основном из телевизионных передач и газет. Таким образом, происходит «отказ от бытия» и утверждение небытия, человек «чеканит шаг» к ничто, к отсутствию чего-либо, свойств, состояний, процессов в определенном нечего, мир превращается «в хаос, в не-оформленное, не-сущее» (4, 61). В быту мы на каждом шагу сталкиваемся с так называемыми машинами: нажав кнопку, опустив монету, люди забывают о человеческих отношениях – говорить машине «спасибо» не надо, поэтому мы просто что-то подумав, увидев или не увидев, например, чашку кофе или газету. Исходя из данного положения, изменяется предназначение человека как цели и смысла бытия. Он, стремясь к ничто, превращает в ничто (пустоту, хаос) и свой бытийный мир.

Но не следует забывать и о творящем, положительном ничто, которое выступает как начало сущего, добро, позволяющее выйти из мыслимого бытия в бытие возможное, только вера в добро может спасти человека от бессмысленности земного существования. «Смысл жизни, - утверждает А.И. Селиванов, - ее предназначение – переход из ничто-небытия в нечто-бытие, инстинкт жизни – сохранение и воспроизводство себя. Абсолютное добро есть продолжение жизни, абсолютное зло – смерть. ... Бытие не есть единовременная вспышка, но – бесконечная череда вновь зажигаемых огней. И предназначение человека в том, чтобы не дать себе и планетарному бытию погрузиться во тьму небытия-ничто. Для этого нужно без устали, вновь и вновь зажигать факел в этой "душной тьме обезумевшего мира" (М. Горький)» (4, 58, 65).

Список литературы

1. Декомб В. Современная французская философия. - М., 2000.
2. Каган М.С. Метаморфозы бытия и небытия. К постановке вопроса // Вопросы философии. - 2001. - № 6.

3. Гегель Г.В.Ф. *Феноменология духа* // Соч.: В 14 т. Т. 4. – М., 1959.
4. Селиванов А.И. *К вопросу о понятии «ничто»* // Вопросы философии. – 2002. – № 7.
5. Экхарт М. *Об отрешенности* // М. Экхарт. *Духовные проповеди и рассуждения*. – СПб., 2000.
6. Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. – М., 1994.
7. Гегель Г.В.Ф. *Наука логики*: В 3 т. Т. 1. – М., 1970.
8. Кутырев В.А. *Оправдание бытия (явление нигитологии и его критика)* // Вопросы философии. – 2000. – № 5.

Шалутин
Борис Соломонович
д-р филос. наук, проф.

ТЕЗИСЫ О ПРИРОДЕ ЗАКОНА И ОБ ЭМЕРДЖЕНТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Словосочетание «закон природы» имеет некоторый мистический ореол. В восприятии большинства (если не всего) научного сообщества, точно так же, как и «простых смертных», имевших счастье поучиться в школе, это нечто незыблемое, непоколебимое и абсолютное. Как ни удивительно, но, выражаясь витиевато, вопрос о природе закона природы почти не обсуждается ни в естествознании, ни в философии науки, ни в онтологии. Вопрос «что такое закон природы», которому посвящено немало текстов, маркирует совсем другую проблему – какого рода высказывания могут называться законами. Обсуждается также, почему законы природы именно таковы, а не иные. Но тема того, какова сущность закона, его основания, механизм действия и т.п. не дискутируется. Складывается впечатление, что в общем представлении законы природы – это, как выражался по другому поводу Бердяев, «безосновная основа бытия».

Если считать, что законы природы установлены Богом, то тема исчерпана. Однако использование Бога в качестве прямого объяснительного принципа давно ушло в прошлое и в науке, и в философии, даже – за редкими исключениями – в философии религиозной. Что касается атеистов, то для них апелляция к Богу недопустима по определению. Тем не менее, в массовом сциентизированном сознании сам статус законов природы таков, что остается лишь ввести написание с большой буквы. Наука, как знаменитому московскому муравью Окуджавы, оказалось нужно на кого-нибудь молиться. Муравей, будучи лицом мужского пола, создал себе Богиню, наука создала себе Бога – Закон. Если для древних иудеев Бог – это закон, то для абсолютного большинства сегодняшних ученых, их засланцев в философии и практически всего современного «образованного общества» Закон – это Бог. Этот базовый постулат религиозного сциентизма я и хотел бы поставить под сомнение.

Миф детерминизма – детище математизации естествознания, произошедшей по преимуществу в начале

Нового времени. Математика – грандиозная и красивая игра с жесткими правилами, в которые в этот период более или менее удалось «вдавить» имевшийся эмпирический материал. На фоне отточенного гармонического великолепия формул, засверкавшего ограненного бриллианта, шероховатости нечетких фактов были легко списаны на неустранимую неточность измерений. Всякая ли религия – результат отчуждения, оставим разбираться последователям и критикам Фейербаха и Маркса, но сциентистская – несомненно. Начертив икону природы, ученые фетишисты возомнили, что это их детище – сама природа, а формулы, посредством которых они высчитывали траектории иконического изображения, – и есть ее законы. И поскольку в формулах и функциях классической математики все однозначно, то все оказалось однозначно и в самой природе. Если на оси x откладывается время, а на оси y – значение какого-либо изменяющегося во времени параметра некоторой системы, то согласно самому представлению классической математики о функциональной зависимости мы получим однозначно предопределенную динамику изменения этого параметра. Поскольку же так можно описать любой параметр, то, кажется, можно описать и всю систему, сколь бы сложна она ни была, вплоть до мира в целом. Вот он и лапласовский (исторически точнее было бы сказать «лейбницовско-лапласовский») детерминизм.

Совершенно иное представление о законе разрабатывает юриспруденция. Здесь под законом большинство юристов понимает статут – нормативный акт, издаваемый государством. Юридический закон возможно нарушить. Власть, правда, должна наказать нарушителя, но, во-первых, наказание не отменяет самой возможности нарушения закона, во-вторых, фактически наказание наступает далеко не всегда. Представление о законе в юриспруденции настолько далеко от естественнонаучного, что на уровне более или менее общепризнанных определений между одним и другим просто невозможно выявить что-либо общее: в огороде бузина, а в Киеве дядька. То обстоятельство, что «понятие законов природы и общества производно по отношению к понятию законов в юриспруденции»¹ (1, 56), если и известно какой-то части естествоиспытателей, воспринимается ими разве что как метафорический перенос. Между тем, как я намереваюсь показать, понимание закона в юриспруденции как раз гораздо ближе к общей сущности закона, в том числе закона природы.

Прежде всего, обратимся к соотношению детерминизма и индетерминизма на наиболее глубоком доступном сегодня уровне организации мира. Мне уже доводилось разбирать миф детерминизма и соотношение детерминизма и индетерминизма достаточно подробно (13), поэтому воспроизведу лишь те моменты, которые непосредственно связаны с проблемой, рассматриваемой сейчас.

Древнейшие философы пытались найти т.н. первоначало – из которого все произошло, состоит, и куда все уходит. Старейший из них, Фалес, считал таковым воду, Анаксимандр – нечто неопределенное (апейрон), Анаксимен – воздух. Понятно, что сегодня эти взгляды смотрятся наивно. Однако сама постановка вопроса остается вполне корректной. Более того, как раз современное естествознание позволяет совершенно конкретно утверждать, что искомым первоначалом выступает энергия. Все сущее – ее модусы, возникающие и исчезающие, и лишь она вечна. Иллюстрацией этого является формула $E=mc^2$, которая описывает вполне конкретные давно известные физике процессы вплоть до полного превращения вещества в свободную энергию и формирования из

свободной энергии пар противоположных элементарных частиц. Энергия в своей изначальной форме есть **свободная** энергия, которая открывается нам как поле; при некоторых обстоятельствах она преобразуется в **связанную**, т.е. в вещество.

Представим ситуацию, когда сквозь отверстие, расположенное в идеально гладком полу, поступает вода. Вода будет растекаться во все стороны, пока ее будет хватать, и пол вблизи отверстия будет мокрым весь, без сухих пятен. Аналогично происходит и распространение свободной энергии. Для примера: известное всем из средней школы электрическое поле точечного заряда распространяется равномерно и не содержит пустот, как и световое поле от домашней лампочки. По отношению к распространению свободной энергии понятие траектории неприменимо². Здесь нет никакой **определенной траектории**. Определенный – значит, ОПРЕДЕЛЕННЫЙ, имеющий пределы, границы. У свободной энергии таких границ нет, она есть нечто неопределенное (выходит, не так уж наивно выглядит сегодня Анаксимандр).

Однако если ограничить световой поток, предположим, полым цилиндром, то появляется **определенная** траектория. В современных световодах траектории могут быть весьма сложными кривыми и ломаными (правда, не линиями, а, как и у любого реального объекта, с некоторым ненулевым сечением). Определенность здесь возникает лишь постольку, поскольку световой поток определен, и пределы ему установлены извне.

Обращаю внимание на два равно важных обстоятельства. Первое: определенность (детерминированность) светового потока не изначальна, а вторична и обусловлена извне. Второе: в рамках извне обусловленных границ сохраняется неопределенность. Область неопределенного хотя и становится ограниченной, остается бесконечной: сохраняется не единственный вариант, не набор дискретных вариантов, а целостная континуальная область.

Приведенный пример ограничивающего, детерминирования свободной энергии – элементарная иллюстрация того, каким образом неопределенное начало обретает определенность – путем его ограничения, канализирования. При этом определенность оказывается не чем-то абсолютным, а уменьшением области неопределенности, ее заключением в границы.

Как уже упоминалось, при некоторых обстоятельствах электромагнитное поле порождает пары противоположных элементарных частиц. Естественнонаучная фактология и концептуализация этого процесса пока довольно скудна. Однако есть основания предположить, что ограничение свободной энергии возможно не только уже существующим веществом, как в световоде, но что при возникновении частиц имеет место **самоограничение** свободной энергии, в чем и заключается сущность процесса, в ходе которого свободная энергия «свертывается» в вещество, «упаковывается». Огромные количества энергии, которые ранее могли бы мощнейшим образом проявлять себя вовне, наглухо «захлопываются» в элементарной частице, прячутся, самоизолируются от мира, образуя собой надежнейший «кокон», и происходит сильнейшая энергетическая взаимоблокировка, природа которой пока неясна. Колоссальная прочность «кокона» – стабильной элементарной частицы – как раз и объясняется тем, сколь велика образующая его энергия. Поэтому на уровне элементарных частиц мы встречаем наиболее прочные вещественные образования.

Между приведенными примерами с ограничением светового потока и с возникновением элементарных частиц имеется существенная разница. В первом случае ка-

нализирование энергетических потоков обеспечивается извне устанавливаемой предсуществующей структурой – отражателем фонарика или современным световодом. Во втором примере имеет место самоструктурирование, самоорганизация.

Благодаря Пригожину, Хакену и их последователям, феномен самоорганизации сегодня хорошо известен, продолжает интенсивно изучаться, находясь в центре внимания самых разных наук. Безусловно, это сулит нам массу конкретных открытий по мере, с одной стороны, углубления его понимания, и, с другой, расширения сферы применения. Несомненно, подлежит осмыслению под этим углом зрения и один из важнейших онтологических скачков – переход от довещественного уровня бытия к веществу. Возникновение элементарных (первичных) вещественных образований есть формирование устойчивой структуры энергетических потоков, стабильно доминирующей над фоновыми энергетическими процессами, благодаря чему образуется система отрицательных обратных связей, блокирующих развитие случайных флуктуаций, постоянно возникающих на базе этих процессов, в силы, способные разрушить систему. Структура организации **закон** их существования. Частица тем более устойчива, чем более энергетически насыщена образующая ее структура и, соответственно, чем более она энергетически доминирует и тем самым успешнее борется с возмущающим отклонениями, блокируя их последствия. Если же внешние энергетические воздействия или внутренние (например, радиоактивный распад) оказываются сопоставимы с энергетикой самовоспроизводства структуры, частица разрушается.

Перейдем к другой важнейшей онтологической демаркации – живой и неживой природы. В отличие от соотношения свободной и вещественно организованной энергии, философская рефлексия соотношения живого и неживого может опираться на значительно более объемный и разноплановый естественнонаучный материал.

Биологические законы многообразны и отличаются друг от друга не только конкретным содержанием, но и степенью общности, от общебиологических до весьма частных, например, отдельных инстинктов³. Если взять в качестве примера животную особь, то, как известно, она способна к выбору лишь на уровне ситуативной задачи. Ее жизнепостроение в основных моментах генетически предопределено, то есть детерминировано биологическим видом, к которому она принадлежит. Предопределенность разворачивается через систему инстинктов, отдельных законов, задающих границы, за которые особь не выходит, хотя стены задаваемого коридора тем шире, чем «умней» животное. Комплекс неразрывно связанных между собой инстинктов – это видовой Закон, «на роду написанный» особи. Ради его исполнения она живет, а если (когда) надо – умирает; видовой Закон – это в действительности и есть конкретный биологический вид, а особи – лишь средства, комочки живого вещества, **средством** воплощения в которые этот закон (вид) обеспечивает свое существование сквозь время.

Каким образом соотносятся биологические законы и протекающие в живых организмах физико-химические процессы? Этой проблеме посвящена довольно обширная онтологическая литература, причем нельзя не отметить вклад диалектического материализма, в частности, в рамках анализа соотношения высших и низших форм движения материи. В контексте проблемы природы закона наибольшее значение имеет рассмотрение высших

и низших форм движения под углом зрения гегелевской категории снятия, впервые предпринятое С.М. Шалютиным (18) и получившее впоследствии широкое распространение. Позже С.М. Шалютин существенно конкретизировал имманентный снятию момент подчинения (19), который здесь нас и интересует более всего.

«Автономно существующий объект функционирует и развивается на основе некоторой совокупности законов, которые определяют множество его возможных состояний, изменений и взаимодействий. Если такой объект включается в качестве элемента или подсистемы в систему более высокого порядка, то, с одной стороны, реализуются не все абстрактно возможные его состояния, а лишь те, которые допускаются закономерностями более высокой системы. С другой стороны, некоторые возможности, которые до включения в систему для ее элементов носили формальный характер, становятся реальными... Именно в утрате одних возможностей и превращении других из формальных в реальные, в сущности, и заключается подчинение низшего высшему» (19, 13).

Если принимать лапласовский детерминизм не за методологическую установку, более или менее эффективную для описания некоторых сравнительно простых процессов, а за полностью адекватное выражение самой природы, то ни о каком подчинении высшими формами низших не может быть и речи. Напротив, и биологические, и социокультурные процессы окажутся однозначно определяемыми «снизу», подчиненными физико-химическим законам. Подчинение низшего высшему возможно именно за счет того, что низший уровень *никогда* не является однозначно детерминированным, что он *все-гда* содержит поле возможностей. Подчинение означает блокирование части возможностей и, соответственно, повышение вероятности других. Вышестоящий уровень организации выступает по отношению к нижестоящему средой, отбирающей и канализирующей, благодаря чему реализоваться может не все поле имеющихся на нижестоящем уровне возможностей, а лишь те из них, которые лежат в рамках конструкции вышестоящего уровня. Таким образом, общая схема здесь та же, что и при рассмотренном выше детерминировании (определении, ограничении) свободной энергии.

Описывая ограничение свободной энергии простым (типа отражателя карманного фонаря) или сложным современным световодом, я исходил из ситуации предшествования световода конкретному канализируемому с его помощью световому потоку. Однако возникновение элементарных частиц – пример иного рода, когда имеет место самопорождение низшим уровнем ограничивающей структуры, образующей более высокий уровень сущего. Подобным образом обстоит дело и при переходе от добиологического к биологическому миру.

«Биологический процесс есть не простая сумма физического и химического, а представляет собою **упорядоченные циклы** этих процессов. Хотя это упорядочение, в свою очередь, осуществляется через физико-химические механизмы, система обратных связей, обеспечивающая эту упорядоченность, не принадлежит сама по себе физическим и химическим формам движения. Она есть сторона биологической формы движения – сторона, посредством которой организм подчиняет себе совокупность происходящих в нем процессов»⁴.

Один из наиболее сложных онтологических вопросов – о том, каким образом формируется более высокий уровень организации, в том числе в процессе появления живого. Эмерджентизм, вопреки редукционизму, утверждает, что при таком переходе возникает нечто принципиально новое, чего не было на предшествующем уровне.

Однако за счет чего это новое возникает? Многочисленные попытки рассуждать по этому поводу приводили ранее к одному из трех результатов: первый – отказ от тезиса и откат к редукционизму, второй – бессодержательное жонглирование словами и уход от вопроса, третий – апелляция к чуду. Столь плачевные результаты обусловлены одним – классической детерминистской парадигмой, въевшейся в самую ткань нашего мышления так глубоко, что вытравить ее чрезвычайно сложно.

Лет десять назад в разных лекциях я начал излагать взгляд, согласно которому сущность живого состоит в том, что это мир форм. Несколько упрощенно эта трактовка выглядит следующим образом. Если в неживом теле материя и форма неразделимы (вполне по Аристотелю – субстанция есть единство материи и формы), то живое тело есть, прежде всего, некоторая форма (структура, конструкция, организация – в данном случае различие этих терминов несущественно), тогда как вещество организма – всего лишь способ поддержания этой формы. Вещество постоянно меняется, а себестождественность организма состоит в относительном постоянстве его формы. Эта форма организует течение вещества в ходе вещественно-энергетического обмена со средой именно так, что обмен обеспечивает ее, формы, самосохранение и самовоспроизводство. Но поскольку идеально организованных процессов не бывает, живое тело в конечном счете гибнет. Однако форма не гибнет вместе с ним, т.к. организм успевает передать ее следующему поколению. Таким образом, всякий биологический вид – это устойчивая, отлившаяся в ходе эволюции форма, сохраняющая себя сквозь время, в том числе с использованием процессов высвобождения энергии из вещества и свертывания свободной энергии в вещество. И обмен веществ, с которого обычно начинают разговор о специфике живого, и сами организмы – всего лишь механизмы поддержания формы, ставшей самостоятельной единицей бытия и подчинившей физико-химические вещественно-энергетические процессы.

Излагая эти соображения в процессе работы над вышедшей в начале 2002 года монографией (16, 10-14), я понял также, что эта трактовка жизни дает ключ и к вопросу о генезисе живого, если ее соотнести с основополагающими синергетическими идеями (16, 14-15). До сих пор в рамках проблемы становления жизни обсуждались темы абиогенного синтеза аминокислот, их комбинаций, обособления и т.п. Не отрицая значимости этих и других традиционных тем, думаю, фокус поиска следует нацелить на иное. Пробразы живого являются те процессы, которые оказались в центре внимания синергетики. Классические струйки пара в закипающей воде, смерчи, воронки и т.п. Все это – формирующиеся открытые системы, через которые, как и через живой организм, идет поток энергии и вещества, но при том сохраняется форма. Конечно, это еще далеко не живые организмы. Здесь нет внутреннего обеспечения разности потенциалов со средой, нет овеществленного внутреннего носителя структуры и т.д. Однако и интериоризация, и «оседание», «остывание» динамической структуры в субстратную, становящуюся устойчивым носителем динамической, находятся в русле общих эволюционных тенденций.

Соотнося эти достаточно давние размышления с более поздними гипотезами относительно природы детерминизма и с проблемой сущности закона, можно увидеть следующую принципиальную схему возникновения жизни. Относительный хаос физико-химических процессов порождает их устойчивые динамические структуры, которые энергетически стабильно доминируют над фоновыми энергетическими процессами, благодаря чему

образуется система отрицательных обратных связей, блокирующих развитие случайных флуктуаций в силы, способные разрушить систему. Структура организует физико-химические потоки, устанавливая **закон** их существования. Она тем более устойчива, чем более энергетически доминирует и, соответственно, чем успешнее борется с возмущающими отклонениями, блокируя их последствия. Возникновение жизни есть, прежде всего, возникновение новых законов, а эти законы, в свою очередь, есть не что иное, как устойчивые структуры, канализирующие текущие физико-химические процессы за счет доминирования над ними.

Эмерджентный скачок перестает выглядеть чудом. Ни на одном уровне организации сущего, от простейших до самых сложных, нет однозначной детерминации. Мировой процесс всегда содержит множество возможных продолжений, которые, реализуясь, сталкиваются друг с другом, пересиливают друг друга, разрушают друг друга и т.п. Но при этом могут возникать устойчивые структуры, которые и представляют собой законы, поскольку устанавливают некие границы (которые в зависимости от степени энергетического доминирования над фоновыми процессами могут быть более или менее жесткими, более или менее подвижными, более или менее проницаемыми) и тем самым кардинально меняют соотношение вероятностей возможных продолжений.

Становление таких структур – и есть эмерджентный скачок. Он создает принципиально новую реальность. При этом в нем нет ничего сверхъестественного – он совершенно не похож на чудо самопроизвольного отклонения атома, в которое верил Эпикур и по образцу которого, в принципе, только и могут рассуждать классические детерминисты, если только они желают признать разноразмерность бытия и наличие качественных скачков в его эволюции. В отличие от несостоятельных детерминистских объяснений, в предложенной здесь схеме нет возникновения поливариантности из ничего, а есть **сужение, ограничение, детерминирование** поля возможностей. Ясен и его принципиальный механизм – взаимоблокировка противоположно направленных процессов нижестоящего уровня. При этом, поскольку нижестоящий уровень не обладает полнотой определенности, он не может и однозначно предопределять, какие именно устойчивые структуры сформируются. Таким образом, новые законы невыводимы из прежних, что и означает факт эмерджентного скачка.

Третий важнейший онтологический скачок – от живой природы к социокультурному бытию нередко рассматривается именно под углом зрения подчинения природных регуляторов надбиологическим (7; 15). Этот подход, как было показано выше, и означает формирование новых законов (структур), энергетически доминирующих над низшими, устанавливающих им пределы (т.е. определяющих, детерминирующих) и тем самым формирующих направленность. Если возникновение живого означает становление видовой формы как новой онтологической единицы, более устойчивой, чем отдельный телесный предмет, то скачок в социальность сопряжен с возникновением следующей новой онтологической единицы – базовой социокультурной общности.

Животная группа, даже у ведущих групповой образ жизни животных, не является самостоятельной онтологической единицей. Способы ее организации в основном заданы генетически, и поэтому группа, как и отдельная особь, есть лишь **средство** по отношению к виду, который субстанциален и самоценен. Что касается уже пер-

вичных человеческих общностей, то способы их организации генетически не предопределены, а вырабатываются самими людьми. Поэтому каждая общность субстанциальна, и именно она образует структуры, отбирающие возможное и блокирующие – например, через очень жесткий механизм табу – невозможное индивидуальное поведение, то есть именно она создает свой закон. Как и на предыдущих стадиях, этот закон есть механизм самосохранения. Для базовых человеческих общностей (единиц социальной организации) таким механизмом выступает, прежде всего, самосакрализация. Общность создает, например, всемогущего субъекта (тотемное животное, этнического бога и т.п.) – источника Закона – совокупности правил, соблюдение которых обеспечивает сохранение группы, а нарушение представляет опасность ее существованию. Границей, отделяющей социокультурный мир от природного, является подчинение самого сильного из биологических инстинктов – родительского – социальному регулятору, выражением чего является детское жертвоприношение. Детское жертвоприношение – символ подчинения природного начала в человеке новому, социокультурному, закону (15).

Как и в предыдущих эмерджентных скачках, здесь новый регулятор использует старые механизмы, в данном случае – человеческую психику. Сакральные ценности, в которых в действительности репрезентирована самоценная и субстанциальная группа, вызывают в психике человека столь сильные эмоции, что они могут подавлять любые другие эмоционально-энергетические состояния, в том числе биологического происхождения. Однако редуцировать социальность к психике нельзя, психика – лишь **механизм** социальной регуляции.

Человеческий мир вариативен, человеческие общности существенно различны, разнообразны и способы самосакрализации, и определяемые ими комплексы правил поведения, что является одним из выражений непредопределенности мирового процесса.

Каждая человеческая общность фактически тождественна своему Закону. Конкретные люди, поколение за поколением сменяющие друг друга, выступают носителями этого Закона. Их положение похоже на положение животной особи, всего лишь средства по отношению к соответствующей видовой форме. Причем не только отдельные индивиды – в этом же качестве предстает и вся их актуальная совокупность, все множество живущих в данный момент людей. Они – средство, тогда как субстанциален сам Закон – сакральный ценностно-нормативный комплекс. Так же, как мир живой природы – это мир форм, социокультурный мир – это мир сакральных ценностно-нормативных комплексов⁵.

Человеческие общности сосуществуют в конкуренции друг с другом за ресурсы, причем эта конкуренция является гораздо более жесткой, нежели межвидовая. Виды занимают каждый свою экологическую нишу и зачастую взаимопользуются, тогда как у человеческих общностей экологическая ниша одна. Борьба между ними изначально велась на взаимоуничтожение. «На заре истории, мы видим, столкновения групп носят беспощадный характер. Победители почти поголовно убивают или съедают побежденных. В Полинезии побежденные поголовно истреблялись, не исключая жен и детей; те же сведения имеются о кафрах, краснокожих индейцах, древних персах, египтянах, евреях, греках, римлянах, магометах и т. д.» (8, 151). Эта кровавая война – не просто между группами, как это бывает у животных, но и между способами социальной организации, то есть самими Законами, сакральными ценностно-нормативными комплексами. Именно эта конкуренция не на жизнь, а на смерть, а

вовсе не внутренние противоречия той или иной общности (как это предстает, например, в марксизме) выступает главным фактором исторической эволюции. Питирим Сорокин пишет об уже «исторических» человеческих общностях. Но жесточайшая конкуренция, переходившая в случае нанесения ущерба одной группе другой в неограниченную кровную месть вплоть до полного уничтожения врага, имела место уже между первичными человеческими группами, внутри каждой из которых существовало мощнейшее психоэмоциональное сопереживательное единство⁶.

Следующий – и пока последний такого масштаба – крупнейший эмерджентный скачок имел место уже внутри человеческого мира. Именно такой «внутриисторический» характер этого скачка мешает осознать его колоссальную значимость. В действительности время пребывания людей на земле разделено на два кардинально различных этапа, граница между которыми отчасти похожа на демаркацию двух надцарств живой природы – прокариот и эукариот, но еще глубже в общеонтологическом масштабе. Этой границей выступает формирование экzogамии, впервые укоренившейся в рамках дуально-родовой организации, предполагавшей, что внутри каждого рода существует половое табу, сопряженное с предписанием половых контактов с представителями рода-партнера.

Наиболее глубокая из известных трактовок экzogамии на уровне общей и не очень четкой идеи впервые была высказана французским этнологом Ван Геннепом (1920): «... экzogамия имеет результатом и, возможно, целью связывать между собой некоторые обособленные общества, которые без этого не вошли бы в нормальный контакт»⁷. Позже Леви-Строс в знаменитой работе «Элементарные структуры родства» (1) (1949) разработал ее в более общем виде, трактуя экzogамию как механизм важнейшей и универсальной демаркации, отделяющей социальную организацию от природной посредством «замены системы кровного родства биологического происхождения социальной системой отношений свойства» (4, 63).

Как и почему возникли внутривидовое половое табу и экzogамия? На этот счет *существует ряд гипотез (осознание биологических опасностей инцеста, избегание конкуренции мужских особей из-за женских и др.)*. Однако ни одна из них не замечает, что за формированием дуально-родовых общностей стояла гораздо более глубокая и сильная логика общесистемной эволюции, по отношению к которой **может быть, в какой-то мере некоторые** описываемые в рамках этих гипотез процессы послужили механизмами осуществления, «зацепками», которые всегда находят фундаментальные тенденции развития для своей реализации.

В общем виде эта логика состоит в том, что с распространением некогда новых онтологических единиц и их превращением в среду (часто конкурентную) друг для друга формируется следующий онтологический уровень, по отношению к которому предыдущие единицы выступают структурными элементами: возникновение надстраивающихся над атомами молекул, формирование многоклеточных и т.п. Подобно атому и клетке, род вошел как «кирпичик» в более сложное образование, построенное уже на иных связях. Конечно, эта общая тенденция в каждой сфере обретает специфический путь реализации.

В интересующем нас случае мощное эволюционное давление в направлении укрупнения группы было непосредственно обусловлено внешним вызовом – жесто-

чением конкуренции с другими группами. Такие факторы, как развитое вооружение, тактика ведения боя и т.п., возникли намного позже, поэтому решающим параметром, обеспечивавшим преимущество в «войне всех против всех», было численное превосходство. Но те связи, которые обеспечивали целостность рода, не могли удерживать общности существенно большего размера. Следовательно, необходимы были новые механизмы, надежно скрепляющие роды друг с другом в единое целое. Эволюция должна была решить свою, в общем, обычную задачу – найти в имеющемся материале (в данном случае – в материале человеческой природы и ранней культуры) предпосылки механизма, способного обеспечить очередной шаг онтологического прогресса, «состыковать» их и заставить механизм работать.

Первой, природной, предпосылкой выступила разделенность человеческого вида на два пола, необходимым образом обеспечивающая связь обособленных индивидуальных субъектов в качестве условия биологического воспроизводства. Ее трансформацию в механизм, так же необходимо требующий связи **групповых** субъектов (родов), обеспечил институт табу, уже сложившийся как внутривидовой и практически не уступающий в жесткости природным регулятор поведения, который и стал второй, культурной, предпосылкой. Сформировавшееся половое табу превратило природную половую разделенность в абсолютный межродовой социальный скреп, обеспечивший единство новой человеческой общности. Утвердившись, оно стало непреодолимым препятствием возврату к обособленно-родовой ступени.

Общий методологический порок прежних гипотез состоит в том, что они идут от внутривидовых проблем (каковы бы они ни были) к формированию табу и от него к дуально-родовой организации и экzogамии вообще. Действительная логика была обратной: табу сформировалось как **средство**, скрепляющее надродовую общность; движение шло не «снизу вверх», а «сверху вниз»; не внутренний кризис элементов заставил их найти друг друга и соединиться в систему, а экологическая закономерность обусловила потребность возникновения более крупной системы, которая в ходе своего формирования подчинила и поставила себе на службу ранее самостоятельные механизмы регуляции человеческого поведения – половую разделенность и институт табу.

В силу отсутствия у представителей родов-партнеров той степени эмоционального единства, которое характерно для одного рода, ситуативные конфликты между ними, видимо, не были чем-либо исключительным. Однако теперь последствием таких конфликтов уже не могла быть разрывающаяся схема бесконечной межродовой мести. Что могло ее блокировать, обеспечивать, выражаясь языком бокса, «брейк», предотвращающий «лобовое столкновение»? Во всяком случае, не интеллектуальное осмысление неразрывной взаимозависимости родов: стороны не понимали характера этой зависимости, т.к. связь между половым актом и деторождением была осознана несопоставимо позже.

Существует восходящая к Э. Тейлору точка зрения, согласно которой женщины, будучи сестрами по отношению к одному клану и женами по отношению к другому, выступали в роли «мирителей». Думаю, нечто подобное действительно могло иметь место, но лишь применительно к мелким **межиндивидуальным** конфликтам, а никак не к тем, которые были связаны со сколь-нибудь заметным **ущербом для рода**. Во-первых, статус «мирителей» был недостаточен для разрешения межродового конфликта; безусловно, в принятии решения должны были участвовать лидеры родов. Во-вторых, если бы единствен-

ным способом выхода из конфликта, даже крупного, связанного, например, с убийством, было примирение, это означало бы, что группа является моно-, а не дуально-родовой. Причинение значительного вреда со стороны представителя одного рода другому не могло оставаться для первого без последствий.

Два года назад я высказал и довольно подробно аргументировал гипотезу, которая, кажется, дает ответ на вопрос о тормозящем межродовую месть механизме. Он состоит в том, что **члены каждого из родов, находясь в зоне рода-партнера, оказывались в качестве потенциальных заложников**⁹.

Наличие заложников означает существование механизма принуждения. Заложники выступают своего рода «болевыми точками» субъекта, отчужденными от него самого и полностью находящимися во власти контрагента. Смерть или страдание заложников есть одновременно страдание всего того единства, от которого они оторваны, и, следовательно, беспрепятственная возможность причинения им смерти или страданий открывает канал принуждающего воздействия на волю противостоящего субъекта.

В свете осмысления проблемы сущности закона институт взаимного заложничества выступает чрезвычайно яркой иллюстрацией. Новая дуально-родовая структура представляет собой не что иное, как взаимную силовую блокировку. Силовые возможности одного рода блокируются другим, как и наоборот. Тем самым возникает новый регулятор-закон, детерминирующий поведение индивидов, возможные деструктивные действия которых оказываются теперь заблокированы силой обоих вместе взятых родов.

Половое табу и взаимное заложничество, формируясь вместе с дуально-родовой организацией, в то же время представляли собой условия для становления одновременно с ними и дальнейшего развития кардинально нового типа законов, регулирующих человеческое поведение. Этот момент заслуживает более подробного рассмотрения.

Невозможность неограниченной кровной мести между родами внутри дуально-родовой связки означает, что в процессе возникновения дуально-родовой организации устанавливался некий механизм разрешения конфликтов. Есть достаточные основания полагать, что таким механизмом стала **переговорная** процедура разрешения конфликта. Ее целью могло быть установление хода событий, виновника, определение санкции и в конечном счете восстановление нарушенного справедливого социального порядка. Инструментом разрешения конфликта вместо заблокированной страсти мщения стал беспристрастный **рассудок**, рациональное **обсуждение** или **суд**. **На смену логике оружия в качестве инструмента разрешения конфликта пришло оружие логики.**

Заложничество является древнейшей формой того, что сегодня в юриспруденции называется залоговым договором. Заложничество имело место у древних греков, римлян, иудеев, вавилонян, его применяли японские сёгуны и золотоордынские ханы, и этот ряд легко продолжить. Оно использовалось как гарантия возвращения имущественного долга, как фактор принуждения к окончанию войны, как средство удержания в подчинении побежденных народов или укрепления государственной «вертикали власти» и др. Полифункциональность заложничества, его историко-географическая универсальность, присутствие в практически не взаимодействовавших друг с другом культурах свидетельствуют о его появлении в период формирования самых глубоких оснований человеческого мира. Разумеется, есть разница между захва-

том залога и добровольным залогом. Однако грань между ними зыбкая. Интересен в этом контексте проведенный И. Хейзингой этимологический анализ, позволяющий обнаружить единый корень и выстроить удивительный смысловой ряд из таких понятий, как «опасность», «подвергать опасности», «залог (заложник)», «принуждение», «долг», «обязательство» (9, 54).

Залоговый договор юристы трактуют как акцессорный, то есть дополнительный, подкрепляющий основной. В случае древнейшего залога предметом основного договора и была **переговорная** процедура разрешения конфликта. Коротко говоря, залог гарантировал собой **нормативный¹⁰ договор о суде**, т.е. судебный порядок рассмотрения конфликта. С формированием дуально-родовой общности возник принципиально новый тип социальной регуляции, отличный как от внутриродового братства и примирения в случае конфликтов, так и от перманентной межродовой готовности к войне, переходящей в случае конфликта в войну реальную. Центральным звеном этого типа регуляции стал суд, причем не только реальный, но и потенциальный – перспектива суда в случае конфликта, наличие которой стало важным регулирующим поведение фактором. Процедуру суда конституируют не апелляции сторон к тем или иным материально-правовым основаниям, кажущиеся им незыблемыми, и даже не характер используемой ими логики, которая изменчива и зависит от историко-культурных обстоятельств. Суд конституирует само обращение к рациональному дискурсу, независимо от его содержания и форм. Суд в его общем определении есть **чистое рассудочное начало, вне его материальной и даже формальной конкретики**, представленное противостоящими друг другу рациональными субъектами. Вопреки общераспространенному представлению о связи рациональности в первую очередь с познанием в действительности само начало рассудка в значительной мере исторически формировалось вместе с судом; ситуация суда как раз и была фактором конституирования и развития рациональности¹¹. Содержанием договора о суде выступало, во-первых, обращение к суду в случае конфликта, во-вторых, исполнение решения суда, каким бы оно ни оказалось. И первое, и второе опираются на общую **договороспособность** сторон.

Понятие договороспособности отсутствует в современной юридической терминологии (его содержание отчасти входит в понятия вменяемости и дееспособности). Оно предполагает в качестве важнейшего момента саму **способность** соблюдения договора, то есть **способность** руководить своим поведением **по установлению**. Первые фундаментальные механизмы системообразующего поведения людей, обеспечивавшие целостность «атомарной» социальной единицы – рода, опирались на эмоциональную детерминацию, от непосредственной до сакрально обусловленной. Межродовая связка не имеет подобных достаточно надежных механизмов. **Но устойчивость целого требует ненарушимости порядка взаимодействия частей – иначе само целое распадется.** Целостность дуально-родовой единицы конституируется и поддерживается **на основе конвенционального установления обособленных волей, то есть договора.**

Важнейшим фактором, обеспечивающим соблюдение договора субъектом, является именно факт **самоустановления**, того, что субъект собственной волей устанавливает себе определенные ограничивающие его поведение обязательства¹². Договороспособность, таким образом, требует сформированности определенного отношения человека к себе, а именно – способности принимать и соблюдать решения относительно себя самого, способности устанавливать себе закон¹³.

Договороспособность означает существование принципиально нового отношения к слову – как к обязывающему фактору, как к началу, необходимым¹⁴ образом детерминирующему поведение. Это очень существенный и на самом деле очень непростой момент: только что, пока договор обсуждался, никаких детерминирующих поведение интенций из него не вытекало, но сразу после заключения он стал законом. Ничего не изменилось, кроме провозглашенного как окончательное слова, но это слово собой создало объективную реальность, безоговорочно подчиняющую того, кто это слово произнес.

Наконец, договороспособность предполагает доверие к контрагенту договора. Это доверие, в свою очередь, включает в себя два основных момента. Во-первых, презумпцию способности и другой стороны руководить своим поведением по установлению; во-вторых, презумпцию отсутствия у нее злокозненной воли, ее намерения соблюдать заключенный договор.

Момент доверия в контексте обсуждаемой проблемы имеет принципиальное значение. Речь идет не о современном социокультурном контексте, в котором человек кому-то доверяет, а кому-то нет. Речь идет о **способности доверия** вообще, которая предполагает, что не всякий, кто не является своим, – враг. Возникновение этой способности означает радикальную трансформацию самой структуры мировосприятия и мироотношения: переход от простой матрицы «свой-враг», характерной для монархового уровня организации, к более сложной структуре, включающей в себя новое возможное значение, которое приблизительно может быть передано следующим образом: не свой, но и не враг, а **равный**, хотя и другой, с которым можно договариваться.

Итак, договорное начало как таковое, независимо от его конкретного содержания, так сказать, **чистый договор** или априорная форма договора, предшествующая всякому конкретному договору, предполагает способность руководить своим поведением по установлению, добровольность, доверие равных.

Подобно тому, как понятие суда предполагает наличие договора, понятие договора предполагает наличие суда как процедуры, развертывающейся в случае неисполнения договора или сомнений в его исполнении. Начала суда и договора взаимно предполагают друг друга. В то же время надо помнить, что «за скобками» суда и основного договора присутствует акцессорный залоговый договор, в котором для сторон маячит начало принуждения.

Итак, новый механизм социальной регуляции, сформировавшийся в процессе становления дуально-родовой организации, включал в себя взаимосвязанные и взаимообусловленные начала договора, нормативности, суда и принуждения. Именно этот комплексный механизм и есть не что иное, как система юридической регуляции¹⁵. Важно отметить, что хотя юридическая регуляция формируется согласно логике межродовых отношений, ее становление одновременно предполагает и проникновение внутрь рода. Ведь, заключив внешний договор, род становится обязан требовать его соблюдения и от своих собственных членов. Таким образом, внутриродовые отношения также оказываются опосредованы юридическим законом, члены рода начинают становиться относительно друг друга юридическими субъектами.

Удивительным образом, большинство теоретиков от юриспруденции, особенно российских (хотя, к счастью, уже далеко не все), до сих пор считают конституирующим признаком юридической регуляции наличие норм, опирающихся на силовое принуждение и исходящих от социальной власти. Что касается принуждения, то, как мы видели, **становление** юридической регуляции без принуж-

дения действительно невозможно. Однако ситуация отчасти напоминает заливку фундамента дома, при которой используется опалубка. Она нужна, пока фундамент не затвердел, а далее он не только стоит без всякой опалубки, но и несет на себе всю тяжесть здания. Нет силового принуждения в целом ряде важнейших секторов юридических отношений: в каноническом праве, в международном праве и др. Что же касается социальной власти, то мы также видели, что никакого отношения к становлению юридических отношений она вообще не имеет. Некоторые области юридической регуляции (например, уголовное право) невозможны без принуждения, однако в целом оно периферично и тем менее востребовано, чем более развито само юридическое начало. Роман публичной власти с юридической регуляцией начинается со становлением института государства. Государство выполняет и политические функции (то есть функции публичной власти), и некоторые юридические функции, при этом как соотношение юридического и политического начал в государстве, так и характер взаимодействия между ними коренным образом трансформируются в ходе истории. Однако смешивать, глядя на институт государства, политическое и юридическое столько же оснований, как, глядя на Рональда Рейгана, смешивать кино с руководством США или, глядя на Чайковского, балет «Щелкунчик» с гомосексуализмом.

Субстанциальным основанием, «первоначалом» юридической регуляции выступает нормативный договор (хотя договор, как было показано, предполагает суд, но договор логически первичен). Нормативный договор есть **закон**. Он представляет собой структуру, сформированную свободными контрагентами (не обязательно двумя), которая ограничивает (детерминирует) их поведение. Договор является и само-, и взаимограничением, к которому стороны свободно приходят на основании компромисса интересов, оцениваемого ими как взаимовыгодный. Эта структура является вербально-логической и эффективной лишь там, где субъекты в принципе договороспособны.

Если юридический закон принимается государством, он тоже представляет собой договор, хотя и гораздо более сложный. Во-первых, он всегда многосторонний, его сторонами выступают граждане и иные субъекты гражданского общества, во-вторых, государство выступает в качестве институционально организованного посредника при возникновении и функционировании договора. Однако принципиальная природа договора при этом сохраняется. Подавляющее большинство людей соблюдают его в силу тех же причин, по которым они соблюдают безгосударственный договор: они принимают его, как минимум, на основании того, что санкционировали **процедуру его принятия**¹⁶.

Согласно общераспространенному мнению, юридический закон может быть нарушен, а объективный – нет, в чем и состоит их кардинальное различие. Однако понимание того, что и объективный, в том числе природный, закон есть лишь некая **сравнительно жесткая** форма, показывает, что никакой закон не абсолютен, он работает постольку, поскольку эта форма доминирует над фоном, и если этот фон порождает более сильные процессы, закон нарушается; массовое нарушение закона означает, что он перестает существовать, то есть вышестоящая структура гибнет. Так умирает нежизнеспособный организм, так умирает отживший социальный порядок – например, в результате революции, которая юридически и означает массовое нарушение, то есть прекращение существования, прежнего закона.

Подведу итоги.

Законы, управляющие самыми разными процессами, включая природные, вовсе не есть нечто мистическое. Они представляют собой устойчивые конструкции, формирующиеся в ходе эволюции из процессов нижестоящего уровня. Эти структуры канализируют фоновые процессы, блокируя с разной степенью жесткости одни возможности и тем самым повышая вероятность других. Идея того, что вышестоящая структура задает законы нижестоящему уровню, хотя и не является широко принятой, не очень нова. Новым является не то, что структуры задают законы, а то, что законы – это и есть структуры.

Ни на каком уровне развития не существует полной определенности и, соответственно, предопределенности. Следовательно, нижестоящий уровень может породить множество разных вышестоящих структур, много вариантов порядка. Значит, появление новых структур, т.е. новых законов, непредопределенных нижестоящим уровнем и невыводимых из него, означает эмерджентный скачок, который был бы невозможен в случае истинности классической детерминистской гипотезы.

Вероятно, можно выделить четыре наиболее крупных эмерджентных скачка. Первый: формирование вещественных образований – мира телесных предметов с его законами, подчиняющих себе нетелесные энергетические процессы, связывая их в собственное вещество. Второй – возникновение мира живого – мира видовых форм, организующих вещественно-энергетические процессы таким образом, что, разрушая и воспроизводя себя в новом веществе, тела превращаются в средство хранения и трансляции видовой формы. Третий – становление социальных общностей, центрирующихся вокруг сакральных ценностно-нормативных комплексов, подчинивших себе биологические паттерны жизнедеятельности. Четвертый – становление логико-юридических рациональных конструкций, обеспечивающих сосуществование индивидуальных и групповых носителей различных ценностных комплексов в рамках единого социального пространства.

В заключение замечу, что название этой отнюдь не маленькой статьи словом «тезисы» не случайно. Разные изложенные здесь моменты проработаны в разной степени, очень многое изложено конспективно и требует дальнейшего продумывания, развертывания, в ходе которого, безусловно, произойдут уточнения и формулировок, и самих идей.

Список литературы

1. Levi-Strauss C. *Les structures elementaires de la parente*. - Paris, 1964.
2. Schlemm, Annette. *An Integrated Notion of «Law»* // Arshinov, Vladimir; Fuchs, Christian (Eds.) (2003): *Causality, Emergence, Self-Organisation*. NIA-Priroda. - Moscow, 2003.
3. Демин А. В. *Нормативный договор как источник административного права* // *Государство и право*. - 1998. - № 2. - С. 15.
4. Леви-Строс К. *Структурная антропология*. - М., 2001.
5. Леви-Строс К. *Тотемизм сегодня* // Леви-Строс К. *Первобытное мышление*. - М., 1994.
6. Леонтьев Д. *Феномен ответственности: между недерержанием и гиперконтролем* // *Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии*. - Т. 2. Бириштонас. - Вильнюс, 2005.
7. Семенов Ю.И. *На заре человеческой истории*. - М., 1989.
8. Сорокин П.А. *Общая социология* // Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество*. - М., 1992. - С. 151.
9. Хейзинга Й. *Homo Ludens. В тени завтрашнего дня*. - М., 1992.
10. Шалютин Б.С. «Grundpakt» вместо «grundnorm», или к вопросу об основании юридического // *Вестник Курганского университета*. - Серия «Гуманитарные науки». - Вып. 2. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. - С. 76-84.
11. Шалютин Б.С. *Закон и закон (юр.)* // *Государство и право*. - 2007. - № 4.
12. Шалютин Б.С. *Закон, юридический закон и общественный договор* // *Вопросы философии*. - 2006. - № 11.

13. Шалютин Б.С. *Индетерминизм и детерминизм как имманентные характеристики энергетического первоначала мира* // *Вестник Курганского университета*. - Серия «Гуманитарные науки». - Вып. 3. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007.
14. Шалютин Б.С. *От межродового общественного договора к формированию государства* // *Научный вестник Омской академии МВД России*. - 2008. - № 2.
15. Шалютин Б.С. *Проблемы начала и «верхней границы» антропосоциогенеза* // *Человек*. - 2003. - № 3.
16. Шалютин Б.С. *Становление свободы: от природного к социокультурному бытию*. - Курган, 2002. - С. 10-14.
17. Шалютин Б.С. *Юридическое как первоначально надродового уровня социальной организации (историко-генетическая проекция)* // *Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания*. - СПб., 2007.
18. Шалютин С.М. *Высшие и низшие формы движения*. - М.: Знание, 1967.
19. Шалютин С.М. *Развитие механизмов подчинения низшего высшему в процессе эволюции материи* // *Низшее и высшее, системы и элементы в процессе развития*. - Челябинск, 1988.

Примечания

- ¹ Возможно, это высказывание требует некоторых оговорок, но в основной идее оно несомненно.
- ² Если это распространение не ограничивается внешними по отношению к ее источнику факторами.
- ³ Замечу попутно, что, например, по-английски инстинкт самосохранения обозначается не только как «the instinct of self-preservation», но и как «the law of self-preservation».
- ⁴ Там же. - С. 17.
- ⁵ В то же время между отношением животной особи к видовому закону и отношением человеческого индивида к закону социальной группы есть существенная разница. Она заключается в том, что видовой закон запечатлен через генетический механизм, который никоим образом не обусловлен поведением каких-либо животных особей. В отличие от этого, сакральный ценностно-нормативный комплекс вырабатывается именно через деятельность людей. Это важный момент, требующий отдельного разговора, выходящего за пределы данной статьи.
- ⁶ Подробнее см., например (12).
- ⁷ Цит по: (5, 61).
- ⁸ Выражение, использованное в близком контексте П. Рикером.
- ⁹ (10); см. также (17).
- ¹⁰ Нормативный – носящий общий характер, в отличие от договоров, относящихся к разовым актам (например, договор подряда и т.п.).
- ¹¹ В том числе как единого для противостоящих сторон принуждающего начала; возможно, отчасти отсюда происходит и принуждающая необходимость логики, но это тема специального разговора.
- ¹² Как верно отмечает А.В. Демин, акцентирование внимания на том, что договор есть «средство добровольного самоограничения свободной личности», было характерно для классической естественно-правовой школы (3, 15).
- ¹³ Известный психолог Д.А. Леонтьев отмечает, что вменяемость предполагает договороспособность, т.е. «тот факт, что человек может за себя отвечать, принимать от своего имени некоторые обязательства, исходя из того, что они будут впоследствии выполнены. Не соответствуют этому критерию дети до определенного возраста...» (6, 14).
- ¹⁴ Анализ способа присутствия начала необходимости в системе юридической регуляции поведения подробно рассмотрен в (11).
- ¹⁵ В юридическом сообществе продолжает оставаться распространенным взгляд, неразрывно связывающий возникновение юридической регуляции с институтом государства, причем в России он принят особенно широко, поскольку в советский период представлял собой официальную позицию, которая продолжает массово воспроизводиться в литературе, особенно учебной. Между тем в действительности мы можем наблюдать, как с историческим развитием юридической регуляции происходит автономизация начал нормотворчества, суда и принуждения через выделение специализированных инстанций, структур, охватываемых сегодня понятием государства. Таким образом, государство представляет собой одну из важных форм поздней институционализации юридической регуляции, а никак не ее источник или условие. Подробнее о становлении государства см. в (14).
- ¹⁶ Если же государство, пользуясь преимуществом силы, навязывает обществу нормативные акты, то они не носят юридического характера и не порождают внутреннего юридического долга их соблюдения. Хотя и не тождественные, но близкие идеи хорошо известны и принадлежат Августину: государство без Бога есть банда разбойников; несправедливый закон не есть закон вообще.

МЕНТАЛЬНОЕ И МАТЕРИАЛЬНОЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ ПОДХОДОВ

Проблема соотношения онтологических статусов ментального и материального (в английской версии – mind-body problem) по многим оценкам сегодня является наиболее обсуждаемой в философии. Количество и разнообразие подходов к ней таково, что любая попытка сделать хотя бы шаг вперед в ее решении требует тщательной инвентаризации существующих позиций, причем желательно в форме не простого перечисления (для этого их просто слишком много), а логической классификации (разумеется, насколько это возможно: за пределами стандартного учебного курса формальной логики реальные классификационные задачи очень сложны, и особенно это относится к живой развивающейся человеческой мысли).

В нижеследующей классификации минимизировано упоминание имен, что вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, взгляды некоторых известных авторов существенно изменяются, и «поименная» классификация потребовала бы выделения этапов их философствования, что вряд ли целесообразно. Во-вторых, и у отдельных авторов, и в рамках уже получивших свой устойчивый и узнаваемый «лейбл» направлений часто высказываются, сосуществуют и разрабатываются не просто разные, а логически несовместимые варианты.

Наконец, последнее предварительное замечание: большинство контраргументов, высказываемых после представляемых подходов, не принадлежат автору статьи, а высказаны в ходе взаимной критики сторон (хотя некоторая авторская «аранжировка» присутствует).

В предлагаемой классификации наиболее крупным является разделение всех существующих подходов на две группы, первая из которых обозначена через термин **онтологизм**, а вторая – **феноменизм**. В первую группу объединены подходы, в рамках которых противопоставляемые реальности (ментальное и материальное) рассматриваются только с точки зрения полного онтологического статуса в аспектах их существования, порождения, взаимодействия. Вторая группа охватывает подходы, в которых хотя бы одна из этих реальностей трактуется как лишь совокупность феноменов, тогда как ее собственно онтологический статус отрицается или игнорируется.

Внутри **онтологизма** выделяются следующие основные позиции:

Дуалистический интеракционизм. Ментальный и физический миры субстанциональны, согласованность нематериального ментального мира и физического мира обусловлена их взаимодействием.

Контраргументы. Непреодолимое препятствие для дуалистического интеракционизма – вопрос о принципиальном механизме взаимодействия ментального и материального.

Онтологический материализм. Включает в себя ряд весьма различных вариантов. Основные из них:

- **Панматериализм.** Материально все, что существует, в том числе ментальное.

Контраргументы. Сколь бы изощренными ни были логико-лингвистические аранжировки этого утверждения, оно означает, что ментальные сущности имеют материальные характеристики. Поскольку все трактовки материи предполагают атрибут протяженности, пан-

материализм должен признавать имеющими смысл высказывания типа «объем боли меньше объема ревности» и т.п. Абсурдность этой позиции столь очевидна, что уже не первое столетие ее сторонникам с разной степенью деликатности рекомендуют отдохнуть и полечиться.

- **Эпифеноменализм.** Ментальное нематериально, производно по отношению к материальным процессам и при этом на них не влияет.

Контраргументы. Эпифеноменализм требует принципиального ответа на вопрос о том, каким же образом материальные физиологические процессы могли бы производить субъективные феномены. Между тем никаких намеков на ответ не существует.

- **Материалистический интеракционизм.** Ментальное нематериально, производно по отношению к материальным процессам и при этом оказывает на них обратное воздействие.

Контраргументы. Перед этим видением проблемы, представляющим своего рода смесь дуалистического интеракционизма и эпифеноменализма, стоят сразу оба упомянутых выше безнадежных вопроса – и о механизме взаимодействия материального с нематериальным, и о механизме порождения первым второго.

Функционализм. Ментальные состояния следует рассматривать исключительно функционально, т.е. с точки зрения той функции, которую они выполняют. Спецификация ментальных состояний также должна осуществляться через спецификацию их функций, в том числе каузацию других ментальных (функциональных) состояний. Реализуемость тождественных функций различными носителями позволяет не только развивать аналогию сознания и компьютерной программы, но и вообще абстрагироваться от носителя и, следовательно, выйти из поля оппозиции *материализм-дуализм* в трактовке ментального.

Контраргументы. Трансформация функционализма из методологически эффективного – в определенных границах – тезиса в онтологический контрпродуктивна. Во-первых, реализуемость тождественных функций различными носителями не означает их реализуемости без носителей. Возможность утолять голод разными продуктами не означает возможности жить без еды. Во-вторых, онтологическая проекция функционализма требует постановки вопроса о механизме взаимокаузации различных ментальных состояний. Если каузация осуществляется через материальный носитель – это материализм, если помимо него – идеализм или дуализм. Таким образом, функционализм, формулируемый онтологически, без остатка сводится к альтернативным одиозным позициям, не несет оригинального содержания и представляет собой иллюзорную формулу, не дающую никакого (даже неверного) решения проблемы.

Онтологический параллелизм. Ментальное и физическое онтологически равны, множественны, друг с другом не взаимодействуют, а их согласованность обусловлена предустановленной гармонией.

Контраргументы. Концепция предустановленной гармонии нередко трактуется как логически безупречная. Вряд ли это так. Из наличного историко-философского арсенала наиболее сильным контраргументом является разработанная Платином идея несовместимости нетелесности и множественности, которые, согласно концепции предустановленной гармонии, равно имманентны ментальному. Однако эта позиция практически ушла в прошлое «естественным путем» в силу не логической критики, а не принимаемой современным сознанием прямой апелляции к Богу (хотя бы и деистическому) как причине гармонии.

Феноменизм также представлен целым рядом существенно различающихся позиций.

Материалистический феноменизм. Подлинным существованием обладает только материальное. Ментальное же есть особая внутренняя данность на самом деле материального процесса (или стороны процесса) его обладателю.

Контраргументы. Нет объяснения того, каким образом нечто само по себе материальное предстает вовнутрь как нематериальное.

Лингвоматериалистический феноменизм. Несмотря на созвучие названий и определенное сходство по существу, этот взгляд едва ли стоит трактовать как разновидность предыдущего в силу отсутствия преемственности между ними и включенности в разные интеллектуальные контексты.

Согласно лингвоматериалистическому феноменизму следует стремиться к методологическому единству науки. Ментальные категории не отвечают методологическому требованию интерсубъективности, а значит, подлежат устранению из языка науки. На этом общем фундаменте строится ряд позиций, из которых наиболее важны две.

- **Теория тождества.** Концептуальные различия не обязательно свидетельствуют о различиях онтологических. У ментальных и нейрофизиологических терминов одни референты, однако лишь последние уместны в научных объяснениях, тогда как первые – «номологические бездельники» и подлежат устранению.

Контраргументы. Здесь, прежде всего, подлежит критике сакрализация естественнонаучной методологии, особенно в свете современного состояния нейрофизиологии, еще даже не подбирающей к материальным коррелятам ментальных терминов. Что касается метафизического содержания, то с тезисом об онтологическом тождестве ментального и материального автор солидарен¹, однако здесь должен возникнуть, но остается не только неотвеченным, но и незамеченным вопрос: почему одним и тем же экстенционалам соответствуют совершенно разные интенционалы?

- **Элиминативный материализм.** Ментального нет. Ментальные термины относятся к псевдореалиям, порождены «фолк-психологией» («народной психологией»), представляющей собой ложную теорию, и будут элиминированы с ее фальсификацией, как были элиминированы «флогистон», «небесные сферы», «дьявольские силы» и т.п.

Контраргументы. Не забывая о более чем спорной интерпретации «фолк-психологии» как теории, о принципиально иной природе ментальных понятий типа боли, страха и т.п., чем объясняющих теоретических конструкций, особое внимание надо обратить на два следующих момента. Первый: верификация ментальных понятий в человеческом мире несопоставимо более масштабна в сравнении не только с отдельными теориями, но и со всей наукой. Второй: очень хотелось бы понять, как мыслится элиминативистам эта фальсификация? Учítывая, что ментальные понятия на самом деле вовсе не фолк-лор, что они пронизывают человеческую культуру снизу доверху (кроме ряда сравнительно узких, хотя и важных областей), включая ее системообразующие основания, их фальсификация была бы фальсификацией всей культуры.

Идеалистический феноменизм. Феноменально физическое, тогда как ментальное ноуменально (онтологично)².

Этот подход не отвечает на вопрос, обратный материалистическому феноменизму: каким образом то, что

в действительности есть душа, вовне предстает как протяженная субстанция.

Трансцендентный феноменизм или феноменический параллелизм³. Эта восходящая к Канту позиция «именуется» и выделяется особо, т.к. именно она (в несколько видоизмененном Шопенгауэром варианте) представляется наиболее перспективной. Для Канта феноменальны и физическое, и психическое, будучи, соответственно, внешней и внутренней данностью (восприятием) одного и того же сущего, которое в себе трансцендентно. Вещь в себе предстает как материя, будучи опосредованной как априорной формой времени, так и априорной формой пространства, а опосредованная только временем, она предстает как совокупность нематериальных феноменов⁴.

Таково в общих чертах сформированное историей философии поле проблемы. Для того, чтобы легко «схватить» предложенную классификацию в целом, ниже она представлена в форме таблицы (табл. 1).

Табличная форма имеет свои законы, дополнительные возможности, наталкивает на дополнительные соображения и требует комментариев, из которых здесь можно ограничиться тремя:

- как видно из таблицы, хотя наиболее существенным является деление на онтологизм и феноменизм, традиционное выделение материализма, идеализма и дуализма также не утрачивает силу. Фактически классификация проведена по двум основаниям;

- функционализм изображен неким «аппендиксом», т.к. он, как было показано, представляет собой псевдорешение, иллюзорную формулу. Поскольку фактически его сторонники, как правило, тяготеют к онтологическому материализму, к нему он и «прицеплен»;

- строка «ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ» в левом столбике введена формально, поскольку вытекает из конструкции таблицы, ей не соответствует ни один из рассмотренных выше подходов. В то же время он не только логически возможен, но и наполняем соответствующим историко-философским материалом. Более того, легко выстраиваются его внутренние варианты, аналогичные вариантам онтологического материализма. Так, на «панидеализм» вполне логично может претендовать позиция Беркли, на идеалистический интеракционизм – многие варианты традиционного теизма, для эпифеноменализма находится «зеркальное отражение» - августиновская концепция перманентного творения.

Ячейка пуста в силу того, что ни один из этих подходов не актуален и отсутствует в современном обсуждении вопроса. В то же время степень абсурдности, например, панматериализма ровно такая же, как и панидеализма. Каждый из них может поддерживаться лишь некими сакральными установками, блокирующими суверенную логику интеллекта. Просто сегодня для панидеализма такой сакральной установки нет, а для панматериализма есть – традиционная естественнонаучная методология.

Примечания

¹ Для справки: впервые эта идея была высказана Спинозой; она же входит в кантовский подход к проблеме, о котором речь впереди.

² Вышеприведенные взгляды легко узнаваемы, и под каждый из них легко подобрать имена. Что касается идеалистического феноменизма, то автору не встречалась его экспликация ни в текстах, специально посвященных отношению ментального и материального, ни в историко-философской литературе вообще, так что здесь назвать имя следует. Автором этого эвристически весьма ценного подхода является Лейбниц, у которого он, как ни странно, просто соседствует с предустановленной гармонией.

³ Обозначение «параллелизм» часто применялось и к «предустановленной гармонии», и к кантовскому подходу. Без определений «онтологический» и «феноменический» это обозначение лишь вводит в заблуждение.

	ОНТОЛОГИЗМ				ФЕНОМЕНИЗМ	
м а т е р и а л и з м	ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ			Ф у н к ц и о н а л и з м	МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕНИЗМ	
					ЛИНГВОМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕНИЗМ	
	Панматериализм	Эпифеноменализм	Материалистический интеракционизм		Теория тождества	Элиминативный материализм
Д у а л и з м	Дуалистический интеракционизм				ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕНИЗМ (феноменический параллелизм)	
	Онтологический параллелизм (предустановленная гармония)					
И д е а л и з м	ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ				ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕНИЗМ	

луждение, отождествляя кардинально различные позиции.

⁴ Впоследствии этот взгляд часто формулировался в выхолащанном виде, без идеи трансцендентного. В таком варианте оказывается совершенно непонятным, почему одно и то же предстает вовне и вовнутрь кардинально различным образом.

**Шутова
Елена Викторовна**
аспирант

АРХЕТИПЫ «ДОМ» И «БЕЗДОМЬЕ» В МИФОЛОГИИ, ЭПОСЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

Исследование архетипов как древних образов коллективного бессознательного было впервые осуществлено К.Г. Юнгом, который признавал, что «существует... психическая система коллективной, универсальной и безличной природы, идентичная у всех членов вида Homo sapiens. Это коллективное бессознательное именно наследуется, а не развивается индивидуально» (1, 70). Поз-

же появились разнообразные интерпретации понятия «архетип» в различных областях мировоззренческого и научного знания. Опираясь на представления Юнга о том, что число базовых архетипов ограничено, а число их модификаций множественно, можно выделить в качестве архетипов «Дом» и «Бездомье». Сам Юнг упоминал «Дом», описывая сновидения Артемидора (II в. н.э.) (2). Понятия «Дом» и «Бездомье» широко используются в мифах, религиях (например, Эдемский сад в Библии), философских концепциях, художественной литературе. М. Бубер показал, что философско-антропологические концепции можно дифференцировать на те, которые признают Дом человека или его Бездомность (3).

Освоение или «одомашнивание» пространства и времени представляет проблему семиотического характера. «Освоенное пространство, — утверждает А.К. Байбурин, — всегда семантизированное пространство, подвергшееся некоторой ценностной акцентировке, содержание, приписываемое освоенному пространству, и в частности дому, наиболее адекватно описывается с помощью таких категорий, как свое, близкое, принадлежащее человеку, связанное с понятием доли, судьбы; главное (сакральное), связанное с огнем очага и т.п.» (4, 3). Эта ценностная акцентировка архетипов «Дома» и «Бездомья» содержалась до философии в мифах, эпосе, фольклоре (сказках, пословицах, поговорках и т.д.).

Эпос входит в число наиболее ранних литературных произведений, дошедших до наших времен. Он во многом повлиял на становление ранних цивилизаций, включая Древнюю Грецию и Древний Рим, которые в свою оче-

редь оказали огромное влияние на культурные традиции современности.

Исследование генезиса архетипов «Дома» и «Бездомья» в эпических жанрах невозможно без применения историко-типологического и географического сравнения. Нет сомнения в том, что история эпоса уходит своими корнями в словесное народное творчество родовой эпохи. Поэтому материалы по фольклору разных народов помогут нам выделить различные архетипы «Дома» и «Бездомья», которые дифференцируются по таким признакам, как ценностные ориентации и образ жизни того или иного народа. В частности, исключительный интерес при разработке архетипов «Дома» и «Бездомья» представляет изучение сказаний о культурных героях народов европейских и азиатских стран.

Древние мифы о культурных героях конденсируют положительный человеческий опыт, переносят в мифическое прошлое достижения человеческой мысли и труда. В своеобразной форме мифы идеализируют человеческую творческую активность и самостоятельность. Существующий миропорядок рассматривается как результат деятельности тотемных предков и культурных героев.

Первобытная мифология не дифференцирует в достаточной степени природу и общество. Социальные институты изображаются тождественно с природными явлениями. Поэтому, с одной стороны, происхождение родовой организации и правил общественного поведения описывается как естественный процесс, тождественный процессу создания ландшафта, с другой стороны, излучение света небесных светил сближается с изобретением огня и орудий труда как созданием условий, необходимых для нормальной жизнедеятельности людей. В сказаниях о создании элементов культуры более отчетливо проявляется сознательная целеустремленность demiургов (культурный герой-demiург - древнейший образ мирового фольклора), их стремление организовать жизнь людей, создать их Дом.

Дом выступает в мифах в версиях «Дом-Отечество», «Дом – домашний очаг» и «Дом-отчий край», Бездомье понимается как отсутствие дома как такового, скитание, странствие главных героев, их изгнание или добровольный уход из государства, племени, семьи.

Содержание этих версий можно найти в таких мифических произведениях, как «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Энеида» Вергилия, а также в героическом эпосе севера Западной Европы. Гомеровские поэмы не были всего лишь художественным описанием существования общинно-родового строя; они получили свой окончательный вид уже в период его разложения и почти в самый канун рабовладельческого строя. Поэма «Илиада» состоит из историй (частью мифических, частью реальных), известных каждому греку и повествующих о причинах, ходе и последствиях Троянской войны. Гомер ярко показывает, что основным стремлением древних греков является защита Дома-отечества в борьбе с троянцами и защита Дома-домашнего очага, у которого похитили хозяйку. В поэме «Одиссея» рассказывается о странствиях царя Одиссея и возвращении его в свой Дом. В некоторых главах «Одиссеи» версии «Дом-домашний очаг», «Дом-Отечество», «Дом-отчий край» переплетаются, как, например, в части, повествующей о воссоединении Пенелопы и Одиссея. Гомер как бы живет заодно с героями своих произведений. В отличие от воинственных римлян, которые жили войнами, война была их домом, древние греки были оседлым народом, занимающимся земледелием и ремеслами, для них Домом были кормившая их семья, их домашнее хозяйство.

Со времен Гомера минуло шесть веков, когда пра-

вителями Средиземноморья стали древние римляне. Но культура Древней Греции по-прежнему высоко почиталась, римляне охотно вели свою историю от греческой, полагая, что троянский царевич Эней, спасшийся после падения его родного города и бежавший в Италию, был их прародителем. Это вдохновило величайшего римского поэта Вергилия на написание поэмы, в центре которой находился Эней, поскольку, рассказывая о подвигах древнего героя, он тем самым прославлял величие Рима. Под покровительством самого императора Августа Вергилий создает «официальный» римский эпос, в котором воспевают легендарное прошлое империи и ее нынешнее величие (5). В эпосе Вергилия версии «Дом-Отечество» и «Дом-домашняя чаша» объединены упованием на волю богов. Не иметь веры в богов – оказаться бездомным (6).

В западноевропейских эпических произведениях Средних веков «Беовульф» и «Песнь о Нибелунгах» главным мотивом остается стремление человека к обогащению, защита своей Отчизны и своих родных. Несмотря на множество странствий главных героев, Дом для них остается очагом, охраняемым женщиной (женой, матерью). Версия «Дом-Отечество» предстает в «Беовульфе» в качестве патриархального устройства, способного оборонять свои стены от врагов. Англосаксы VII-VIII вв. н.э. были христианами, но христианская религия в то время не столько преодолела языческое мировосприятие, сколько оттеснила его из официальной сферы на второй план общественного сознания. Мотивы, которые движут поступками персонажей «Беовульфа», определяются отнюдь не христианскими идеалами смирения и покорности воле Божьей. Стремление наполнить дом добром, богатством выражается в версии «Дом – полная чаша».

В «Песне о Нибелунгах» можно выделить две версии «Дома» («Дом-Отечество» и «Дом-домашний очаг») и версию «Бездомья». Причем версия «Дом-домашний очаг» находится внутри и является частью версии «Дом-Отечество». «Бездомье» чаще всего предстает перед читателем как отсутствие единомышленников, потерянности человека в мире.

Среди знаменитых христианских эпических поэм Средневековья – «Песнь о моем Сиде», повествующая об испанском герое борьбы с маврами, и «Песнь о Роланде», в которой французские рыцари Роланд и Оливер жертвуют собой для спасения армии Карла Великого.

Особняком в героическом эпосе стоит известное произведение Г. Лонгфелло «Гайавата». Версии «Дома» здесь несколько иные, потому что произведение было написано в Америке, где столкнулись интересы коренных жителей и мигрантов из Западной Европы. Для первых Дом – это место жительства их предков с особым укладом, обычаями, способами существования. Для вторых – цивилизация, создание своей культуры на новой земле. Индейцы, жившие в Америке испокон веков, при приходе мигрантов становятся бездомными на родной земле. Версия «Дома-края» здесь встраивается в модель мира, который понимался как «Дом-гармония», «Дом-любовь». Версия «Бездомья» остается такой же, как и в более раннем эпосе других народов: как одиночество души. В тексте не рассказывается подробно об обустройстве индейцами жилья, о вигваме говорится вскользь. Это связано с тем, что для индейца Дом – это прежде всего природа: небо и земля, горы и реки, звезды и ветер, луна и солнце. Здесь индейцы любят друг друга, рожают детей, находят себе пропитание.

В калмыцком эпосе «Джангариада» выражено своеобразное мироощущение народа, кочевавшего по землям многих государств, накопившего разнообразие впе-

чтения и знания, лелеявшего мечту о стране, где нет «лютых морозов, чтоб холодать, — летнего зноя, чтоб увядать», где есть покой и благоденствие. Кочевой дом («Дом-номада») рождает радостное восприятие и вместе с тем заставляет человека испытывать состояние страха и ужаса перед природными стихиями. Юрта, своеобразная модель вселенной, представляет дом кочевника. Она ориентирована по странам света, имеет центральную ось, проходящую через очаг — дымовое отверстие, юрта делится на семантические секторы: правый — левый, северный — южный, верхний — нижний, почетный — непочетный, мужской — женский. Очаг — это символически-смысловой центр юрты, выступающий как точка отсчета при организации ее пространства, место, вокруг которого протекает вся жизнь семьи. С очагом и огнем связан ряд весьма важных запретов, от соблюдения которых зависит благополучие членов семьи. Следующий семантически значимый объект — дверь и особенно порог. Дверь отделяет юрту от окружающего неосвоенного, «дикого» пространства; дверь — граница двух миров («свой» и «чужой»), и, соответственно, пересечение этой границы как в ту, так и в другую сторону было сопряжено с соблюдением ряда правил. Пространство за пределами юрты сочетало в себе статический и динамический принципы освоения. Первый, как отмечено исследователями (Е. М. Мелетинским, А. Я. Гуревичем и другими), характерен для носителей оседлой, земледельческой и городской культуры, второй — для кочевников. Тем не менее, пока юрта стояла на одном месте в промежутке от одной кочевки до другой, вокруг нее образовывалась определенная зона «домашности», которая по мере удаления от юрты все более и более ослабевала (7, 30).

Для русского народа испокон веков «Дом» связан с такими понятиями, как материнское тепло, очаг русской печи, исполинская сила богатырей, готовых постоять за Родину. При этом очень часто в русском народном эпосе о родине говорят «Россея — матушка», ибо в сознании народа Россия и есть Дом — большой, многонациональный, терпимый. Оседлый образ жизни и тяжелый труд россиян сформировали стремление народов Древней Руси к наполнению домашнего очага. Версия «Дом-полная чаша» характеризуется в текстах бытовых песен. Песни разнообразны, как труд людей, их обычаи и обряды. «У нас народ, — писал Н.А. Добролюбов, — сопровождает пением все торжественные случаи своей жизни, всякое дело, веселье, печаль» (8, 123). Социальные идеалы былинного эпоса родились в борьбе Древней Руси с иноплемениками: герой былин защищает честь и достоинство Родины, он беспощаден к врагам. Здесь выражено коллективное бессознательное представление русского народа о «Доме-Отечестве».

Первая версия «Дом-Отечество» характеризуется готовностью отдать жизнь за Родину в борьбе с врагом, стремлением защитить свою родную землю и дом от постоянных набегов иноземцев. Для характеристики этой версии «Дома» можно использовать представления В. Стриха о «Доме-крепости». Двери такого дома закрыты, туда пускают только тех, кто не разрушит очаг. Глубокий ров отделяет крепость от внешнего мира, он ограничивает пространство дома как опору. Выкапывая ров между собой и миром, человек надеется, что за ним он обретет надежность, устойчивость, защиту. Он примет позицию обороны в случае нападения извне и будет защищать свою крепость. В таком доме цели сохранения, сбережения, защиты первостепенны, а традиции важнее новаторства (9, 134-144).

Вторая версия «Дом-Отечество», изображающая мирное время, находится в оппозиции первой. Здесь че-

ловек борется с властью, налогами, обязанностями. В условиях военной службы, которая длилась двадцать пять лет, человек был обречен на Бездомье: женщина вела хозяйство одна, это вызывало в ней чувство одиночества, отсутствия поддержки, мужского плеча. Мужчина не мог насладиться комфортом домашнего очага. Эта печаль выпевается в колыбельных песнях (сестра поет брату, что отец ушел за рыбой, мать моет пеленки, дед рубит дрова, а брат — далеко, в солдатах, вернется не скоро, немолодым — с бородой) и солдатских пословицах и поговорках («в некрутчину — что в могилу», «воевал молодой, а под старость отпустили домой», «солдатка — ни вдова, ни мужняя жена»).

Антикрепостнические песни рассказывают о своей земле как о чужом доме, где крестьяне томятся в неволе. Здесь «Дом» превращается в «Дом-тюрьму», где все занято только внутренним распорядком. Все двери плотно закрыты, то, что за ними, не должно проникнуть внутрь и повлиять на раз и навсегда заведенный распорядок. Все обитатели тюрьмы становятся узниками, но и те, и другие живут в запечатанном пространстве, их жизненная опора — сама запечатанность. Большинство привыкает к этому и даже не помышляет о неведомой и никогда не изведанной свободе. Они рождаются и умирают в тюрьме (9, 134-144). Но народ стремится к свободе от крепостного права и хочет превратить «Дом-тюрьму» в «Дом труда и семейного счастья».

В русских народных сказках и поговорках «Дом» представлен большим количеством версий: «дом — мир», «дом — родной край», «дом — отечество», «дом — сосед», «дом — полная чаша», «дом — работа», «дом — семья» и другие. Например, о «Доме — отечестве»: «Москва — всем городам мать», «приехал Кутузов бить французов», «на Москву идти — голову нести», «пришли казаки с Дону, прогнали ляхов до дому», «пусто, словно Мамай прошел». Или о «Доме — семье» и «Доме — полной чаше»: «коли у мужа с женой лад, так не надобен и клад», «в семье и каша гуще», «в семье и смерть красна», «вся семья вместе, так и душа на месте», «нежданный гость лучше жданных двух», «будь как дома», «гость доволен, хозяин рад», «жить в соседях — быть в беседах», «хозяин весел — и гость радостен», «дома и стены помогают», «в своих углах не староста указчик», «дом — корень, а сторона — похвальба», «дом — чаша чашей», «хата бела, да без хлеба беда» (10). Отличительной чертой данного вида фольклора является антропоморфизм: дом в нем одушевленный, он живет, радуется, горюет как человек.

Очень много поговорок, пословиц и загадок сложено русским народом о домашнем очаге — огне, печи. Славянский мир первоначально означал мир семейный, тишину домашнего жилища. Понятие «вселенная» использовалось для характеристики водворения (вселения) семьи возле домашнего очага, под родным кровом. Мир, вселенная, дом, жилище — это сущности одного уровня. Обживая мир, мы образуем пространство их встречи. Например, в понимании соразмерности устройства Дома и космоса. По народному воззрению, небо — терем Божий, а звезды — от взирающих оттуда ангелов. А. Афанасьев писал, что «эпическая поэзия... дает прекрасное изображение космоса теремом, а небесных свечек, обитающих там, — семьей» (11, 115).

Мифы, мировой эпос и фольклор можно разделить на два типа — фольклор «Дома» и фольклор «Бездомья», представляющие литературу достигнутой гармонии и литературу тоски по гармонии. Фольклор «Дома» имеет ту простую человеческую особенность, что рядом с его героями хотелось бы жить, а фольклор «Бездомья» не имеет стен, он открыт мировым бурям. Фольклор «Дома»

- преимущественно мудрость, а фольклор «Бездомья» - преимущественно ум. Версии «Дома» в фольклоре всегда гораздо более детализированы, поскольку здесь мир - дом, нельзя не пощупать и не назвать милую сердцу творца домашнюю утварь. Версии «Бездомья» ничего не детализируют, кроме многообразия своего Бездомья, да и какие могут быть милые сердцу детали быта, когда дома нет. Зато версии «Бездомья» гораздо более динамичны и раскрывают стремление русского человека к странствиям. Например, «выйду на путь – слезки текут; вспомню своих и тошно по ним», «до порога дорога, а от порога – семья», «обратная дорога всегда короче», «не бойся дороги, были б кони здоровы», «дорожному путь не угроза», «ветер веет, а дорожный идет». В данных версиях ищут гармонию, и в этих поисках постоянно ускоряется тема времени.

Таким образом, архетипы «Дом» и «Бездомье» широко представлены в мифологии, эпосе и фольклоре, выражая стремление народа, с одной стороны, к укорененности в своей земле и любви к своему отечеству и домашнему очагу, а с другой, страх перед неприютностью, незащищенностью, лишенностью своего прочного и стабильного места в мире.

Список литературы

1. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. – СПб., 1997.
2. Юнг К.Г. Человек и его символы. – М., 1997.
3. Бубер М. Проблема человека // М. Бубер. Я и Ты. – М., 1993.
4. Байбурин А.К. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Освоенное. – М., 1996.
5. Гаспаров М. Л. Греческая и римская литература I в. до н. э. // История всемирной литературы. – М., 1933. – Т. 1.
6. Шервинский С. Вергилий и его произведения // Вергилий. Буколики. Георгики. – Энеида. – М., 1971.
7. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. – М., 1957. – С. 30.
8. Добролюбов Н.А. Полное сочинение в 6 томах. – М., 1934. – Т. 1.
9. Стрих В. Дом и бездомность // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1.
10. Пословицы. Поговорки. Загадки. – М., 1986.
11. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. — М., 1865. – Т. 1.

Чепис
Елена Владимировна
ст. преп.

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ТОРГОВОГО ОБЫЧАЯ И ЗАКОНА

По своему характеру внешнеторговая сделка связана с правом более чем одного государства. Множественность источников нормативно-правового регулирования, являющегося существенным признаком внешнеторговой сделки, порождает проблему выбора права, регламентирующего конкретные отношения. В частности, в силу принципа автономии воли сторон это может быть обычай. Однако наличие закрепленного законодателем права сторонам регулировать отношения по сделке обычаем не означает, что он может быть применен автоматически.

Вопрос о возможности применения обычая следует решать, исходя из соотношения обычая и закона по юридической силе в праве соответствующей страны, знания указанного правила контрагентами и их намерения им руководствоваться (4). При рассмотрении указанной проблемы так же следует уделить внимание обоснованию допустимости применения обычая к внешнеторговым сделкам. Оба эти вопроса тесно взаимосвязаны.

В дореволюционной литературе при исследовании вопроса соотношения обычая и закона высказывались различные точки зрения. Д.И. Мейер писал: «Оно (обычное право) обнаруживается: а) в определении юридических отношений, не определенных законодательством: обычай восполнит его пробелы; б) в толковании закона: обычай или изъясняет смысл закона, выраженного темно, или ограничивает, или распространяет буквальный смысл закона... с) в отмене закона: обычай выводит его из употребления, следовательно, здесь обычное право действует отрицательно; но... действие обычного права в этом случае подтачивающее, происходящее незаметно, исподволь» (6).

Обычай может быть применен к внешнеторговой сделке, если это допускается законодательством государства, праву которого сделка подчинена.

Статья 1211 ГК РФ содержит правило определения права, подлежащего применению к договору, если сторонами оно не было согласовано. Первостепенное значение имеют нормы права страны, с которой договор наиболее тесно связан. Применение принятых в международном обороте торговых терминов, при отсутствии иных указаний, рассматривается как избрание сторонами в качестве источника права обычая делового оборота (2).

Представляется, что приведенное положение можно рассматривать в качестве общего правила, санкционирующего и подтверждающего юридическую силу обычаев в области обязательственного права, допустимость их применения. Здесь же решается вопрос и о соотношении закона и договора с обычаями и обыкновениями с точки зрения очередности применения названных категорий (4).

Было бы неправильным думать, что при отсутствии в законе отсылок к обычаям употребление последних исключается. Применение обычаев допустимо, поскольку иного не установлено в законе, а не только потому, что в последнем имеются соответствующие ссылки. Значение таких ссылок в законе состоит, как считает И.С. Зыкин, в том, что они являются подтверждением общего принципа допустимости применения обычаев и обыкновений в силу отсутствия противоположных положений в законе. Сама возможность исключения законом применения торговых обычаев и обыкновений вообще, а не применительно к данному конкретному случаю, кругу отношений носит больше теоретический, нежели практический характер.

При отсутствии прямого указания в законе об обычае как источнике права, участники внешнеторговой сделки вправе по своему усмотрению решить данный вопрос оговоркой о применении права.

Проблему соотношения источников внешнеторговой сделки в литературе рассматривают с позиции применения правовой системы. Это означает, что в качестве источника избирается не конкретный закон, а вся правовая система отдельного государства: если в качестве применимого права избрано российское, следовательно, отношения по сделке регулируются не только отдельным законом, но и международными соглашениями по вопросам внешнеэкономической деятельности (1).

Тенденция развития современного российского законодательства показала несостоятельность концепции

раздельного существования норм внутреннего законодательства и норм международных договоров.

Согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными нормами и принципами международного права являются частью национальной правовой системы.

В пункте 1 статьи 7 ГК РФ эта норма продублирована, а пункт 2 этой же статьи указывает, что отношения, составляющие предмет гражданско-правового регулирования, регламентируются международными договорами непосредственно, кроме случаев, когда из международного соглашения следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта.

Таким образом, при отсутствии прямого указания в национальном праве на обычай как источник права, но признании его в этом статусе международными договорами, заключенными конкретным государством, позволяет сторонам ссылаться на него как источник права внешней торговой сделки.

Не менее важный вопрос, возникающий при соотношении обычая и закона, - предел возможного применения. Ответ на него в значительной мере помогает дать анализ проблемы и позволяет установить, когда сложившаяся практика может быть признана обычноравовой, а когда нет, и выяснить очередность применения обычаев в сделке.

Природа обычая не позволяет установить рамки его применения. Размытость границ действия обычной нормы создает почву для коллизий различных обычаев в регулировании однородных отношений.

В комментариях Практики международных коммерческих договоров коллизия решается в пользу международных обычаев: «Только в исключительных случаях чисто местные или национальные обычаи могут применяться без ссылки сторон на них. Так, обычаи, существующие на некоторых товарных биржах, или торговых выставках, или в портах, должны применяться при условии, что они регулярно соблюдаются также и по отношению к иностранцам. Другое исключение касается случая, когда предприниматель уже заключил немало подобных договоров в иностранном государстве и поэтому он должен быть связан обычаями, установленными в этой стране для таких договоров» (7).

В силу пункта 2 статьи 9 Конвенции ООН о международной купле-продаже товаров обычаи, которыми связаны стороны, имеют преимущественную силу по сравнению с противоречащими им положениями Конвенции. В случае противоречия между обычаем, применимым в силу п. 2 ст. 9, и условиями договора преобладают эти условия договора, поскольку первоисточником регулирования международной купли-продажи, регулируемой Конвенцией, является автономность сторон.

Прямого указания по вопросу соотношения обычая и норм Конвенции последняя не содержит. Вместе с тем, не исключается возможность применения обычного правила даже при наличии соответствующей нормы в самой Конвенции, что следует из положений ст. 6 и ст. 9. В соответствии со ст. 9 считается, что стороны подразумевали применение к договору обычаев, которые входят в волеизъявление сторон. Волеизъявление же сторон, как следует из ст. 6, может быть направлено на отступление от положений Конвенции.

Допуская применение обычая, отступающего от норм Конвенции, следует сделать оговорки.

Согласно ст. 4 Конвенции ООН, она (Конвенция) не касается действительности любого события, поскольку иное в ней прямо не предусмотрено. Этот вопрос должен решаться на основании норм применимого национального права, которое может отрицательно относиться

к признанию юридически действительных обычаев, противоречащих нормам закона.

Российский законодатель ограничил круг отношений, регулируемых обычаем: он не выходит за пределы предпринимательской деятельности. Исключение составляет упоминание национального обычая, к которому можно обращаться при определении имени гражданина, и местный обычай, допускающий обращение в собственность общедоступных для сбора вещей. В российском праве основным источником является нормативный акт, что позволяет говорить об определенном преимуществе закона перед обычаем. Конечно, обычай занимает определенное место в регулировании гражданско-правовых отношений, однако ключевая роль в формировании российского права принадлежит закону.

В статье 6 ГК РФ, предусматривающей общую очередь регулирования гражданских отношений, обычай следует за законодательством и соглашением сторон, предшествуя только аналогии закона и права. «Место обычая в иерархии правовых регуляторов остается последним» (7).

Роль обычая на данном этапе развития права, когда закон является главенствующим, заключается в дополнении и восполнении пробелов закона. Причем одновременно происходит дополнение и восполнение пробелов договора сторон, для чего служат диспозитивные нормы, независимо от того, выражены ли они в форме закона или обычая.

В практике возникает вопрос о допустимости применения в контракте обычаев, отступающих от императивных и диспозитивных норм права конкретного государства. Позиция законодателя в отношении подчиненности обычая императивным нормам логична и четко выражена.

Возможность применения обычаев, противоречащих императивным нормам, пресечена п. 2 ст. 5 ГК РФ, который прямо устанавливает запрет на применение обычаев, противоречащих обязательным положениям гражданского права.

В отношении диспозитивной нормы позиция законодателя неоднозначна. Статья 421 ГК РФ отдает приоритет диспозитивным нормам: «если условие договора не определено сторонами или диспозитивной нормой, соответствующие условия определяются обычаями делового оборота, применимыми к отношениям сторон». Однако оговорки и исключения, содержащиеся в Гражданском кодексе, позволяют усомниться в указанном правиле. По мнению А.Л. Маковского, вопрос соотношения обычая и диспозитивной нормы законодателем решен не однозначно: «Довольно сложная проблема возникает в связи с соотношением обычаев делового оборота с нормами закона. Этот вопрос в Кодексе решен не самым удачным образом» (5).

Гражданский кодекс содержит значительное число норм, в которых необязательные для сторон правила следуют за обычаем. Может сложиться мнение, что данное положение не противоречит правилу, закрепленному ст. 421 ГК РФ, и объясняется законодательной экономией. Необходимость оговаривать применение обычая в специальной норме возникает только тогда, когда он изменяет общий порядок, в иных случаях обычай действует по умолчанию.

Принцип «обычай перед нормой» отражается так же в п. 2 ст. 5 ГК РФ, запрещающем применение обычаев делового оборота, противоречащих обязательным для участников положениям законодательства. Таким образом, законодатель разрешает применение обычаев, противоречащих диспозитивным нормам.

А.И. Поротиков считает, что приоритет диспозитивной нормы над обычаем противоречит самой природе и целям диспозитивного регулирования. Содержание диспозитивной нормы представляет «презумпцию того, что именно так обычно поступают на практике, именно это правило наиболее разумно и оптимально, что выбранная в диспозитивной норме модель поведения отвечает ожиданиям всякого разумного и добросовестного участника гражданского оборота» (7).

По мнению Р.З. Зумбулидзе, к вопросу соотношения обычая и диспозитивной нормы могут быть различные подходы. Диспозитивная норма закона имеет преимущество перед обычаем, если последний призван восполнить пробел, образовавшийся в результате неурегулированности условия в договоре. Если же возникает противоречие между обычаем и диспозитивной нормой, то преимущество в регулировании отношений должно быть отдано обычаю. «Правовой обычай ...должен иметь приоритет над подзаконными актами, содержащими нормы гражданского права» (3).

Диспозитивная норма не может быть выше практики, частным случаем непосредственного выражения которой является обычай. Следовательно, диспозитивная модель может быть проверена на соответствие действительности и опровергнута при помощи обычной нормы.

Однако Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи 1980 г. закреплён приоритет обычая над диспозитивной нормой. С 1990 г. указанная Конвенция является составной частью правовой системы Российской Федерации, следовательно, в соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции обладает высшей юридической силой перед нормами внутреннего законодательства, в том числе и ст. 421 ГК РФ.

Учитывая, что обычное правило не может стать нормой права при наличии соответствующей нормы в законе, а также принимая во внимание возможность отмены обычая как нормы права диспозитивной нормой закона и отмены обычного правила вообще императивной нормой закона, равно как и невозможность отмены в свою очередь обычным правилом нормы закона, со всей очевидностью можно сделать вывод о подчиненной роли обычного правила, по своей правовой силе, по отношению к закону (4).

Следует сказать, что поскольку обычай и закон являются источниками права и тесно взаимодействуют, обеспечивая адекватное регулирование тех или иных отношений, нет необходимости в их противопоставлении. Российским законодателем в вопросе соотношения закона и обычая сделан выбор в пользу закона. Обычное правило может быть применено, когда в законе на него имеется ссылка, хотя отсутствие прямого указания на возможность применения обычая не исключает рассмотрения его в качестве источника права. Характерным примером такого рода обычных правил могут служить правила, регулирующие базисы поставки товаров с использованием морского и других видов транспорта при внешнеторговой купле-продаже.

Однозначно обычай не может изменять существующей императивной нормы. Гражданский кодекс РФ в п.2 ст. 5 установил запрет на применение обычаев, противоречащих обязательным положениям гражданского права, тем самым предотвратив все споры, связанные с возможностью обычая отменять действия императивных норм закона. Соотношение обычая и закона таково, что закон может отменить обычное правило, но не наоборот. Фактическое неприменение нормы закона не означает прекращение ее существования, формально она остается действующей вплоть до отмены в установленном

порядке. Само по себе существование обычной практики, отклоняющейся от закона, не дает основания признать ее нормой права, как бы эта практика ни была распространена. Не могут действовать в одном и том же месте по одному и тому же вопросу две различные правовые нормы. Поэтому при наличии нормы закона обычное правило не может стать юридической нормой. Однако допускается возможность применения обычаев, отклоняющихся от диспозитивных норм, но при наличии соответствующей отсылки в договоре. «Диспозитивная норма закона превалирует над обычными правилами, если из самого закона или договора сторон не вытекает иного» (4).

Таким образом, российским правом признается существование обычая в дополнение к закону и кроме закона, но не обычаев против закона. Именно в этих пределах обычай могут быть признаны в качестве правовых норм.

Список литературы

1. Бублик В.А. Гражданско-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации: проблемы теории, законодательства и правоприменения. - Екатеринбург, 1999. - С. 52.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (4.3). - М., 2001.
3. Зумбулидзе Р.-М. Обычное право как источник гражданского права. - СПб., 2004. - С. 168.
4. Зыкин И.С. Обычаи и обыкновения в международной торговле. - М., 1983. - С.32.
5. Маковский А.П. О концепции первой части Гражданского кодекса// ВВАС РФ. -1995. - №4. - С. 85.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право. - С. 46.
7. Поротиков А.И. Обычай в гражданском обороте. - СПб., 2004. - С. 263.

**Янович
Галина Васильевна**
канд. пед. наук, доц.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ

Проблема изучения православной культуры и основ христианства в школе на сегодняшний день становится весьма насущной. Написаны первые общероссийские пособия (1), количество школ, вводящих факультативный курс изучения православной культуры на добровольной основе, постоянно растет. Вероятнее всего, что данный предмет не просто займет видное место в современной школьной программе, но и будет сопровождаться появлением пособий для учителей и школьников по изучению православной культуры того или иного края. Данной статьей приглашаем к разговору об изучении православной культуры Зауралья.

То, что наш край имеет интересную православную культуру, не требует доказательства. Стоит назвать только несколько весьма солидных исторических исследований, появившихся в печати за последние годы (2). Это очень позитивный фактор, который позволяет начинать работу

по изучению истории нашего края и в этом аспекте.

При разработке подходов к данному вопросу необходимо рассмотреть целый ряд положений, учитывающих особенности нашего края и того комплекса православной культуры, который сложился за столетия развития Зауралья в составе Российского государства.

Мы ставим своей задачей обозначить эти принципы и предложить свое видение каждого из них.

К числу обязательных требований мы относим соблюдение важнейшего принципа, зафиксированного в законе Российской Федерации «Об образовании». Статья 2 определяет как один из важнейших принципов государственной политики в области образования светский характер образования (3, 45), который в свою очередь базируется на конституционном положении о том, что наше государство согласно ст. 14 (4, 150) является светским.

Безусловно, православие стало стержнеобразующим в развитии культуры со времен Киевской Руси, Российской империи, а затем и Российской Федерации. Следовательно, оно неизбежно входит составным элементом в школьные курсы истории, литературы, изобразительного искусства, музыки, мировой художественной культуры и т. д.

Однако изучение православной культуры – явление новое, сложное. Это стало возможным только в новых социальных условиях: открытость общества, его приверженность демократическим принципам и институтам, отказ от усиленной идеологизации прежде всего школьного образования. Ярко проявляются тенденции восстановления в процессе изучения гуманитарных предметов исторической и культурной преемственности.

Исторически сложилось так, что в Зауралье русская национальная культура, базирующаяся во многом на православии, стала ведущей. Однако надо помнить, что наш край – это родина ряда других наций, сохранивших свои верования и свою национальную культуру. Учитывая многоконфессиональность и многонациональность нашего края, следует особо осторожно подходить к изучению хоть и ведущей, но не единственной культуры – культуры православия.

С учетом всего вышеобозначенного еще раз подчеркнем, что светский подход в изучении православной культуры должен строго соблюдаться.

Изучение православной культуры Зауралья только в том случае сможет эффективно выполнить свою образовательную и воспитывающую роль, когда оно покажет процесс развития православия в Зауралье в единой связи с историей развития православной культуры всей России. Подобные связи могут реализовываться разнообразно. Одними из важнейших, конечно, выступают исторические параллели.

Приведем только некоторые из фактов.

В современном Зауралье главным кафедральным собором Курганской и Шадринской епархии является собор пресвятого Александра Невского. Отметим, что в учебном пособии А.В. Бородиной в специально выделенной теме «Агиография» даны жития наиболее исторически значимых для Руси святых. Достойное место в этом разделе занимает и житие святого благоверного князя Александра Невского (5, 275 -276). Безусловно, материал дает прекрасную возможность построить разговор с молодым поколением и о роли личности в истории, и о данной исторической личности, и о том, что память о выдающейся личности сохраняется самыми разными путями и запечатлевается в разнообразных формах. Школьники могут узнать, что память князя Александра Невского, причисленного церковью к лику святых, почи-

талась по всей земле русской. На Руси благоверные князья – святые, использовавшие полученную от Бога власть на благо своему народу и церкви. Они щедро помогали нуждающимся, строили храмы, защищали землю от вражеских набегов.

Однако необходимо предостеречь от таких слишком прямых параллелей. При знакомстве с историей возведения храма во имя благоверного князя Александра Невского следует обратить внимание учащихся на более сложные исторические связи, пронизывающие историю развития православной культуры. Так в конце XIX – начале XX веков в Кургане строилась церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского и в память о почившем в то время государе Александре III, так как почитание императора как представителя высших небесных сил на земле возводилось в прямую обязанность каждого гражданина Российской империи.

Это все вместе взятое и определило, кому будет посвящена новая церковь.

Знакомство с развитием православия в нашем крае выводит на такие незабываемые и значимые события в истории страны и в истории Зауралья, как, например, пребывание декабристов в Кургане.

С главной церковью города Кургана – Троицкой – связано удивительное в истории Российской империи и города Кургана событие – неофициальная встреча ссыльных декабристов с цесаревичем, будущим российским императором Александром II. Безусловно, следует знать юным зауральцам, что эта встреча сохранилась не только в архивных документах, но и в воспоминаниях самих декабристов, которые были напечатаны уже в XX веке.

В ночь на Троицын день с 5 на 6 июня 1837 года наследник российского престола, будущий император Александр II, совершавший путешествие по России, прибыл в Курган, где и заночевал. В качестве воспитателя его сопровождал Василий Андреевич Жуковский.

Жуковский встретился с находившимися в то время в Кургане декабристами.

Приведем краткий пересказ этой встречи по воспоминаниям самих декабристов.

«Рано утром цесаревич собирался к обеду (в Троицкий храм города Кургана. - Г.Я.) и приказал жандармскому штаб-офицеру: "Скажите этим господам (так он нарек нас), чтобы они были у обедни; там я смогу их видеть". Инструкция такого случая не предвидела. Городничий тотчас разослал нарочных по нашим домам, чтобы нас созвать в церковь. Цесаревич со своею свитой стоял перед алтарем главного придела, по бокам стояли мои товарищи и Е.П. Нарышкин (один из курганских декабристов). Весь храм и прилегавшая к ней площадь были буквально запружены народом.

Во время литургии цесаревич несколько раз оглядывался на изгнанников со слезами на глазах и совершенно особенно наклонился и осенил себя знаменем креста, когда священник произнес молитву "О недугующих, страждущих, плененных и о спасении их". Восторженные, иступленные крики "ура" возвестили его отъезд» (6, 327).

Можно напомнить и другой не менее интересный факт, который поможет увидеть и самих декабристов, и уже полуразрушенные архитектурные памятники Кургана иными глазами. Известно, что собор во имя Богородицы был выстроен в городе Кургане по проекту декабриста М.А. Назимова в 1845 году.

Михаил Александрович Назимов – один из 13 декабристов, проживавших в городе Кургане. Это был образованный человек. Известен он как знающий и опытный инженер, который помогал своими знаниями не только

соратникам по ссылке, но и многим местным жителям. М.А. Назимов принял активное участие в создании проекта нового храма, когда в этом возникла острая необходимость. За основу своего проекта он взял план храма в имени своей жены. Он внимательно наблюдал за ходом строительства до самого своего отъезда из Кургана.

В книге М.А. Назимова «Письма, статьи», вышедшей в 1985 году, есть рисунок Богородице – Рождественского собора (7, 108).

В настоящее время Богородице – Рождественский храм почти уничтожен. Останки собора, превращенного в цех завода деревообрабатывающих станков, находятся по ул. Томина, недалеко от Кировского моста. Несмотря на все разрушения, которым подвергался собор, его кладка до сих пор вызывает восхищение.

Существуют в истории развития православия в Зауралье и другие не менее яркие примеры, позволяющие показать удивительно прочные связи нашей малой Родины с Русью. Это особо почитаемые русскими людьми чудотворные иконы. Самая почитаемая в нашем крае чудотворная чимеевская икона – список с Казанской иконы Божией Матери, о которой так же ведется особый рассказ в учебном пособии А.В. Бородиной (5, 242 – 246).

Удивительна судьба этой зауральской иконы. Она приплыла в село Чимеево по реке Нияп, притоку Тобола.

В архивах сохранились описания этого чуда: «Однажды в конце весеннего половодья, под красными лучами предзакатного солнышка кто-то из деревенских увидел, как на выходе реки из деревни возле тонких ветвей склоненных ивовых кустов кружила воронка. В ней величаво покачивалась на волне большая черная доска. При очередном своем развороте, когда доска немного наклонилась, стоявшие на берегу увидели необыкновенно большие, выразительные глаза Божией Матери. Взгляд этот обжег собравшихся невещественным небесным светом...» Так впервые была обретена чимеевская икона Божией Матери «Казанская» (8, 16-17).

Чимеевские старожилы хранят предание о том, что когда в селе сгорел первый храм, построенный в честь царицы Елены 5 ноября 1770 года, то село замерло от горя, люди ощущали сиротство, оставленность, боялись подходить к пепелищу, но образ Казанской Божией Матери нашли на пепелище единственно сохранившимся. Ребенок, случайно забредший на пепелище, споткнулся обо что-то твердое. Разгребая пепел, увидел просиявший лик Чудотворной. Икона оказалась целой и невредимой! Только опалился верхний угол, да доска потемнела. Следы ожогов и сейчас можно увидеть на правой щеке образа Пресвятой Богородицы. Это было второе чудесное обретение иконы. С тех пор ее любовно и ласково называют Чернолицой Божией Матерью» (8, 16-17).

В марте 2004 года по ходатайству преосвященного Михаила, епископа Курганского и Шадринского, Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил внести чимеевскую святыню в православный месяцеслов как чудотворный список с Казанской иконы Божией Матери (8, 17).

Не менее значимым с точки зрения выявления исторических связей нашего края с Россией выступает и то, что в Зауралье православие пришло после присоединения его к европейской части нашей огромной страны. Сохранение традиций православной культуры на новой территории – очень интересное направление и для более глубокого изучения православной культуры нашего края и всего государства, и для формирования чувства единства русской культуры. Приведем примеры: Далматовский кремль продолжил собой защитную линию обороны, возводимую на границах вновь присоединенных земель.

История возникновения на этом месте монастыря также оказывается достаточно типичной для русских земель. В данном случае было бы интересно присмотреться к названию, данному монастырю: Свято – Успенский.

Возникает возможность представить зауральский монастырь как вклад населения края в дальнейшее развитие общероссийских православных традиций. Достаточно открыть «Славянскую энциклопедию» (9, 566), чтобы увидеть в ней описание 7 крупнейших на Руси мужских монастырей во имя Успения Пресвятой Богородицы. Учитель может так построить урок, что дети узнают и что такое Успение Пресвятой Богородицы, и что такое монастырь в жизни русского народа и государства, и как выбиралось название для монастыря, и почему так почитаемая была Пресвятая Богородица, и, разумеется, какое место в общем монастырском деле занял со временем наш Далматовский Свято-Успенский монастырь.

Учебник А.В. Бородиной (5) не затрагивает весьма показательные элементы православной культуры, которые имеют в нашем крае немало интересных памятников (что вполне естественно, так как он ограничен необходимостью осветить огромный материал). Назовем только три типа памятников православной культуры и подтвердим свою мысль соответствующими фактами: часовня, святой источник, рака с мощами святого. Интересны эти явления тем, что они во многом стали порождением более активного развития православных традиций на местах. Так произошло и в нашем крае.

Самыми известными святыми источниками в Зауралье являются Далматовский и Чимеевский. Вот какая история одного из них – Далматовского.

С глубокой древности воде приписывался творческий божественный характер. Не удивительно, что в христианстве придается воде такое значение. Особым почитанием пользуются так называемые святые источники – это возникновение новых родников в местах, связанных с появлением чудотворных икон, особо чтимых храмов, монастырей. Особенно часто отмечается возникновение источников рядом или прямо на территории монастырей. Так было и истории нашего края. Далеко славился святой источник рядом с Далматовским Свято-Успенским монастырем. Ни один паломник, а их были тысячи, не уходил от стен монастыря святого Далмата, чтобы не побывать на святом источнике и не испить этой чудотворной воды.

Однако за годы разрушения монастыря источник был не просто забыт, а загажен, завален всяким мусором. Со временем он просто исчез.

Но вот чудо: после того, как монастырь начал оживать, восстанавливаться, недалеко от древнего родника у подножия холма, на котором расположен монастырь, забил новый родник. Весть о возрождении святого источника тут же облетела всю округу. Источник обустроили. Сейчас началось паломничество уже к новому источнику – роднику (10, 215-216).

Часовни ведут свое начало из глубокой древности христианского мира. Они представляют собой небольшие постройки для общественной молитвы с иконами, но без алтаря. Часовни устраивались на вновь осваиваемых или в особо памятных местах, на кладбищах, в местах, озаменованных какой-нибудь милостью Божией или важными событиями церковно-государственной жизни. Они нередко первоначально заменяли собой каменные храмы, так как были более доступны для строительства, особенно во вновь обживаемых местах. Они могут ставиться первоначально на месте будущего храма, на перекрестке дорог. При заселении новых мест храмов было мало, их заменяли часовни.

В Зауралье известны многие сохранившиеся с давних пор часовенки, сейчас появились и новые, что свидетельствует о продолжении существовавших с древних времен христианского мира традиций. Рассказ о часовнях Зауралья – это знакомство детей с разнообразными формами проявления православной культуры, с конкретными культурными памятниками малой Родины.

Другой не менее древней традицией в православии является почитание мощей. Мощи – тела или останки тел святых христианской церкви, оставшиеся после их смерти. В христианстве сложилась традиция помещать мощи святых в особое помещение, называемое рака, что соответствует русскому слову гробница (не следует смешивать со словом «гроб») (11, 232).

Обращаясь к православной культуре Зауралья, просто невозможно оставить без внимания мощи основателя Свято – Успенского монастыря Далмата, возведенного в сан местночтимого святого. История их обретения уже в конце XX века полна драматизма и уважения к людям, взявшим на себя труд по их спасению. Вот несколько слов об этом событии: одной из важнейших задач, которые встали перед православными после возрождения монастыря, являлось обречение мощей святого Далмата. По благословлению епископа Курганского и Шадринского научно-археологические работы по обретению мощей преподобного Далмата начались 11 июля 1994 года. Когда склеп был обнаружен, выяснилось, что он находился под бетонным полом одного из подсобных помещений. Так его пытались спрятать в годы советской власти от верующих. Однако при обследовании зафиксировали, что склеп с захоронением преподобного Далмата сооружен был по всем правилам строительного искусства. Мощи Далмата обнаружили уложенными в колоду, которая была обернута в бересту. По остаткам одежды стало ясно, что погребен был Далмат по монашескому обряду. С соблюдением соответствующих церковных обрядов произошло перенесение мощей преподобного Далмата из усыпальницы в Скорбященскую церковь, где его поместили в деревянной резной раке (специальная украшенная гробница, в которой находятся мощи святого). Рака имеет вид ковчега с художественной отделкой и иконописным изображением святого на верхней доске. В храме рака находится на специальном возвышении (10, 208-211). Обречение мощей святого Далмата стало началом возрождения оскверненного и обезображенного монастыря как очага духовной культуры.

Следующим чрезвычайно позитивным моментом в изучении местной православной культуры является то, что практически любой из памятников ученик имеет возможность посетить, познакомиться в реальном времени. Как будет происходить это знакомство – в поездках на каникулах, в форме уроков на местах – это определяется самим учителем. Важно, чтобы учитель помог ученику многие памятники увидеть воочию. Тогда православная культура, причем не только местная, но и всероссийская, станет для ученика реальной, живой, воспитывающей и его ум, и его душу, даже когда идет речь о ребенке из семьи, не принадлежащей к православию. Ведь приобщение к религии не может, как мы уже говорили, быть задачей школьных курсов.

Исходя из светского характера курса по изучению православной культуры, следует отметить еще один важный, на наш взгляд, аспект изучения православной культуры – привлечение в процессе изучения православной культуры светских учреждений. Речь идет о художественном и краеведческом музеях, об областной научной библиотеке им. Югова. Это важно в двух аспектах. Первое – при освоении материала учебного пособия А.В. Бородин

ной детям предлагается история икон как явления православной культуры и как конкретных памятников православия (5). Первое знакомство ученика с законами писания икон, их особым неповторимым художественным языком просто необходимо проводить в залах музея на примерах реальных, живых памятников иконописи, тем более Курганский областной художественный музей обладает сегодня весьма интересной коллекцией уральских и сибирских икон. Второй аспект – в наших храмах практически нет икон так называемого «старого письма». Исключение составляет несколько чудотворных икон, находящихся в некоторых храмах. Художественный музей поможет, как мы отмечали выше, учителю восполнить этот пробел – представить сохранившиеся и восстанавливаемые сейчас работниками музея иконы из разрушенных храмов, собираемых по глухим деревням и приносимых в дар музею.

Такую же помощь учителю может оказать и Курганский краеведческий музей. Он собрал и сохранил интересную коллекцию рукописных и старопечатных книг, прекрасно оформленных, дающих представление об искусстве церковной книги вообще и о книгах, существовавших в храмовых и монастырских библиотеках.

И Курганский областной художественный музей, и Курганский областной краеведческий музей, и Областная научная библиотека им. Югова уже разработали и проводят экскурсии, которые могут использоваться учителем при изучении православной культуры.

Следующий момент, о котором, на наш взгляд, следует вести речь, может быть отнесен к структуре самого учебного пособия вообще, а не к теме, заявленной нами: это глоссарий. Сам по себе материал настолько непривычен, не освоен даже старшим поколением, что это требует особого разговора. Беглый взгляд на учебное пособие А.В. Бородиной (5) показывает, что автор уделяет большое внимание расширению понятийного и словарного запаса учащихся. После каждой темы выделяются новые слова и понятия. Однако специального глоссария в конце учебного пособия нет. В самом же учебном тексте далеко не всегда можно четко выделить определения выделенных слов и понятий. В данном случае я не ставлю своей задачей критику пособия. Вопрос заключается в том, что для успешного освоения православной культуры учебного пособия будет явно недостаточно. Сейчас появилась интересная, разнообразная литература. Однако тиражи этих изданий минимальные, что нельзя сказать о ценах. Следует помнить и то, что пособие предназначено для учащихся средних и старших ступеней школы. Исходя из вышесказанного, глоссарий, вероятно, следует подготовить и издать приложением к учебному пособию по православной культуре Зауралья. Объем, структура и т.д. может обсуждаться, уточняться, но на сегодняшний день он нужен.

Вопрос об особенностях развития православной культуры Зауралья требует особого рассмотрения.

Мы до сих пор подчеркивали единство, неразрывность православной культуры нашего края с общероссийской православной культурой. Однако возникает вопрос – если она не имеет своих особенностей, стоит ли тратить время на ее изучение?

Зауралье мило нам и тем, что вобрало в себя все богатство истории, культуры, традиций России, ее народа. Но вполне естественным является желание знать и те моменты истории, культуры, развития православия и памятников, которые есть только у твоей малой Родины. С этим должен быть знаком каждый житель Зауралья. Эти моменты обязательно должны найти отражение в учебном пособии по истории православной культуры на-

шего края.

Таких фактов, примеров, памятников материальной культуры, рассказывающих о проникновении и активном развитии православия в наших краях достаточно для того, чтобы в пособии можно было четко и ярко провести эти идеи.

Безусловным доказательством этого является история Далматовского мужского монастыря. На его примере учитель может не только убедительно показать роль монастырей в духовной, культурной, экономической жизни народа, но особую гордость вызовет исторически доказанное положение Далматовского мужского Свято-Успенского монастыря во всей великой Сибири. По данным исторических архивов наш монастырь в XIX веке стал крупнейшим монастырем за Уралом (10, 56-57).

При рассказе о возникновении монастыря и при освещении развития православия на вновь присоединенных к Российской империи землях, безусловно, юные зауральцы должны услышать, что ко времени вхождения нашего края в мощное государство в православии уже существовали святые, чье почитание было особо глубоко именно в Сибири. Одним из таких святых стал св. праведный Симеон Верхотурский, который укреплял в вере и поучал благочестию новообращенных инородцев. Его мощи в 1704 году были перенесены в Верхотурский Николаевский монастырь (12, 564). Именно этот святой и стал особым покровителем жителей Сибири и наиболее почитаемым святым в наших краях.

Однако активное приобщение к православию как важнейшей для русского народа духовной форме жизни со временем дало и «своих» святых, признанных сегодня официально сибирскими святыми. Среди них важное место занимает основатель Свято-Успенского мужского монастыря Далмат. Это всеми почитаемая историческая личность, знать которую следует каждому жителю нашего края.

Чрезвычайно самобытными в развитии православной культуры стали истории появления чудотворных икон. Как правило, кроме общероссийских чудотворных икон в каждом крае существуют местные. Богато такими иконами и наше Зауралье. Может быть и не все из них запомнятся изучающим православную культуру учащимся, однако само осознание самобытности «местной» православной культуры, безусловно, обогатит чувство уважения к своему краю.

Думаю, что приведено достаточно аргументов в пользу необходимости показа при знакомстве учащихся с православной культурой Зауралья не только в единстве ее с российским православием, но и выявления самобытности православной культуры нашего края, ее удивительной переплетенности с духовной жизнью народа, его бытом, мировосприятием, отношением к православию как неотъемлемой части его жизни.

Последняя проблема, на которую мы хотели бы обратить внимание - процесс преподавания курса: изучать ли его непосредственно в основном курсе (5) или строить как самостоятельный курс, изучаемый после основного факультативного курса по православной культуре. Оба эти подхода имеют право на существование.

На наш взгляд, предпочтительнее изучение православной культуры Зауралья как самостоятельного факультативного курса. Что позволяет отдать предпочтение именно такому подходу?

- учебный курс, если он опирается на пособие А.В. Бородиной (5), не использует исторический подход к изучению материала, что вполне оправдано и богатством, и сложностью истории культуры православия;

- православная культура нашего края настолько бо-

гата и интересна сама по себе, что на уже имеющемся материале складывается целостный учебный курс, который может познакомить учащихся с самобытным православием - культурным комплексом родного края;

- ведение учебного курса как самостоятельного краеведческого курса дает большую свободу учителю, так как самостоятельному курсу отводится и больше учебного времени, учитель может более полно использовать возможности, предоставляемые близостью с изучаемыми памятниками культуры, возможности организации уроков - экскурсий, поездок на каникулах и т.д.;

- в ходе изучения краеведческого курса идет опора на уже изученный материал основного курса, в результате чего знания основного курса повторяются, углубляются и расширяются. В итоге краеведческий курс также осваивается более осознанно, систематизируется, возникает более полное представление об изучаемом предмете.

Проблема, к рассмотрению которой мы обратились, имеет и другой аспект: в каком ключе изучать православную культуру Зауралья?

- изучать православную культуру нашего края хронологический, в соответствии с тем, когда возник тот или иной населенный пункт, когда был построен храм, когда был перестроен и т.д.;

- изучать православную культуру по видам церковного искусства: архитектура, иконопись, фресковая живопись, искусство книги, церковная музыка и т.д.;

- изучать православную культуру как географически сложившиеся комплексы населенных пунктов нашего края, причем далеко не всегда самых крупных;

Каждый из предложенных подходов имеет свои преимущества и свои сложности. Хронологический подход, с одной стороны, позволит проследить процесс внесения, закрепления и развития православной культуры в Зауралье после присоединения к Российской империи. Позволит увидеть, например, связь между развитием культуры и экономики и т.д. С другой стороны, такой подход во многом разбивает целостное восприятие исторически складывавшегося культурного комплекса. Кроме того, хронологический подход затруднит для учащихся понимание специфики такого явления, как православная культура, так как во многих моментах он повторит курс исторического краеведения.

Изучение православной культуры по видам искусства осложнено рядом обстоятельств. Это слабая изученность особенностей архитектурного стиля, иконописи, искусства церковной книги, церковного пения, колокольного звона именно в нашем крае. Да, памятники есть, но если говорить об архитектурных сооружениях, то основная их часть лежит еще, что называется, в руинах. Объектов для серьезного искусствоведческого изучения явно недостаточно. Иконы, атрибутированные как иконы местного происхождения, также практически отсутствуют. То же самое можно сказать о церковных книгах и о церковной музыке. Думается, что пройдет время и белые пятна в истории православной культуры Зауралья будут исследованы более серьезно. Вероятно, со временем такой подход вполне может быть использован в приобщении молодого поколения к наследству предков в данной сложной, но интересной области.

На сегодняшний день наиболее эффективным видится изучение комплексов православной культуры, сложившихся в тех или иных населенных пунктах Курганской области. Следует отметить, что не всегда это крупные города области, есть и небольшие села. В качестве доказательства приведем два исторически сложившихся и существующих в настоящее время комплекса православной культуры.

Город Далматово. В данный комплекс православной культуры входят:

1. Далматовский кремль.
2. Далматовский Свято-Успенский мужской монастырь.
3. Рака с мощами преподобного Далмата.
4. Храм Богоматери «Всех скорбящих радости».
5. Чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радости».
6. Далматовская часовня во имя чудесного спасения Александра III.
7. Далматовский святой источник.
8. Николаевская церковь.

Село Чимеево Белозерского района. В данный комплекс православной культуры входят:

1. Чимеевский храм во имя Казанской Божией Матери.
2. Чимеевская чудотворная икона Пресвятой Богородицы Казанская–Чемеевская.
3. Иконостас храма во имя Казанской Божией Матери.
4. Часовня на месте обретения чудотворной иконы Пресвятой Богородицы Казанской–Чемеевской.
5. Чимеевский Казанско-Богородицкий мужской монастырь.
6. Чимеевский святой источник.
7. Часовня при святом источнике.

Итак, православная культура Зауралья на сегодняшний день может стать особым предметом изучения в школах нашей области. Ее рассмотрение решает целый ряд образовательных, а главное воспитательных задач в современном обществе.

Наиболее эффективно ее рассмотрение при учете следующих принципов подхода:

- разработка самостоятельного факультативного курса;
- изучение курса должно иметь светский характер, что соответствует Конституции Российской Федерации и Федеральному закону «Об образовании»;
- изучение православной культуры Зауралья в неразрывной связи с историей православной культуры всей России;
- выявление особенностей православной культуры Зауралья;
- знакомство учащихся с местными памятниками православия в «живую», в личном с ними общении;
- привлечение в процессе изучения православной культуры Зауралья светских учреждений нашего края;
- изучение православной культуры по исторически сложившимся центрам – комплексам Зауралья (там где на сегодняшний день присутствует несколько объектов, которые и составляют культурно – православный комплекс);
- составление и публикация в учебном пособии специального глоссария для учащихся.

Православная культура на сегодняшний день достаточно изучена для того, чтобы разработать учебное пособие по курсу православной культуры Зауралья опираясь на данные научных исследований. В статье мы предложили принципы, которые, на наш взгляд, должны лечь в основу изучения православной культуры Зауралья и, следовательно, программы факультативного курса и учебного пособия.

Кроме создания учебного пособия, возникает необходимость разработки методического пособия для учителя, который будет вести преподавание этого факультатива, а также подготовки самого учителя к ведению подобного курса. Это задачи, которые могут решать совместно Курганский государственный университет, Главное уп-

равление народного образования Курганской области и центры по переподготовке учителей г. Кургана и области.

Список литературы

1. Бородина А.В. Основы православной культуры: Учебное пособие для основной и старшей ступеней общеобразовательных школ, лицеев, гимназий. - М., 2003; История религий: Учебное пособие для общеобразовательных учреждений (Вариант с расширенным изучением христианства)/ Под ред. А.Н. Сахарова. - М., 2007 и др.
2. Бутакова М.В. Церковь и Зауралье в XVII – XIX в.в. Земля Кураганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып. 19. - Курган, 1997; Васильева А.М. Забытый Курган. - Курган: Изд-во «Зауралье», 1997; Зайцева Л.Ю. Русская православная церковь// История Кураганской области. - Курган: Изд-во «Зауралье», 1998. - Т.4. - 488 с.; История культуры Южного Зауралья: В 3 т. - Курган: Изд-во Кураганского ун-та, 2004 - 2006; Пашков А.А. Свято – Успенский Далматовский мужской монастырь. – Шадринск: ПО «Исеть», 2000. - 415 с.; Федченко М.Н. Русская православная церковь на территории Кураганской области (1943 - начало 2000-х годов). - Курган, 2006 и др.
3. Комментарии к Закону Российской Федерации «Об образовании». - М., 1998.
4. Конституция Российской Федерации: Научно-практические комментарии. - М., 1997.
5. Бородина А.В. Основы православной культуры: Учебное пособие для основной и старшей ступеней общеобразовательных школ, лицеев, гимназий. - М., 2003.
6. Лорер Н.И. Записки декабристов. - Иркутск, 1984.
7. Назимов М.А. Письма и статьи. - Иркутск, 1985.
8. Чудотворная Чимеевская. Историческая справка//Звонница. - Курган. - 2004. - № 26.
9. Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: В 2 т. - М., 2003.- Т.2.
10. Пашков А.А. Свято – Успенский Далматовский мужской монастырь. – Шадринск: ПО «Исеть», 2000. - С. 215 – 216.
11. Словарь православной церковной культуры.- М., 2008.
12. Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. - М., 1995. - Т.3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Валерий Александрович - старший преподаватель кафедры всеобщей истории Курганского государственного университета

Архипов Борис Владимирович - старший преподаватель кафедры отечественной истории Курганского государственного университета

Бакарджиев Ян Владимирович - кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Курганского государственного университета

Бочкарева Светлана Владимировна - аспирантка кафедры философии Курганского государственного университета

Бритвина Ирина Борисовна - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Курганского государственного университета

Варламова Зинаида Николаевна - кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Курганского государственного университета

Васильева Ольга Евгеньевна - кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и маркетинга Курганского государственного университета

Васильев Игорь Евгеньевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Уральского государственного университета им А.М. Горького

Володина Елена Васильевна - доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и маркетинга Курганского государственного университета

Гришкова Лилия Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета

Жайкбаев Жанбек Садыкович - кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Курганского государственного университета

Зайцева Любовь Юрьевна - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всемирной истории Шадринского пединститута

Зотова Нина Николаевна - кандидат экономических наук, зав. кафедрой анализа, бухучета и аудита Курганского государственного университета

Казенас Оксана Анатольевна - кандидат педагогических наук, зав. кафедрой французской филологии Курганского государственного университета

Кишкин Олег Васильевич - старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Курганского государственного университета

Колесников Николай Александрович - старший преподаватель кафедры всеобщей истории Курганского государственного университета

Косова Светлана Александровна - кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и маркетинга Курганского государственного университета

Комаров Константин Маркович - студент четвертого курса филологического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Красиков Владимир Иванович - доктор философских наук, профессор кафедры философии Кемеровского государственного университета

Кудрина Наталья Викторовна - старший преподаватель кафедры русского языка Курганского государственного университета

Леготина Наталия Александровна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии Курганского государственного университета

Миляшкина Лариса Владимировна - старший преподаватель кафедры всеобщей истории Курганского государственного университета

Миронова Валентина Сергеевна - кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и маркетинга Курганского государственного университета

Прокопьева Марина Юрьевна - соискатель кафедры философии Курганского государственного университета

Савелова Евгения Валерьевна - кандидат культурологии, доцент, старший научный сотрудник кафедры литературы и культурологии Дальневосточного государственного гуманитарного университета, г. Хабаровск

Салийчук Василий Филиппович - кандидат экономических наук, зав. кафедрой таможенного дела и коммерции Курганского государственного университета

Семенов Вячеслав Михайлович - заслуженный экономист РФ, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и маркетинга Курганского государственного университета

Синченко Георгий Чонгарович - доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Смакотина Тамара Михайловна - кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков естественно-научных специальностей Курганского государственного университета

Степанова Инга Николаевна - доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Курганского государственного университета

Черницына Светлана Алексеевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета

Чепелюк Наталья Яковлевна - кандидат экономических наук, зав. кафедрой финансов и кредита, декан экономического факультета Курганского государственного университета

Чепис Елена Владимировна - старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Курганского государственного университета

Шалютин Борис Соломонович - доктор философских наук, профессор кафедры философии Курганского государственного университета

Шутова Елена Викторовна - аспирантка кафедры философии Курганского государственного университета

Усольцев Евгений Григорьевич - кандидат технических наук, профессор кафедры менеджмента Уральского социально-экономического института Академии труда и социальных отношений, г. Челябинск

Янович Галина Васильевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Курганского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Гришкова Л.В. КОНЦЕПТ МЕССИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА	3
Казенас О.А. ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ DIEU (Бор)	6
Кудрина Н.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ – НАИМЕНОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ	9
Смакотина Т.М. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ	12
Черницына С.А. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛА ВИЛКИНО ЮРГАМЫШСКОГО РАЙОНА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам диалектологической практики студентов-филологов 2008)	15
Васильев И. Е., Комаров К.М. МАЯКОВСКИЙ И РЕМБО (к проблеме типологических схождений)	18

ЭКОНОМИКА

Варламова З.Н. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ЗНАНИЕМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ	22
Васильева О.Е. ИМИДЖЕВАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	25
Володина Е.В., Косова С.А., Васильева О.Е. МАРКЕТИНГОВАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ	27
Зотова Н.Н. АУДИТ И ОЦЕНКА НЕПРЕРЫВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ	30
Косова С.А. РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ МАРКЕТИНГ–МЕНЕДЖМЕНТА	33
Миронова В.С. КЛАССИФИКАЦИЯ ИННОВАЦИЙ В РАЗРЕЗЕ КОНЕЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ	37
Салийчук В.Ф. О ДИНАМИКЕ МНОГОКОЛОННОСТИ ИМПОРТНОГО ТАМОЖЕННОГО ТАРИФА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (в порядке постановки)	40
Семенов В.М. КЛАСТЕРЫ В СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	42
Чепелюк Н.Я. ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К МЕНЕДЖМЕНТУ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	45
Усольцев Е.Г. УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ: КАК ЖЕ ЭТО ПОНИМАТЬ,	48

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ. ФИЛОСОФИЯ

Алексеев В.А. К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ К ИНОВЕРЦАМ В КОРАНИЧЕСКИХ ОТКРОВЕНИЯХ (заметки на полях исламо-христианского диалога)	54
Архипов Б.В., Леготина Н.А. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В СТАРШИХ КЛАССАХ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ	56
Бакарджиев Я.В. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СИСТЕМНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	59
Бочкарева С.В. ПОСЛОВИЦЫ НАРОДОВ АНГЛИИ И РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ ДВУХ СТРАН (опыт исследования)	61
Бритвина И.Б. ДИСПРОПОРЦИИ СФЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И РЫНКА ТРУДА	65
Зайцева Л.Ю. ГАРМОНИЯ В ИСТОРИИ, ЕЁ ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ	67
Жайкбаев Ж.С. СИСТЕМА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	69

Кишкин О.В.	
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН (аллюзия в статье 18 Конституции РФ)	70
Колесников Н.А.	
БАЛАНС СИЛ В РАЗВИТИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	71
Красиков В.И.	
КТО И КАК ДЕЛАЕТ СЕГОДНЯ ФИЛОСОФИЮ В РОССИИ?	74
Красиков В.И.	
МУЖСКОЙ ШОВИНИЗМ И ФЕМИНИЗМ КАК ФОРМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОПРАВДАНИЯ НАСИЛИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ	76
Миляшкина Л.В.	
НЕСПОСОБНОСТЬ К БЫТИЮ	84
Миляшкина Л.В.	
ТАЛАНТЫ, ПОКЛОННИКИ И НЕСМЕЮЩИЙСЯ СМЕХ	90
Савелова Е.В.	
МИФ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ: КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ	94
Синченко Г.Ч.	
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЗАРЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	97
Степанова И.Н.	
АРХЕТИП «ЧЕЛОВЕК-ДРОБЬ» В МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ ЗНАНИИ	104
Прокопьева М.Ю.	
НИЧТО ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	109
Шалютин Б.С.	
ТЕЗИСЫ О ПРИРОДЕ ЗАКОНА И ОБ ЭМЕРДЖЕНТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ	111
Шалютин Б.С.	
МЕНТАЛЬНОЕ И МАТЕРИАЛЬНОЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ ПОДХОДОВ	119
Шутова Е.В.	
АРХЕТИПЫ «ДОМ» И «БЕЗДОМЬЕ» В МИФОЛОГИИ, ЭПОСЕ И ФОЛЬКЛОРЕ	121
Чепис Е.В.	
ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ТОРГОВОГО ОБЫЧАЯ И ЗАКОНА	124
Янович Г.В.	
К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ	126
Сведения об авторах	132

КУРГАНСКОГО № 4 (14)
ГОСУДАРСТВЕННОГО 2008
УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 4

д-р филос. наук, проф. **Б.С. Шалютин** - главный редактор
д-р филол. наук **Е.Р. Ратушная**
д-р экон. наук, проф., заслуженный экономист РСФСР **В.М. Семенов**

Редактор: Н.Л. Попова

Бумага тип. №1
Уч.-изд. л. 17,00
Цена свободная

ВЕСТНИК КГУ, 2008. №4